

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Полное
собрание
сочинений

Полное
собрание
сочинений

Астрид
Линдгрэн

Приключения
Кати

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Полное собрание сочинений

Приключения Кати

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука-классика"

2002

УДК 82-93
ББК 84.4 Шв
Л 59

Автор проекта Л. Ю. Брауде

© Astrid Lindgren. Kati i Amerika, 1950;
Kati på Kaptensgatån, 1952; Kati i Paris, 1953
First published by Albert Bonniers Förlag, Stockholm

Издатели выражают благодарность
госпоже Черстин Квинт (KERSTIN KVINT)
за помощь в приобретении прав
на произведения А. Линдгрен

Оформление Вадима Пожидаева

Художник Виктор Боковня

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

Линдгрен А.

Л 59 Собрание сочинений: В 10 т. Приключения Кати /
Пер. со шв. Л. Брауде. — СПб.: Азбука-классика, 2002. —
496 с.

ISBN 5-352-00056-7

ISBN 5-352-00134-2

Три повести всемирно известной шведской писательницы Астрид Линдгрен (1907 — 2002) посвящены приключениям юной жизнерадостной Кати из Стокгольма. Веселому обаянию этой героини, устремившейся в путешествия, покоряются не только различные города и страны, но и «прекрасный шведский принц», которого Кати поначалу приняла за потомка Казановы.

ISBN 5-352-00056-7
ISBN 5-352-00134-2

© Л. Брауде, перевод, 1999
© Л. Брауде, статья, примечания, 1999
© «Азбука-классика», 2002

Кати путешествует

28 января 2002 года. Швецию и весь читающий мир, детей и взрослых, постигло большое горе. Скончалась АСТРИД ЛИНДГРЕН, великий детский писатель-гуманист, один из последних классиков XX века.

Все знали, что Линдгрэн 94 года, что она тяжело больна, тем не менее весть о ее смерти потрясла многие сердца. К дому 46 на улице Далагатан в центре Стокгольма, где жила писательница, потянулись дети и взрослые. И вскоре там выросли, как писали газеты, толпы «молчаливо стоявших в прощальную снежную метель». Вырастала гора цветов и писем, обращенных к Линдгрэн, кто-то зажег свечи, кто-то положил куклу Пиппи Длинныйчулок.

Корреспонденты газет задавали вопросы друзьям и близким, выдающимся современникам Линдгрэн и просто прохожим на улицах столицы Швеции — взрослым и детям. И те охотно делились своими мыслями о писательнице.

«Сказке об Астрид пришел конец», — писала одна из газет. Не стало человека, без которого немислима жизнь, человека, постоянно говорившего людям, кто они и какими им должно быть.

Линдгрэн всем своим существом и всей своей деятельностью напоминала людям, что значит быть человеком и какие обязательства это влечет за собой.

«Она держала в руках наши детские сердца, она рисовала, каким должно быть детство ребенка», — сказал один из ближайших друзей Астрид писатель Леннарт Фрик.

Некоторые друзья Линдгрена — известные писатели Леннарт Хельсинг, П. О. Энквист и другие говорили о ее доброте, отмечали, что ни один человек за столь долгий срок не создал столько книг такого высокого уровня.

Астрид Линдгрена, согласно ее желанию, похоронили в ее родном городе Виммербю рядом с родителями, в присутствии семьи — сестры Стины Хергин, дочери Карин Нюман, внуков и правнуков, — близких родственников и друзей.

В Швеции выпущена серия почтовых марок с изображением Астрид Линдгрена и шести самых популярных героев ее книг. Раздаются голоса о присуждении писательнице Нобелевской премии (посмертно). Последнее предложение: разделить эту премию между Астрид Линдгреной и финляндской писательницей, еще одним великим классиком XX века, Туве Янссон.

* * *

В своем послании прессе король Швеции Карл XVI Густав писал, что для его семьи и для него самого встречи с Астрид Линдгреной как в действительности, так и в ее сказках были праздничными. Он отмечал также международное признание творчества шведской писательницы: «Астрид Линдгрена благодаря своему уникальному творчеству имела огромное значение для всех нас, детей и взрослых. Не только в Швеции, но и во всем мире ее произведения очаровывали и возбуждали умы всех ее читателей».

В посольствах и консульствах разных стран мира приходили люди и расписывались в траурных книгах. Печальные отклики на смерть шведской писательницы поступили из Голландии, России, Америки, Египта и других стран.

В России 28 января информация об этом событии мелькала в передачах на всех каналах телевидения и радио. Множество газет поместило материалы об Астрид Линдгреной и ее портреты.

Автору этих строк, имевшей счастье знать Астрид Линдгрэн и быть ее другом, многократно встречавшейся с ней, пришлось дать в день смерти писательницы и на завтра более десяти интервью разным газетам (а также ТАСС), радио и телевидению и шведской газете «Афтонбладет».

Смерть Линдгрэн была тяжелым ударом для автора этой статьи. Нас связывало сорок лет творческой и личной дружбы. Я любила и люблю Астрид — восхитительного, обаятельнейшего, доброго и сердечного человека. Я горжусь тем, что была современницей этой писательницы, интерпретатором и переводчицей ее произведений, своего рода соавтором, что голос ее звучал в моих книгах и статьях, а благодаря моим трудам многие ее герои заговорили по-русски.

Гордилась я и горжусь также тем, что в 1989 году дети — читатели журнала «Искорка» — присудили Астрид Линдгрэн и мне читательские медали журнала. Астрид — за ее сказки, мне — за их переводы на русский язык.

Большая для меня честь стать в 1990 году лауреатом Международной премии Линдгрэн.

Работа над переводами, над собственными книгами и статьями об Астрид Линдгрэн — большая часть моей биографии, жизненной и творческой.

И в XXI, и во всех последующих веках останутся нетленными вечные жизненные ценности, присущие и векам минувшим: любовь к жизни, к людям, к планете, на которой обитаешь, и отдельно — безмерная доброта и любовь к детям и к природе, писательский талант, неиссякаемый юмор и многое-многое другое.

По-прежнему будут веселить детей и взрослых, заставляя их задумываться Малыш и Карлссон, Пиппи Длинныйчулок, Калле Блумквист, Малышка Чёрвен, дети с улицы Бузотеров, Мио, Ронья, дочь разбойника, Братья Львиное Сердце и другие герои Астрид Линдгрэн. И по-прежнему с восторгом и уважением станут повторять ее имя дети и взрослые XXI века.

Однако не всем известно, что Астрид Линдгрэн принадлежат пять книг для девочек-подростков. Читатели

России недавно познакомились с повестями «Бритт Мари изливает душу» (1944) и «Черстин и я» (1945), впервые переведенными на русский язык и опубликованными издательством «Азбука».

В настоящем томе объединены три ранние повести Линдгрен, впервые предлагаемые читателям нашей страны: «Кати в Америке» (1950), «Кати в Италии» (1952) и «Кати в Париже» (1953).

Что представляют собой книги о Кати?

Что это — книги для девочек или описания путешествий? Отзывы критиков и читателей, хотя и не очень многочисленные, были самыми разными. Некоторые безоговорочно утверждали, что это веселые и даже очень веселые книги для девочек. Другие обращали внимание на то, что это одни из самых забавных описаний путешествий, какие они только читали. Большинство рецензентов видело в этих книгах элементы путеводителя.

Сама Линдгрен предварительно печатала их в виде серии статей в журнале «Мир дам», где читательницы получали советы, как воспитывать детей, как шить детскую одежду, выбирать прислугу, давать обеды и т. д. Была там и рубрика для девочек-подростков.

Позднее издатели хотели, чтобы «Кати в Америке» была детской книгой, сама же Астрид представляла себе взрослых читателей. И, учитывая ее пожелания, старейшее издательство Швеции «Бонньер» опубликовало ее как книгу для взрослых. Но вот критик Маргарета Шёгрэн, обращаясь к родителям девочек-подростков, пишет: «А вы хотите подарить дочери на Рождество книгу для девочек? Подарите ей „Кати на улице Каптенсгатан“»¹.

Что же все-таки представляют собой эти книги?

Думается, Линдгрен создала удивительный синтез книги для девочек и девушек — в форме беллетризованного описания путешествия.

¹ Книга «Кати в Италии» первоначально называлась «Кати на улице Каптенсгатан».

И так как в этих произведениях описание путешествий составляет львиную долю текста, а все три книги образуют трилогию с главной героиней Кати, то вторая повесть была переименована из «Кати на улице Каптенсгатан» в «Кати в Италии».

Во всех трех книгах рассказывается о судьбе молодой девушки — интеллектуальной, начитанной, остроумной, вначале совсем не знающей жизни и опекаемой Тетушкой. Но постепенно взрослеющей и растущей духовно, чему чрезвычайно способствуют путешествия.

Кати, как и многие молодые люди Швеции после Второй мировой войны, когда распаиваются границы Швеции, узнает мир, узнает людей и становится все более зрелым человеком.

Веселая легкомысленная девушка начинает серьезно задумываться над вопросами бытия, и в конце трилогии — это уже серьезный человек, любящий книги и искусство, человек, способный оценить все, что видит, и понять, чего бы ему хотелось, человек, познавший муки неразделенной и счастье разделенной любви и счастье материнства.

«Кати в Америке», «Кати на улице Каптенсгатан» («Кати в Италии») и «Кати в Париже» показывают две стороны жизни шведской молодежи: службу в офисе и путешествия. Вслед за героиней этих книг — двадцатидвухлетней машинисткой Кати — читатель оказывается в Америке, Италии и Париже.

Кати собирается в Америку из желания подразнить своего друга, молодого архитектора Яна. И хотя она все время повторяет, что в США занимается «социальными наблюдениями» и изучает «народную жизнь», книга все же представляет собой туристические заметки. В ней много случайностей. Потерянная Кати и найденная богатым американцем мистером Бейтсом туфелька дает возможность девушке ближе изучить Америку. Они с Тетушкой на некоторое время нанимаются в прислуги к мистеру Бейтсу, у которого ушла кухарка. Кати знакомится с бытом богатой американской семьи, а встреча с дочерью мистера Бейтса приводит к дружбе с юным джентльменом

Бобом. Вместе с Бобом и Тетушкой Кати разъезжает по всей Америке на машине, и они узнают разные штаты, людей и их нравы.

Линдгрэн проводит юного читателя по городам и штатам Америки, с большим юмором и симпатией описывает американцев начала 1950-х годов. Кати с легкой завистью отзывается о том, как воспитывают детей в американских школах — в духе непринужденности, самостоятельности и независимости.

Интересен и образ главной героини трилогии Кати — веселой, живой, острой на язык. Вместе с тем Кати обладает ярко выраженным чувством собственного достоинства и не теряет его ни в каких обстоятельствах: ни путешествуя, ни работая горничной, ни развлекаясь в обществе богатой молодежи.

С Кати случается множество приключений. И всегда ей помогают жизнерадостность, чувство юмора, любовь к Тетушке.

Иногда описание приобретает характер сатирический, даже гротесковый, как, например, в обрисовке миссис Бейтс. Образ Тетушки, единственной родственницы Кати, несомненно, навеян чудаками Диккенса. Безгранично любящая племянницу и в то же время отказывающая ей в исполнении малейшего собственного желания, считающая основным методом воспитания ограничение, любящая повторять: «Никогда в жизни! Это мое последнее слово! Только после моей смерти!» — и тут же уступающая, Тетушка — один из самых ярких персонажей книги. Запоминаются и многие попутчики Кати, обрисованные тоже юмористически или сатирически.

В этой книге очень чувствуется стиль Линдгрэн-журналистки, писавшей очерки в газету родного города Виммербю. Здесь сравнительно мало описания и действия.

Этого нельзя сказать о следующей книге — «Кати в Италии», буквально потрясающей читателя картинами страны, чудесных итальянских городов и природы, душевных переживаний Кати, гармонирующих или вступающих в противоречие со всем виденным.

«Кати на улице Каптенсгатан» («Кати в Италии») — вторая часть трилогии — могла бы читаться и самостоятельно. Как и первая повесть, она при некоторой натянутости и искусственности действия носит в основном познавательный характер: знакомит с Италией, с ее главными городами — Римом, Миланом, Венецией, Неаполем. Лучшие романтические страницы книги посвящены Венеции. В описании этих городов, особенно Неаполя, писательница примыкает к традиции Х.-К. Андерсена и М. Андерсена-Нексе. Линдгрэн замечает не только красоты Италии, она не повторяет, как это обычно делают туристы: «Увидеть Неаполь — и умереть!» Ее героиня видит не одни лишь роскошные дворцы, великолепные полотна, мерцающую при свете звезд воду ночных каналов, но и бедность итальянского народа (напомним, что действие повести происходит в послевоенные годы).

В этой части трилогии писательница проводит Кати через все муки любви. Но все оканчивается благополучно, и встреченный девушкой в Италии Леннарт наконец делает Кати предложение.

Кати путешествует вместе с любимой подругой Евой, чей яркий и своеобразный характер очень импонирует читателям.

Книга интересна обрисовкой характеров и других спутников Кати по поездке в Италию, выписанных с едким сарказмом, иронически или гротесково, а также показом дальнейшего развития самой Кати. При всем своем легкомыслии, заставляющем ее в минуты тяжелых душевных переживаний бегать по магазинам, она все же в состоянии понять, что ее чувство к Яну еще не любовь, и находит в себе силы честно сказать ему об этом, хотя надежды на взаимность Леннарта у нее в тот момент нет.

Кати борется за свою любовь и добивается взаимности. Психологически тонко, хотя и несколько традиционно-банально, показаны переживания Кати, решившей, что Леннарт влюблен в Еву, и ее радость, когда она убеждается в своей ошибке.

Не случайно издательство «Рабен и Шёгрен», рекомендуя книгу «Кати в Италии», называет ее хорошей, легко читаемой, веселой и интригующей.

Большой интерес представляет последняя часть трилогии — «Кати в Париже», где замечательно обрисована не только топография великого города (это своеобразный путеводитель по Парижу), но и жизнь молодой семьи в интеллектуальном, социально-психологическом и бытовом плане.

Вместе с Леннартом, за которого она в Париже выходит замуж, и Евой Кати обследует Париж квартал за кварталом. Здесь все знакомо, все описано в тысячах книг, показано в тысячах фильмов и нарисовано в тысячах картин. Но новы чувство свободы и детская радость жизни, которую дарит Париж!

Замечательны картины ночного города, великолепны портреты Леннарта, Евы и самой Кати, обладающей живым воображением и чувством юмора (чего стоит описание примерки шляп!).

Пожалуй, самое важное в этой книге — внутренний монолог Кати, обращенный к новорожденному сыну. Это гимн планете Земля, гимн Жизни. И главное — убеждение в том, что Человек должен был счастливым. Эти мысли красной нитью проходят через все творчество Линдгрена.

Не случайно известное немецкое издательство Ф. Этингера объявило трилогию о Кати «литературной драгоценностью».

Людмила Брауде

Капи в Америке

I

Собственно говоря, виноват был Ян! Я имею в виду, виноват в том, что я отправилась в Америку. Мне надоело, что он вечно зудит, как там, в Штатах, все замечательно! И я решила поехать туда сама и увидеть все собственными глазами.

Ян был в Америке. Был целую неделю... ну ладно, справедливости ради скажем — четырнадцать дней. А вернулся домой величайшим знатоком Америки. О, он мог бы написать докторскую диссертацию об американской общественной жизни, об американской архитектуре, о методах американской коммерции, об американской кухне и об американских женщинах. В особенности об американских женщинах. Невозможно даже представить себе, сколько всевозможных впечатлений удалось ему впитать, пока он там странствовал. Впрочем, может, это был целый месяц! Если ты человек по натуре восприимчивый, тут уж ничего не поделаешь!

Не стану утверждать, что я суперромантична. Но если во время прогулки при лунном свете вдоль мыса Блокхусудден мне читают лекцию об американской архитектуре, меня обуревают лишь одно желание: стать одиноким зверьком в лесу!

Ян — архитектор. Так думает он. Я так не думаю. Маленькие мерзкие квадратные домишки, которые он рисует, и я могла бы нацарапать после обеда.

Иногда я внушаю себе, будто влюблена в Яна. Сам он искренне в этом убежден, чтобы не сказать — совершенно нестерпимо уверен: это так и есть.

Когда Ян, просто выбиваясь из сил, рассказывает, как было в Америке, у меня чаще всего, по излюбленному выражению моей Тетушки, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Но иногда я не могу удержаться, чтобы не подразнить его.

— Милый мой, это ведь, пожалуй, всем известно, — как-то сказала я. — Все побывали в Америке. Не отправиться ли тебе лучше в Эммабуду?¹ Насколько мне известно, там не бывал еще никто! Сплошное белое пятно на карте. Говорю тебе — поезжай туда! А по возвращении домой сними большой зал муниципальной школы и поведай изумленному миру, как обстоят дела с общественной жизнью в Эммабуде.

В ответ на это Ян заметил, что женщины обязаны быть милыми и прелестными, а я просто завидую, потому что сама никогда не бывала в этой большой западной стране.

Возможно, он был прав. И я рискую в один прекрасный день увидеть себя в витрине Государственного музея, а рядом — табличку с надписью: «Единственный известный науке шведский экземпляр человека, чья нога никогда не ступала на американскую землю». Ведь все уже побывали там. И вскоре, видно, будет считаться позором, если тебе довелось видеть статую Свободы только на открытке. Так что чем дольше Ян читал мне лекции и чем больше мне надоедало их слушать, тем сильнее снедала меня жажда увидеть Америку воочию и на близком расстоянии. И я радо-

¹ Лен Крунуберг в Южной Швеции. — Здесь и далее примеч. переводчика.

валась как дитя при мысли о том, что, вернувшись домой, я смогу рассказать Яну! Я загоню его в угол и буду рассказывать об Америке до тех пор, пока ему все это не осточертеет. Втайне меня чуточку задевало, что Ян все время подчеркивал: американские девушки, мол, этакое чудо красоты и очарования! Их фигуры, их манера одеваться, их *take up*...¹ ой, просто нет слов! Думаю, он мог бы заметить, что и я совершенно очаровательна! Но он этого не сделал.

— Ты не красавица, но в тебе есть изюминка! — сказал он.

И вот с таким человеком приходится почти каждый вечер прогуливаться в парке Юргорден!²

— Нет, Кати, надо быстрее двигать в Америку! — сказала я себе.

Оставалось только аннулировать свой «довольно значительный» текущий счет в банке и отправиться в путь.

Разве? И это все? Нет, далеко не так. Прежде всего надо было поговорить с Тетушкой. Ведь с тех пор как я в самом раннем детстве осиротела, я живу у Тетушки. И если бы это от нее зависело, я бы и по сей день сидела в парке Хумлегорден с ведерком и лопаткой, роясь в песочке. Тетушка всегда будет видеть во мне милое и беспомощное дитя, даже если я стану дородной матроной с почтенным комплектом поросших волосками бородавок и голосом, от которого у всех стынет кровь.

Итак, я предчувствовала, что мне придется выдерживать жестокую борьбу с Тетушкой. Она не испытывала ни малейшей симпатии к этой огромной стране на Западе, как и к любой другой зарубежной стране. Вероятно, она знала, что там делается! Она-то знала! Стоит

¹ Макияж, грим (англ.).

² Парк и заповедник в Стокгольме, место народных гуляний и развлечений, где в 1997 г. был воздвигнут памятник Астрид Линдгрен и сооружен своеобразный «Линдгрэнленд» — «Июньская горка».

только юной девице ступить на чужую землю, как, откуда ни возмись, из-за ближайшего угла тут же вырастает маленький коварный торговец белыми рабынями. Дьявольски злобный, он одолевает свою жертву, готовя ей участь, что хуже смерти. А Тетушка... она ведь обещала моей маме, лежавшей на смертном одре, заботиться обо мне!

Но в общем и целом мне ведь наконец-то удалось достичь совершеннолетия, хотя Тетушка этого еще не осознала. И у меня есть несколько жалких бумажек по тысяче крон, унаследованных от родителей. То, что эти деньги сохранились до дня моего совершеннолетия, — заслуга исключительно Тетушки. Сама я в течение этих лет не раз выдвигала отличнейшие предложения, куда вложить эти капиталы. Самой страстной моей мечтой в четырнадцатилетнем возрасте был мотоцикл с коляской, и я никогда не понимала, как может человек быть до такой степени заикленным и слепым. Тетушка упорно отказывалась понять, что именно мотоцикл является столь выгодным вложением денег, что банкиры только и мечтают об этом ночи напролет. Не помогло даже мое торжественное предложение оплатить обучение Тетушки на курсах мотоциклистов в ожидании того времени, когда мне исполнится восемнадцать и я смогу сама получить водительские права. Она продолжала упорствовать, когда я захотела потратить немного денег на шестирядную гармонику, чтобы подсластить ее самые одинокие часы. Вместо того чтобы проявить благодарность, Тетушка заявила:

— Нет, нет, деньги должны оставаться в банке.

Они могут мне пригодиться, когда меня постигнут: несчастливое замужество, бедность и рождение тройни, хроническое заболевание почек из-за слишком тонкого нижнего белья, война или чума и еще парочка-другая угрожавших мне бедствий.

Но теперь мне хотелось поехать в Америку. Когда Тетушка поняла, что намерения мои серьезны, она при-

нялась выплакивать ливневые дожди и весь вечер говорила о том, как повезло моим бедным отцу и матери вовремя упокоиться. Когда же я все-таки не позволила поколебать свое решение, она, глубоко оскорбленная, направилась спать. На следующее утро Тетушка появилась с лицом измученным после бессонной ночи и объявила, что если мне так уж необходимо немедленно обречь себя на гибель, то ее долг ринуться в пропасть вместе со мной. Кроме того, в Чикаго у нее есть брат, с которым она всегда мечтала свидеться. Словом, Тетушка задумала сопровождать меня в Америку!

У меня просто перехватило дыхание. Блеск и аромат моего американского путешествия сразу сошли на нет. Ходишь тут, обращая взоры к небу и восклицая: «Хочу в Америку, хочу в Америку!..» Легко ли после этого отказаться от своей мечты и воззвать: «Мы с Тетушкой хотим в Америку!»

Подумать только! А как же веселые дорожные авантюры, которые я рассчитывала пережить?! Ведь я собиралась, вернувшись домой, живописать их девушкам из нашей конторы и всем, кто не сможет уклониться от моих рассказней!

Я так и представляла себе, что небрежно заявляю: «*Видели бы вы меня*, когда я голосовала, чтобы прокатиться автостопом от Нью-Йорка до Чикаго на попутной машине, — это было чертовски весело!» Да, да, потому что я, естественно, собиралась голосовать на шоссе. Пожалуй, никто из побывавших в Америке не обошелся без путешествия автостопом через великую солончаковую пустыню или что-нибудь в этом роде. Но голосовать вместе с Тетушкой!.. У меня есть родственные чувства, да, конечно есть, но все-таки трудно отрицать, что Тетушка в башмаках на пуговках представляет собой серьезное drawback¹, когда стоишь на обочине и игривым взглядом и поднятым большим пальцем

¹ Препятствие, помеха (англ.).

руки пытаешься заставить огромные шикарные автомобили слегка замедлить ход. А ведь у Тетушки башмаки на пуговках! Шевровые башмаки! Башмаки начала века или около того! Этим о Тетушке сказано почти все. За ее суровой внешностью и резкой манерой говорить скрывается милейший человек, и я боготворю ее. Но мне, пожалуй, гораздо больше понравилось бы, если бы она по-прежнему сидела дома в нашей маленькой квартирке из двух комнат на улице Каптенсгатан, а я боготворила бы ее на должном расстоянии и нас разделял Атлантический океан! Но теперь Тетушка решила иначе, — и кто я такая, чтобы осмелиться восстать против сил природы? Вдохнув, я взяла Тетушку под руку, и мы отправились в паспортную контору.

Здесь башмаки на пуговках пришлось снять, чтобы измерить точный рост Тетушки. Вначале она предложила чуточку согнуть колени — ровно настолько, чтобы это соответствовало высоте каблуков, но ничего не вышло. Тетушка, нелестно отозвавшись о шведской бюрократии, в ярости скинула башмаки.

В назначенное время мы получили паспорта. Наши фотографии в паспортах были ничуть не хуже тех, что всегда красуются на документах. Я выглядела словно палач из Бельзена¹, а Тетушка — как налетчица, замышляющая очередное преступление. Я подумала, что нам здорово повезет, если удастся с такими фотографиями получить визу. Прежде всего, чтобы получить визу в США, нужно подтвердить, что ты не вынашиваешь плана убийства американского президента. «Ха, — подумала я, — пожалуй, им в американском посольстве стоит только взглянуть на фотографии — и они поймут, что мы с Тетушкой готовы ринуться прямо в Белый дом и задушить президента голыми руками».

¹ Один из фашистских концлагерей времен Второй мировой войны.

Но, как ни странно, визу нам дали. А в конторе по обмену валюты нам милостиво позволили превратить небольшую сумму денег в звонкую твердую валюту. Думаю, если мы не будем слишком роскошествовать, не заиклимся на упрямом желании есть *каждый* божий день, то наших долларов наверняка хватит на целую неделю. Тетушка, лизнув большой палец, пересчитала тощую пачку долларовых банкнот. Пристально поглядев в глаза Джорджу Вашингтону¹, она сказала:

— Хорошо, когда есть брат в Чикаго!

Яну о своих планах я ни слова не сказала. Пока этот невинный агнец бредил американской архитектурой, я принимала свои меры. Я собиралась преподнести ему небольшой сюрприз. Потому что интуитивно чувствовала: эта удивительная Америка казалась ему особенно прекрасной, поскольку там не было меня.

Не описать, какой воинственный клич раздался в конторе, когда я возвестила свою новость. Девушки, столпившиеся вокруг пишущей машинки, за которой я восседала, попытались сделать вид, будто я намереваюсь проехаться всего лишь в городок Алингсос в шведской провинции Вестманланд.

— О Кати, — воскликнула Барбру, — ты всерьез собираешься в Америку, где произрастают миллионеры? Сорви одного для меня, будь добра!

— Да я хочу привезти домой целую горсть миллионеров, и вы сможете бросить жребий, кому какой достанется!

Оставалось лишь подвигнуть шефа дать мне отпуск. Это оказалось так просто, так просто! Я спросила его совершенно между прочим, в самом ли деле наша контора сможет отказаться от такой хорошей стенографистки,

¹ Вашингтон Джордж (1732—1799) — первый президент США (1789—1797). Его портрет изображен на купюре в один доллар.

как я. Или он хочет, чтобы я через несколько месяцев вернулась?

— Вернулась? Не понимаю! — растерянно произнес он.

— Из Америки, — пояснила я. — Я как раз собираюсь туда поехать.

И, немного поразмыслив, он обрадовался, заявив, что благодарен мне за то, что по возвращении я собираюсь продолжить свою благословенную деятельность в его скромной конторе.

* * *

Тихим апрельским вечером мы с Яном гуляли вдоль северного берега озера Меларен и смотрели, как огоньки отражаются в воде. Мы дошли до самой ратуши, вздымавшей свою изумительно прекрасную башню в синее вечернее небо с плывущими вдаль апрельскими облаками.

— О! — воскликнула я. — О, как красива ратуша!

Ян согласился со мной. Согласился от всего сердца. Потом на некоторое время воцарилась тишина. А затем он произнес:

— Вообще-то ужасно жаль, что ты не видела Empire State Building¹.

И тогда я сказала:

— Дорогой Ян, будь абсолютно спокоен! Я *увижу* Empire State Building. Примерно в четверг. Как раз в этот день лечу в Нью-Йорк.

¹ Эмпайр-Стейт-Билдинг (англ.) — стодвухэтажный небоскреб, построенный в 1930—1931 гг. в Нью-Йорке на Пятой авеню — одной из центральных улиц Южного Манхэттена между Западными 33-й и 34-й улицами. До 1971 г. считался самым высоким сооружением в мире.

II

астор, который утверждал, что плавать грешно, потому что если бы Бог хотел, чтобы мы плавали, он подарил бы нам перепонки между пальцами ног, — этот пастор, я полагаю, был духовным единомышленником Тетушки. У нее точно такое же отношение к полету. Тетушка считает, что подняться ввысь в такой вот коробке из листового железа — значит поносить Бога. Но ведь она с самого начала смирилась и сочла безнадежной любую попытку доставить меня в живых домой, на землю предков. А в таком случае совершенно безразлично, рухнем ли мы в Атлантический океан, или же во время пребывания в полной опасностей Америке смерть станет нашей избавительницей.

Мария-Антуанетта¹, которую везли по Парижу на гильотину, в телеге палача чувствовала, должно быть, примерно то же, что и Тетушка, ехавшая по городу в элегантном автобусе авиакомпании к аэропорту Бромма. Широко раскрыв глаза, она пристально смотрела

¹ *Мария-Антуанетта* (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI (1754—1793). Казнена по приговору революционного суда.

в окошко, обводя взглядом дорогие ее сердцу улицы и дома, совершенно уверенная, что никогда их больше не увидит.

А когда мы прибыли в аэропорт, Тетушка слегка жалобно застонала. Я, утешая, похлопала ее по плечу, хотя, откровенно говоря, сама была по-настоящему испугана. Но, слава Богу, там нас ожидал Ян. Он стоял с букетиком фиалок в руках. Кажется, он никогда еще так не нравился мне. Ян, произнесший столько суровых слов о психованных, жаждущих приключений девчонках! А знаете, ведь он в самом деле был прав! Я крепко прижалась к нему, страстно желая, чтобы у меня хватило разума остаться дома. Но было уже слишком поздно. К счастью, я быстро приободрилась! И когда мы благополучно сели в самолет и он со страшным гулом пронесся по взлетной полосе, взмыл ввысь... и стал подниматься все выше и выше, прямо сквозь освещенные солнцем облака... А Ян, и моя контора, и Стокгольм, и все заботы остались там, внизу. О, в тот момент я почувствовала себя словно школьница в первый день летних каникул.

Не думаю, что и Тетушка ощутила себя школьницей. Она скептически простучала стену, чтобы выяснить, насколько прочен самолет, а затем изрекла:

— Я рада, что написала завещание!

Я сказала, что ей, мол, надо попытаться стать немного более *air-minded*¹. Если бы ее ответ услышал наш искусный пилот, он был бы совершенно обескуражен. Тетушка заявила, что когда ей — очень скоро — придется плескаться в Атлантическом океане, то ей будет абсолютно безразлично, насколько она *air-minded*. И она хочет посоветовать пилоту отнестись к этому совершенно спокойно, иначе она потом явится ему в виде призрака.

¹ Разбирающейся в вопросах авиации, поклонницей авиации (англ.).

Я попыталась представить себе Тетушку маленьким рассерженным привидением в башмаках на пуговках, парящим темными осенними ночами над Атлантическим океаном, словно второй «Летучий голландец»¹. Но мои размышления были прерваны очаровательной стюардессой, появившейся с обедом на подносе.

— Во всяком случае признайся, — уговаривала я Тетушку, — что куда приятней сидеть здесь и есть холодного цыпленка на высоте двух тысяч метров, чем впихивать в себя сало и брюквенное пюре дома на улице Каптенсгатан, что ты как раз делала бы сейчас.

Мне удалось выжать из нее половинчатое согласие, и этим пришлось удовлетвориться.

О, как чудесно было лететь! Мои жизненные силы укрепилась настолько, что были по крайней мере на тысячу метров выше самолета.

— Жаль, что ты не отправишься на пароходе, — твердили мне все в один голос. — Это такое волшебное путешествие!

А я регулярно отвечала:

— Да, это необыкновенно волшебно. Но только для тех, кому и вправду нравится, когда его тошнит и рвет.

Когда норвежский берег остался позади, я посмотрела вниз на Атлантический океан. Маленькие игрушечные кораблики терпеливо бороздили волны. Я подумала о Христофоре Колумбе², и у меня потеплело на сердце. Как он *осмелился* на такое! Надо же, как он на такое решился?! Столько времени преодолевать

¹ Согласно средневековой легенде, призрачный корабль, обреченный никогда не причаливать к берегу. Среди моряков было распространено поверье, что встреча с ним предвещает гибель в море.

² Колумб Христофор (1451—1506) — мореплаватель. Родился в Генуе (Италия), жил в Испании. Пересек Атлантический океан и 12 октября 1492 г. (официальная дата открытия Америки) достиг острова Сан-Сальвадор.

милю за милей в бескрайних водах во всей их бесконечности, да еще не ведая, что там, за горизонтом!

— Согласись, что мужчины несут в себе заряд какой-то дикой неумности и авантюризма, — сказала я Тетушке.

— Что, кто-то собирается разводиться? — спросила она.

Я попыталась объяснить ей: я, мол, думала о Колумбе, и какое счастье для человечества, что Колумбом была не я, так как повернула бы обратно после первого же дня плавания. Страдая от морской болезни и угрызений совести, я предстала бы пред Изабеллой Испанской¹ и заявила ей, что никакой Америки, по всей вероятности, не существует. И во всяком случае, лучше подождать с ее открытием до девятнадцатого века, когда упорядочится регулярное сообщение, а еще лучше — до двадцатого, когда можно будет полететь туда на самолете.

О да, мужчины — дико неумное, авантюрное и прекрасное племя! Почему мы, женщины, никогда не открываем новых частей света?!

— Вообще говоря, плохо быть всего-навсего женщиной, — пожаловалась я Тетушке.

Она попыталась утешить меня.

— Вспомни, — сказала она, — это мы, женщины, вдохновляли мужчин на их великие подвиги!

Она сидела рядом в своих невообразимых башмаках на пуговках; маленькая и сухонькая, с волосами, закрученными на затылке в крошечный смешной узелок, и да простит меня Бог, но я подумала, что те великие подвиги, на которые *она* вдохновила мужчин, могли бы свободно разместиться на кончике ногтя большого пальца.

Но я любила ее именно такой, какой она была, с ее башмаками на пуговках и всем остальным, — впрочем,

¹ Изабелла (1451—1504) — королева Кастилии с 1474 г. Брак Изабеллы в 1469 г. с Фердинандом, королем Арагона с 1479 г., привел к фактическому объединению Испании.

я любила всех людей на свете. Подумать только, как много потрясающе милых и любезных личностей удалось мне заполучить в попутчики! Особенно понравился мне один американец. Некоторое время мы болтали с ним, хотя у Тетушки все время был такой вид, словно она думала: «Ага — торговец белыми рабынями!.. Уже... Так скоро!»

Старая история с Вавилонской башней и смешением языков¹ была уже сама по себе великим бедствием для человечества. Ну а представьте себе, каково сидеть в самолете, сгорая от желания изложить всем переполняющие тебя остроумные идеи! А вместо этого — единственное, что удастся выжать из себя, — повторяющиеся с равными промежутками «*I see!*» или «*Is that so?*»². А мне хотелось бы незамедлительно поведать мистеру Хейли все, что я думаю о Вселенной, но я внезапно почувствовала, что не стоит даже пытаться открыть рот. Все мои познания в английском словно ветром сдуло! Я помнила только один-единственный вопрос из английской книги для чтения: «*Can you tell me nearest way to the Scandinavian bank?*»³ И как бы ни было забавно выпалить этот вопрос прямо в лицо мистеру Хейли, я все-таки решила отказаться от этой затеи и, наоборот, внимательно слушать его, сверкая глазами, и пусть себе мистер Хейли болтает. Мужчины ведь зачастую упиваются звучанием собственного голоса. Вообще-то мистер Хейли утешил меня, заверив, что в Америке я отлично обойдусь своим запасом слов. Мистер Хейли сказал, что считается, что в Америке не

¹ Библейская легенда о попытке построить после Всемирного потопа город Вавилон и башню до небес. Разгневанный дерзостью людей, Бог «смешал их языки» и рассеял их по всей земле так, что люди перестали понимать друга друга.

² Понимаю! Неужели? (англ.)

³ Не подскажете ли вы мне ближайший путь к Скандинавскому банку? (англ.)

надо знать более четырех фраз: «*Good morning — ham and egg — I love you — good night*»¹.

— *Is that so?* — воскликнула я, мучительно страдая от собственного косноязычия.

— Ну, пожалуй, это ужасное преувеличение, — заметил мистер Хейли. — Одними лишь «*good morning — ham and egg — I love you — good night*», разумеется, не обойдешься. Надо уметь произносить еще «*baseball*», «*popcorn*», а также «*coca-cola*»².

— *I see!* — воскликнула я.

Постепенно настала ночь. Черная и ужасающая, она обволокла наш самолет. Мы мчались в темном бесконечном пространстве, и меня охватило чувство, будто мы с Тетушкой совершенно одиноки во Вселенной, как и мистер Хейли и все остальные, замкнутые в нашей общей крошечной хрупкой скорлупе.

Я уверена, что в эволюции моих предков в доисторические времена не обошлось, должно быть, без креветки. Наверняка достойной всяческого уважения, великолепной маленькой креветки, во всяком случае... я могу отлично, не хуже креветки, свернуться в кресле, а это колоссальное преимущество, когда приходится спать в самолете. Отметив, что другие пассажиры, откинувшись в креслах, тщетно пытаются, засыпая, куда-нибудь убрать ноги, я уютно свернулась под пледом, возблагодарив свою пращуриху-креветку, научившую меня лежать, сложившись вдвое и прижавшись коленями к подбородку.

Внезапно мы очутились уже в Кеблавике³. Мои представления об Исландии всегда были несколько туманны. Естественно, в глубине души я отдавала себе отчет, что

¹ Доброе утро — яичница с ветчиной — я люблю вас — спокойной ночи (англ.).

² Бейсбол (командная игра с мячом и битой); попкорн (воздушная кукуруза); кока-кола (тонизирующий напиток) (англ.).

³ Аэропорт в столице Исландии — Рейкьявике.

они совершенно неверны, но, пожалуй, питала слабую надежду, что кто-то вроде Гуннара с гряды Речной Склон¹ или Эйгиля Скаллаgrimссона² будет стоять там в аэропорту, шумно ударяя по щиту. Но ничего подобного! Те исландцы, которых я там увидела, производили такое же впечатление, как герои журнальной рубрики «Юбилеры этой недели». И единственной, кто поднял шум, была Тетушка, потому что ей наконец-то удалось заснуть, а теперь ее разбудили, чтобы она, выпрямившись, просидела полчаса в аэропорту Кеблавик. Все аэропорты, которые мне доводилось видеть, примерно так же шумны и веселы, как шведский поселок при железнодорожной станции в дождливое ноябрьское воскресенье. И Кеблавик не являл собой исключения.

Гуннар с гряды Речной Склон, вероятно, не жил в Кеблавике, потому что, держу пари, он бы наверняка быстро нашел дорогу от дверей своего дома. Нет, Исландия оказалась совершенно не такой, какой я ее себе представляла. И, только прочитав на дверях дамского туалета надпись: «Konig»³, я почувствовала во рту терпкий привкус «Navamal»⁴.

* * *

О Нью-Йорк! О метрополис!⁵

— Во всем мире есть лишь один большой город, — сказал мистер Хейли, когда мы парили над

¹ Гуннар, сын Хамунда, — герой самой знаменитой исландской «Саги о Ньяле» (XIII в.).

² Эйгиль Скаллаgrimссон — самый значительный древнеисландский скальд (поэт), земледелец и викинг (910—990). «Сага об Эйгиле» (начало XIII в.) — романтическая биография этого лирика.

³ «Для женщин» (исл.).

⁴ «Речи Высокого», то есть верховного бога древних скандинавов — Одина (исл.). Это песни, содержащие ряд заповедей и изречений, которые вошли в сборник мифологических и героических песен, получивший название «Старшая Эдда» (XIII в.).

⁵ Столица.

La Guardia¹, разглядывая миллионы миллионов огней этого города. — И он раскинулся внизу под нами!

Сначала я собиралась изречь: «*Is that so?*» — но потом передумала и спросила:

— Ну а Чикаго?..

— Чикаго — большой небольшой провинциальный город, — ответил мистер Хейли.

Я наблюдала за Тетушкой, которая в Америке впервые надевала башмаки на пуговках. Она бросала вокруг бдительные взгляды, вероятно, чтобы ее не застал врасплох какой-нибудь гангстер или ковбой с Дикого Запада.

Маленький любезный седовласый старичок посмотрел наши паспорта. И тогда меня впервые осенило, что американец — не то же, что швед.

— Вы должны покинуть Соединенные Штаты в день моего рождения, — сказал он, выяснив, на какой срок нам выданы визы. Трудно представить себе, чтобы в Швеции полицейский паспортного контроля ни с того ни с сего приплел свой день рождения. А возвращая паспорт, маленький старичок, открыто глядя мне в глаза, сказал:

— Молитесь за меня!

Еще ни один шведский чиновник не предлагал мне помолиться за него. И однако же, я уверена, что это, пожалуй, не было бы лишним.

* * *

Через несколько часов я стояла у окна в номере отеля и смотрела сверху на неправдоподобный Нью-Йорк. Тетушка между тем деловито распаковывала вещи. Я дрожала от возбуждения. И не только потому, что была в Нью-Йорке, нет, вовсе не поэтому... Но где-то за всеми этими каменными громадами лежала огромная

¹ Ла Гуардия — международный аэропорт, один из трех аэропортов Нью-Йорка.

Америка. Та страна, которую индейцы — герои моего детства — оросили своей кровью. Там некогда пал в своей последней горькой битве Ситтинг Булл¹. Там простирались бескрайнии прерии, где в стародавние времена блуждали стада буйволов и где повозки переселенцев, пересекая прерию, упрямо пробивались на Запад, на золотые прииски. Там находились Скалистые горы и река Миссисипи! О да, Миссисипи! Подумать только! А что если Гек Финн² по-прежнему в звездные ночи скользит там на своем плоту?

Я глубоко вздохнула.

И где-то там, далеко, располагалась земля, что некогда приняла голубоглазого, светловолосого, пропахшего нюхательным табаком шведского эмигранта³, когда он, преисполненный надежд, явился туда со своим полосатым чемоданом в руке, желая тотчас же приняться за работу и загребать деньги лопатой. О Мать Америка, ты была строга к нему поначалу, но все-таки...

Я еще глубже вздохнула.

— Что с тобой? — спросила Тетушка. — Тебе не хорошо?

Я сердито посмотрела на нее. Если я что на свете и ненавижу, так это когда меня прерывают. Особенно теперь, когда, стоя у окна, я заключала в свое сердце Америку.

¹ *Сидящий Бык* (1831?—1890) — вождь и один из почитаемых героев племени сиу (англ.).

² *Гек Финн* — герой романа известного американского писателя Марка Твена (1835—1910) «Приключения Гекльберри Финна» (1884).

³ В начале XX в. началась массовая эмиграция шведов, в особенности хуторян, в Америку.

III

олден, или Жизнь в лесу»¹ — одна из моих любимых книг. Потому что я — существо слабое и Генри Дэвид Торо необходим мне для моральной поддержки. Предположим, я хотела бы иметь шубу или что-нибудь в этом роде, но не настолько, чтобы тупо думать: «Счастлив тот, у кого есть шуба!» Нет, это было бы пламенное, изнуряющее, всепоглощающее страстное желание, заполняющее каждую минуту бодрствования и заставляющее всхлипывать во сне. И тогда есть лишь одно спасительное средство: припасть к стопам Генри Дэвида и стать философом, «*who wants but little*»². Разумеется, если только у тебя нет денег на покупку шубы. Но их у тебя нет! У тебя есть лишь позорно мизерное ежемесячное жалованье и Тетушка, у которой при одном лишь намеке на то, что хорошо бы коснуться отцовского наследства — единственного, что у тебя есть, — появляются складки во-

¹ Романтическая утопия одного из основателей американской литературы, писателя и философа Генри Дэвида Торо (1817—1862), который проповедовал необходимость надеяться во всем на свои силы и искать опору и утешение в близости к природе.

² ...который желает лишь малого (англ.).

круг рта. И тогда тебе уже не до шуб. В таких случаях старине Генри Дэвиду цены нет. Он помогал мне множество раз, когда я стояла перед витринами магазина «Н. К.»¹ и чувствовала, как из самых укромных тайников души просачивается желание — иметь. И, поборовшись некоторое время сама с собой, я, поплотнее закутавшись в плащ философа, а затем отпихнув мистера Торо в сторону, говорила:

— Ты прав, ни одному истинному философу не требуется шкура за девятьсот крон, чтобы прикрыть свою наготу!

И после этого, укрепив свои убеждения и закалившись, я шествовала дальше.

Но одно — точно. На Fifth Avenue это не помогло. Не помогло и то, что я бубнила длинные отрывки из книги «Уолден, или Жизнь в лесу». Только не перед *такими* витринами! Там было все, что влечет тебя к гибели. Драгоценности, меха, очаровательные платица, духи... ну, словом, все-все!.. Нет, философом-стоиком там стать нельзя, это совершенно исключено! Но с другой стороны, стоило лишь бросить взгляд в бумажник, где так тихо и одиноко шелестели долларовые купюры, — это действовало абсолютно отрезвляюще. Но все-таки я не могла удержаться, чтобы не войти в один из всемирно знаменитых ювелирных магазинов и не поинтересоваться кольцом с большим изумрудом. К изумрудам я равнодушна и всегда их любила (на расстоянии). Я указала страждущим пальцем на кольцо.

— Сколько? — спросила я.

— Тридцать девять тысяч долларов, — ответил элегантный господин за прилавком.

— *I see!* — сказала я.

Уверив продавца, что должна подумать (я все еще думаю), я ушла. А потом снова бегала от одной вит-

¹ «Нурдиска компаниет» — шведская компания, владеющая универсальными магазинами.

рины к другой. Тетушка бегала вместе со мной, но в конце концов, устав, потащилась в отель, швырнула башмаки на пуговках в угол и заявила, что каждый палец на ее ногах посинел. И вообще, наша поездка в Америку была большой ошибкой.

В Нью-Йорке началась весна. И это на самом деле становилось заметно, хотя, чтобы найти зеленую травинку, пришлось бы отправиться в самый дальний закоулок Центрального парка¹. Однако улицы были залиты солнцем, и если откинуть голову, чтобы капли неожиданного ливня до краев наполнили ноздри, то высоко-высоко над небоскребами Манхэттена увидишь клочок исключительно голубого неба.

Думаю, мистер Хейли был прав. В мире есть только один большой город, и это Нью-Йорк. Каким-то странным образом при виде его захватывает дух! Но это совершенно не зависит от небоскребов, по крайней мере не так уж сильно. Нет, это почти целиком зависит от людей, от всех этих семи-восьми-девяти миллионов человек, толпящихся вокруг тебя. Население Стокгольма кажется просто сельским по сравнению с вызывающей изумление галереей лиц, которые может предъявить Нью-Йорк. Вызывающей изумление — да! Однако в Нью-Йорке ничто ни у кого не вызывало изумления, только у меня и у Тетушки. Особенно у Тетушки! Не знаю, как надо выглядеть, и как быть одетым, и как вести себя, чтобы заставить коренных нью-йоркцев подпрыгнуть или вытаращить глаза от удивления!

Меня безмерно радовало, что можно слоняться по улицам, смотреть людям прямо в лицо и гадать, что это за человек, какая среда взрастила его и почему той женщине дозволено расхаживать в такой шляпе. Как можно говорить о дерзких, смелых шляпках! Скорее можно говорить о дерзких, смелых женщинах. Держу пари с кем угодно, кем бы он ни был, что нигде, ни в

¹ Парк (площадью 340 га) в центре острова Манхэттен.

каком другом городе земного шара не найдешь такого скопища уродливых богатых старух в таких совершенно призрачных шляпках, как у привидений. Они стайками сидят в ресторанах, едят ленч и болтают друг с другом. Лица их увяли, но богатые и роскошные шляпки цветут!

— О, твоя шляпка — просто мечта! — как-то услышала я, как одна из таких динозаврих сказала другой.

«Наверняка, наверняка модистка создавала эту шляпку во сне, но перед сном она, вероятно, съела что-то неудобоваримое», — подумала я.

Да, люди в Нью-Йорке очаровательны. И все — такие разные! Для того, кто раньше не видел, в общем, больше одного негра зараз, посещение Гарлема¹ было целым приключением. Мне говорили, что белой женщине не следует ходить туда одной. Но белая женщина с прилипшей к ней Тетушкой могла совершенно спокойно ходить повсюду.

Прежде я всегда думала, что новорожденные поросята — самые милые из всех живых творений, но я ошибалась. Маленькие негритята куда милее! На одном крыльце, например, сидело рядом пятеро черных, как угольки, малышей. И все молча, наслаждаясь, сосали свои большие пальчики. Детки были неотразимы. Тетушке пришлось почти силой увести меня оттуда.

Мы — Тетушка и я — посетили также Чайнатаун², хотя Тетушка считала, что китайцы — опаснее всех на свете, и откровенно оплакивала меня за то, что я попаду в когти *китайского* торговца белыми девушками и остаток жизни проведу в притоне курильщиц опиума. Из двух зол обычно выбирают меньшее, и кажется,

¹ Большой район в Северном Манхэттене, традиционно считающийся негритянским гетто.

² Китайский квартал.

при таком выборе Тетушка считала обычного белого работорговца каким-то совершеннейшим суперменом, достойнейшим человеком чести, которого следует произвести в церковные служки и без всякого голосования избрать в муниципальный совет. Таковы расовые предрассудки! Тетушка подозрительно смотрела на всех доброжелательных, с ласковыми взглядами китайцев, которых мы встречали во время странствования по слабо освещенным улицам Чайнатауна. А узрев бедного маленького китайчонка, мирно спавшего на каменных ступеньках дома, она вздрогнула так, словно перед ее исполненным негодования взором внезапно разверзлась обитель порока. Собственно говоря, я думаю, она была бы согласна с неким моряком, которого спросили, не опасно ли бродить в злочных кварталах Порт-Саида¹.

— Да нет, совершенно неопасно, — ответил он. — Ну ни капельки! Если только принять небольшие и простые меры предосторожности — идти посреди улицы с железным прутом в руке и дубасить им всех встречных!

Но по мере того как пальцы на ногах Тетушки синели все больше и больше (по крайней мере так утверждала она сама), я во время своих исследовательских экспедиций все чаще бывала предоставлена своему собственному обществу. Тетушка сидела в номере отеля и сочиняла длинные послания своим троюродным братьям и сестрам домой в Васастан². Иногда она зачитывала мне оттуда избранные фрагменты.

А там содержалось немало такого, что, право, должно было заставить американцев призадуматься. Менкен³

¹ Порт в Египте, на Средиземном море, у входа в Суэцкий канал.

² Один из центральных районов Стокгольма.

³ *Менкен Генри Луис* (1880—1956) — американский журналист, критик, лингвист.

и Льюис Синклер¹ могли спокойно отложить свой карающий меч в сторону, после того как общественной критикой занялась Тетушка. Ее серьезнейший упрек Америке заключался, насколько я поняла, главным образом в том, что эта страна была совершенно не похожа на Швецию.

Оставив Тетушку, размахивающую бичом, в мире и покое, я посвятила себя изучению народной жизни. Каждое утро, выходя на залитую весенним солнцем улицу, я чувствовала легкую дрожь ожидания. Прежде всего я шла к ближайшей аптеке на углу, выпивала там чашку кофе и болтала с Майком, который, стоя за прилавком, жарил яичницу с ветчиной и оладьи, да так, что только пар шел.

Я столько раз твердила Тетушке, когда она слишком яро размахивала бичом над Америкой: что там ни говори об американцах, необходимо во всяком случае воздать им должное за то, что они придумали такое прекрасное заведение. Будь я американкой и вернись в Европу, там мне больше всего не хватало бы drugstore²! Моя drugstore на углу была необычайно уютна, и Майк стал мне вскоре кем-то вроде друга детства. Я любила сидеть на высоком стуле перед его стойкой и наблюдать за поутреннему бодрыми ньюйоркцами, которые входили в заведение, выпивали чашечку кофе, съедали яичницу с ветчиной, а потом снова выходили на улицу. И все это с молниеносной быстротой! Я обожала чудесное мороженое Майка. Я обожала бродить по магазинам, покупая

¹ *Льюис Синклер* (Гарри) (1885—1951) — писатель, первый американец, удостоенный Нобелевской премии по литературе (1939). В своих произведениях критиковал «долларовую цивилизацию», стяжательство, ханжество.

² *Drugstore* — американская аптека (англ.). Типично американское заведение, где аптека сочетается с закуской, магазинчиком товаров первой необходимости, а также с автоматами прохладительных напитков, кофе и т. д.

всякие необходимые мелочи. И мне нравилось, что, когда я уходила, Майк говорил: «Боюсь за вас». Дома в Стокгольме никто никогда так не скажет.

А потом я со свежими силами внедрялась в толпу на авеню Манхэттена. Манхэттен — это узкий маленький остров, где небоскребы едва не сталкивают друг друга в воды реки Гудзон. А ты невероятно пугаешься, пытаясь быстро подсчитать, сколько может стоить здесь квадратный метр земли. Более дорогой, пожалуй, нет нигде во всем мире! И можно выплакать глаза при воспоминании о Петере Минуите!¹ И почему меня тогда там не было! Я без колебаний предложила бы двадцать шесть долларов.

Широко раскрыв глаза, рассматривала я американских девушек. В самом ли деле они так безукоризненно красивы, и очаровательны, и высокого роста, как вдалбливал мне Ян? Да, многие были такие, но, разумеется, не все. Мне казалось, что все они должны быть похожи на Эстер Вильямс², и с известным удовлетворением я констатировала, что это вовсе не так. У многих и здесь короткие ноги, скверная кожа и слишком много килограммов. Я, преисполненная высокомерия, послала Яну открытку: «Ха-ха, здесь тоже есть „серые кобылки“!»

«Серые кобылки» — это невзрачные, обойденные вниманием девушки, которых никогда не целуют, те, за кого так болит мое сердце. Быть американской «серой кобылкой», вероятно, еще труднее, чем шведской: ведь в Америке внешность играет такую большую роль! И считается, что сравнение с огромной ордой невероятно красивых соперниц должно способствовать появлению особо тяжкого комплекса собственной неполно-

¹ *Минуит Петер* (1580?—1638), купивший в 1626 г. у индейцев остров Манхэттен всего за двадцать четыре доллара и переименовавший его в Новую Голландию.

² *Вильямс Эстер* — одна из знаменитейших актрис Америки 1940-х гг., искусная пловчиха.

ценности. С другой стороны, американская «серая кобылка» имеет бóльшие возможности изменить свою внешность к лучшему. Множество институтов красоты, и косметологов, и парикмахерских готовы совершенно переделать ее. Если верить рекламным проспектам, это делается в одно мгновение. «Серую кобылку» запикивают в такой институт красоты, и оттуда выходит существо, способное, пока варится кофе, разрушить многолетний прочный брак.

Меня вдруг осенило: почему бы и *мне*, раз уж я все равно в Америке, не приобрести немного американского *glamour*?¹ Я всегда думала, что в моей внешности было во много раз больше необходимого для девушки с торпа² в дремучем лесу, хей-дудели-дудели-дей... А теперь у меня появился единственный в жизни шанс изменить внешность. Подумать только, как обрадуется Ян, услышав, что мне удалось приукрасить себя! Я считала, что это будет не так легко: с таким носом я, должно быть, представляю собой настоящее испытание для эксперта-косметолога. Но тут уж ничего не поделаешь! Раз я решила стать более рафинированной личностью, то будьте добры, пусть все косметологи поплюют на руки и возьмутся за дело, даже если исходные данные не совсем таковы, чтобы пасть на колени от восторга.

Я не сказала Тетушке ни единого слова. Не думаю, чтобы она прониклась пониманием, что долг женщины быть красивой, даже если на это уйдет часть твердой валюты. Я робко прокралась в мой первый косметический кабинет, пугливо дрожа, как взломщик перед своим первым маленьким сейфом. И лучше мне не стало, когда я плюхнулась в удобное кресло и представила свою физиономию в распоряжение рыжеволосой красавицы визажистки с холодным взглядом. Уж *она-то* ни в коем случае не была девушкой с торпа

¹ Очарование, обаяние, блеск (англ.).

² Арендванный участок земли.

в дремучем лесу! Предположительно выросла она прямо на асфальте, и если когда-нибудь видела лес, то, должно быть, только в кино.

— Какие средства вы употребляете для очистки лица? — спросила она.

И в голосе ее слышалось, что она ожидает в ответ: «Грубую щетку для мытья пола!»

Я пробормотала нечто невразумительное о жидком мыле и воде, но, прежде чем я успела выступить с дальнейшими позорными разоблачениями, она похлопывающими движениями нанесла на мое лицо нечто безусловно наводившее на мысль о мускусе, амбре и о безумной, преступной любви в парижских будуарах. Я почувствовала необычайное воодушевление: из этого наверняка что-нибудь получится! Я сидела, предвкушая, как чертовски красива я стану и что скажет Тетушка о новеньком с иголочки облике племянницы. И тут мне без всякого предварительного предупреждения наложили прямо на физиономию ошпаривающе горячую салфетку. Рыжая визажистка зажала мне нос, желая, видимо, удостовериться, что моя дыхательная деятельность абсолютно прекратилась. Я испуганно подумала, что, видимо, она весьма раздражительна и сейчас вбила себе в голову намерение умертвить меня самым мучительным способом! Тут она исчезла. Я осталась одна, решив, что, возможно, меня собираются тут бальзамировать. История с горячей льняной салфеткой, казалось, указывала на это. Я уже почувствовала себя наполовину мумией, когда рыжеволосая вынырнула опять, вооруженная маленьким противным осколком льда, который она запустила на *sight-seeing*¹ по холмам и долинам моего лица. Тут я сочла, что настало время перейти к сдерживающим мерам, но рыжеволосая начала массировать, и постукивать, и похлопывать меня, так единственный шанс был упущен. Затем она быстро перешла к новым кремам

¹ Экскурсия (англ.).

и лосьонам и к шпаклевке моего лица. После многих часов усердной работы рыжая сказала, что теперь все готово. О боже, как я была красива! Хотя, разумеется, не могла пошевелить ни одной мышцей лица! Когда мне хотелось смеяться, кожа вокруг рта натягивалась. Но всегда ведь найдется возможность подумать о чем-то печальном, чтобы остаться серьезной. Да, конечно, я была красива: ресницы намазаны тушью «Маскара», на лице — тесто, на голове — потрясающие локоны, губы — как красный сигнал светофора. Обезумев от собственного триумфа, я поспешила послать открытку Яну. «Дорогой Ян, — писала я, — ты не поверил бы собственным глазам, если бы увидел меня после проведенного недавно сеанса красоты. Я американизирована до самых бровей, я — *real oomphgirl*!¹»

С обратной авиапочтой я получила ответ. «Сохрани свой свежий шведский тип», — писал этот дурак. Таковы мужчины!

Но к этому времени весь мой американский *glamour* уже остался в умывальнике. Тетушка, увидев меня, не произнесла слова *oomph*². Она сказала:

— Умойся!

То есть она выкрикнула это так громко, что слышно было по всему Нижнему Манхэттену. Затем она прочитала длинную проповедь на тему: «Истинная красота — красота внутренняя». Пожалуй, я и сама понимала: чтобы пробиться сквозь плотную оболочку моего лица, моя внутренняя красота нуждалась, самое меньшее, в консервном ноже... Я, спотыкаясь, двинулась в ванную.

Через пять минут я уже стояла перед зеркалом и мрачно разглядывала свежий шведский тип моего лица, где местами выступала внутренняя красота.

¹ Настоящая «аппетитная девочка» (*англ. устар. разг.*). Выражение 1930—1940-х гг., означавшее красотку, привлекательную прежде всего своей фигурой.

² Зд.: красотка (*англ.*).

IV

годы моей самой зеленой юности я была чрезвычайно застенчива и совершенно неслыханно убеждена в том, что мой нос совсем не таков, каким ему надлежит быть. Ян говорит, что в это трудно поверить, видя, какой дерзкой я стала теперь. Но так и было, это факт. В особенности трудно мне приходилось с новыми людьми. Я была совершенно смущена, несчастна и, вынужденная разговаривать с теми, кого плохо знала, покрывалась холодным потом. Войти в комнату, где сидели абсолютно незнакомые мне люди, которые воззрились бы на меня... думаю, если бы существовала возможность выбора, я бы лучше отправилась вслед за Даниилом в ров со львами¹. Но однажды я прочитала в газете, что подобные комплексы необходимо преодолевать. Надо только тренироваться в этом. Как только увидишь незнакомого ближнего, никому не причинившего зла, следует немедленно завести с ним веселую беседу. В трамвае, например. О, трамвай — замечательное место, для снятия комплексов!

¹ Пророк Даниил был брошен в львиный ров за привязанность к вере отцов и чудесным образом спасен.

Однажды в воскресенье после полудня я решила посвятить некоторое время такой тренировке. В центре у рыночной площади Ньюбруплан я влезла в переполненный трамвай № 4, пламенно желая: пусть с небес прольется огненный дождь, чтобы слегка отсрочить мои упражнения. Но тщетно! Все было точь-в-точь так, как и должно быть в шведском трамвае: скопище косо поглядывающих на тебя людей, ни один из которых, по-видимому, не жаждал вступить со мной в веселую беседу. В самом деле, авантюра, в которую я пустилась, была не из легких. Но тут уж ничего не поделаешь! Напротив меня сидела чрезвычайно изящная пожилая дама в черном. Ее-то я и избрала своей первой жертвой. Глубоко вздохнув, я как раз собиралась жизнерадостно заметить, какая чудная сегодня погода, как вдруг случилось нечто удивительное. Открыв рот, дама неожиданно пропела, словно кукушка:

— Ку-ку!

Тут я поняла, что ее, видимо, случайно отпустили в воскресенье из лечебницы для нервных больных, хотя выглядела она на редкость нормально и респектабельно.

Что ни говори, а мы — шведы — сильное и хорошо владеющее собой племя! Первая вспышка удивления, охватившая всех пассажиров вагона, быстро улеглась. У некоторых был несколько оскорбленный вид — из-за того, что их потревожили во время глубочайших раздумий. Но большинство снова обрело свое обычное, совершенно равнодушное, чуть кислое выражение лица. Пока мы объезжали весь Эстермалм¹, старая дама постоянно издавала свое все более и более ликующее «ку-ку!..». И никто не переменился в лице! У всех был такой вид, словно нельзя и представить себе более обычного и подходящего занятия для изящной пожилой дамы, как разъезжать по городу в воскресный полдень, издавая непрерывно «ку-ку!».

¹ Почти центральный, самый дорогой район Стокгольма.

У меня, во всяком случае, появилось сильное подозрение, что этот трамвай не лучшее место для избавления от комплексов. Вопреки всему не следует переоценивать людское самообладание. Сначала кукующая дама, затем я, чуть не вступившая в веселую беседу. Ведь могла начаться настоящая паника!

Я вышла на улице Оденгатен¹, полностью сохранив все свои комплексы. И последнее, что я слышала, прежде чем трамвай исчез в направлении Свеавеген², было веселое, ликующее «ку-ку!».

Зачем я так долго рассказываю эту историю? Дело в том, что я не могу избавиться от мысли, что было бы, если бы милая маленькая старушка вместо стокгольмского трамвая куковала в нью-йоркском автобусе? Какой бы тут начался переполох! Какое ликование! Пожилая дама наверняка имела бы не меньший успех, чем я, когда потеряла туфельку на Пятой авеню.

А было так. Мне надо было сесть в автобус, доехать до Вашингтон-сквер³, я хотела осмотреть знаменитый Гринич-Виллидж⁴. Я подбежала, запыхавшись, с воистину спринтерской скоростью в тот самый миг, когда автобус должен был отойти. Только он тронулся в путь, как я, совершив настоящий козлий прыжок, оказалась в автобусе, чего нельзя сказать о моей левой туфле! Она осталась лежать на асфальте, маленькая, коричневая, покинутая туфелька, а я с каждой секундой все больше удалялась от нее.

Ах-ах-ах, какой восторг это вызвало в автобусе! Сколько веселых шуток и упоминаний о Золушке! Окажись я в шведском автобусе или трамвае в тонком ней-

¹ Улица в центре города, в Васастене.

² Главная улица Стокгольма.

³ Площадь, от которой начинается Пятая авеню. К площади примыкают районы Гринич-Виллидж и Чайнатаун.

⁴ Богемный район, известный как колония художников, где весной и осенью проводятся выставки под открытым небом.

лоновом чулке, но без туфли, наверняка мои спутники были бы просто недовольны тем, что их потревожили, если бы вообще прореагировали на это происшествие. Иначе обстояло в моем американском автобусе. Всем показалось *таким* очаровательным, что на мне только одна туфелька. Мне тоже хотелось бы думать, что это очаровательно. Но почувствовать подлинный восторг мне не удалось. И что мне было делать? Существовало, насколько я могла понять, лишь две возможности. Либо по-прежнему ехать в автобусе, пока не зачухну, либо выйти на следующей остановке и допрыгать на одной ноге до туфли. Прыгать на одной ноге по Пятой авеню! Надо иметь невероятно развитое чувство юмора, чтобы посчитать это особенно веселым! Во всяком случае если прыгать придется тебе самой!

— Бедная маленькая Золушка! — говорили люди в автобусе.

Но тут кто-то внезапно закричал:

— Принц! Принц едет!..

Да, в самом деле, по Пятой авеню ехал принц. Хотя в отличие от Золушкиного принца у этого была обширная лысина! Но, ах, с волосами он или без, сладостно было видеть, как он в темно-зеленом «кайзере» едет вровень с автобусом, усердно потрясая моей туфлей.

На следующей остановке я помахала на прощание всем своим веселым спутникам и похромала из автобуса, сохраняя по возможности чувство собственного достоинства. Принц остановил машину и, дружелюбно улыбаясь, протянул столь необходимую мне лодочку.

— Могу я подвезти вас куда-нибудь? — осведомился он.

С виду он был очень добрый и совершенно не опасный, но я на всякий случай ответила:

— Спасибо, нет!

— О, вам не стоит бояться, — сказал он. — Мама учила меня быть вежливым даже с незнакомыми дамами.

— А моя Тетушка учила меня другому, — ответила я.

— *All right*, — заметил принц, — *you are a good girl*¹.

И приготовился отъехать.

— А вообще-то, — спросил он, собираясь тронуться в путь, — вы из какой страны?

Мой недавно приобретенный американский выговор был явно не столь совершенен, как я полагала.

— Из Швеции, — не без гордости ответила я.

— Вот как, значит, скандинавка, — одобрительно кивнул он. И в его голубых глазах внезапно зажглись огоньки. — Но тогда вы, вероятно, умеете готовить?

— Готовить?! — У меня мелькнула мысль о том самом «фальшивом зайце», который так основательно подгорел, когда я в последний раз испытывала свои кулинарные способности. Может, это и называется «готовить»? — Н-да, — неуверенно произнесла я.

— Разумеется, вы умеете готовить, — решил мой лысый друг. — Однажды у нас была девушка из Швеции, и *какие чудесные* котлетки она жарила!

И он поведал мне историю своих страданий. Оказывается, в этот самый вечер, сегодня, у него должен состояться обед² на двенадцать персон. А повариха и горничная — обе покинули его дом сегодня утром. Весь день он пытался найти им замену. Но тщетно! Я была его единственной надеждой.

Бедняга! Позволить сгореть его обеду... Это была бы ужасно подлая расплата за ту великую службу, которую он мне сослужил. И я ему об этом сказала. Огоньки в его глазах снова потухли. И тут я кое о чем подумала.

— Тетушка, — сказала я. — Моя Тетушка очень вкусно готовит.

Он подпрыгнул от восторга.

¹ Прекрасно, вы хорошая девушка (*англ.*).

² Обед в Америке вечером.

— Где этот ангел в образе тетушки?! — воскликнул он. — И что она делает?

Я не решилась сказать, что этот маленький ангел сидит в отеле и вершит суд над Америкой.

— Отвезите меня к ней! — с еще большим воодушевлением воскликнул он.

— Охотно, — согласилась я. — Но на ваш собственный страх и риск!

Мы поехали в отель. Я попросила мистера Бейтса — такова была фамилия моего вновь приобретенного друга — подождать внизу в *lobby*¹, пока я схожу наверх за Тетушкой.

Сидя, как обычно, за письменным столом, она гневно грызла ручку.

— Тетушка, — прямо, без обиняков сказала я, — там внизу сидит один лысый джентльмен, который хотел бы, чтобы ты приехала к нему и приготовила котлетки.

Тетушка была и остается женщиной, полной неожиданностей.

— Пожалуй, я могу это сделать, — мягко сказала она.

¹ Вестибюль (англ.).

V

а! — заскрежетала зубами Тетушка, когда мы немного погодя сидели в машине мистера Бейтса. — Ха, я покажу им, что значит готовить! В этой стране нет ни единого человека, имеющего представление о кулинарном искусстве.

— Да, но подумай, какой у них яблочный пирог!¹ — возразила я, готовая променять свое право первородства на такой пирог!

— С-с-с, — Тетушка зашипела, как кобра, — это ничего не значит! А как они обращаются с мясом!

Счастье, что мистер Бейтс, этот бедный милый человек, не понимал, о чем мы говорим. Он, такой довольный, сидел за рулем и, подобно лоцману, вел машину сквозь толпы людей, кишевшие на улицах послеполуденного Нью-Йорка, и был так счастлив, что решила проблема его званого обеда. Теперь гости познакомятся со *Swedish cooking*². А маленькая Золушка накроет на стол. Все будет так хорошо и мистер Бейтс останется

¹ Типичное американское блюдо; обычно пирог этот выпекается круглой формы, открытый или полуоткрытый. Известна поговорка: «Американский, как яблочный пирог».

² Шведская кухня (англ.).

так доволен! Мистер Бейтс проговорился, что чуточку нервничает, и добавил: нас, мол, это не должно огорчать.

О нет, мы вовсе и не думали огорчаться. Мы были так оживлены обе — Тетушка и я. Казалось, Тетушка перелетела через Атлантику только ради удовольствия приготовить котлетки, а все остальное, предпринятое нами в Америке, ничего не стоило. Вообще-то приготовить котлетки дома на улице Каптенсгатан было бы значительно дешевле, но мне не хотелось говорить об этом, чтобы не омрачать Тетушкиного счастья.

Сама же я радовалась тем социальным исследованиям, которые мне предстояло сделать в хижине Бейтса. После часа езды в автомобиле мы оказались у вышеупомянутой хижины, хотя назвать то, что предстало нашим глазам, хижинкой было трудно. Это была роскошная вилла с огромным садом.

— Обрати внимание, — шепнула я Тетушке, когда мы въезжали в ворота. — Кажется, мы наткнулись на первый редкостный экземпляр пресловутого американского миллионера. Только настоящий *big moneymaker*¹ имеет средства так жить.

— Фу, чепуха! Мало ли банков, где можно взять кредит, — прошептала мне в ответ Тетушка, только чтобы продемонстрировать: на нее, мол, это никакого впечатления не произвело. — Этих банков — пруд пруди!

Мистер Бейтс вкатил свой «кайзер» в гараж, где стояло еще два автомобиля, и торжественно провел нас по лестнице к белой роскошной вилле. Мы остановились на верхней ступеньке. Из дома доносились дикие истошные крики.

— Внимание, — сказала я себе, — теперь ты будешь изучать американскую семейную жизнь. Это, кажется, замечательно приятно.

— Моя жена чуточку нервна, — сказал мистер Бейтс.

¹ Человек, делающий большие деньги (англ.).

Он был, несомненно, прав. По крайней мере если кричащее существо, лежащее на кушетке в гостиной, куда мы вошли, была миссис Бейтс. Рядом на полу валялась брошенная книга, название которой было написано большими черными буквами: «Проснись и живи!». Миссис Бейтс явно этим и занималась. Но мне кажется, она несколько превратно поняла призыв книги. Не думаю, что писательница имела в виду такую сумасшедшую жизнь.

Неужели это и есть та Великая Американская Мать, о которой мы столько слышали?

Увидев нас, миссис Бейтс внезапно смолкла, поднялась с кушетки и, любезно улыбаясь, подошла к нам.

— *Beg your pardon!*¹ — сказала она Тетушке. — У вас никогда не было желания громко покричать?

— Да, было, в двухлетнем возрасте, — пробормотала Тетушка. — И тогда меня шлепали.

Но произнесла она эти слова по-шведски, и миссис Бейтс сочла их выражением сочувствия.

— Не правда ли, — сказала она, — это приносит колоссальное облегчение? По крайней мере мне: иногда, если я не могу пойти и убить кого-нибудь, я должна дико кричать. Было бы гораздо хуже, если бы я совершила убийство! — с лучезарной улыбкой добавила она.

С ней нельзя было не согласиться. Мистер Бейтс повернул между тем несколько слов, объяснив ей, почему мы явились сюда.

— *Swedish cooking* — разве это не *marvellous*?²

О да, миссис Бейтс была такого же мнения. В величайшем восторге всплеснула она своими пухлыми детскими ручками. А она-то как раз собиралась позвонить в клуб и заказать там обед для гостей!

Нас с Тетушкой заставили осмотреть дом. Это был первый американский дом, виденный мною в жизни, и

¹ Прошу извинить меня! (англ.)

² Изумительно (англ.).

я была в страшном напряжении: в самом ли деле он окажется таким украшенным оборками *cosy corner*¹, в котором имела обыкновение сиживать, ведя философские беседы, Мирна Лой?²

Действительно, оборок, и мебельных ситцев, и рюшей, и всяких завитушек там было предостаточно, но дом показался мне уютным. Если жить там постоянно, то, возможно, впадешь в тоску и возжелаешь более строгой обстановки, — не знаю. Пожалуй, здесь местами всего было в избытке. Особенно в спальне, в светло-голубых и розовых тонах и со множеством оборок во всех углах она походила на бонбоньерку. Наверное, это подходящий фон для милых молодых женщин в кружевах, но для громадных, сильных, молчаливых лысых мужчин типа мистера Бейтса определенно не мешало кое-где поубавить метр-другой рюшей и оборок.

Но кровати, эти американские кровати, они и в самом деле достойны восхищения. Широкие, прекрасные... Разумеется, в колониальном стиле, так же как и бóльшая часть мебели, которую я там видела. Америка так и не смогла забыть романтическую эпоху колонизации.

Да, да, кое-что я об этом уже слышала, прогуливаясь с Яном вокруг мыса Блокхусудден.

И еще была кухня, которая кого угодно свела бы с ума от зависти. Вовсе не потому, что я хотя бы на секунду поверила, будто все американские кухни являют собой такое чудо техники, какое видишь в кино. Но эта, во всяком случае, представляла собой одно из чудес: с посудомоечной машиной, гигантским холодильником и всеми прочими электроприборами, которые только

¹ Уютный уголок (англ.).

² Лой Мирна (настоящая фамилия Уильямс, 1905—1993) — актриса кино. Носила титул «Королева Голливуда». Получила «Оскар» в 1991 г.

смог придумать маленький изобретательный мужской мозг, чтобы удержать женщину на кухне. Миссис Бейтс, конечно, не принадлежала к тем женщинам, которых можно представить себе на кухне, да еще кормящими детей. Тем не менее она очень гордилась своей кухней и, воодушевленная нашим восхищением, демонстрировала все тонкости. Даже Тетушка была покорена. Что не помешало ей, когда миссис Бейтс удалилась (чтобы привести себя в порядок перед обедом, а может, чтобы еще немного покричать, кто знает), тихо бормотать, роясь во всех ящиках и шкафах в поисках разной утвари:

— Никакого порядка!

Потому что теперь пришло время заняться нашей *Swedish cooking*. Но тут все обстояло не так уж плохо, ведь меню было составлено заранее: устричный суп, ростбиф и мороженое. Но шведские котлетки, нанизанные на палочки, гости все равно получают как закуску к напиткам, которые мистер Бейтс всюду смешивал в баре.

— О Тетушка, как все получится, по-твоему? — жалобно спрашивала я. — Я ведь никогда прежде не накрывала стол к обеду! Как ты думаешь, ничего не случится, если я уроню кому-нибудь заakraхмаленный воротничок пару котлеток?!

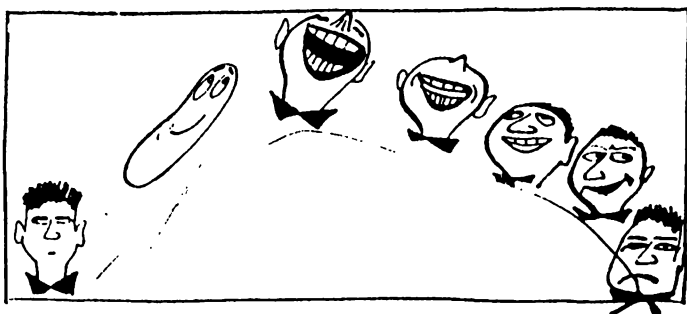
— Ничего страшного, — отвечала Тетушка. — Мои котлетки всегда хороши, куда бы они ни попали!

Потом вниз по лестнице проплыла миссис Бейтс в декольтированном платье из серебряной парчи. Глубокий вырез подчеркивал крепкие плечи и руки. В дверь позвонили, и потом мне приходилось то и дело открывать двери и принимать гостей. Они потоком хлынули в гостиную, где мистер Бейтс набрасывался на них, угощая напитками и похлопывая при этом по спине с такой силой, что мог бы встряхнуть все внутренности у несчастных гостей мужского пола, если бы они принадлежали к менее закаленной нации, чем американцы, издавна привычные к тяжелой жизни золотоискателей.

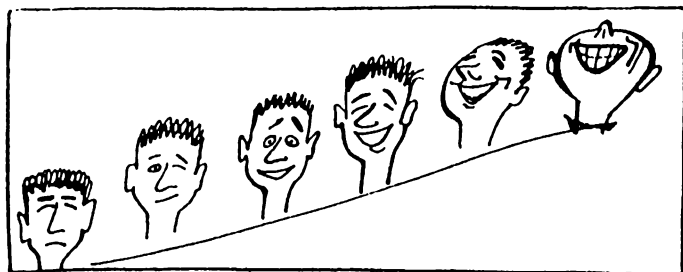

После первых тостов все выглядело так, словно «Калле Анка»¹ вошел в гостиную, крикая и всерьез перебраниваясь с дюжиной сородичей. Здесь не было и речи о том, чтобы стоять вдоль стен, таращась друг на друга, как предписывает приятный обычай у нас дома. В основном то была вина или заслуга коктейлей — в данном случае, вероятно, и то и другое! Когда гости выпивают на голодный желудок три-четыре коктейля, настроение должно подпрыгнуть до потолка, откуда затем медленно и планомерно понижается по мере того, как пиршество продвигается к финалу и на стол уже ничего, кроме воды со льдом, не подают! Потом я рисовала на столе кривые, чтобы объяснить Тетушке разницу в настроениях гостей на американском и шведском обедах.

Вот так выглядела американская кривая:

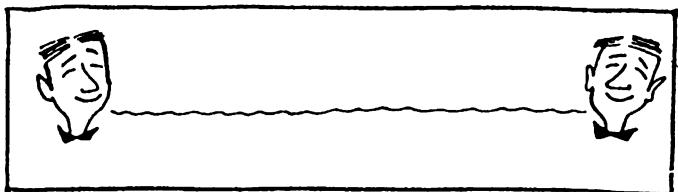
А вот так шведская:

¹ «Калле Селезень» — персонаж из популярного шведского журнала для детей.

Американская кривая поднималась с каждой новой порцией спиртного, а затем до самого конца обеда медленно опускалась. Это значит, что равнодушные лица быстро становились довольными и медленно — снова скучными. Шведская же кривая начиналась с хмурых лиц, которые постепенно прояснялись, а к концу обеда просто сияли.

Тетушка сказала, что туда, куда вино входит, оттуда разум выходит, часто опрокидывая огромные возы. Она сказала, что, мол, надеется: я никогда не стану употреблять крепкие напитки и настроение на моих обедах, если я буду их давать, когда выйду замуж за этого молодого болвана архитектора, будет таким, как на этой кривой. Она нарисовала равномерную курсивную линию, а я намалевала скупающие физиономии в ее начале и конце.

— Тогда у меня будут совершенно первобытно веселые празднества, — скромно заметила я.

Но во всяком случае, подумать только!.. Я смогла накрыть на стол без особых промахов.

Правда, я допустила одну оплошность, когда вошла с мороженым на подносе и увидела совершенно перепуганное лицо миссис Бейтс.

— Кофе! — прошептала она.

Кофе, оказывается, надо подавать *перед* десертом! Побежав на кухню, я уведомила об этом Тетушку. Она не ответила ни слова, но по выражению ее лица было видно, что она сочла Америку окончательно брошенной на произвол судьбы.

Социальные исследования... да, клянусь, я их проводила. Прямо над головами гостей! Могу заверить, что

лучший наблюдательный пункт — у того, кто склоняется над объектом своего исследования с блюдом ростбифа. Это просто как на «Paramount»¹. Видишь все и слышишь все. Видишь, как едят люди. Например, не пользуются одновременно ножом и вилкой. Нет, сначала разрезают мясо, затем кладут нож на тарелку, берут в правую руку вилку и запихивают в себя еду, как дети. Какая удача — узнать все это, прежде чем тебя саму пригласили куда-нибудь на обед! Ты стала бы абсолютно *social failure*², если бы ела так, как, считая себя хорошо воспитанной, приучилась есть с детства³. И слышишь тоже все. Слышишь, о чем болтают гости. И это не просто шуточная выдумка: американцы, мол, болтают лишь о *money-making*⁴. Фактически только это они и делают. По крайней мере мужчины. Дамы-то болтают и здесь о себе подобных, как у нас дома в Грэнчепинге.

Где-то я прочитала, что несчастье Америки связано с неутомимостью ее женщин. Не знаю, так ли это! Но те женщины, что сидели за столом в доме мистера Бейтса, — богатые и праздные, — производили такое впечатление, будто нервы у них не совсем в порядке. Во всяком случае, если бы они вдруг начали дико кричать, я бы не выронила ростбиф от удивления.

Потом, когда гости разошлись, мы с Тетушкой пили кофе в кухне. Мистер и миссис Бейтс поблагодарили нас за великолепный труд и заплатили каждой по восемь долларов. И если даже у тебя есть брат в Чикаго, все равно восемь долларов — всегда восемь долларов.

— Не будете ли вы так любезны остаться еще на несколько дней? — спросила миссис Бейтс.

¹ «Парамаунт» — известная киностудия.

² Социально несостоятельна, зд.: потерпела фиаско (англ.).

³ Кати здесь иронизирует, так как ее с детства приучили есть, держа вилку в левой руке.

⁴ Накопительство (англ.).

Пока ей не удастся найти новую повариху и горничную. Никакой грязной работы нам делать не придется. Этим занимается девушка-негритянка.

— Пожалуйста! — ответила Тетушка.

Миссис Бейтс так обрадовалась и так благодарила нас! И мистер Бейтс тоже. Потом они ушли к себе. Но по-видимому, миссис Бейтс вспомнила некоторые детали печального опыта с прежними поварихой и горничной, потому что, обернувшись в дверях, она шаловливо погрозила пальчиком и сказала:

— *Please remember*¹. Я не люблю, когда в доме ночуют посторонние мужчины.

— Еще этого не хватало! — пробормотала Тетушка. — О чем она думает?! В ее-то годы! Этакая старуха!

¹ Пожалуйста, запомните (англ.).

VI

Если у меня когда-нибудь будет дочь и это несчастное дитя не унаследует прекрасной внешности своей матери, стало быть, если моя дочь станет «серой кобылкой», я, нежно погладив ее по головке, скажу:

— Милое дитя, поблагодари Создателя за то, что не живешь в Америке!

Ведь к этому убеждению я пришла уже на начальной стадии своего пребывания в этой стране и абсолютно укрепилась в этом мнении, после того как познакомилась с ужасающим американским явлением, которое называется *dating*¹. То есть, хочу сказать, ужасающим для «серых кобылок»!

Разве легко быть молодой девушкой? Всегда и в любом месте земного шара, где бы ты ни жила? Воистину это трудно! Да и может ли быть иначе, если повсюду именно молодые люди, эти венцы творения, решают, станет ли жизнь юной девушки геенной огненной, или песнью торжествующей любви, или, быть может, лишь чуточку грустной. То, что тебе удалось пережить школьные танцы и балы ранней юности без больших шрамов

¹ Знакомство, свидание (англ.).

в душе, принадлежит к вечным загадкам бытия. Подумать только, сидеть в бальном зале в напряженном ожидании, когда тот или иной прыщеватый юнец сжалится над тобой и, тяжело наступая на твои мозоли, некоторое время покружит тебя под звуки «*One meat ball*»¹. (До тех самых пор, пока не почувствуешь, что у тебя вообще ног не осталось, а только *one meat ball*, откуда должны расти ноги.) Понимал ли когда-нибудь этот прыщеватый юнец, каково быть целиком отданной на его произвол? Понимал ли он, что ты сидишь и старишься прямо пропорционально той скорости, с которой он держит курс на супернахальную девицу за соседним столиком? Нет, конечно не понимал! Да и когда мужчины что-либо понимали! Дикая надежда, безумное отчаяние, тайный триумф и робкие мысли о самоубийстве... ах, какие только мысли и чувства не бурлили в чистой душе юной девушки в тот единственный танцевальный вечер. А то, что прыщеватые юнцы обладают такой властью над девушкой, во все времена почиталось безумством. Но это ничего не меняет.

И все же это еще идиллия по сравнению с тем, что приходится переживать американским девушкам! У американской девушки есть надежный барометр, по которому она может непосредственно определить степень своей популярности или ее недостаток у противоположного пола. Ей нужно лишь подсчитать число *dates*², то есть как часто и сколько молодых людей назначают ей свидания, приглашая на танцы и прочие увеселения. Возможно, кто-то и возразит: «Но в Швеции, вероятно, то же самое». Нет, не совсем так! Если тебя никто не пригласит в субботу вечером, то тебе во всяком случае не грозит дурная слава.

Я как-то видела в американской юмористической газете такую картинку. Отец семейства стоит с телефон-

¹ «Откуда ноги растут» (англ.).

² Зд.: свидания (англ.).

ной трубкой в руке, рядом с ним — плачущая юная дочь, а мама упрекает мужа: «Как ты мог сказать, что вечером в субботу она сидит дома!»

Дела твои плохи, если этот вечер ничем не занят заранее. Совершенно ясно: единственное, что может сделать в подобной ситуации молодая девушка, — это быстро решиться стать сестрой милосердия в приюте или благотворительном обществе при церковном приходе. Ты не очень популярна, если у тебя нет множества кавалеров на выбор и ты никого из них не отвергаешь.

Кроме того, во время этого *date* существует еще множество поводов для унижения. И существуют они и по сей день благодаря еще одному чисто американскому изобретению. Предположим, что тебе в поте лица удалось заставить какого-то парня пригласить тебя на какую-нибудь вечеринку или в дансинг. Ты порхаешь с ним в танце, ты счастлива и весела! Вы так думаете? Нет, девушке никогда не удастся по-настоящему повеселиться! Потому что теперь ты ждешь, чтобы кто-то другой, внезапно похлопав твоего партнера по плечу, попросил уступить ему на некоторое время его очаровательную даму. А вдруг никто этого не сделает?! А вдруг твоему собственному кавалеру придется танцевать с тобой до бесконечности, пока ты не увидишь, что из глаз его начинает струиться ненависть?! Большой позор едва ли можно пережить! Стоять, как дама, которую на балу никто не приглашает на танец, и тщетно поджидать партнера — просто детская игра по сравнению с тем, что знаешь: ты висишь, словно жернов, на шее у парня, которому никак от тебя не избавиться. А вдобавок видишь, как другие очаровательные девицы все время порхают, словно бабочки, от одного кавалера к другому.

Во всяком случае, и у меня было *date*, и я порхала, словно бабочка!

Но быть может, лучше рассказать все с самого начала, с того самого момента, как мы с Тетушкой открыли наши небесно-голубые глаза в комнате кухарки и

соответственно в комнате горничной семейства Бейтс. Это было на другой день после описанного выше обеда. Тетушка тут же бодрым галопом помчалась на кухню и принялась за дневные труды. Миссис Бейтс нужно было подать апельсиновый сок и кофе с тостами в постель, а мистеру Бейтсу — ветчину, яйца, овсяные хлопья и вафли в столовую. А после того как я накрыла на стол, мне следовало пропылесосить комнаты.

Я старалась изо всех сил, как вдруг услышала отчаянные гудки автомобиля. Я выглянула во французское окно¹. Маленький кремового цвета спортивный автомобильчик промчался по въездной дорожке и остановился у большого парадного крыльца. Кто-то выскочил оттуда. Выскочила оттуда Мисс Америка², не иначе. Смеющаяся, с широко расставленными ногами в красном габардиновом одеянии, она отлично выглядела на фоне кремового автомобильчика! Секунду спустя это очаровательное создание с шумом и грохотом пронеслось по всему дому, громко призывая *Daddy* и *Mom*³. Будучи сообразительной, я вычислила, что это, должно быть, ворвалась в дом юная мисс Марион Бейтс, которая, как уже просветила меня ее мамаша, пребывала в школе-интернате, но каждую субботу приезжала домой, чтобы провести *weekend* у родителей. Да, приехала не кто иная, как маленькая папочкина любимица, — это стало совершенно ясно, поскольку при виде ее он начал радостно горланить. Нас с Тетушкой позвали и представили мисс Бейтс: это, мол, туристы из Швеции, которые в ангельской своей доброте снизошли до того, чтобы задержаться под их крышей и выполнить некоторые мелкие работы.

Услышав рассказ о моей потерянной туфельке, мисс Бейтс громко и безудержно расхохоталась. Но в пол-

¹ Окно без подоконника, достигающее пола.

² Девушка, занявшая первое место на конкурсе красоты.

³ Папочку и мамочку (англ.).

день, после разговора по телефону, она больше уже не смеялась. Нет, тут она превратилась в Электру¹, чьи горестные крики огласили весь дом. Можно ли представить себе такое подлое невезение: Глория внезапно заболела! Я понятия не имела, кто такая Глория, но тоже подумала: «Как досадно, что она нездорова».

— Надо же ей было заболеть именно в субботу! — раздраженно сказала Марион.

Как раз когда Марион организовала такое очаровательное *double date*² Билл и Боб должны были заехать на своих машинах за Марион и Глорией, а затем вчетвером направиться в *country club*³ и там поужинать вместе с целой компанией молодежи из числа общих знакомых. А теперь все лопнет, и лопнет из-за чертовых миндалинов Глории, которой надо было удалить гланды еще в детстве! И где в такой спешке подыщешь Бобу подходящую пару? Усердные телефонные переговоры во всех направлениях принесли удручающие результаты.

— А не позвонишь ли ты Филлис? — беспокожно предложила миссис Бейтс. — Она наверняка свободна.

Марион окинула мать негодующим взглядом.

— Позволь спросить, что дурного сделал тебе Боб? — сказала она. — И за что он должен быть наказан такой спутницей, как Филлис?

Миссис Бейтс вздохнула. За чаем вновь завязалась оживленная беседа, и я, накрывая на стол, не могла не услышать бóльшую ее часть.

Внезапно Марион окинула меня взглядом.

— Какие танцы танцуют в Швеции? — спросила она.

По ее лицу можно было угадать, что она думает: «Наверное, водят хоровод, изображая народные обряды, а в виде исключения, когда начинается буйное веселье, —

¹ Героиня одноименной трагедии древнегреческого драматурга Софокла (496—406 до н. э.).

² Свидание вчетвером (англ.).

³ Загородный закрытый клуб для избранных (англ.).

польку». Я попыталась объяснить ей, что не вижу особой разницы в танцевальных упражнениях по обе стороны Атлантики. В этот момент, именно в этот, сверхгромко заиграло радио. В Америке оно всегда играет сверхгромко, — это была танцевальная музыка. Марион подпрыгнула и обхватила меня за талию. Мы принялись танцевать, а миссис Бейтс безмолвно взирала на нас.

— Она танцует, как ангел, — заявила Марион и отпустила меня. — Милая Кати, поедem со мной вечером в клуб!

Так мы и сделали. Вот как меня пригласили на первое американское *date*. Правда, наряда для танцев у меня не было, и пришлось одолжить зеленое тюлевое платье Марион. А Тетушка, руководствуясь докладом Кинзи¹, явно сочла наше мероприятие роковым.

Но я радовалась. Мы радовались вместе с Марион. Наконец появились Билл и Боб. Моим кавалером должен был стать Боб. И я с замиранием сердца наблюдала за ним, пытаюсь выяснить, не явилось ли мое общество для него таким же жестоким испытанием, как общество бедняжки Филлис. Но такого впечатления у меня не создалось. С сияющей улыбкой он протянул мне мой *corsage*². Букетик из мелких бутончиков роз, приколотый к корсажу, на фоне зеленого тюля выглядел потрясающе очаровательно.

Ой, как веселилась в тот вечер забывшая свой служебный долг «горничная»! Уже в тот момент, когда мы въехали на автомобилях на площадку для парковки и я увидела, как ярко светятся окна клуба, и услышала звуки музыки, вырывавшиеся наружу, когда открывалась дверь, — уже тогда я почувствовала, что этот вечер ста-

¹ Научное исследование Альфреда Кинзи (1894—1956) «Сексуальное поведение самца человека» (1948). Считается, что этот доклад положил начало сексуальной революции в США.

² Маленький букет цветов, который кавалер преподносит своей даме (фр.).

нет одним из тех, которые невозможно забыть даже на крайней стадии склероза и старческого маразма.

Надо уметь отличать один клуб от другого. Но этот был один из элегантнейших. Нам достался столик совсем рядом с барьером, окружавшим танцевальную площадку. В ту самую минуту, когда я уселась за столик, я решила повеселиться от души. Что и делала.

Если хочешь стать по-настоящему желанным *dating-partner*¹ и чтобы свидание удалось, не надо молчать. Существующий порядок, когда дамы во время танца непрерывно меняют кавалеров, предъявляет высокие требования к способности девушек быстро находить новые темы для разговора. Разумеется, можно было бы воспользоваться рецептом Фальстафа-Факира² — постоянно менять темы бальных бесед: кружась в вальсе, надо начать с разговора о погоде в нынешнем году, затем, после первого круга, перейти к разговору о погоде в прошлом году, потом — о погоде в позапрошлом, наконец — о погоде в позапозапрошлом, и так до бесконечности. Но настоящей веселой *line*³ в американском смысле этого слова определенно бы не получилось. *Line* — это веселая мирная болтовня, которую ведешь во время танца.

И вот что мне хочется сказать. Я вовсе не висела, как жернов, на шее Боба! О нет, я порхала, как бабочка. Потому что все до единого кавалеры хотели знать, что я думаю об Америке. И представьте себе, сколько шуток можно было извлечь, рассказывая о маленькой стране, откуда я родом! О дорогая моя родина, никогда не была ты мне так близка, так удивительно близка, как тогда!

¹ Партнер по свиданию (англ.).

² Персонаж известного шведского писателя, художника и карикатуриста Альберта Энгстрёма (1869—1940). Псевдоним шведского писателя и журналиста Акселя Валленгрена (1865—1896), автора пародий, рассказов и скетчей юмористического характера.

³ Светская беседа (англ.).

Когда я, кружась по всему залу в объятиях этих длинноногих, смеющихся, отменно танцующих американцев с их первобытным юмором, защищала тебя от них, саркастично и пламенно пресекая все попытки подчеркнуть преимущества огромной Америки перед маленькой Швецией...

— А *бибон*?¹ — спросил Боб. — Слышала ли ты когда-нибудь в Швеции о бибопе?

— Если тебе надо узнать о бибопе, — ответила я, — приезжай в Швецию. И спроси об этом первую встречную старуху семидесяти—восемидесяти лет, любую... Вся эта компашка — фанатки бибоба! Ты спросил, знаем ли мы что-нибудь о бибопе? В Швеции? Должна тебе сказать, там — настоящий культурный центр бибоба.

Боб нежно прижал меня к себе, и мы молча продолжали танцевать.

— У тебя, вероятно, есть в Швеции *boy-friend*?² — немного погодя спросил он.

— Да, — ответила я. — Да, есть!

— *Sorry*!³ — сказал Боб.

— О, ему можно дать отставку, — беззаботно заявила я.

Ведь в этот миг Ян был так далеко от меня!

Он был так далеко! А Боб, можно сказать, в высшей степени рядом. Билл и Марион, естественно, тоже! Мы, все четверо, пришли к согласию, что наше *double date* получилось очень удачным, мы хорошо провели время. Я охотно подтвердила это, хотя сравнивать мне было не с чем.

Стояла весна. Когда Боб повез меня домой, на небе виднелось несколько мелких звездочек. Он медленно

¹ Музыкальный джазовый стиль, возник в 1940-х гг., характеризуется новаторскими музыкальными интонациями, темповой импровизацией в сольных партиях и меньшей, чем в обычном джаз-оркестре, ритмической группой инструментов.

² Друг, приятель (англ.).

³ Жаль! (англ.)

вел машину, повторяя все время, пока мы не остановились у ворот сада, как замечательно, что мы встретились. У Боба был такой красивый голос. Свежая зелень листвы благоухала. Повсюду царило волшебное и сладостное настроение.

Но у меня есть одна маленькая привычка. Если я сижу в машине с молодым человеком и он пытается сказать мне, что я — самая милая из всех, кого он до сих пор встречал, то я обычно, сладко улыбаясь, голосом, трепещущим от сознания его правоты, произношу:

— *Is that so?*

Но — и тут тоже действует моя маленькая привычка — я не в силах произнести это, если вижу в этот миг Тетушку со свисающими косами, выглядывающую из окна комнаты прислуги: точь-в-точь старый индейский вождь, наблюдающий за прерией в надежде снять с кого-нибудь скальп. Назовите меня трусихой или как вам будет угодно — не могу, и все тут!

— Что это еще за старая сова? — недовольно спросил Боб.

— Моя Тетушка, — ответила я. — Моя Тетушка из Швеции.

— Ага, — сказал Боб, — одна из тех самых фанаток бибоба?

— *You said it, my boy!*¹ Одна из тех самых фанаток бибоба.

Я выскочила из машины и протянула ему руку на прощание.

— Спасибо за вечер! — сказала я. — *See you later, Bob!*²

Под заградительным огнем Тетушкиных глаз я медленно поднималась по лестнице.

Это было мое первое американское *date*.

¹ Ты сам это сказал, мой мальчик! (англ.)

² Пока, до скорого, Боб! (англ.)

VII

Тетушка, — елеинным голоском сказала я, — ты помнишь, какой очаровашкой я была в детстве?

Тетушка в ответ что-то буркнула.

— О Тетушка, каким было бы мое детство без тебя? Кто стал бы целовать и ласкать меня, укладывать по вечерам в постель, если бы не ты? Ты взяла к себе несчастную сиротку, ты дарила ей и любовь, и касторку (сколько нужно), и это исключительно твоя заслуга, что сегодня мы видим ответственную, зрелую, стройную и уверенную в себе молодую даму — истинное украшение своего пола.

Тетушка в ответ что-то буркнула.

— О Тетушка, моя благодарность...

— Хватит, — отрезала Тетушка. — Выкладывай, что тебе надо!

Она занималась тем, что укладывала наши пожитки в большую дорожную сумку. Сидя на краю ее кровати, я наблюдала за происходящим. Настал час покинуть дом Бейтсов. На следующий день ожидали новую повариху и горничную.

Целую неделю семейство Бейтсов наслаждалось Тетушкой, *Swedish cooking* и моим феноменальным искус-

ством накрывать на стол. Все это время миссис Бейтс не орала, как безумная, а по вечерам мистер Бейтс, вернувшись домой из конторы, водил нас по всему саду, позволяя восхищаться цветочными клумбами. Марион Бейтс, обняв меня на прощание и выразив надежду, что мы еще встретимся, вернулась в свой колледж.

А Боб! Да, Боб! С ним я встречалась довольно часто. И у меня было огромное желание встречаться с ним еще чаще. Ведь это был единственный шанс провести кое-какие социальные исследования и как нельзя более интенсивно смешиваться с народом. Я сказала о своем желании Тетушке. При этом у Тетушки появились морщинки вокруг губ, и она сказала, что не может понять, почему мои социальные исследования всегда концентрируются вокруг юных болванов с привлекательной внешностью. Уж Тетушка-то и мистер Кинзи знали том, что скрывается за этой приятной внешностью.

— Никакого сомнения, это волки в овечьей шкуре, — говорила Тетушка.

Мне нужно было сделать ей весьма деликатное предложение, и поэтому, присев на край кровати, я пыталась смягчить Тетушку трогательными воспоминаниями о моем детстве.

Боб был коммерсантом. Как раз на днях он собирался отправиться в деловую поездку на автомобиле. И хотел, чтобы мы с Тетушкой сопровождали его. Он абсолютно не настаивал на поездке Тетушки с нами, нет, такого условия он не ставил вовсе. Напротив, это сделала я.

Боб считал, что мне надо немного осмотреться и за пределами Нью-Йорка. Исключительно по этой причине он и хотел, чтобы я ехала с ним. По крайней мере он так говорил.

По большому счету меня даже можно пожалеть. Я слишком легко влюбляюсь. Я влюбляюсь вновь и вновь, хотя от всей души желаю, чтобы меня осенила великая, чистая, опустошающая страсть, в огне которой сгорели бы все мои мелкие мечтания. Я годами ждала

этой великой страсти. Но она все не приходила. Сегодня я думаю, что Ян — самый замечательный на свете, а завтра рассуждаю сама с собой: не больше ли мужского обаяния у постового полицейского, стоящего на углу? Я и сама не знаю, кто из них лучше. А теперь история снова повторяется с Бобом. Я фактически уже немного влюбилась в него. Говоря словами Тетушки, «в этом вопросе, естественно, существует одно сплошное сомнение».

Я вспоминала Яна и спрашивала себя, очень ли он огорчится, если я поеду с Бобом. В самый разгар сомнений я получила от Яна письмо.

Там не было ни слова о том, что ему меня не хватает. Напротив, он как бы мимоходом упомянул, что видел по-настоящему хороший фильм «вместе с малышкой Лундгрэн, если ты ее помнишь». Еще бы не помнить! Эту физиономию мопса не так-то легко забыть!

«Ну а чем развлекаешься ты, мой дружок?» — спрашивал он в конце письма.

«Социальными исследованиями, — написала я в ответ. — Исключительно социальными исследованиями». И вот после того, как я отнесла на почту это письмо, я и уселась на край Тетушкиной кровати, чтобы с помощью змеиной хитрости попытаться завлечь ее в машину Боба.

— Никогда в жизни! — заявила Тетушка. — Никогда в жизни! Это мое последнее слово!

Солнце светило так чудесно, когда на следующий день мы начали наше путешествие. Тетушка водрузилась на заднее сиденье, я уселась впереди, рядом с Бобом. Мы проехали печальные пригороды, и вскоре гигантский город оказался позади. А впереди была Америка. «Внимание, теперь мы, вероятно, увидим, как вздымаются Скалистые горы», — удовлетворенно подумала я.

Но ничего подобного. Если что и вздымалось, так это множество бензоколонок, стоянок и мотелей (практичные американцы складывают вместе два слова в од-

но, когда это необходимо, — *motor* и *hotel* становятся *motel*). Симсальябим!¹ Пожалуй, слово «отель» было слишком шикарно для некоторых маленьких провинциальных гостиниц и примыкающих к ним туристических бунгало вдоль обочины. Но нам встречались мотели всех видов и размеров. В самом деле, быть автомобилистом в США и весело, и удобно. Где угодно и когда угодно можно получить сандвич с курятиной, или бутерброд с ветчиной, или яблочный пирог, так необходимый тебе. Я никак не могла избежать сравнений, вспоминая наши с Яном воскресные прогулки в окрестностях Стокгольма той памятной весной, когда Яну удалось взять у брата его древнюю «тачку». И вот приезжаешь, бывало, голодный, как лев, в какой-нибудь городок. Хочешь перекусить, и желательно что-нибудь посвежее, времен правления нынешнего короля. Что тогда делаешь? Правильно, отгадали... идешь в городской отель. Иначе можно умереть с голоду. Терпеливо сидишь в скучном зале. Официантка после долгой и мучительной внутренней борьбы приносит тебе меню, из которого можно вычитать, что речь идет о простеньком обеде по умеренной цене пять крон семьдесят пять эре. Если меню не приглянулось, можно поесть *à la carte*². Это стоит всего лишь около семи крон. Такой порядок вещей нельзя поколебать, с таким же успехом можно попытаться изменить книгу Завета Моисеева³.

¹ Восклицание, употребляющееся как волшебная формула иллюзиониста.

² Порционное блюдо по заказу, не приготовленное заранее (фр.).

³ В библейской мифологии Моисей — предводитель израильских племен, призванный вывести израильтян из фараонова рабства сквозь расступившиеся воды Красного моря. На горе Синай Бог дал Моисею скрижали с «Десятью заповедями». В книге Завета, согласно библейским преданиям, записаны Моисеем принятые от Господа на Синае законы церковного и гражданского благоустройства.

Со вздохом решаешься заказать обед за пять крон семьдесят пять эре. А потом остается только ждать. Ждать, ждать, ждать, пока утекает твоя драгоценная юность и исчезает в волнах времени. И чувствуешь, как меланхолия, таящаяся в душе каждого существа, прорывается наружу. И ты смертельно пугаешь Яна, начиная внезапно говорить с ним «о жизни».

Я встречала множество иностранцев, восхвалявших Швецию и шведов в таких восторженных выражениях, что в качестве представительницы моей родины от восхищения начинала кудахтать, как курица. Но тут внезапно на их лицах появлялось чуть кислое выражение, и мое восхищенное кудахтанье застревало в горле. Потому что я знала, о чем они думают. А думают они о том времени, которое провели в тщетном ожидании в маленьких неуютных шведских ресторанчиках. Вспоминаю американца, который сказал, что как ни очаровательна Швеция, он никогда больше туда не поедет. Слишком драгоценно для него время. У него всего месяц отпуска, и он может потратить на ожидание еды не больше трех недель. Потому что ему очень хочется осмотреть еще и замок, и городскую ратушу. Конечно, парень этот был брюзга и нытик... да, он был очень недоволен тем, что никто не хотел показать ему дорогу в ближайший ночной клуб, когда он проезжал мимо Грённы¹. Но если он даже и был брюзга и нытик, то вовсе не удивительно, что его начинала одолевать тоска по дому при одной мысли о том, с какой быстротой можно получить там гамбургер, дымящийся на прилавке в любом маленьком буфете в Штатах. Там даже не надо вылезать из «тачки», чтобы поесть; во многих местах тебя обслуживают прямо в автомобиле. Но такой степени развития, надеюсь, нам в Швеции никогда не достигнуть.

¹ Небольшой городок в Смоланде. Смоланд — одна из южных провинций Швеции, родина Астрид Линдгрен.

— А ты не боишься врати в автомобиль? — спросила я Боба, когда мы как-то решили посмотреть кино, не вылезая из машины. Кое-где в США встречаются кинотеатры под открытым небом и без скамеек. Публика въезжает прямо в машинах на площадку перед белым экраном.

Для нации, которая так органически срослась с автомобилями, практически не может быть и речи о том, чтобы прогуливаться, наслаждаясь природой. Насколько я понимаю, американский народ считает, что природа годится только для того, чтобы, сидя в машине, бешено мчаться мимо нее.

— Могла бы ты представить себе, что живешь в Америке? — тихо спросил меня Боб, чтобы Тетушка, сидящая сзади, не услышала его. Однако голос его был все же не настолько тих, чтобы не заметить, как он гордится своей страной и как твердо уверен, что каждый человек на земном шаре должен мечтать жить в ней.

Я спросила себя: «Хочу ли я остаться в Америке?» Остаться среди этих приветливых, не связанных условностями людей, жить их жизнью, которая так *easy-going*¹ и может стать весьма приятной благодаря их неслыханным природным ресурсам. Нет, я ни в коем случае не хочу остаться здесь навсегда! Внезапно я почувствовала болезненную тоску и желание бродить по шведскому летнему лугу, тихо странствовать в шведском лесу, погрузиться в глубину шведской природы, а не проноситься сквозь нее в погоне за *sight-seeing*². Осмотр достопримечательностей — к этому и принаравливается американская природа. На расстоянии все выглядит так красиво! Линии ландшафта мягки и ласкают глаз. Повсюду виднеются *nice views*³. Но крайне редко непосредственно окружающая тебя природа манит совершить экскурсию.

¹ Беспечна (англ.).

² Осмотр достопримечательностей (англ.).

³ Приятные пейзажи (англ.).

«Американская природа — разве можно рассказать о ней всего лишь через несколько дней езды в машине? — восставало мое лучшее „я“. — Понравилось бы тебе, если бы кто-нибудь так самонадеянно высказался о европейской природе, после того как проехался, например, по Смоландскому плоскогорью?»

Я смиренно призналась себе, что в Калифорнии, видимо, все иначе, и принялась болтать с Бобом.

Еще прежде чем мы пустились в путь, Боб занял довольно скептическую позицию в вопросе о преимуществах путешествия вместе с Тетушкой, расположившейся на заднем сиденье. Но я утешила его, сказав, что Тетушка по причине своего преклонного возраста в машине всегда хочет спать.

— Она практически все время спит, — заверила я его, после чего лицо Боба значительно просветлело.

— Ведь ты сама понимаешь, — сказал он, — мне захочется поболтать с тобой о том о сем, и нежелательно, чтобы кто-то слышал каждое слово.

Мы ехали уже целых два дня, и на челе Боба снова стугустились тучи.

— Если хочешь знать мое мнение — она крайне энергичная и жизнедеятельная дама! — сказал Боб. — Или же это необычайно тяжелый случай бессонницы. Она нуждается в медицинском обследовании. Ведь можно принимать пилюли.

— Что вы там говорите о пилюлях? — услышали мы с заднего сиденья голос Тетушки, бодрой, как только что проснувшаяся птичка. За два дня она даже не вздремнула, и Бобу так и не удалось поболтать со мной ни «о том», ни «о сем».

Мы еще более молча поехали дальше. На заднем сиденье тоже стояла тишина. Тетушка сидела с закрытыми глазами, и Боб, собравшись с духом, сказал:

— Мне кажется, в шведских девушках есть что-то особенное. Разумеется, я знаю не очень многих,

но, во всяком случае, Гарбо, Бергман...¹ а еще ты, Кати!

— Ну а я? — сердито спросила Тетушка и открыла глаза.

Мы ехали дальше в еще более глубоком молчании. Слышалось только, как тарахтит мотор. Мне самой захотелось спать. Боб обернулся и посмотрел на Тетушку.

— Да, в самом деле, — прошептал он. — Думаю, природа взяла свое. Кати, — через некоторое время продолжил он, — ты веришь в любовь с первого взгляда?

Не успела я ответить, как за нашими спинами послышался тонкий, чуть суховатый голос:

— Конечно верит. Она всегда влюбляется с первого взгляда.

Угнетенность — самое верное слово, какое я могу придумать, чтобы описать настроение, воцарившееся в автомобиле в ближайший час. Потом мы приехали в небольшой городок, где Боб должен был проинспектировать филиал своей конторы. Поблизости находился чудесный заповедник, и Боб оставил мне машину, чтобы, пока он не вернется, мы вместе с Тетушкой объездили этот парк.

— Послушай-ка, Тетушка! — рассерженно сказала я, когда мы, оставшись одни, рулили под сенью заповедных дубов. — Неужто, в самом деле, тебе так необходимо было высказываться о любви с первого взгляда?

Ответа я не получила. Единственный звук, который я услышала, был равномерный храп Тетушки, смешивавшийся с мягким шелестом деревьев.

¹ *Гарбо Грета* (наст. фам. Густафсон, 1905—1996) — знаменитая американская актриса шведского происхождения; *Бергман Ингрид* (1915—1982) — известнейшая шведская актриса, снималась и в США, получила две премии «Оскар» (1944, 1975).

VIII

олнце село, и наступил вечер, и мы с Бобом пошли в кино в забытом Богом городке, куда причалили на ночь. Тетушка спала в одном из туристических бунгало рядом с мотелем совсем близко от городка, куда мы завернули. Да, она спала как убитая.

— Рано или поздно природа берет свое, — сказал довольный Боб.

Вооруженные колоссальным пакетом попкорна, мы вошли в сверкающий рай, который являл собой самый большой кинотеатр городка. Попкорн, как каждому известно, — воздушная кукуруза. А если не каждому известно, какие колоссальные количества этого своеобразного лакомства потребляются в Америке, спросите у меня. Я сказала Бобу, что если, упаси бог, кто-то кого-то случайно переедет и возникнут трудности с установлением личности жертвы, то вскрытие обязательно даст ответ на этот вопрос. Если живот набит кукурузой, то это либо американец, либо курица. Не хочу сказать о попкорне ни единого дурного слова, но шуршание целлофановых пакетов и хруст кукурузы, перемалываемой зубами как раз в тот момент, когда Бетт

Дэвис¹ выходит в звездную ночь с одним желанием — умереть, так сбивают с толку, что тут уж ничего не поделаешь — в твоём духовном мире начинается некоторый кризис.

А вообще-то в американских кинотеатрах тебя сбивают с толку и без попкорна. Я пришла с Бобом в кино, такая счастливая, что увижу настоящий потрясающий триллер, который заставит волосы на голове встать дыбом. А что получается? Только я опускаюсь на свое место и поднимаю глаза к экрану, вижу: там стоит отвратительная личность мужского пола с окровавленным ножом в руке, а полицейские устремляются к ней со всех сторон и один из них говорит тому самому с ножом:

— Стало быть, вы и есть убийца. Ладно, меня это не удивляет!

Разве? Меня это несказанно удивило! Это произошло на экране так внезапно! Толкнув Боба в бок, я прошептала:

— Это что еще за шутки? Мы ведь пришли в середине картины!²

— Это не важно, — прошептал в ответ Боб. — Мы останемся, пока не посмотрим всю картину — с начала до конца.

Ну и ну! Только представить себе такое! Я спросила Боба, как он читает детективные романы, тоже с конца?

Но именно так и ходят в кино жители Америки! Люди все время поспешно входят и выходят, и садятся на свободные места, и совершенно не реагируют на то,

¹ Дэвис Бетт (наст. имя Рут Элизабет, 1908—1989) — выдающаяся драматическая и комедийная киноактриса Америки, лауреат премий «Оскар» (1935, 1938).

² В Америке и в ряде стран Европы в кинозал можно заходить в любое время действия и сидеть там сколько угодно, чтобы посмотреть весь фильм.

что Кларк Гейбл набрасывается на Лану Тернер¹ с криком «Наконец, наконец-то ты моя!» еще прежде, чем зрители вытащат пакеты с попкорном, и прежде, чем хотя бы мало-мальски убедятся в том, что у Кларка вообще-то благородные намерения в отношении Ланы. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве в этом случае американцы не похожи на детей? Веселых и приветливых детей, которые смотрят живые картины. Им весело оттого, что герои движутся и что одновременно звучит музыка и раздаются крики. Но то, что, собственно говоря, происходит на белом экране, явно не очень существенно.

Между тем я попыталась сконцентрировать внимание на действиях убийцы, но, о боже, до чего же странно он себя вел! Вместо того чтобы убивать и беспрерывно трудиться, чего можно было бы ожидать от профессионала, знакомого с чувством ответственности, он взял нож для сала на кухне Бейтсов. И тогда прибежала Тетушка и в бешенстве закричала: «Убийца, пусть грех этот останется на твоей совести!»

Верно, все так и произошло, потому что убийца, сев в машину Боба, помчался прямо к крутому обрыву; мне эта картина казалась безумно увлекательной и интересной до тех пор, пока не обнаружилось, что я тоже сижу в этой машине.

В самую последнюю минуту я проснулась — еще секунда, и я бы уже лежала в пропасти, разбившись насмерть. От радости, что я еще жива, я повернулась к Бобу, и... он тоже спал! Он не просыпался до тех пор, пока полицейские, подойдя к нам уже во второй раз, не констатировали:

— Значит, все-таки вы убийца!

Боб, окончательно проснувшись, огляделся и спросил:

¹ Гейбл Кларк (1901—1960) — выдающийся американский актер театра и кино; Тернер Лана (р. 1920) — актриса кино. Успешно снималась во многих фильмах.

— Я спал?

— Да, — ответила я, — рано или поздно природа берет свое.

Боб смутился.

— Могла бы разбудить меня! — сказал он.

Тогда я возразила:

— Как я могла это сделать, если природа по отношению ко мне тоже взяла свое!

Потом мы покинули кинотеатр. И до сих пор я не знаю, кого убили и почему. Зато я знаю, кто совершил преступление, и могу в этом поклясться. Потому что полицейские громко и отчетливо заявили, кто убийца. Причем дважды!

Потом мы пошли в драгстор Дональда, чтобы взбодриться чашечкой крепкого кофе.

Американский драгстор, я снова хочу воздать тебе славу за твой домашний уют и удобства. И горе тому переводчику, который назовет тебя «аптекой», — если, конечно, этот перевод попадется мне на глаза.

Взять хотя бы этот примечательный драгстор в том же маленьком, никому не известном, ничем не примечательном городке. Как приятно было войти туда и взобраться на высокий красный стул перед стойкой, за которой некоему могущественному волшебнику в белом одеянии удалось каким-то таинственным образом приготовить и подать Бобу и мне по чашке кофе с чудесными пышками. Он поджаривал благоухающий гамбургер для сидящего рядом с нами пожилого джентльмена, подвигал две гигантские порции мороженого двум девочкам-подросткам и откупоривал бутылку кока-колы веснушчатому юнцу лет десяти. Драгстор — место в какой-то степени оживленное, где все происходит в быстром темпе и где клиенты постоянно сменяются. Возможно, это в основном зависит от того, что драгстор — одновременно не только кафе, но и магазин. Для меня, привыкшей дома в Швеции к неизменному закрытию магазинов в шесть часов вечера, неописуемо прелестным

показалось то, что здесь почти посреди ночи я смогла купить большую банку крема от Элизабет Арден¹, бумагу для писем и разные другие жизненно необходимые предметы.

Драгстор, по всей вероятности, играл также роль светского клуба. Мистер Дональд, стоявший за стойкой, знал здесь, очевидно, всех, кроме Боба и меня. И ему, право же, понадобилось совсем немного времени, чтобы выяснить, откуда я приехала. И тогда ему захотелось узнать, очень ли мы боимся России, а пожилой джентльмен, сидевший рядом с нами, охотно и услужливо объяснил нам, что неправильно в политике Швеции. А я, с набитым пышками ртом, слушала его, думая, что, пожалуй, могла бы передать его мудрые слова людям, которые в них нуждаются. Но тут поглощавшие мороженое девочки-подростки захотели услышать, есть ли в Швеции по-настоящему красивые парни, и я сказала:

— Ну да, есть, конечно, и они так красивы, что на них надо смотреть сквозь закопченное стекло, чтобы не ослепнуть.

И тогда веснушчатый юнец сказал:

— *Gosh...* — и добавил: — *Can I have another coc, please!*²

Все было так интимно, уютно, и я по-настоящему огорчилась, когда Боб сказал, что время его парковки за двадцать пять центов истекло и нам пора ехать домой.

* * *

Домой к Тетушке. Домой в туристические домики. Это были семь почти одинаковых *cabins*, выстроившихся в ряд.

¹ Известная косметическая фирма.

² Боже ты мой... Можно мне еще кока-колу, пожалуйста! (англ.)

— Послушай-ка, Боб, — сказала я, — ты не помнишь, в какой *cabin* остановились мы с Тетушкой?

— Не номер ли это четыре слева? — слегка замешкавшись, спросил Боб.

Сам он жил в крайней хижине справа.

— Номер четыре слева? — переспросила я. — Помоему, это был номер три.

Он думал и сомневался, я думала и сомневалась... А лучше всего было бы просто знать наверняка.

— Предположим, я открываю дверь в хижину номер четыре и вместо Тетушки встречаю там часовщика из Цинциннати... — боязливо сказала я Бобу.

— А что плохого в часовщике из Цинциннати? — громко расхохотавшись, спросил Боб.

— Дурак! — ответила я. — Давай послушаем у дверей. У Тетушки храп специфический, тут уж я не ошибусь: оррх-пух, оррх-пух!

— Тсс, — шикнул на меня Боб. — Ты храпишь так, что разбудишь даже мертвых!

Думаю, я посвящу себя в будущем сравнительному храповедению. Это в самом деле интересно! Мы с Бобом занимались наблюдениями долго, и ой до чего ж это было полезно! Начали мы от дверей номеров три и четыре, но вскоре воодушевились так, что распространили наши исследования и на другие кабины. Собственно говоря, ничего особо хорошего в этом не было, потому что полученные в результате ошеломляющие данные совершенно сбили меня с толку. Сначала я была абсолютно уверена в том, что храп «оррх-пух, оррх-пух», доносившийся через дверь номера четыре, был лейтмотивом Тетушки, но постепенно я начала в этом сомневаться. Оттуда слышался также громкий посторонний звук «ош», объяснить который я как следует не могла.

Боб стоял, прижавшись ухом, напоминавшим кочанчик цветной капусты, к двери номера три. Восхищенно улыбаясь, он спросил:

— Что ты думаешь о человеке, который храпит: кррр-пи-пи-пи, кррр-пи-пи-пи?

— Звучит потрясающе, — ответила я. — Видно, жирный человек, который по ночам спит крепким сном. Отец семейства в полосатой пижаме.

— Ну, пожалуй так, — согласился Боб.

— Да, это решает дело, — обрадовалась я и посмотрела на дверь номера четыре.

В этой низенькой хижине Тетушка разбила лагерь на ночь, здесь опустила она на подушку свою усталую голову.

То, что дверь была не заперта, подкрепило мое предположение. Дело в том, что ключ у нас был один на двоих и мы с Тетушкой решили, что пусть дверь будет открыта, пока я не приду.

Мы с Бобом коротко и энергично пожелали друг другу спокойной ночи, и я как можно тише, чтобы не разбудить Тетушку, прокралась в хижину. И бесконечно осторожно начала раздеваться в темноте. Тетушка храпела:

— Оррх-пух. — Но иногда: — Ош!

Да, иногда «ош!». Внезапно в душу мою закралось сомнение: что-то не так! В этом «ош!» крылось что-то зловещее и ужасное. Я подкралась к Тетушке и осторожно опустила руку. Я осторожно опустила руку... на щетинистый ус. У Тетушки, правда, были легкие усики над верхней губой, но не могли же они вырасти в *такие* могучие усы с тех пор, как я видела ее в последний раз. Подавив крик, я выскочила в дверь, сопровождаемая жутчайшим «ош!».

Я направилась к номеру семь, где жил Боб. Пылая жаждой мести, я постучала в дверь, и Боб высунул голову.

— Это *ты* сказал, что я остановилась в номере четыре? — строго спросила я.

— А разве не ты это сказала? — спросил Боб.

— Нет, не я!

— Ну ладно, кто же там тогда живет? — осведомился Боб.

— Судя по храпу и усам — часовщик из Цинциннати, — ответила я. — Тот, на кого объявлен полицейский розыск за убийство жены и превышение скорости.

— *Sorry*, — извинился Боб.

— А теперь я пойду и лягу спать в номере три, — сказала я.

Так я и сделала. Я влезла в кровать, твердо решив наутро призвать Тетушку к ответу за то, что она, не предупредив меня, перешла с «оррх-пух» на «крррр-пи-пи-пи».

IX

Почти с самого первого дня нашего знакомства с Бобом он бредил кленовым сиропом и гречишным печеньем, а также усадьбой, где в детстве обычно проводил лето. Если я правильно поняла его восторженное мурлыканье, должно быть, с этим домом, а также с кленовым сиропом и гречишным печеньем было связано нечто особенное. А теперь случайно сложилось так, что мы находились где-то поблизости от рая его детства, и все цифры продаж, и сметы, и рекламные кампании, которыми была забита голова Боба, как ветром сдуло. Тем самым мягким весенним ветром, что взъерошивал его каштановые волосы. И Боб внезапно почувствовал, что тоскует по тем камням и по той земле, где играл ребенком.

— О'кей, — сказала я, — держи курс туда!

С глубоким сожалением мы с Тетушкой покидали нашу маленькую хижину, так прекрасно обустроенную — с горячей и холодной водой, по-настоящему удобными кроватями, радио и всем необходимым. Мой часовщик из Цинциннати все еще дремал в номере четыре, когда мы тронулись в путь.

Словно нескончаемая асфальтовая лента, петляла перед нами дорога.

— В самом деле все дороги в Америке такие ровные, гладкие и асфальтированные? — спросила я Боба.

— Подожди немного, — ответил он, — скоро ты увидишь кое-что другое.

Повсюду у обочин, по крайней мере у всех выездов из городов и поселков, стояли люди. Они голосовали, желая проехаться автостопом — бесплатно, на попутной машине. Они делали традиционный знак большим пальцем руки, но мы безжалостно проезжали мимо.

— У тебя что, нет сердца, Боб? — спросила я, таявшая при виде каждого несчастного большого пальца, мимо которого мы проезжали.

— Есть! Это как раз у меня есть! — сказал Боб, бросая многозначительный взгляд на Тетушку. — Есть подлинное сочувствие, и ничего иного.

Но тут я почувствовала себя оскорбленной за Тетушку. Если даже голосовавший на дороге и не мечтал расположиться на заднем сиденье рядом с маленькой сердитой Тетушкой, в высшей степени не одобрявшей его появления, следует к чести Тетушки сказать, что она еще никого ни разу не укусила.

Все эти голосовавшие словно подтолкнули меня... и я подумала: как, собственно говоря, я себя веду? Разве не в обычае порядочного туриста в Америке посвятить себя немного этому виду спорта? Могу ли я в самом деле позволить себе вернуться на свою дорожку старую родину и признаться, что ни разу, ни капельки не проголосовала на дороге, ни разу не проехала автостопом? Не подобает ли мне вместо этого явиться с высоко поднятой головой, с гордым сознанием того, что я исполнила свой долг? *Sweden expects every tourist to do his duty*¹, — я решила выполнить свой!

¹ Швеция надеется, что каждый турист выполнит свой долг (англ.). Перефразировка слов знаменитого английского флотоводца Горацио Нельсона (1758—1805).

— Высади меня здесь, — попросила я Боба, — и проезжай несколько миль вперед, а я попробую проголосовать, не подвезет ли меня кто-нибудь, а потом я проголосую вам!

— Никогда в жизни, — заявила Тетушка. — Никогда в жизни! Это мое последнее слово!

Как только Боб с Тетушкой и автомобилем исчезли за ближайшим поворотом, я бросила соколиный взгляд на противоположную сторону дороги, чтобы высмотреть подходящую жертву. И вот появился огромный черный автомобиль с огромным черным парнем за рулем, но мне показалось, что вид у него коварный и ненадежный, и я не стала махать большим пальцем. Тем не менее он затормозил и любезно спросил:

— *Have a lift?*¹

— Нет, спасибо, — ответила я.

Ведь необходимо прежде оглядеться, чтобы «не связаться со всяким сбродом», как имеет обыкновение говорить Тетушка.

Потом появился маленький, старый и расхлябанный автомобильчик, и в нем сидел маленький человечек с мягким и благонравным выражением лица. Я игриво помахала большим пальцем. Это помогло.

Да, мистер Милтон действительно был благонравным человеком, а также принадлежал к Обществу трубачей, возвещающих Судный день². Разве это не вселяет уверенность? Я поискала глазами: *где же труба*, но ее не было видно. Найдись она, вот был бы номер, да такой эффектный, который заставил бы Боба с Тетушкой вылупить глаза, явись мы с грохотом под громкие трубные звуки — я и Трубач, возвещающий Судный день! Но должно быть, Судный день еще по-настоящему не наступил.

¹ Вы поднимали руку? (англ.)

² В некоторых религиях — суд над людьми при так называемом конце мира.

Вместо трубы автомобиль мистера Милтона был битком набит трактатами, которые ему нужно было раздать людям, чтобы пробудить их сознание. Кроме того, он вез с собой Библию, и вез ее именно с определенной целью.

Как известно, затея с автостопом на дороге совсем небезопасна. Она может оказаться опасной для голосующего, если он попадет в машину пьяного лихача, помешанного на скорости, или алкоголика какого-нибудь другого рода. Но затея эта может оказаться опасной и для того, *кто* сажает к себе в машину незнакомого странника. Случалось, что водителя в благодарность за такую любезность вознаграждали пулей в голову, а славный пассажир исчезал вместе с автомобилем, бумажником и всем прочим.

Чего-либо в этом роде мистер Милтон пережить не хотел и придумал такую уловку. За то, чтобы проехать автостопом в его машине, нужно было согласиться на определенное условие. Надо было все время читать ему вслух из Библии. Мистер Милтон рассуждал, что, если сидишь и возвещаешь слово Божие, неуместно прерывать чтение, дабы вогнать пулю в своего ближнего. Во всяком случае, если попытаться заняться и тем и другим — читать Библию и стрелять одновременно, — возникнет определенная сумятица.

Я послушно начала читать. Мистер Милтон дружелюбно, но решительно поправлял мое произношение, когда это было необходимо. Автомобиль трясся, и было не очень легко следить за строками, но мистера Милтона не беспокоило, если я то тут, то там перескакивала строку или, случайно ошибаясь, прочитывала одну и ту же строку дважды. Не имею ни малейшего представления, как выглядел ландшафт, мимо которого мы проносились. Я успевала лишь время от времени, переворачивая страницу, посмотреть, нет ли поблизости машины Боба!

Ничего против метода мистера Милтона я не имею, но мне кажется — при поездках на *бóльшие* расстояния

он не годится. Я испытала глубокое облегчение при виде хорошо знакомого зеленого автомобильчика, тихо стоявшего у обочины, и хорошо знакомой Тетушки, беспокойно таращившей глаза и пытавшейся разглядеть дорогу через заднее стекло. Я сердечно поблагодарила мистера Милтона и вышла из машины в самый разгар чтения второй Книги Моисея.

Это было в первый, последний и единственный раз, когда я ехала автостопом. Но теперь пусть конторские девушки, и Ян, и все кому не лень спрашивают меня:

— Удалось тебе проехаться автостопом по дорогам Америки?

О, как я тогда, сверкая глазами, отвечаю:

— *Удалось ли мне!.. Sure!*¹ Строго говоря, автостоп — мой любимый вид спорта!

Потом постепенно асфальтовые автострады остались позади, и мы въехали на какие-то бесконечно холмистые, ухабистые и каменистые извилистые дороги, которые наверняка никто не приводил в порядок со времен Гражданской войны².

— Похоже, камни, на которых ты играл ребенком, все в основном лежат на проезжей части, посреди дороги, — кисло сказала я Бобу, чувствуя, как от тряски отрываются мои почки.

Боб попытался было утешить меня тем, что долго продолжаться это не может, через три-четыре часа мы будем на месте. Да, так он думал...

Боб взял с собой корзинку для пикника, потому что в этой забытой Богом местности не было никаких кафе и буфетов, где можно было бы перекусить.

Я слепо верю: мир злобен. Когда мы удалились достаточно далеко от всего, что зовется бензоколонками и ремонтными мастерскими, мотор начал стучать и чи-

¹ Несомненно! (англ.)

² Гражданская война в США (1861 — 1865) между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом.

хоть. До чего хитро придумано! До этого он работал как часы! Никакого намека на забастовку, пока мы ехали по дорогам, где ремонтные мастерские попадались на каждом шагу, вытесняя друг друга. Но теперь мотор почувствовал, что у него появился шанс... С улыбкой удовлетворения он заглох прямо посреди дороги, ведущей в гору, и приготовился повеселиться часок-другой.

Дикие проклятия Боба, когда он нырнул головой под капот двигателя, выжгли траву у обочины. Тетушка и я, выйдя из машины, уселись каждая на свой камень и стали ждать. Ждали мы долго. Выражение лица Тетушки красноречивее слов говорило: «И зачем нам понадобилось ехать в Америку?»

Но, лояльная как всегда, она пыталась более чем когда-либо прежде изо всех сил помочь Бобу. Она советовала ему, как и что он должен делать. Я хочу сказать: она делала ему небольшие, но дельные предложения. Разумеется, Тетушка ничего не смыслит в моторах, но иногда видишь яснее, если не обременен сбивающими с толку познаниями. О, сколько дельных предложений она сделала! Боб стонал, — надеюсь, от переполнявшего его чувства благодарности.

Прошел час. Прошло два часа. Я сидела на своем камне, обхватив голову руками, и подбадривала Боба, громко напевая грустную песню:

— *Darling, I am growing older...*¹

Тут Боб, отшвырнув гаечный ключ, помчался, как спринтер, к ближайшей усадьбе, чтобы вызвать по телефону аварийную машину.

Вернувшись, он чуточку стер с себя смазочные масла. А потом, в ожидании, когда нас спасут, мы захотели позавтракать.

В корзинке для пикника были масло, хлеб, пиво и холодный цыпленок. А самое лучшее — большая банка

¹ Дорогой, я постепенно старею... (англ.)

гусиного паштета. И подумать только, Боб *не забыл* взять с собой консервный нож! После стольких часов бездействия я горела жаждой деятельности и, увлекаемая надеждой, вступила в борьбу с банкой гусиного паштета, но мне следовало бы быть поумнее!

Люди столько всего изобретают! Атомные бомбы, и пароварки с плотно прилегающей крышкой, где вода под высочайшим давлением быстро закипает, и поцелуеустойчивые губные помады. Но консервный нож, которым могла бы пользоваться я, они не изобретают. Не вздумайте говорить, что я просто не умею и что это моя вина!

— Какой на редкость идиотский этот консервный нож! — воскликнула я и с отвращением швырнула его в сторону.

С веселой улыбкой превосходства Боб, подхватив нож на лету, сказал:

— Ребенок сумеет воспользоваться этой штучкой, настолько она проста. Ребенок сумеет открыть консервную банку меньше чем за две минуты! Надо сделать лишь так...

Когда пролетели десять минут, безвозвратно канувшие в море времени, наша банка с гусиным паштетом все еще не была открыта. И общество «Долой ругань!» устроило бы себе харакири¹, услышь они комментарии Боба. Я решила написать письмо торговцу, у которого Боб купил этот нож, и предупредить его: если жизнь ему дорога, пусть уйдет на некоторое время в подполье. Потому что Бобу удалось придумать четыре абсолютно разных изощренных способа отнять жизнь у этого хозяина скобяной лавки, встретившись с ним снова. Однако какого-либо способа проникнуть в консервную банку Боб так и не придумал.

— Давай сюда ребенка! — сказала я. — Это единственный выход!

¹ Самоубийство путем вспарывания живота, принятое у японских самураев.

— *What the hell are you talking about!*¹ — заорал Боб. — Какого еще ребенка?!

— Ребенка, который с легкостью откроет эту банку меньше чем за две минуты!

В горле у Боба что-то захрипело, и секунду спустя банка с гусиным паштетом уже описывала широкую дугу над верхушками деревьев.

Молча ели мы цыпленка, запивая его пивом. Боб сидел грязный, с взъерошенными волосами и смотрел на Тетушку и на меня с такой любовью, словно мы были парой королевских кобр. Я даже начала сомневаться в том, что он и вправду обожает пикники на вольном воздухе.

Через час появилась аварийная машина, чтобы спасти нас. Там сидел юнец лет семнадцати, в синем комбинезоне. Прежде чем начать буксировать нашу машину, он приподнял капот двигателя. Присвистнув, он сунул туда руку.

— Пять долларов! — сказал он Бобу.

Затем влез в свою аварийную машину и уехал.

Выяснилось, что в этот момент Боб абсолютно и бесповоротно махнул рукой на камни, где играл ребенком. Он хотел как можно быстрее вернуться в цивилизованный мир. Кроме того, мы потеряли много времени, а хотели до вечера добраться в дом родителей Боба близ Вашингтона, где мы с Тетушкой должны были провести несколько дней.

Мы начали отступление. Мотор урчал ровно и приятно. Он сыграл уже свою весеннюю шутку и не собирался больше бастовать, пока не окажется снова на достаточном расстоянии от больших дорог.

Но если кому-нибудь удастся случайно обнаружить банку гусиного паштета в Соединенных Штатах Америки, будьте добры, пришлите ее мне. Я обожаю гусиную печенку! И я знаю одного маленького ребенка, которого попрошу открыть эту банку.

¹ Какого черта, о чем ты говоришь! (англ.)

Х

Белые деревянные виллы в колониальном стиле вдоль всей улицы. Веранда со стороны фасада. Узенькая полоска сада между домами. Где-то на заднем плане — гараж. Сколько же миллионов американцев так живут?!

Так жили и родители Боба в маленьком пригороде Вашингтона, куда мы поздно вечером наконец прибыли после долгого дневного путешествия. И необыкновенно приятная, по-домашнему уютная картина открылась перед нами, когда мы увидели, как багровое вечернее солнце освещает все эти белые виллы, утопающие в сирени и вишневом цвету. Кое-где на верандах сидели веселые молодые люди, а добрые дядюшки бродили в садах, подстригая траву на лужайках и болтая друг с другом прямо через забор. И все закричали:

— Привет, Боб!

А многие подошли к нам поздороваться, усердно заверяя, что рады нас видеть. Да, тут легко было прийти к выводу: вся их прошлая жизнь была одним сплошным ожиданием того, что мы с Тетушкой наконец-то удосужимся посетить Америку. Я почувствовала, какая это хорошая страна, от нее издавна веяло демократией.

На веранде Боба не было веселых молодых людей, зато там сидел кто-то другой. Там сидел маленький, серьезный, черный как смоль джентльмен лет шести.

— Привет, Джимми! — поздоровался с ним Боб.

И маленькое черное личико расплылось в широкой белозубой улыбке.

Мне так хотелось поболтать немного с Джимми, но я не успела, так как именно в эту минуту разразился ураган. Это был папа Боба; громадный, веселый и шумный, он ввалился на веранду, а за ним по пятам следовали сестра и брат Боба — пятнадцатилетняя Памела и четырнадцатилетний Фред. А в арьергарде — тихая дама с мягким взглядом, мама Боба. Я сразу же почувствовала, что она, в отличие от миссис Бейтс, — подлинный образец воспитанной столь многими поэтами Американской Матери в лучшем смысле этого слова: она своими нежными руками нянчит детей, без усталости печет яблочные пироги; она — боготворимая всеми — сердце своего дома, она — опора американской нации... Короче говоря, она та, которая заставляет редактора журнала «Readers Digest»¹ кувыряться от восторга, а потом спешить к пишущей машинке, чтобы отбарабанить новую статью в серию «Этого человека я никогда не забуду!».

До сих пор мне не приходилось близко общаться с такими людьми. Женщины, которых я видела в Нью-Йорке и в семье Бейтсов, почти все были неугомонные, светские, элегантные, с обильным макияжем. Они производили впечатление совершенно легкомысленных и поверхностных. Да, может, они и не были абсолютно глупы, но, во всяком случае, глядя на них, я чувствовала, что возникавшие в их головах случайные мысли

¹ «Ридерс дайджест» — популярный литературно-политический журнал. Издается в Нью-Йорке, печатается во всем мире, а теперь и в России. Выходит тиражом около 16,3 млн. экз. в США (1-е место в США) и общим тиражом на 1994 г. около 30 млн. экз.

легко разбегаются и что этим дамам весьма полезно пребывать в компании себе подобных. Поэтому радостно было видеть, что в Америке есть и такие, как мама Боба.

После того как мы поболтали на веранде, нас пригласили войти в дом, что мы и сделали. Сначала, как обычно, попадаешь в общую комнату. Потому что эти в целом практичные люди не додумались устроить отдельную гардеробную для верхней одежды. Первое, что делаешь, войдя в американский дом, это привычно, без церемоний направляешься в спальню и швыряешь пальто или плащ на кровать. Чрезвычайно удобно, в особенности если снаружи бушует снежная буря века и большую ее часть приносишь с собой на норковой шубе.

Но сейчас, слава Богу, стояла чудеснейшая весна. Нам подали поздний обед в кухне, служащей также столовой, а потом все мы расположились в общей комнате для *a nice long talk*¹.

Тетушка с легким подозрением посмотрела на отца Боба и начала беседу с вопроса:

— Что это за негритенок сидел на веранде?

Если она думала, что Джимми был собственным маленьким черным ягненком среди белых семейных овец, то она ошибалась. Джимми был сыном *colored woman*², помогавшей в доме с уборкой. («*Colored*» говорят здесь о цветных американцах. Назвать негра негром — значит нанести ему настоящее оскорбление!)

Памела и Фред непринужденно участвовали в беседе — по сравнению с их ровесниками в Швеции это весьма редкое исключение. Я, по крайней мере, никогда не слышала, чтобы четырнадцатилетний мальчик так подробно беседовал о политике с Тетушкой, как Фред. Должно быть, есть в американских школах нечто такое,

¹ Приятная долгая беседа (англ.).

² Цветная женщина (англ.).

что позволяет молодежи непринужденно выступать и осмеливаться излагать свои взгляды. Я сказала мистеру Уитни — то есть папе Боба, — что его дети (не только Боб) чрезвычайно милы, и тогда он тут же начал говорить об *education*¹. *Education*, о, в Америке это магическое слово! Мистер Уитни весь побагровел при мысли о том, какое колоссальное *education* получают его дети в Америке. Сам он никогда не учился в колледже, но, разумеется, вопреки этому хорошо справлялся с жизнью и успешно создал предприятие по продаже подержанных автомобилей. Но какой позор для него оказаться иногда в обществе людей, все до единого получивших образование в колледже! Коллеги вы или нет — между вами все равно огромная дистанция. Поэтому мистер Уитни так радовался, что Боб приобрел солидные познания в области коммерции в престижном колледже и что Памела и Фред, которые пока еще посещают среднюю школу², тоже поступят в колледж, даже если ему придется каждому американцу продать подержанный автомобиль, чтобы получить средства на образование детей.

Насколько я поняла, дать *education* своим детям — это то, к чему в большей или меньшей степени стремятся все американские родители. Взять хотя бы нашу маленькую прелестную горничную Фрэнсис в нью-йоркском отеле! Разве не она рассказывала нам, как ей приходится надрываться, убирая номера, только чтобы дать своим детям то удивительно волшебное и замечательное, что называется *education*. Ее собственные родители были бедные итальянские эмигранты, не умевшие ни читать, ни писать. Но молодежь, вырастающая в нью-йоркских джунглях, погибнет, если не

¹ Образование, воспитание, обучение (англ.).

² В Америке 9—12-й классы общеобразовательной школы с четырехлетним обучением (возраст с 14 до 17 или с 15 до 18 лет), дающей также некоторые профессиональные навыки.

получит *education*. Так утверждала Фрэнсис, прежде чем вскочить и начать застилать очередную кровать — ради своих детей, их образования.

У Тетушки слипались глаза, ужасно сонная, она все же вежливо слушала объяснения Фреда, почему он по своим убеждениям республиканец.

— Но какой ужас! — сказала мне Тетушка, когда Фред закончил. — Ведь в Библии уже все сказано о республиканцах и грешниках, так лучше уж быть демократом!

Затем она, пожелав всем спокойной ночи, удалилась в отведенную нам прелестную комнату для гостей. Я хотела было последовать ее примеру, но Боб предложил, чтобы мы еще ненадолго вернулись на веранду. Светила луна, а Боб должен был вскоре отправиться обратно в Нью-Йорк, и наши дороги разойдутся!

Подумать только, у американцев такое чувство юмора! Но как только речь заходит о любви, юмор у них совершенно отключается. Тогда слышится лишь дрожащий слезливый голос и пылкие уверения! И я не верю, что они придают своим словам слишком уж большое значение! Это как бы полагается, потому что такие слова и клятвы раздаются в фильмах, газетах и шлягерах. Европейских девушек, приезжающих в США, следовало бы предупреждать, что не следует принимать за чистую монету все, что, вздыхая, серьезно нашептывает им на ухо господин американец. Здесь в самом деле требуется не щепотка, но целая пригоршня соли!

«Друг порядка», или «Тот, кто знает жизнь» может возразить мне, что, мол, такие молодые люди есть во всех странах. Да, да, хорошо известно: кто уверяет, что он, мол, будет носить свою любимую на руках всю жизнь, тотчас начинает ворчать, когда она вместо этого просит его вынести помойное ведро, что все-таки значительно легче. Но любовь по-американски чуточку иная. У американской молодежи еще молоко на губах не обсохло, а они уже вынуждены притворяться, что

любят своих *dating-partners*, — таково здесь правило хорошего тона.

А на веранде сидел мой милый Боб, обладающий чувством юмора, и мычал печальнейшие любовные песни:

— *Now is the hour
when we must say goodbye.
Soon you'll be sailing
far across the sea*¹.

«*Sailing*² — никогда в жизни, — подумала я. — Ведь стоит мне только выйти в море, как поднимается шторм не меньше двадцати семи баллов».

А Боб неумоимо продолжал:

— *I'll dream of you,
if you will dream of me*³.

Что можно сказать в ответ на такую песню? Этому никогда не научишься в школе!

— *Some day I'll sail
across the seas to you*⁴.

Да, о боже! Какой удар ожидает Яна — это единственное, что можно сказать наверняка!

Нежная песня сменилась мягким приглушенным ревом. И тут из сада послышалось легкое восхищенное

¹ И вот наступает час,
Когда мы скажем: «Прощай»,
Когда уведет дорога
За морской горизонт вдаль.

Пер. с англ. М. Яснова.

² Плавать под парусом, когда уведет дорога за морской горизонт вдаль (англ.).

³ И стану я мечтать о тебе,
Если ты станешь мечтать обо мне.

Пер. с англ. М. Яснова.

⁴ И наступит день, когда я переплыву море
И вернусь к тебе.

Пер. с англ. М. Яснова.

хихиканье, и от ближайшего куста сирени отделилась черная тень. Это Джимми стоял там, ожидая мать. Какое счастье, что хотя бы маленькие дети обладают здоровым и разумным взглядом на многие вещи.

Я быстро пожелала Бобу спокойной ночи и поднялась наверх — к Тетушке.

— Ложись спать, — сказала она.

Я ответила, что это мое самое большое желание. Потом стала раздеваться, тихо и сердечно напевая ей песню:

— *I'll dream of you,
if you will dream of me, —*

а потом спросила: — Разве это не справедливо, милая Тетушка?

Она посмотрела на меня с величайшим отвращением.

— Я все время чувствовала, что это чистейшее безумие — пускать тебя в Америку, — сказала она. — Но то, что это так ударит тебе в голову... ох-ох-ох!..

XI

если хочешь увидеть народ Америки в разрезе, надо просто отправиться на такую большую автобусную станцию, как Грейхаунд¹, и усестись там в зале ожидания. От многочисленных билетных касс струится нескончаемый поток пассажиров разного цвета кожи, разных возрастов и по-разному одетых. Тут и потные рабочие в синих робах с засученными рукавами, и нарядные домохозяйки с пакетами в руках, и шикарные молодые матери с дико орущими младенцами, белые и негры попеременно, пассажиры дальнего следования и такие, которым надо проехать только одну остановку. Если нет денег, чтобы пойти в кино, надо лишь расположиться на удобной скамейке в зале ожидания и совершенно бесплатно наблюдать самые интересные драмы из повседневной жизни. Перед залом ожидания кишмя кишат автобусы. Одни уезжают, другие приезжают, струясь никогда не иссякающим потоком.

Я сказала Бобу, что хотела бы один раз проехаться на грейхаундском автобусе. Потому что я ведь читала

¹ «Грейхаунд оф Америка» — национальная автобусная компания, обслуживающая пассажирские междугородные и трансконтинентальные маршруты. Эмблема компании — бегущая борзая.

Стейнбека¹ и питала самые большие надежды, что автобус, в котором поеду я, также собьется с дороги и пойдет по ложному пути. Ложные пути — лучшее из всего, что я знаю. И один из последних драгоценных дней, остававшихся у Боба, он решил пожертвовать мне и моему странному и, увы, страстному увлечению поездками в автобусе. Мы решили совершить однодневную экскурсию в маленький очаровательный городок Уильямсберг², расположенный довольно далеко от Вашингтона.

В зале ожидания царил сутолока, и я бросала вокруг по-детски кроткие взгляды, чтобы увидеть как можно больше, пока Боб не всунул меня в нужную очередь к автобусу. В последнюю минуту Бобу пришлось в голову, что надо купить сигареты, и он приказал мне заранее войти в автобус и занять два удобных места. Входная дверь была впереди, рядом с сиденьем шофера. Я бросила взгляд и обнаружила два подходящих места в конце автобуса, где и уселась в ожидании Боба.

Но пассажиры как-то странно поглядывали на меня. Конечно, нижняя юбка немного выглядывала из-под платья, но это так и *должно* было быть, так что дело было в чем-то другом. Неужели я выглядела как иностранка или же мой нос был испачкан сажей? В автобус вошел шофер, широкоплечий властный господин в брюках цвета хаки, опоясанный кожаным ремнем. Увидев меня, он сказал так громко, что его слышно было на весь автобус:

— *You, young lady*³. Пройдите вперед и сядьте здесь!

¹ Стейнбек Джон Эрнест (1902—1968) — известный американский писатель, лауреат Нобелевской премии (1962). Здесь имеется в виду, очевидно, его роман «Заблудившийся автобус» (1947).

² Туристический центр на юго-востоке штата Виргиния.

³ Вы, юная леди (англ.).

Но тут во мне разыгралась кровь потомка викингов¹. Я не позволю командовать мной, как ребенком.

— Зачем? — как можно нахальней спросила я.

— Этот автобус идет в штат Виргиния², — сказал шофер. Сказал так, словно эта фраза могла что-либо объяснить!

— Рада это слышать, — ответила я. — Для меня было бы ужасным сюрпризом, если бы ваш автобус намылился в Канаду или Мексику.

Но тут появился Боб. Мне показалось, что, увидев меня, он немного смутился. Помахав мне рукой, он показал на два свободных места далеко впереди. Я неохотно направилась туда и поинтересовалась:

— Что плохого в тех местах, которые выбрала я?

— Объясняю, — сказал Боб. — Ты, вероятно, знаешь, что Вашингтон пересекает река Потомак?

Я утвердительно кивнула головой:

— Да, разумеется, как мне этого не знать. Об этом я читала в учебнике по географии, так что про реку Потомак я помню так же превосходно, как о городах Чили и о том, сколько жителей в Никарагуа. Но мой разум дает осечку и отказывается понимать одну лишь мелкую деталь. Какое отношение имеет Потомак к нашим местам в этом автобусе?

— Прямое, — ответил Боб.

Как раз в этот момент в автобус влез невысокий седоволосый старик негр. Он нес множество разных пакетов, и вид у него был усталый. С облегчением вздохнув, он опустился на сиденье прямо перед нами. Властный шофер все еще стоял впереди, проверяя билеты, и, обернувшись к негру, сделал лишь одно легкое движение рукой. Без единого слова, с неописуемо

¹ *Викинги* — скандинавы — участники морских торгово-грабительских и завоевательных походов в конце VIII — середине XI в. в страны Европы.

² Штат на востоке США в группе южноатлантических штатов.

пристыженным видом старик поднялся и заковылял к тому месту, которое только что оставила я. И тогда я все поняла... Я поняла, и у меня заколотилось сердце. На задних местах сидели *только* негры, а в передней части автобуса *только* белые. Во время моего пребывания в Америке я видела, как негры и белые совершенно естественно перемешиваются между собой. Да, конечно, не стану утверждать, что они общались между собой по-братски, но, во всяком случае, в вагонах трамвая и в автобусах никакой разницы между ними не делалось. Но, как объяснил мне Боб, это происходило потому, что я еще ни разу не пересекала реку Потомак. Через несколько мгновений это произойдет. И тогда я окажусь в штате Виргиния — в самом северном из южных штатов. И тем самым пересеку границу, за которой негры перестают быть людьми.

Это было в первый (но не в последний) раз, когда я увидела расовые предрассудки на практике. И когда автобус тронулся, я испытала неприятное чувство, от которого по спине забегали мурашки. И я не могла уже радоваться экскурсии, о которой так мечтала. Я сидела, не переставая размышлять о случившемся, и, вероятно, Бобу показалось это скучным. Он сказал, что если я даже и вбила себе в голову, что смогу решить проблему негров в Америке, то, вероятно, вовсе не так уж необходимо, чтобы это произошло именно здесь, в автобусе. Я согласилась с ним и сказала, что собираюсь как-нибудь на ближайшей неделе выкроить и посвятить этому послеобеденное время.

Затем я попыталась переключить свое внимание на Боба и прекрасный зеленый ландшафт Виргинии за окнами. Но это было не так-то легко. На каждой новой остановке входили в автобус новые пассажиры. В конце концов все места в отделении для белых оказались заняты, между тем как у негров несколько мест по-прежнему были свободны. И что же произошло? В автобус влез какой-то отвратительный жирный и потный пузан

с гремуче-багровым лицом и парой противных маленьких свиных глазок. Вид у него был злой и мерзкий, так что, узрев его, я в высшей степени засомневалась в превосходстве белой расы. Но ни единого места, на котором мог бы сидеть этот белый джентльмен, уже не было. Во всяком случае в отделении для белых. Некоторое время он стоял, раздираемый сомнениями и с явным отвращением глядя на негров. И с таким выражением лица, словно вынужден отправиться прямо в очаг чумы, он в конце концов пошел туда и сел на свободное место рядом с очень опрятным и хорошо одетым негром. Белый человек *имеет право* сесть среди негров, если ему за благорассудится и если больше нет других мест. Однако негр ни при каких обстоятельствах *не имеет права* сесть среди белых, даже если падает от усталости.

— Боже, — говорю я, — боже, будь я негритянкой, как бы я наступила на ногу белому грубияну, если бы он сел рядом со мной! Должен же быть хоть какой-нибудь порядок даже при таких жутких несправедливостях!

Нет, думаю, будь я негритянкой из южных штатов, я не стала бы пинать его! Я сидела бы, пожалуй, рядом с этим жирным пузаном, точь-в-точь как этот молодой негр, с непроницаемым выражением лица, боясь выдать, что творится у меня в душе. Потому что иначе... помилуй меня Бог!

Мало-помалу в автобус набилось столько народу, что весь проход заполнился стоящими пассажирами. И тогда произошло кое-что необычайно веселое. Всякий раз, когда кому-то из негров надо было покинуть автобус на остановке, всем белым, стоявшим в проходе, приходилось сначала вылезти из автобуса, чтобы вышеупомянутый негр мог пройти к выходу. Ха-ха! Думаю, для негров это были мгновения настоящего триумфа. Потому что, пожалуй, один-единственный раз им довелось увидеть, как белый уступает дорогу негру.

Через два часа автобус ненадолго остановился в небольшом городке, чтобы пассажиры немного размялись и съели сандвич у стойки в зале ожидания.

Здесь моему несчастному седовласому старику негру снова пришлось плохо. Над входами в туалеты висели таблички: «*White women*» — «*White men*» — «*Colored women*» — «*Colored men*»¹. Неудивительно, что южные штаты есть и останутся бедными, если на всех туалетах им приходится вешать двойные таблички. Маленький, сбитый с толку старичок негр, видимо, все же с трудом уяснил себе, что он *colored*, но потом, очевидно, дальше его умение читать не распространилось, и он, запутавшись, вошел в туалет для *colored women*. И таких громких криков, хохота и воплей, которые донеслись из туалета, должно быть, не слышали в Штатах по крайней мере со дня заключения мира. Черная раса хохочет там, где белая реагирует на оскорбление жутким негодованием.

Наконец-то мы прибыли в Уильямсберг, гордость Виргинии. Рука об руку бродили мы с Бобом вдоль широко известной улицы герцога Глостерского, где на рокфеллеровские деньги² были возведены дома, в мельчайших деталях воспроизводившие архитектуру колониального периода, когда Уильямсберг являлся важным общественно-политическим и культурным центром колонии³. Теперь город имеет идиллический вид и представляет собой место паломничества тысяч туристов, желающих ощутить прелесть и волшебство минувших вре-

¹ «Для белых женщин» — «Для белых мужчин» — «Для цветных женщин» — «Для цветных мужчин» (англ.).

² Рокфеллеры — одно из богатейших семейств Америки.

³ Речь идет о реставрационных работах, начатых в 1923 г. при поддержке бизнесмена и филантропа Джона Дэвисона Рокфеллера-мл. (1874—1960), сделавших историческую часть города музеем под открытым небом.

мен, познать чувство, довольно необычное и сенсационное для Америки.

Ах, как ощущала я прелесть и волшебство минувшего, заглядывая в низенькие белые строения и очаровательные маленькие садики. Но ой-ой-ой, как наслаждалась я прелестью происходящего, сидя чуть позднее в таверне, когда на столе передо мной стояло блюдо отменно поджаренной виргинской ветчины, а рядом со мной сидел Боб. Ничего дурного о герцоге Глостерском сказать не могу, вероятно, он был достаточно хорош для маленьких фрёкен¹ колониального периода XVIII века. Но для Кати XX века он был Никто по сравнению с Бобом.

Однако мой автобус ничуть не отклонился от маршрута, как это было у Стейнбека! Хотя на обратном пути произошел пожар, да, так и было! Потому что кто-то бросил окурочек сигареты на мягкую обивку кресла. Возникла ужасная паника! Весь автобус был сплошь пылающее море огня. Сначала спасать женщин и детей! Боб показал себя настоящим героем, совершая необычайные подвиги! Я открыла перевязочную на обочине дороги. Какая-то женщина испустила в моих объятиях последний вздох. Нет, теперь стоп, это вовсе не Стейнбек! Как уже сказано выше, кто-то бросил сигарету на мягкую обивку. Был ужасный угар, так что нам пришлось выйти и проветрить автобус; мы с Бобом сидели на стволе дерева и говорили друг другу нежные и сонные слова. Ах, только в книгах автобусы сбиваются с дороги!

Затем мы поехали дальше в темном автобусе через темную Виргинию, и нам все больше хотелось спать, и вдруг где-то сзади чей-то глуховатый голос запел колыбельную песню. И мы время от времени вздрагивали, проезжая по освещенным улицам какого-то маленького городка и бросая не слишком заинтересованные

¹ Барышня, девица (*шв*).

взгляды на методистскую церковь, на аптеку Джонса, на бензоколонку Милтона и на маленькие виллы с зажженными в садах фонарями — знак ночным путникам, что там сдается комната. Мы видели, хотя наши глаза почти слипались, молодых людей, толпившихся перед кинотеатром, где имя Бинга Кросби¹ сверкало в свете рампы и где жаровни у входа выбрасывали веселейшие каскады попкорна. Но автобус ехал так быстро, что вскоре все снова превратилось в тьму, тьму и тишину, даже стук мотора и колыбельная песня в конце автобуса. А моя голова все ниже и ниже соскальзывала на рукав куртки Боба, так приятно пахнувшей виргинскими сигаретами.

Но сбиться с пути... нет, мой автобус не сбился с пути, нет!

¹ *Кросби Бинг* (наст. имя Хэрри Лиллис, 1904 — 1977) — певец и актер, снимавшийся во многих фильмах, ставших классикой Голливуда. Лауреат премии «Оскар» (1944).

ХП

штат Виргиния! Почему я все-таки не была маленькой фрёкен из твоей колонии во времена твоего величия! Почему не родилась в одном из этих белых господских поместий где-нибудь в 1782 году!¹ Клянусь, никто не танцевал бы с таким воодушевлением жигу и менуэт² на балах, никто не скакал бы верхом с такими пылающими пламенем щеками на лисьей охоте, никто не кокетничал бы более чарующе с широкоплечими кавалерами южных штатов, чем я! А едва мне минуло бы шестнадцать, как я ответила бы «да!» самому широкоплечему из толпы поклонников, и он привез бы меня как свою жену на собственную плантацию. И я бы быстренько родила ему одного за другим одиннадцать детей! А во время коклюша и кори они находились бы под неусыпным наблюдением изумительной чернокожей

¹ Штат имеет богатую событиями историю колониального периода. Так, 25 июня 1788 г. Виргиния стала десятым по счету и крупнейшим из первых тринадцати штатов США.

² *Жига* — старинный парный (у матросов сольный) английский танец кельтского происхождения. Другое название «рил»; *менуэт* — старинный народный французский танец, с середины XVII в. — бальный.

мамки¹. Сама я бродила бы по своему чудесному саду среди магнолий и столепестковых роз, а еще рука об руку с мужем спешила бы по бархатисто-зеленым лужайкам вниз к нашему причалу на Потомаке, чтобы принять дорогих гостей, приплывших на лодке из Вашингтона или с близлежащих плантаций. И мы повели бы их в наш белый дом и великолепно пообедали вместе с ними. На моем столе работы Чиппендейла², на хрупком восточноиндийском фарфоре я велела бы сервировать изысканнейшие блюда, приготовленные в ближайшей поварне: цыпленка и виргинскую ветчину, раков и клубничное мороженое. Потом мы музицировали бы и в библиотеке читали вслух Шекспира — один из томов его сочинений в кожаном переплете. И во всех покоях трещали бы, пылая в каминах, дрова, а свет их отражался в хрустальных канделябрах на стенах. Все одиннадцать детей явились бы поздороваться с гостями, и мы все вышли бы в сад, пока спускались сумерки, а издалека, из хижин рабов, доносились бы приглушенные негритянские голоса, певшие о Боге, о Его Небесах и о том, как чудесно жить... и как трудно!

Поскольку я была бы южанкой, я никогда бы не задумывалась, что наше благосостояние зиждется на рабстве других людей. Но, во всяком случае, мои рабы были бы счастливыми рабами! О, я была бы для них матерью, а вся наша плантация составляла бы целую маленькую колонию. Мы выращивали бы табак, и кукурузу, и пшеницу... А годы бы шли... Я становилась бы все мудрее и мудрее и как раз перед Гражданской войной сошла бы в могилу, удовлетворенная сознанием того, что способствовала созданию прекраснейшей культуры, которая когда-либо процветала в Америке.

¹ Кормилица, нянька (*устар.*).

² Чиппендейл Томас (1718—1779) — английский мастер мебельного искусства, сочетавший функциональную целесообразность форм с изяществом линий.

Да, я была бы мертва, мои столепестковые розы и магнолии увяли бы, но люди вспоминали бы меня и мой образ жизни, как тонкий и редкий аромат, как изысканно красивую мелодию!

— Почему я не родилась в давние времена в Виргинии? — грустно спросила я Боба. — Меня это *настоящему* огорчает!

Но он ответил: это *quite a coincidence*¹, что меня угораздило родиться в одно столетие с ним.

Это вид *Mount Vernon*, очаровательной резиденции Джорджа Вашингтона, пробудил во мне такую горькую тоску о прошлом. Точно так же следовало бы жить и мне, в таком красивом белом доме на склоне, спускавшемся к Потомаку, такие же прелестные лужайки должны были бы быть у меня и такой же дивный сад меж защищающих его самшитовых шпалер. Здесь все сохранилось точь-в-точь в таком виде, как во времена первого президента. У меня было чувство, будто я иду по Святой земле, и я с величайшим благоговением стащила с роскошной цветочной клумбы маленькую фиалку. Милый Джордж Вашингтон, там, наверху на небесах!.. Прости меня за это, я хотела только засушить ее и оставить себе на память, понимаешь?

Потом мы с Бобом снова покатали домой вдоль повесенному зеленых дорог, а в лесу цвел кизил. Джордж Вашингтон, когда ему нужно было попасть в город, предпочитал большей частью плыть по реке, потому что, стоило ему поехать по проселочной дороге, неприятностей с нападениями индейцев, бывало, не оберешься.

Однако странным образом мы с Бобом добрались до Вашингтона, не заметив ни единого перышка из головного убора индейца. Везет же иногда! Солнце освещало круглый мраморный купол Капитолия², где, очевидно,

¹ Счастливое случайное стечение обстоятельств (англ.).

² Здание конгресса США.

заседали конгрессмены, принимая мудрые решения. И как только им было не лень заниматься этим в такую дивную погоду, когда парки и скверы города утопали в безбрежном море цветущей вишни!

Собственно говоря, мне и вправду следовало бы печалиться. Ведь для меня и Боба это был безвозвратно последний день, который мы проводили вместе! И в автомобиле, по дороге в наш маленький пригород, я почувствовала, что это именно так. С каждым метром пути я грустнела все больше и больше. Но это еще не все! Не только безумная боль разлуки, но и кое-что совсем другое бушевало во мне все сильнее. Ведь эти раки в мягкой скорлупе, которые я подавала дорогим гостям во время своей воображаемой экскурсии в XVIII век, были определенно не такими уж свежими, как следовало бы!

— Кати, как по-твоему, тебе будет хоть сколько-нибудь меня не хватать? — спросил Боб.

Я почувствовала, что у меня на лбу выступает холодный пот.

— Мне будет не хватать тебя каждую минуту, — жалобно ответила я.

Но умом я понимала, что, если Боб и все человечество вместе с ним в это мгновение вымрут, меня это вообще ни капельки не тронет. Я лишь со вздохом облегчения брошусь в кровать и буду лежать там в полном одиночестве и чувствовать себя отвратительно.

— Знаешь, — продолжал Боб, — когда я думаю о том, как приятно нам было вместе, я радуюсь от всего сердца.

Но вдруг он прервал свою речь. Я посмотрела на него. Вид у него был вовсе не такой, будто он радуется от всего сердца, а скорее зеленый. Да, лицо у него было точь-в-точь такое же зеленое, какое, как я чувствовала, было и у меня. Но Боб ведь не ел раков из XVIII века в мягкой скорлупе! Должно быть, дело в мороженом, которое мы купили по дороге при выезде

из Маунт-Вернона. Зачем американцам нужно окружать свои великие национальные памятники и реликвии венком из киосков с мороженым?

С желчно-зелеными лицами, что нам чрезвычайно шло, провели мы все послеобеденное время, с которым связано было столько ожиданий, припаркованные каждый в своей комнате и в своей кровати. Вообще-то никого, кроме маленького негритенка Джимми и его мамы, в доме не было. У Тетушки жила в Вашингтоне замужняя старая хорошая подруга. К ней она и переехала пару дней тому назад. И это тоже было хорошо, потому что я никогда по-настоящему не верила в пользу раскаленной крышки от кастрюли, которую она обычно накладывала мне на живот. Тетушкино фирменное средство при отравлении! Родители Боба, его сестра и брат уехали в Балтимор и не собирались вернуться раньше вечера.

Однако шестилетний Джимми был замечательный санитар. На своих маленьких быстрых черненьких ножках он бегал с записками между комнатами Боба и моей.

«Как ты себя чувствуешь?» — спрашивал Боб.

«Зеленее, чем обычно», — отвечала я.

Милая Бетси, желая выказать свое расположение, прислала мне наверх с Джимми большую порцию ананасного мороженого.

Я смотрела на мороженое с отвращением, между тем как глазки Джимми сияли.

— Признайся, тебе ведь ужасно хотелось съесть это мороженое, пока ты поднимался вверх по лестнице? — спросила я.

— Да нет, *ясное дело*, нет! — возмущенно уверил он меня. — Я только лизнул его.

Когда остаток мороженого исчез в его розовом горлышке, он из благодарности станцевал мне какой-то танец. Казалось, будто маленький гибкий зверек из джунглей ворвался в комнату. Все тело мальчика

ритмично сокращалось и так невыносимо извивалось, что я застонала на своем ложе. Его маленький задик производил впечатление совершенно отдельного, особого существа, которым мальчик мог манипулировать по своему желанию. Мои глаза вращались, когда я пыталась следить за движениями Джимми. Пожалуй, мне было бы лучше вздремнуть, но что-то неопишимо, чарующе притягательное было в этом подвижном ребенке, и невозможно было отвести от него взгляд. В конце концов у меня так закружилась голова, что Джимми, заметив мое жалкое состояние, пожалел меня и сказал:

— Самое лучшее, что вы можете сделать, мисс Кэти, это выпить большую ложку касторки.

С жутким криком нырнула я в ванную комнату.

— А что, по-твоему, самое лучшее во вторую очередь, милый маленький Джимми? — спросила я, вернувшись из ванной. — Может, уколошить тебя?

Но самое лучшее во вторую очередь я уже сделала. И почувствовала себя гораздо бодрее. В общем, Джимми был моим благодетелем.

Я послала своего спасителя с новой запиской к Бобу: «Вставай, лентяй, хватит симулировать!»

Я сказала Джимми, что, если записка не поможет, пусть он заведет разговор о касторке, а лучше всего что-нибудь станцует и ему.

Вечером, когда семья Боба вернулась домой, мы устроили *farewell-party*¹ в честь Боба. И никогда еще люди не ели так мало из столь многих блюд. Мама Боба приготовила великолепный ужин и накрыла на стол в столовой. Однако мы с Бобом были исключительно эфирны, бледны, бестелесны и строго придерживались тем духовных.

— Кажется, они влюблены, — сказал Фред. — Они так влюблены, что из-за этого даже побледнели.

¹ Прощальный вечер (англ.).

Но у других членов семьи, право же, был такой же плохой аппетит; они, должно быть, останавливались у каждого киоска с хот-догами и гамбургерами между Балтимором и Вашингтоном.

Фред сидел в углу с только что приобретенным комиксом, одним из тех серийных журналов, которые, похоже, любимейшее чтение американской молодежи. Более «приятного» чтения надо поискать! Насколько я понимаю, все сводится главным образом к тому, что прекрасных полуобнаженных женщин с пышной грудью подвергает всем возможным, мыслимым и немыслимым пыткам «приятный» джентльмен. Причем вид у него такой, будто он — помесь Бориса Карлоффа¹ и Призрака Оперы².

— *You and your comics!*³ — с видом превосходства сказала Памела Фреду.

— *You and your soap operas!*⁴ — огрызнулся в ответ Фред.

И тогда папа Боба разразился громкими упреками: вот, мол, вкалываешь тут всю жизнь, чтобы дать детям *education*, а единственное, чем они интересуются, — это мерзкие комиксы и дурацкие *soap operas*, иными словами — дурацкие радиопередачи. Взволнованно маршируя взад-вперед по комнате, он клялся, что через два-три поколения американцы вообще разучатся читать. Они будут сидеть словно приклеенные перед радиоприемниками или телевизорами и перелистывать

¹ *Карлофф Борис* (наст. имя и фамилия Уильям Генри Пратт, 1887—1969) — американский актер английского происхождения. Прославился главной ролью в фильмах о Франкенштейне.

² Персонаж романа французского писателя Гастона Леру (1868—1927) «Призрак Оперы» (1910), а позднее и «фильмов ужасов».

³ Эх ты, с твоими комиксами! (англ.)

⁴ Эх ты, с твоими мыльными операми! (англ.) «Мыльная опера» — появившаяся в 1930-х гг. многосерийная мелодрама на радио или на телевидении.

самые тупые страницы комиксов, чей скудоумный текст они с грехом пополам смогут прочитать по складам, с горечью сказал отец Боба, после чего включил радио, чтобы послушать репортаж о бейсбольном матче.

Я подумала о прекрасных книгах в кожаных переплетах из библиотеки Маунт-Вернона. Да, было время, когда в Америке читали Шекспира. Однако много воды утекло с тех пор в Потомаке...

На другой день Боб укатил обратно в Нью-Йорк. А я после его отъезда проплакала целых четверть часа.

XIII

— Никогда в жизни! — заявила Тетушка. — Никогда в жизни — это мое последнее слово! — произнесла она, когда я в первый раз предложила ей поехать в Новый Орлеан. С одной стороны, она ведь так и не избавилась от своей старой милой привычки — говорить «нет!» в ответ на все мои разумные предложения. С другой стороны, ее как раз угораздило прочитать газетную статью о ночной жизни Нью-Орлеана. Видимо, эта ночная жизнь была такова, что у Тетушки, стоило ей лишь подумать об этом, обозначалась морщинка у рта.

— Никогда в жизни! — повторила она. — Это мое последнее слово.

Когда поезд отошел от вашингтонского вокзала и Фред с Памелой и папа с мамой Боба исчезли вдаль, я почувствовала острую боль в сердце. Увижу ли я когда-нибудь снова их самих и их белую виллу среди цветущей сирени? Все они были так добры ко мне! Никогда не забуду аромат цветущей сирени в тот последний вечер, когда Боб был дома! Не забуду и маленького хорошенького *mocking-bird*¹, который каждое

¹ Пересмешник (англ.).

утро пел за окном в саду, да и наши уютные завтраки в уголке кухни! Нет, наши завтраки я буду вспоминать всегда! Пока все остальные в доме спали, Фред, Пам и я беспрепятственно хозяйничали в кухне. Фред замешивал тесто и пек вафли в электрической вафельнице (покажите мне четырнадцатилетнего парня в Швеции, который, прежде чем пойти в школу, печет вафли!), а Пам варила кофе и выжимала апельсиновый сок. Все происходило в быстром американском темпе. Они так привыкли обслуживать сами себя, что никогда и речи не было, чтобы мама вставала в такой ранний час.

— Невелика цена человеку, который не может приготовить завтрак самому себе! — хвастливо говорил Фред ломающимся голосом, кладя новую круглую вафлю на стол, который Пам так аппетитно накрыла к завтраку. Солнце струилось потоком в кухонное окно. Так приятно было пить кофе и видеть, как мистер Джонс из соседней виллы дает задний ход, выкатывая машину из гаража, меж тем как его собака прыгает и лает вокруг него, а жена возле цветочной клумбы срезает и подает ему фиалку, чтобы воткнуть в петлицу, и муж пускается в путь к своей конторе в *downtown*¹. Никогда не забуду и то, с какой трогательной готовностью мама Боба возила меня по всему Вашингтону, показывая его достопримечательности — Капитолий, библиотеку Конгресса, Белый дом и многое другое. Она ничего не пропускала, и если бы могла преподнести мне на блюдечке мистера Трумэна², она бы это непременно сделала! Иногда я не могла не удивляться, когда она, собственно говоря, занимается домашним хозяйством? Уборщица приходила раз в неделю. А вообще все тяготы по хозяйству покоились на ее плечах.

¹ В деловой части города (англ.).

² Трумэн Гарри С. (1884—1973) — тридцать третий президент США (1945—1953).

Но, ах, никогда я не видела, чтобы эта ноша была менее обременительной, и все-таки в хозяйстве все шло как по маслу. Целые дни мы разъезжали на машине, а незадолго до обеда заворачивали в один из больших магазинов самообслуживания, которые мне так нравились. Приятно было видеть огромное количество перwokлассных продуктов, собранных в одном месте. Я с таким удовольствием бродила среди гор овощей и фруктов, между прилавками, заваленными сочным мясом, и витринами, заполненными консервами, хлебом и деликатесами. Это зрелище радовало глаз, и было приятно взять в одном месте пучок спаржи, в другом — пару груш и несколько прекрасных котлет в целлофановой упаковке в третьем и продолжать в том же духе, пока наша маленькая тележка не наполнится доверху. А потом мы выкладывали все это перед молодой красивой дамой, стоявшей возле устройства, напоминавшего больше всего вертушку у входа в Скансен¹, и быстро все оплачивали.

Уж не знаю, как маме Боба все это удавалось, но не более чем через полчаса все семейство уже сидело вокруг аккуратно накрытого обеденного стола и ело отменно вкусный и прекрасно приготовленный обед. Затем все помогали убрать со стола и сложить грязную посуду в посудомоечную машину, а после этого мама Боба садилась за пианино и пела американские народные песни так, словно у нее никогда и в мыслях не было такого банального занятия, как работа по хозяйству.

Но теперь все это было в прошлом. Я сидела вместе с Тетушкой в поезде по дороге на *the deep South*², и Тетушка, которая так упрячилась, когда я впервые вынырнула со своим предложением, была теперь, похоже, в лучезарнейшем настроении. Она барабанила

¹ Музей-парк деревянного зодчества в Стокгольме, на острове Юргорден.

² Юг, Земля Дикси (англ.): Луизиана и другие южные штаты.

башмаками на пуговках об пол и жужжала нечто напоминавшее, как она наверняка думала сама, песню «Заснеженный Север — наша отчизна...». Очевидно, для того, чтобы *the deep South* был любезен запомнить это!

Я изучающе наблюдала за ней.

— Право же, не каждый день ты встаешь с песней на устах! — сказала я. — Ты уверена в том, что абсолютно здорова?

— Здоровее, чем всегда, — заявила Тетушка. — Я уже давным-давно не была в таком хорошем настроении.

— Как же так? — спросила я. — Ради бога, почему?

Потому что, откровенно говоря, страшновато было видеть ее такой возбужденной. Это так ошеломляет, словно маленькая злобная гремучая змейка приползла и попросила тебя почесать ей спинку!

Я быстро вычислила, откуда взялась ее резвость. Она радовалась, что мы уехали из Вашингтона и от семьи Боба, а прежде всего — от самого Боба. Она смертельно боялась, что я всерьез прилипну к Бобу. Так вот, оказывается, где собака зарыта! Теперь Тетушка наверняка полагала, что настало время протрубить: «Отбой тревоги! Опасность миновала!» Поэтому она и барабанила каблуками по полу так высокомерно-торжествующе.

— Вот что, Кати! — сказала она. — Никогда не выходи замуж в Америке, это принесет тебе только несчастье. Этот Боб!..

Она закончила свое высказывание фырканьем.

Нет, нет, если бы Тетушке дозволено было распо-ряжаться, я никогда не вышла бы замуж ни в Америке, ни в какой другой части света. И ныне и присно я должна оставаться лишь Тетушкиной маленькой любимицей.

Между тем в настоящий момент я была слишком переполнена новыми переживаниями — путешествием поездом по Америке — и не в силах была даже вот так

сразу решить, как будет со свадебными колоколами: как, где и когда зазвонят они для меня.

Пульман, пульмановский вагон¹ — это звучало для меня как волшебное слово, примерно с тех самых пор, как я пошла во второй подготовительный класс. А сейчас мы с Тетушкой сидели в таком вот комфортабельном пульмановском вагоне, которому более чем на сутки предстояло стать нашим домом. Темнокожий, типа дядюшки Тома, *porter*² ходил повсюду неслышными шагами, как добрый и дружественный томте³, и бодрствовал, заботясь об удобствах пассажиров. Стоило лишь нажать на кнопку, и он тут же поспешно являлся, готовый сделать все, что угодно: помочь с багажом, сбежать за газетами, принести бутылку пива, убить чью-либо тетушку или выполнить любое твоё желание. (В благодарность в конце поездки ему давали доллар, — по крайней мере, когда речь шла о довольно длительной поездке.)

— *Whoopee!*⁴ — восхищенно закричала я, обращаясь к Тетушке, потому что мной уже начало овладевать очарование этой поездки.

Мы с Тетушкой обе пребывали в таком веселом, шутливом настроении, что, сидя на наших широких диванах, слегка подпрыгивали, между тем как мчались вперед со скоростью... да, только не спрашивайте меня, с *какой* скоростью, вернее, сколько километров в час! Время от времени мы издавали такое неприветливое гудение, которое хорошо известно по американским кинофильмам (разумеется, мычали не мы лично, а поезд).

¹ Железнодорожный вагон первого класса, в котором на ночь все сидячие места преобразуются в спальные, а пространство вагона делится на купе. Первые три спальных вагона построил в 1858—1859 гг. американский изобретатель и промышленник Джордж Мортимер Пульман (1831—1897).

² Проводник спального вагона (англ.).

³ Домовой (шв.).

⁴ Вупи! (англ.) — возглас восторга.

О, мычание звучало так меланхолично, совершенно непохоже на веселый свист, которым возвещает о своем прибытии шведский поезд.

«Эдгар Аллан По»¹ — так назывался наш пульмановский вагон. Потому что в Америке название получают не только поезда, но и вагоны. Приятная привычка, думается мне, крестить поезда. Признайтесь, это звучит куда более авантюрно — ехать поездом под названием «Чаттануга Чу-Чу»² или «Утро Гайаваты»³, нежели поездом № 17 или № 56.

«Эдгар Аллан По», как уже говорилось, был наш вагон, и хорошо, что мы это знали, когда потихоньку отправились на прогулку в вагон-ресторан съесть поздний обед.

Не успели мы сесть за стол, как негр кельнер, подбежав к нам, подал мне лист бумаги и ручку.

Я только было собралась сказать: «Мой автограф? — Пожалуйста!» — как вдруг меня осенило: вряд ли он охотился за автографом. Я украдкой взглянула на наших соседей по столу и увидела, что они что-то вписывают в листок, да, в такой же точно. Да, дело было не в автографах. Надо было всего лишь написать, что мы желаем к обеду.

Напротив нас сидели по-настоящему очаровательная пожилая дама и по-настоящему... м-да, не особенно

¹ По Эдгар Аллан (1809—1849) — поэт и прозаик, теоретик литературы, автор «новелл ужаса», заложил основы научной фантастики и детектива.

² Один из крупнейших ресторанов мира, расположенный в бывшем железнодорожном вокзале в городе Чаттануга (штат Теннесси). Также название популярной песни из кинофильма Б. Хамперсона «Серенада Солнечной долины» (1941), в котором музыку исполнял оркестр под управлением Гленна Миллера (1904—1944), известного музыканта и дирижера.

³ Гайавата — легендарный индейский вождь племени мохаук (1525?—1590?), главный герой поэмы Генри Лонгфелло (1807—1889) «Песнь о Гайавате» (1855).

очаровательный, но чрезвычайно милый молодой человек с мягким взглядом карих глаз. Явно это были мать и сын. Как всегда в Америке, мы быстро разговорились. И Тетушка замерла, как косуля, почуявшая приближающуюся опасность, когда молодой человек, приветливо улыбаясь, произнес на своем тягучем южном диалекте:

— *Ah don't think Ah have seen a Swedish girl in my whole life!*¹

Похоже, Тетушка подумала, что он может и в дальнейшем прекрасно обходиться без шведских девушек. Но эти милые люди — оба — жили в Нью-Орлеане, и я решила, что никогда не помешает завести там небольшое знакомство. Так что я пустила в ход все то, что Тетушка называла моим «преступным обаянием». Тетушка, наоборот, стиснув зубы, становилась все более мрачной и, как только появилась такая возможность, утащила меня обратно к «Эдгару Аллану По».

Однако «Эдгар Аллан По» претерпел головокружительное изменение, так что мы никогда не узнали бы его, если бы не надпись на дверях. Наш приветливый проводник, пока пассажиры обедали, успел постелить постели. И наконец-то мне довелось увидеть наяву такой поразительный спальный вагон с длинным узким проходом между рядами спальных мест за зелеными занавесками, вагон, который так часто видела в кинофильмах. Там, где сидели мы с Тетушкой, были теперь два достаточно просторных спальных места — одно над другим. Тетушка попыталась было сунуть голову совсем в другое купе, где сидел толстенный мужчина, пытавшийся снять подтяжки. Но он так энергично протестовал, что Тетушка отступила и быстро ретировалась в собственное купе. А я влезла на верхнюю полку, опустила за собой занавески и, пытаюсь снять

¹ Думаю, за всю свою жизнь я не видел ни одной шведской девушки! (англ.)

свою новую американскую блузку, застегивавшуюся на спине, едва не сломала ключицу. Спальные места были достаточно просторны, но, сидя в постели, было довольно трудно раздеваться.

У Тетушки внизу царило ужасное беспокойство, и я подумала: «Ага, корсет! Ей никогда его не снять!» Немного отодвинув занавеску, я посмотрела вниз. Она вовсе не сражалась с каким-то там корсетом. Она всего-навсего занималась своей обычной вечерней гимнастикой. Тетушка не пропустит ее даже в день Страшного суда! Она надрывалась изо всех сил, пытаясь сунуть одну ногу за спину. В конце концов ей это удалось. Практическая польза такой позы показалась мне довольно сомнительной, но зрелище было живописное, тут уж ничего не скажешь.

— Спокойной ночи, милая Тетушка! — сказала я. — Не удивляйся, если этой ночью тебе приснится какой-нибудь необычайный кошмар. Подумай, в чьих объятиях ты покоишься — в объятиях «Эдгара Аллана По»!

XIV

а, это был Юг. То была раскаленная докрасна земля Юга, которую я увидела, выглянув из окна поезда. И эти неказистые, серые, ветхие, полуразрушенные сараи — жилища, в которых ютились негры и мимо которых мы проезжали, — тоже был, Богу известно, Юг. Ни на минуту не возникало сомнения в том, где живут негры, а где белые, — это было видно на расстоянии сотни метров.

О чем ты думаешь, старая усталая негритянка, когда сидишь, раскачиваясь в кресле-качалке у себя на веранде? Я вижу тебя лишь одно краткое мгновение, когда поезд пролетает мимо, я никогда не узнаю, как ты справляешься, живя в такой беспредельной нищете. Но твой образ навсегда запечатлется в сетчатке моих глаз. Такая, какая ты сидишь, печально глядя на опускающиеся сумерки, именно в этой позе, — ты стала для меня олицетворением всей твоей несчастной измученной расы. Я видела так много вас, точно так же сидящих на жалких верандах. Несколько беглых секунд видела я ваши темные лица при свете огня, горевшего в развалюхе, которая называется домом. Но дети на улице танцевали так весело, словно жили в самом лучшем из миров.

Поезд идет так быстро, и я никогда не узнаю, в самом ли деле ты так печальна, мой друг, какой кажешься, сидя там в кресле-качалке.

* * *

Стоял темный вечер, когда мы прибыли в Новый Орлеан. Темный теплый вечер! Какое потрясающее ощущение — очутиться внезапно в теплыни юга!

— Здесь попотеешь! — произнесла Тетушка.

Джон Хаммонд, ну тот, с мягким взглядом карих глаз, раздобыл нам такси. Мы проболтали с ним целый день, проезжая штаты Джорджия, Алабама и Миссисипи, пока Тетушка и миссис Хаммонд обменивались рецептами печенья. А сейчас, в минуты расставания, он чрезвычайно деликатно спросил, нельзя ли ему завтра позвонить нам в отель и показать нам город.

— О да, пожалуйста, — поспешно, пока Тетушка переводила дух, ответила я.

Ругала она меня уже в машине, когда мы ехали вдоль сверкающей огнями *Canal Street*¹.

— Сначала Боб, а теперь этот! — возмущалась она. — Что это, собственно, значит?

Я не могла удержаться, чтобы немножко ее не подразнить:

— *Non-stop Heartbreaking*² от Нью-Йорка на севере до Нового Орлеана на юге — вот что это значит! Уж если ты пожирательница мужских сердец, то так ею и останешься!

Когда вскоре мы ложились спать в отеле, Тетушка все еще ворчала:

— Несчастье и ничего, кроме несчастья, из всего этого не выйдет!

¹ Канал-стрит (англ.) — улица в Новом Орлеане, отделяющая «*Vieux Carré*» — Французский квартал — от остальной части города.

² Безостановочный пробег Разбивающей сердца (англ.).

* * *

Миссисипи — вот то, что я желала увидеть прежде всего. И назавтра, ранним утром, подхватив Тетушку под руку, я взяла курс прямо вниз, к реке.

В реках есть нечто чарующее. Стоит лишь произнести название реки, и сразу же возникает множество ассоциаций и мысленных образов. Например, Волга. Это слово звучит так печально! Святая Русь XIX века, Россия Достоевского и Горького! Горестная песня бурлаков в холодные осенние вечера! Для меня Волга — река страданий. А Дунай! Весна в Вене перед Первой мировой войной. Император Иосиф I¹. Мундиры, любовь, тюлевые платья, «Венский вальс»². Нил, древнейшая из рек! Фараон на троне, с посохом и бичом в руках, стовратные Фивы³, задыхающиеся в жаркой пустыне. Белые ибисы на фоне заката. И Миссисипи! Миссисипи ночью. Гекльберри Финн на своем плоту! Маленькие поселки американских колонистов. Причаливает лодка, театр на воде. Арбузы. Магнолии. Грустные голоса негров.

Нет, реки не похожи ни на что другое. А здесь Миссисипи — прямо перед моими глазами, могучая, с мутной серо-желтой, вяло текущей водой. Но только не видно Гека, одетого в лохмотья, в обтрепанных брюках и с трубкой во рту.

— Что это за мелкая речушка? — спросила моя не слишком обремененная знаниями Тетушка.

¹ *Франц Иосиф I* (1830—1916) — император Австрии и король Венгрии с 1848 г., из австрийской династии Габсбургов. Содействовал подготовке Первой мировой войны.

² Классический тип венского вальса, созданного знаменитым австрийским композитором, скрипачом и дирижером Йоганном Штраусом-младшим (1825—1899).

³ *Фивы* — древнеегипетский город, политический, религиозный и культурный центр. Со времени фараонов 11-й династии (XXII—XX вв. до н.э.) столица Египта. В VIII—I вв. до н.э. сохранял значение религиозного центра.

И надо же было тащить такую Тетушку через Атлантику. Достаточно было показать ей речку Эмон в Швеции.

— Разрешите представить! — сказала я. — *Old Man River Mississippi!* Это моя Тетушка из Швеции! Такая, какая уж она есть!

Было тепло. Постояв немного, без особого восторга глядя на Миссисипи и отметив, что вода там как вода, Тетушка поспешно потребовала, чтобы ее отвели обратно в отель, в наш номер, где на потолке имеется вентилятор. Строго говоря, единственное, что Тетушка видела в Новом Орлеане, — это, пожалуй, вентилятор.

Но я-то повидала гораздо больше. Вместе с моим гидом Джоном Хаммондом я кинулась очертя голову в *Vieux Carré*, широко известный квартал города, где французское прошлое Нового Орлеана еще по-прежнему жило в разных уголках.

— У вас всегда такая жара? — спросила я своего провожатого, когда мы пробирались по теневой стороне Ройял-стрит.

Он улыбнулся, словно наивное дитя:

— Вы называете это жарой?

— Да, — сказала я. — Вспомните, что я приехала из страны, где ходят с глубоко промерзшими коленями до самого дня летнего солнцестояния.

Тогда он коротко поведал мне о том, что такое жара. Пылающая вездесущая жара, неподвижно нависающая над городом с конца мая и покидающая его жителей в состоянии выжатых лимонов где-то в октябре.

— Сегодня на редкость прохладный день, — сказал Джон.

— *All right*², тогда все в порядке! — согласилась я. И подумала, что лучше не протестовать, если он по-

¹ «О старушка Миссисипи!» (англ.) — популярная в 1930-е гг. песня, которую исполнял известный и у нас американский певец Поль Робсон (1898—1976).

² Ладно, хорошо (англ.).

чувствовал, что ему необходимо с размаху бить руками, чтобы согреться.

Мне говорили, что в Новом Орлеане должно быть «*lots of atmosphere*»¹. Но и части жары, царившей между рядами пошатнувшихся домишек в *Vieux Carré*, было бы достаточно... Много метров книг, стоявших рядами на полках, было написано об этом квартале, совершенно не похожем на обычную, оснащенную кондиционерами Америку. Здесь теснится огромная толпа писателей и прочих людей свободных профессий, стремящихся почерпнуть вдохновение в столь красочной среде. Здесь расположены маленькие живописные ресторанчики, которые по-прежнему придерживаются французской кухни и вообще французских обычаев. И здесь кучи баров, и ночных клубов, и игорных домов, где ночи напролет цветет пышным цветом знаменитая ночная жизнь Нового Орлеана.

Ой, я тоже почувствовала такое вдохновение! То тут, то там взору открывается темная арка ворот, ведущая во двор, а там внутри находишь удивительный *patio*², полный цветов — олеандров и акаций. В одном из таких патио я обнаружила Колодец желаний. Здесь за скромную плату можно было, подумать только, загадать любое желание! Я щедро бросила вниз в прозрачную воду колодца три шведские одноэровые монетки³. Но затем, покраснев от стыда, я поняла, что шведская валюта в настоящее время настолько обесценена, что не годится даже для Колодца желаний и почти равноценна брючным пуговицам. Так что после некоторой внутренней борьбы я пожертвовала пять центов звонкой и твердой американской валюты, пожелав, чтобы я... нет, об этом рассказывать не стану!

¹ Много атмосферы. Зд.: Слишком жарко (англ.).

² Внутренний дворик (исп.).

³ Мелкая монета.

Я обследовала все проулки, карабкалась по всем маленьким винтовым лесенкам, останавливалась у всех витрин до тех пор, пока Джон, несмотря на то что был «на редкость прохладный день», не начал заметно уставать. Не будь он таким светским и благовоспитанным, у него наверняка, как у одного лейтенанта, который шел со своей юной невестой в церкви к алтарю, появилось бы желание воскликнуть: «Черт побери, Амалия, шагай в ногу!»

— Пообедаем у Антуана, — сказал в конце концов Джон.

— Прекрасная идея! — согласилась я, уже слышанная об этом широко известном старом ресторане.

Та же прекрасная идея, очевидно, пришла в голову половине населения Нового Орлеана, так что нам досталось лишь чудесное место в очереди за пределами тротуара. «*Antoine. Since 1840*»¹ — было написано на вывеске над входом в рай. Пожалуй, не у многих ресторанов в Штатах такие древние предки. В очереди было очень приятно, и все весело болтали друг с другом, чтобы скоротать время. Но я была голодна, и ноги у меня устали. В конце концов я решительно заявила, что в ногах у меня такое ощущение, словно я простояла здесь «*since 1840*», и тут мы получили наконец столик и поглотили дюжину «устриц Рокфеллера», коронного блюда этого заведения.

В Америке не так, как у нас дома, где выходишь в ресторан пообедать, а потом упрямо и прочно прилеиваешься к этому заведению, пока официанты не начинают ставить стулья на столы. В Америке все рестораны, что дают обеды, закрываются примерно около девяти часов вечера. Если ты еще недостаточно наслаждался ресторанами, то отправляешься в бары или ночные клубы.

¹ «Антуан. С 1840 года» (англ.).

Мы с Джоном этого не сделали. Мы поплыли по Миссисипи на громадном туристическом пароходе, где танцевали на огромной палубе, пока пароход медленно скользил по реке. Вдоль набережных длиной с милю мелькали темные контуры грузовых пароходов со всех уголков земли. Ночь была такая теплая! На небе было столько звезд, сверкающих звезд южного неба! Но еще ярче сияли огни города, еще ярче светило, блестело и сверкало за нашими спинами то, что называлось — Новый Орлеан.

XV

*with them people!*¹ *e don't want to mix*

Ничего другого, кроме этого упрямого объяснения, я не смогла выжать из шофера такси, которого интервьюировала по поводу его отношения к неграм. Да, он сказал также, что хорош тот негр, который лежит на глубине пяти футов² под землей. Но тут я вылезла из такси и расплатилась с шофером.

— Бедный «этот народ», — говорю я.

Ужасно было видеть белых и цветных, живущих бок о бок в одном и том же государстве и все же так строго отграниченных друг от друга, словно между ними воздвигнута незримая стена.

— У меня такое чувство, словно во мне формируется новая Гарриет Бичер-Стоу³, — предостерегающе сказала я Джону Хаммонду, когда мы ели ленч в одном

¹ Мы не желаем смешиваться с этим народом! (англ.)

² Фут — английская и устаревшая русская мера длины, равная 30,5 см.

³ Бичер-Стоу Гарриет (1811—1896) — известная американская писательница, автор на шумевшего антирасистского романа «Хижина дяди Тома» (1851—1852).

из маленьких уютных ресторанчиков в *Vieux Carré*, где столы были расставлены в патио под открытым небом.

Джон помешивал ложечкой креветочный коктейль и ничего не ответил.

— У меня безумное желание поднять знамя мятежа! — продолжала я. — Отвратительно видеть, как вы обращаетесь с цветными здесь, в южных штатах.

Но тут Джон начал читать мне длинный доклад. Он сказал, что ни один человек, рожденный не в южных штатах, не может справедливо решать проблему негров. Вне всякого сомнения, существует немного благородных и образованных негров. Но большей части ни в коем случае нельзя еще дать вольную, белой расе необходимо сохранить свое господство.

— С помощью линчеваний и прочего насилия, — ввернула я.

Джон притворился, что не слышит.

— Представь себе штат, как, например, Миссисипи, — сказал он, — где негров столько же, сколько и белых, а в ближайшем будущем, возможно, негров станет еще *больше*. А теперь представь себе плантацию, где, возможно, пять-шесть белых живут в окружении нескольких сотен негров. Как ты думаешь, что произойдет, если негры не будут абсолютно убеждены в неприкосновенности белых?

— Чепуха! — отрезала я. — Так, стало быть, именно в этом причина того, что ты даже не подашь руки негру? Уж не думаешь ли ты, что непосредственно в результате этого рукопожатия и произойдет восстание на плантации в штате Миссисипи?

Джон боязливо огляделся. Разумеется, он боялся, что кто-нибудь за соседними столами услышит мои еретические высказывания. Затем он начал говорить о *Reconstruction*¹ (это делают все жители Юга раньше

¹ Реконструкция (*истор., англ.*) — в истории США переходный период восстановления нормальной экономической и политической жизни страны после Гражданской войны (1861—1865).

или позже) — периоде, последовавшем за Гражданской войной. Саму войну можно забыть. Но пока Вселенная существует, жители южных штатов будут вспоминать, что было потом. *Reconstruction*, стало быть, период, когда армия северных штатов осадила южные, дала неграм свободу и возможность занимать важные посты в общественной жизни. А следствием были ужасающие насилия со стороны негров.

Я заметила, что у Джона, должно быть, сказочно хорошая память, если он помнит то, что случилось во второй половине XIX века, и тогда выяснилось, что его прадедушка со стороны матери говорил, что дни Реконструкции никогда не следует забывать! А последующие поколения потом только подмигивали.

— Нет, — утверждал Джон, — совершенно необходимо, чтобы негры по меньшей мере еще одно столетие оставались на своих местах, по крайней мере до тех пор, пока не станут более образованными.

Я возразила, что, возможно, в таком случае не мешало бы вложить чуточку больше денег в образование негров. И добавила: мол, я не верю, что так уж опасно для жизни американцев выказать неграм хоть капельку обычной человечности и дружелюбия.

Джон был уже близок к панике, боясь, что кто-нибудь из сидящих вокруг услышит, какая я *nigger lover*¹. Это худшее прозвище, которое вообще может прозвучать на Юге. Но я продолжала неумолимо интервьюировать Джона: что он может сделать и не делает, если он белый и живет в южных штатах. Пожал ли он когда-нибудь руку негру? Никогда! Может ли он представить себе, что обедает вместе с негром? Никогда в жизни!

¹ Поклонница нигтеров, черномазых (англ.). Nigger — худшее оскорбительное слово, которым американские расисты называют негров. Ныне абсолютно недопустимо, хотя встречается в литературе, в частности в повести Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна».

Да и вообще, нет ни одного ресторана для белых, в котором обслужили бы негра. Может ли Джон представить себе, что ходит в гости к негру?

Джон даже не пытался ответить на эти вопросы, он только стонал. Я решила освободить его от общества такой опасной анархистки, как я, и сказала, что мне надо в мире и покое подумать. И села на скамейку среди деревьев возле Джексон-сквер¹ и стала думать. Я пыталась представить себе, как это было бы, будь я не Кати из Стокгольма, а негритянской девушкой здесь, в штате Луизиана. Да, как это, собственно говоря, могло бы быть? Прежде всего мне нельзя было бы сидеть на этой скамейке, где разрешается сидеть только белым.

Быть может, у меня возникло бы желание посетить соседний музей, совсем рядом. Там висят плети и железные цепи, которыми пользовались белые, чтобы истязать и мучить моих предков. Там находится и большой стол, который в минувшие времена употреблялся на аукционах рабов. На этот стол выставлялись мои предки на обозрение желающим их купить. Я и сейчас еще могла бы увидеть следы, оставленные их ногами на деревянном столе. Я могла бы увидеть все это... если бы мне было дозволено войти в музей. Но этого мне нельзя.

Если бы я захотела сесть в трамвай, чтобы уехать отсюда, я могла бы, разумеется, это сделать. Но я не могу сесть там, где захочется. «*For colored patrons*»² — этой табличкой я должна руководствоваться. Если бы я захотела пить и нашла фонтанчик на улице, то не могла бы удовлетворить там жажду, — это могут сделать только белые, потому что их жажда благороднее моей. Если бы мне понадобилось что-нибудь купить, я могла бы

¹ Центральная площадь во французском квартале Нового Орлеана.

² «Только для цветных пассажиров» (англ.).

зайти в магазин и сделать это, да, пожалуйста, потому что белые сделали открытие, что *мои деньги* ничем не отличаются от их денег. Но, понятно, меня не будут обслуживать так, как если бы я была белой. Меня не станут называть «мисс». И есть множество магазинов, которые специально оповещают, что обслуживают «дискриминированных» покупателей. Я, очевидно, могла бы посещать *high school* и *college*¹, потому что их на удивление много для меня и таких, как я, но, во всяком случае, я не могла бы никогда получить работу, где реализовала бы свои знания. Мне пришлось бы довольствоваться какой-нибудь скромной должностью уборщицы в отеле, должностью экономки или чем-то таким. Да и за свою работу я получала бы гораздо меньше денег, чем если бы была белой. А когда я мыла бы посуду, мне не разрешалось бы смешивать мой обеденный прибор с господскими. Не могла бы я здесь, в Новом Орлеане, пойти посмотреть один из знаменитых футбольных матчей. Не могла бы поплыть на пароходе на такую экскурсию, которую совершила, будучи Кати из Стокгольма. Не могла бы посидеть в одном из уютных ресторанчиков в *Vieux Carré*. Я не могла бы сделать этого и ничего другого, даже если бы у меня было много денег. Ничто не поможет, даже если моя кровь на три четверти состоит из той самой необыкновенной крови белого человека. Если у меня в жилах течет самая малость негритянской крови, то я есть и останусь негритянкой. Я — Джим Кроу² и подчиняюсь запретам для Джимов Кроу, которые придумала белая раса, чтобы моя знала свое место, — потому что «покажи негру палец, он всю руку отхватит», и вспомни *Reconstruction*,

¹ Средняя школа (9—12-й классы общеобразовательной школы с четырехлетним сроком обучения; старшая средняя школа с трехлетним сроком обучения); колледж — самостоятельное учебное заведение с двухлетним или четырехлетним сроком обучения.

² *Джим Кроу* — презрительное прозвище негров.

и «ни один человек, рожденный не на Юге, не может понять...». Понять что именно?.. А то, что «*niggers*», «*darkies*»¹, «*sambos*»², «*pickaninnies*»³, собственно говоря, не что иное, как скопище диких зверей, которые недавно вышли из джунглей.

Такова горькая действительность для меня, бедной негритянской девушки из Луизианы. И единственное утешение, которое я могу придумать, — то, что есть штаты гораздо хуже. Есть штат, который называется «Миссисипи», — самый худший, и я должна радоваться, что родилась не там. Ричард Райт⁴ родился там, да, тот, что написал повесть «Черный юноша».

Со вздохом облегчения, что я все же Кати из Стокгольма, я поднялась со скамейки и рысью помчалась в отель — посмотреть, жива ли еще Тетушка. С человеческой точки зрения, она была жива. Она оставила небольшую записку, в которой сообщала, что уехала с миссис Хаммонд и что пусть я только посмею снова явиться так же поздно и сегодня вечером!

В эту минуту как раз явилась наша милая Роза — горничная-негритянка с миндалевидными глазами. Много дней я пыталась вступить в контакт с кем-нибудь, кто рассказал бы мне, как сами негры смотрят на свое положение. Но только попытайтесь это сделать, и вы увидите, как нелегко белой женщине вступить в беседу с негром в стране, где белые практически никогда с ними не разговаривают. Не могу представить себе, что бы произошло, если бы я без всякого, просто так подошла к кому-нибудь на улице и попросила бы побеседовать

¹ Негры, чернокожие (англ., презр.).

² Самбо, потомство от смешанных браков между неграми и индейцами; разг. — негр (англ.).

³ Негритята (англ.).

⁴ Райт Ричард (1908—1945) — писатель, один из представителей афроамериканской прозы, автор автобиографической повести «Черный юноша» (1945).

со мной. Но тут я попыталась заговорить с Рози. Она *очень* удивилась. Сначала она была необычайно немногословна, но в конце концов у нее развязался язык. Она сказала: она не думает, будто добрый Бог считал, что так и должно быть.

— Белые смотрят на нас как на животных. *I just wonder why*¹, — сказала она, печально глядя перед собой своими прекрасными глазами. — *I just wonder why*, — повторяла она раз за разом, как будто я совершенно не понимала, что ей и в самом деле необходимо объяснение. — А в вашей стране много цветных? — робко спросила она под конец. Слова ее звучали неопишимо смиренно, примерно так, словно она задавала вопрос, есть ли и у нас те, кого можно топтать ногами.

Потом она рассказала о своих детях. О детях просто очаровательных. Младшая, Оливия, она *quite a lady*², уверяла Рози. Тут я нахально спросила: нельзя ли мне прийти к ней домой — посмотреть на необыкновенную Оливию? Предложи я ей драгоценности, принадлежащие шведскому государству, она бы не так удивилась! Она удивилась и пришла в восторг. Ужасно, что мои слова вызвали такой восторг: белая женщина снизойдет до того, чтобы посетить ее дом!

Я не совсем отчетливо понимала, какое это потрясающее событие, прежде чем несколько часов спустя не прибыла в квартал, где живет Рози. Весь квартал был взбудоражен! Курчавые ребятишки, толпой окружившие такси, на котором я приехала, показали мне дом, где жила Рози. Слухи о моем предстоящем визите явно распространились по всему кварталу. У шофера был такой вид, словно он проглотил что-то несъедобное, и он несколько раз спросил, не хочу ли я, чтобы он подождал меня на улице. Этого я не хотела.

¹ Я удивляюсь, почему это так (англ.).

² Точь-в-точь как настоящая леди (англ.).

У Розы были маленькая комната и кухня. Там жила она с четырьмя детьми, а еще — двоюродная сестра Розы с дочерью-подростком. В комнату дневной свет проникал, лишь если открыть дверь на улицу. Нищенский суррогат человеческого жилья — вот что это было! Четверо детей смотрели на меня так, словно я была архангел Гавриил¹, сошедший на землю со своего небесного трона. На полу была лужица. Той, что была *quite a lady*, немного не повезло. Но такое может случиться и с *ladies* в самых лучших семействах. В комнате был один стул, на который я и села. Остальные сидели на кроватях, Роза болтала.

— В штате Миссисипи куда хуже, чем здесь, в Луизиане, — рассказывала она. — В Миссисипи... о, там случаются ужасные вещи. Там по ночам исчезают негры. И их никогда больше не увидят. Ясное дело, если не найдут их повешенными на деревьях. Неужели вы об этом не слышали?

И она спела для меня и для детей, которые стояли прямо, как палки, глаза на меня:

— *Southern trees bear a strange fruit.*
Blood on the leaves and blood at the root.
Black bodies swinging in the Southern breeze,
*Strange fruit hanging from the poplar trees*².

В отель я шла пешком — сколько могла. Я шла через самые нищенские негритянские кварталы, до тех пор пока не натерла ногу. Было больно, но еще большее

¹ Один из семи главных ангелов, возносящий молитвы людей к Богу. Имя Гавриил означает — сила Божия.

² Блюз «Невиданный плод», написан знаменитой джазовой певицей Америки Билли Холидей (1915—1959):

На юге каждое дерево дает невиданный плод.
Там кровь сочится из листьев, и ствол эту кровь сосет.
Тела под горячим ветром, одно другого черней,
Качаются в черных кронах невиданных тополей.

Пер. с англ. М. Яснова.

было у меня на душе. И я испытывала некоторым образом чувство справедливости оттого, что хотя бы натерла ногу. Я все шла и шла, бормоча мелкие, но пыльные проклятия. Мелкие пыльные проклятия своей собственной расе.

В конце концов я остановила такси. Шофер сказал, что хорош тот негр, который лежит на глубине пяти футов под землей. Тогда я вышла из такси и, хромая, заковыляла в отель.

Там я сняла туфли и подула на потертые места. Это было единственно приятное за весь день.

XVI

Никогда не выходи замуж в Америке, — сказала Тетушка уж не знаю в который раз. — Тебя ждет только беда... Этот Джон... — И она энергично захлопнула крышку чемодана.

Тетушка думает, что стоит мне увидеть существо мужского пола, как мозг мой начинает совершенно автоматически разрабатывать план: как потащить его к алтарю так, чтобы он этого не заметил. Поэтому я промолчала. Мне не хотелось объяснять ей, что Джон очень подходящий и надежный спутник, на которого можно спокойно опереться во время ночных блужданий по злачным кварталам Нового Орлеана. И что с ним чрезвычайно приятно пить кофе и есть пышки часа в три утра у стойки *French Market*¹. Но Джон не тот, с кем я пошла бы к алтарю, и, если бы я поделилась с ним какими-нибудь такими планами, он, вероятно, бежал бы от меня до тех пор, пока не упал замертво.

¹ Французский рынок (англ.). Крытый фермерский рынок в старом французском квартале Нового Орлеана, где расположены кафе и рестораны с французско-креольской кухней.

— Вообще-то я уже устала от этого города креолов¹, — продолжала Тетушка. — Все креолы и креолы, одни только креолы... Давай уедем отсюда.

Я задумчиво посмотрела на нее. Говорят, если слишком надолго останешься в Новом Орлеане, то раньше или позже сам «окреолишься». Думаю, к Тетушке это не относится. Если бы даже остаток своей жизни она просидела тихо, как мышка, в самом сердце *Vieux Carré*, то она в момент своей кончины была бы так же окреолена, как далекарлийская лошадка².

Все, что есть изысканного в Новом Орлеане, — креольское. Благородно, если в жилах у тебя течет креольская кровь. (И это вовсе не значит, что ты принадлежишь к смешанной расе с примесью негритянской. Это означает лишь, что ты родом из старинных французских или испанских семейств, первыми колонизировавших Новый Орлеан.) Креольская кухня ценится также высоко. Все французские рестораны в *Vieux Carré* усердно рекламируют *Creole chicken* и *Creole vegetables*³ и старинный креольский рецепт приготовления рыбы. Потому что есть креольскую пищу благородно. Благородно — да, но она чересчур приправлена пряностями!

И теперь Тетушка считала, что весь город слишком уж приправлен пряностями, и тосковала по более северным краям.

¹ Креол — человек белой расы, родившийся в какой-либо европейской колонии в Латинской Америке, в противоположность переселенцу в Америку; вследствие смешения понятий — человек смешанного происхождения от двух рас: белой и цветной.

² Знаменитый сувенир из шведской провинции Даларна (Далекарлия) производства кустарной промышленности Фалуна, административного центра лена Коппарберг.

³ Цыпленок по-креольски и овощи по-креольски (англ.).

— Давай поедем в Миннесоту¹, — сказала я, — ведь это, по существу, шведская колония². Язык чести и героев встречает тебя в каждой пивной. И в правительстве у всех в жилах течет шведская кровь!

— А у меня неподалеку от Миннеаполиса³ есть тет-ка, — сказала Тетушка.

— *Whoopee!* — закричала я. — Это решает дело! Бросок в Миннеаполис!

Я, конечно, считала, что рынок тетушек будет в ближайшем будущем перенасыщен, если теперь столь неожиданно возникнет еще одна! Но с другой стороны, будет более чем справедливо, если Тетушка на самой себе испытает разницу между тем, что значит *иметь* тетушку, и тем, чтобы *быть* ею.

Джон отвез нас в аэропорт.

— *Ah don't think ah'll ever forget you!*⁴ — сказал он и чистосердечно посмотрел на меня своими карими глазами.

«Ну-ну, — подумала я, — возможно, до тех пор, пока наш самолет не покинет пределы Луизианы!»

После того как мы пересекли в самолете Атлантику, Тетушка была уже такой *air-minded*, что практически только вопросом времени было: когда же она сама возьмется за штурвал какого-нибудь самолета DC-6 и начнет демонстрировать пикирующий полет.

Мы летели над огромной долиной Миссисипи, совершая то тут, то там недолгие промежуточные посадки. Задерганные коммерсанты с портфелями под мышкой садились в самолет в одном городе и через час выходили в следующем. Я внушала себе, что они летят кто на работу, а кто с работы. Какой-то школьник учил

¹ Штат на Среднем Западе Америки.

² С 1820-х гг. в Миннесоту шел поток переселенцев, в том числе эмигрантов из Швеции.

³ Самый крупный город на востоке штата Миннесота.

⁴ Думаю, я тебя никогда не забуду! (англ.)

уроки в самолете. Только бы он успел выучить про вторую Пуническую войну¹, прежде чем самолет приземлится!

Но там были и другие, искушенные опытом дальних следований путешественники, — Тетушка, миссис Мортон и я. Миссис Мортон как раз возвращалась с Кубы и летела в Канаду, хотя вообще-то жила в Калифорнии и собиралась в ближайшее время провести небольшой отпуск на Гавайских островах. Она была очень разговорчива и болтала не переставая все время пути от Талсы до Омахи². Она показала мне даже письмо от своего маленького щенка. Да, от своего маленького щенка! «Милая хозяйшюшка, я поживаю хорошо и каждый день играю с другими мальчишками-щенками на ранчо. У меня такой хорошенький ковбойский костюмчик! Надеюсь, твое путешествие приятно. *Kisses from Scotty*»³. Я вызвала миссис Мортон на объяснение. Миссис Мортон удивилась: неужели я никогда не слышала о *dude ranch*?⁴ Да, я знала, что *dude ranch* — пижонский приют, где игривые американцы, одетые в ковбойские костюмы, собираются, смотрят на лошадей и воображают себя ковбоями и ковбойшами. Прекрасно, все очень просто: Скотти находился на *dude ranch* для собак! Замечательное место, где собаки веселятся, пока их хозяйки и хозяева путешествуют. У Скотти собствен-

¹ Войны между Римом и Карфагеном за господство в Средиземноморье: 1-я — 264—241; 2-я — 218—201; 3-я — 149—146 до н. э. Завершились победой Рима.

² *Талса* — город в штате Оклахома, на юге центральной части США; *Омаха* — город в штате Небраска, на северо-западе центральной части страны.

³ Скотти целует тебя (англ.).

⁴ «Пижонское», «городское» ранчо (англ.). *Dude* — «пижон», «городской» — презрительное прозвище городского жителя, приезжающего на отдых на крупное ранчо и ничего не смыслящего в сельской жизни, но ведущего себя снисходительно и заносчиво. Зд.: ранчо-пансионат.

ная маленькая будка в собственном маленьком отгороженном загончике, с собственным маленьким деревцем, где он может поднимать лапку... И на нем, как уже известно, ковбойский костюмчик, и он веселится и развлекается с другими «мальчишками-щенками». А время от времени пишет письма хозяйке.

О Зевс¹, подари этому поколению американцев мальчишеский нрав, душу, полную надежд, и фантазию! Но разве американцы *чутью* не перебарщивают, когда речь идет об игривости?

* * *

Если бы я внушила себе, что стоит только выйти из самолета в Миннеаполисе, как тотчас наткнусь на шведа, то ошиблась бы. Мы с Тетушкой целый день бродили по городу, держа ушки на макушке в надежде уловить на каком-нибудь перекрестке ядреную шведскую речь. Но напрасно. Было воскресенье, и мы поехали в прекрасный парк Миннегага², который так красиво воспевают Лонгфелло. Но должна сказать, что *the falls of Minnehaha* основательно пришли в упадок с того времени, как юный Гайавата переносил на силь-

¹ Верховный бог древних греков.

² Парк в Миннеаполисе, где находятся водопады Миннегага. Знаменитый американский поэт и переводчик Генри Уордсворт Лонгфелло (1807—1882) в поэме «Песнь о Гайавате» (1855) воспел некогда могучие водопады Миннегаги, сильно деградировавшие позднее. В парке установлены памятники Гайавате и его жене Миннегаге, названной так в честь водопадов.

...Where the falls of Minnehaha
flash and gleam among the oak trees,
laugh and leap into the valley...

...Там, в долине, где смеялись,
Где блистали, низвергаясь
Меж зелеными дубами,
Водопады Миннегаги...

Пер. с англ. И. А. Бунина.

ных индейских руках свою подругу Миннегагу через бурлящие потоки¹.

Водопады эти превратились в маленький скромный водопад, который больше совершенно не смеется, а скорее, словно горькая слеза, ниспадает вниз в долину. А вокруг в парке, на вольном воздухе, сплошные пикники — так празднует воскресенье Миннеаполис.

Но по-прежнему никаких звуков шведской речи. Вдруг я увидела крупного румяного дяденьку нордической внешности, который поскользнулся на банановой кожуре, растянулся во весь рост, хлопнувшись всей своей стокилограммовой тушей о землю. Я подумала: «Теперь или никогда! Сейчас я, вероятно, услышу несколько теплых шведских слов, идущих от самого сердца и столь дорогих патриоту своей страны!»

Но нет! Он только поднялся на ноги, тихо и молча. Я абсолютно убеждена, что в этом человеке нет ни капли шведской крови!

Но одну старую знакомую в Миннеаполисе мы все же встретили. О старушка река Миссисипи, которая здесь, так близко от истоков, была еще более необузданной и еще более безумной, чем в Новом Орлеане!

Тетка моей Тетушки жила в доме для престарелых, в нескольких километрах от Миннеаполиса. На следующий день мы поехали туда на автобусе. В самую последнюю минуту перед отходом автобуса туда вошел молодой человек в рабочем комбинезоне. Никогда в жизни я не видела никого столь белокурого, голубоглазого и пьяного.

¹ На руках через стремнины
Нес он девушку с любовью, —
Легким перышком казалась
Эта ноша Гайавате.

Пер. с англ. И. А. Бунина.

— Черт побери, — сказал он, — дома в Швеции... там мы целную неделю веселились!

(Он определенно думал, что такие же славные обычаи надо ввести и в Америке.)

Он говорил по-шведски с очень сильным акцентом, наверняка только под влиянием алкоголя он развлекался, разговаривая на языке своих родителей. После того как он целый час развлекал пассажиров, он, шатаясь, подошел к шоферу и огорченно спросил:

— Ты не помнишь, что я сказал — где мне выходить?

Шофер явно помнил, так как осторожно высадил его на одной из остановок, и все пассажиры с напряженным интересом следили за отпрыском матушки Свеи¹, когда он, блаженно улыбаясь, двинулся в путь к незнакомой цели, готовый веселиться «целную неделю». То был первый швед, увиденный мной в Миннесоте.

* * *

Но не последний. Нет, не последний. Я встретила там много шведов, много живых — и кое-кого мертвых.

Элин была среди мертвых. Умерла она в восьмидесятых годах XIX века, и ей тогда не исполнилось еще девятнадцати лет. О, Элин, как я оплакивала тебя! Я сидела возле твоей могилы, а вокруг цвела удивительнейшая весна, и мне было так больно, что тебе не дано было пережить девятнадцать весен.

Вообще-то я оплакивала не только тебя, я оплакивала всех шведов, что спали последним сном на этом кладбище в далекой Миннесоте. Это было старое-престарое кладбище, и почти все, кто покоем там, родились в Швеции. Гробницы с одними лишь шведскими именами, северный весенний ландшафт вокруг меня... Неужели кто-нибудь удивится, что я поняла: мне надо немного поплакать. И посетила могилу Элин, которой не исполнилось еще девятнадцати лет.

¹ Старинное название Швеции.

О, я просто видела все это! Торпарские¹ хижины дома в Смоланде, Элин с упакованным полосатым чемоданом — она уезжает в Америку, — на лужайке мать и отец провожают ее... Маленькие братья и сестры плачут у калитки, мать утирает глаза передником.

— До свидания, Элин, напиши домой, как только сможешь, — ты ведь взяла с собой бутерброды? — до свидания!

И вот Элин идет дальше одна по лужайке, слезы застилают ее глаза, и она едва различает дорогу, но не оборачивается. А потом — на поезде вместе со всеми другими из ее прихода, ведь так приятно ехать в Америку! Ужасное плавание на пароходе через океан... Два заплесневелых бутерброда еще остаются у нее в котомке с припасами по прибытии в Нью-Йорк. Однако Миннесота!.. Знаешь, там ведь точь-в-точь как дома в Смоланде! Нет, возможно, не совсем так!.. Нет, нет, совсем не так, как дома! О ужасная тоска по дому! И болезнь... и еще сильнее тоска по дому... Мама... я хочу обратно домой, к маме! Но мама так далеко, Швеция так далеко! Помогите, мне всего лишь девятнадцать лет, я не хочу умирать...

А дома на торп приходит письмо с наклеенной на конверт американской маркой. «Ваша дочь Элин умерла на прошлой неделе, это была грудная болезнь. Думаю, она страдала!»

Зайдя так далеко, я взяла себя за шиворот. Никогда не слышала ничего подобного. И чего только не выдумаешь, лишь бы поплакать! Признайся, Кати: ты сама тоскуешь по дому! «Ты ведь взяла с собой бутерброды», — никогда ничего глупее не слышала. И если не можешь себе представить, с чем были эти бутерброды XIX века, то у тебя чуточку больше причин поплакать. Телячий студень, например, — это, вероятно, в высшей степени трогательно!

¹ Торпарь — безземельный арендатор.

После того как я довольно долго попрезирала себя, глаза мои высохли уже настолько, что я смогла сопровождать Тетушку в дом престарелых, навестить *ее* милую тетку. И подумать только, здесь все началось снова!.. В доме было полным-полно старушек и старичков, эмигрировавших в Америку тридцать, сорок, пятьдесят лет тому назад. Каждый из них говорил по-шведски, так что... короче говоря, все началось снова! Я плакала и всхлипывала, так что тетка Тетушки была просто вне себя. Она была так стара и так рада видеть нас! Она говорила о своей старой родине и о своей новой родине, так что... короче говоря, я достала свежий носовой платок. Тетка Тетушки стояла в окне и смотрела нам вслед, когда мы уходили... В самом деле, должна сказать, с двумя носовыми платками далеко не уедешь!

Но когда мы вернулись в Миннеаполис, я взбодрилась и собралась с духом, и мы с Тетушкой пошли на весенний концерт Шведского института. Жил-был некогда бедный шведский мальчишка-эмигрант, которого звали Турнблад. Он разбогател и построил себе дом в Миннеаполисе, ужасную огромную коробку, настолько ужасную, что невозможно было понять, как кто-то может там жить. И Турнблад тоже не смог. Он быстро съехал оттуда и подарил дом обществу, которое живет и действует, распространяя шведскую культуру в Америке. Этот весенний концерт состоялся именно в этом доме.

Мне не следовало идти туда. Подумать только, сидеть так далеко от Швеции и слушать, как поет мужской хор. Мужской хор, хористы, нога которых, вероятно, никогда не ступала на землю Швеции, но которые все-таки не забыли свое шведское происхождение. Разве можно слушать, как этот мужской хор поет: «Страна благословенная, прими мою песнь!» Я имею в виду — слушать без слез! Я не смогла!

XVII

отом мы приехали в Чикаго, и вот там-то *это* и случилось! Я до сих пор еще по-настоящему не оправилась от шока. Кто бы мог подумать, что... Нет, пока я еще ничего не скажу! Скажу только, что, входя в вагон поезда апельсинового цвета, который вез нас из Миннеаполиса в Чикаго, Тетушка и я вряд ли предполагали, что приготовила нам судьба.

«Утренний Гайавата» — так назывался поезд. Разве слова эти не звучат как возглас триумфа? Мы сели в «наблюдательный вагон» в самом хвосте поезда. И при виде зеленого, мягко очерченного лесистого ландшафта, среди которого мы ехали, почувствовали, что настроены по-доброму и благожелательно. Неудивительно, что столько шведских пионеров-переселенцев обосновалось в здешних местах. Наверняка хорошо было жить на этих землях!

Разбросанные среди зелени, раскинулись белые усадьбы с огромными сараями и высокими белыми зернохранилищами. Было бы интересно знать, сколько усадеб занимают здесь Андерссоны, или Петтерссоны, или какие-нибудь другие шведские ... соны¹. Возмож-

¹ Большая часть шведских фамилий кончается на «...сон» («сын» — *шв.*), так как первоначально шведские фамилии складывались из имени отца и слова «сын», напр.: Карлссон — «сын Карла».

но, большинство владельцев ферм в Миннесоте — выходцы из Скандинавии.

Когда мы выскочили из вагона в Чикаго, кто стоял там, на перроне, с наивным взглядом голубых глаз, полных слез? Кто, как не дядюшка Элуф?! Мамин брат Элуф, эмигрировавший, когда ему было двадцать два года, и которого я никогда прежде не видела! Он жил в Америке уже сорок два года, но, несмотря на это, выглядел таким по-крестьянски славным, домашним. Встреча с ним была очень торжественной и удивительной. Но я еще не чувствовала, что крылья судьбы шумно реют в воздухе.

Значительную часть времени в поезде Тетушка употребила на то, чтобы подготовить меня к встрече с Чикаго.

— Если повернешь за угол и услышишь на улице звуки, похожие на «тра-та-та», мгновенно бросайся на землю животом, — сказала она. — Потому что это строчит пулемет и, возможно, стреляет сам господин Капоне¹.

Я возразила, что Аль Капоне давно умер, а музыка *machine-gun*² в настоящее время смолкла. Но Тетушка читала, что, по статистике, в каком-то году в Чикаго было триста шестьдесят семь убийств и ни одного-единственного убийцы не схватили. Конечно, с тех пор прошло много времени, но если триста шестьдесят семь убийц не были схвачены тогда, то логично было бы предположить, что теперь они залегли наготове, чтобы со свежими силами броситься на Тетушку и на меня. Тетушка не желала подвергаться риску. Она спрятала наши деньги в самые замысловатые тайники. Не думаю, что даже такому суперхитрому гангстеру, как Аль Капоне, взбрела бы в голову идея искать деньги в кармане Те-

¹ Капоне Аль (наст. имя Альфонс, 1899—1947) — гангстер, один из главарей американского преступного мира в 20—30-х гг. XX в. С 1920 по 1931 г. руководил серией гангстерских налетов на банды конкурентов в Чикаго, сопровождавшихся перестрелками и убийствами.

² Пулемет (англ.).

тушкиной красной нижней юбки. Так что я чувствовала себя совершенно уверенной в нашей безопасности. Но Тетушка подозрительно смотрела на всех, кого мы встречали. И не думайте, что она не узнает гангстера или рэкетира, если увидит кого-нибудь из них.

— Я видела уже четверых! — прошептала она мне, даже прежде, чем мы успели сесть в машину дядюшки Элуфа.

Федеральному бюро расследований¹ просто необходимы бы такие люди, как Тетушка, это точно. Тогда бы какие-то там триста шестьдесят семь убийств не остались нераскрытыми, уж поверьте мне!

Дядюшка Элуф жил в собственном доме в пригороде Чикаго, и там, как мне показалось, собралась вечером примерно добрая половина шведского населения Чикаго, чтобы послушать о своей родине. Там, дома, нам ни за что не понять несчастную любовь шведо-американцев к своей прежней стране. Если бы мы поняли это, мы бы чуточку больше постарались сохранить с ними контакт, время от времени показывая им, как мы ценим достижения американских шведов. Но нет, мы лишь бродим среди наших сосен и елей и не чувствуем потоков тоски по родной стране, струящихся на восток через Атлантику.

И только когда потоки американского наследства и пакеты кофе струятся этим же путем, мы, широко раскрыв глаза, вспоминаем, что в Америке есть шведы. Огромное-преогромное множество шведов! И почти у всех, по крайней мере у тех, кого я встречала, озаряется лицо, когда они думают о своих родных краях! Понятно, что тех родных краев, о которых они мечтают, по-настоящему больше нет, и потому для американских шведов лучше никогда больше не видеть эти края, кроме как в прекрасных эфемерных снах. В снах все остается точь-в-точь как было тогда — тридцать, сорок лет тому назад,

¹ ФБР — подразделение министерства юстиции США. Создано в 1908 г.

когда они отправились в путь. Разве это не то, что более всего желал бы пережить швед, поселившийся в Америке: вернуться домой — противостоительно хорошо одетым, с карманами, набитыми долларами, выйти из вагона на перрон, встретиться с теми же людьми, которые видели его бедным юношей тридцать лет тому назад, пройти хорошо знакомой дорогой к маленькой серой лачуге, поглядеть на те же старые яблони, на ту же чету ласточек, выющих гнездо под коньком крыши, на тех же отца с матерью, сидящих в кухне?

Как раз когда они обо всем этом думают, и озаряются светом их лица. Им достаточно услышать название прихода, чтобы вызвать в памяти эти картины. Но их дети уже полностью американизированы. Их лица не озаряются светом, если в их присутствии даже семнадцать раз произнесут имя родного дома, например «Кроксмола».

— Не понимаю, почему не идет Эндрю? — сказал дядюшка Элүф, когда мы все — Тетушка и я, дядюшка Элүф и его жена, да еще половина всех шведов Америки — в радости и согласии пили кофе.

Тут появился Эндрю, Эндрю с серебристо-седыми волосами и веселым лицом того же самого цвета, что и зимнее яблоко. Я по-прежнему не подозревала, что он-то и есть могучее орудие судьбы, переступившее порог на довольно кривых ногах. Эндрю держал курс прямо на Тетушку.

— Вильхельмина! — воскликнул он. — Ты узнаешь меня?

Она явно узнала его. Яркий румянец залил ее лицо.

— А ты все такая же красивая, как когда-то, — продолжал Эндрю.

Тетушка покраснела еще больше.

— Ага! — с ударением произнесла я.

И тогда Эндрю принялся рассказывать всем, кто хотел его слушать, как они с Вильхельминой в юности, на заре нынешнего века, сидели по вечерам в беседке и забавлялись тем, что сжимали руки друг друга, чтобы узнать, кто сильнее, и еще многим...

— И еще многим, — выразительно повторил Эндрю.

У Тетушки был смущенный вид, и она явно желала больше всего на свете, чтобы я находилась в Омахе или еще где-нибудь в окрестностях и не смогла услышать ядреные шутки Эндрю.

— Расскажите побольше, — приободрила я Эндрю, и он не заставил себя просить.

— В те времена мы были бедны *money*¹, — продолжал он. — Зато богаты *romance*².

Последние слова он произнес, бросив на Тетушку плутовской взгляд.

— Да, Вильгельмина, так было тогда! А ты и теперь такая же веселая?!

Я взглянула на Тетушку. Возле рта у нее уже обозначилась складка.

— Веселая ли она?! — ответила я вместо нее. — Да это самая бойкая и шутливая девица, с которой можно путешествовать по странам и континентам. Однако не так-то легко удержать ее в границах дозволенного!

Когда через несколько часов мы отправились спать, Тетушка все еще выглядела затравленной. Я спела ей, чтобы она успокоилась.

— *Any time is the time to fall in love*³, — пела я.

Но не похоже, что песня помогла.

* * *

Утверждают, что Чикаго — самый американский из американских городов Америки. *God save America*⁴, я верю, что это так! Жить в Чикаго, должно быть, примерно то же самое, что общаться с ужасно подвижным ребенком, который каждую секунду находит выход своей энергии. Вначале это очень стимулирует,

¹ Деньги (англ.)

² Романтика (англ.).

³ Влюбляться можно всегда (англ.).

⁴ Боже, спаси Америку! (англ.)

нравится, и думаешь, что никогда в жизни не встречал такого живчика. Но вскоре сидишь с ним совершенно вымотанный и мечтаешь, что наконец настанет время, когда ребенку будет пора ложиться спать.

Оглушающий, лихорадочный, кипучий хаос большого города, заполняющий до краев «*The Loop*»¹ в Чикаго, думаю — единственный в мире, такого нигде не найти. Нью-Йорк по сравнению с Чикаго кажется совершенно спокойным и мирным городом. А представить себе, что сто лет назад Чикаго был маленьким городком, едва ли насчитывающим пятьдесят тысяч жителей!

Мы с Тетушкой бродили в «*The Loop*», пока не почувствовали, что наши нервы превратились в сплошной запутанный клубок, и помчались по улицам, словно кто-то гнался за нами. В конце концов мы шмыгнули в ленч-ресторан, чтобы отдышаться и немного перекусить.

Обращение с людьми в Чикаго определенно более свежее, непринужденное и сердечное, чем где-либо, даже в Америке.

— *Did you girls enjoy your lunch?*² — дружелюбно спросила наша официантка, когда мы поели.

У Тетушки был несколько смущенный вид, когда ее называли «девушкой», но она перенесла это с удивительным самообладанием. И только я хихикнула. Потом мы пошли в колоссальный универмаг Маршалла Филда³, чрезвычайно знаменитый на всю Америку, Тетушка осторожно остановилась у прилавка и потрогала блузку. К ней тут же подошла маленькая, дико размалеванная девица лет восемнадцати и услужливо спросила:

¹ «*Луп*» (петля — *англ.*) — деловой, торговый и культурный центр Чикаго, штат Иллинойс. Район называется так потому, что вокруг него проходит линия надземной железной дороги.

² Ну как, девушки, понравился вам ленч? (*англ.*)

³ *Филд Маршалл* (1834—1906) — реформатор розничной торговли.

— *Can you help, honey?*¹

Если бы дома в «Н. К.» Тетушку называли «дорогая», она, вполне вероятно, обратилась бы в дирекцию с жалобой. Но, уже постепенно начав привыкать к диким американским обычаям, она лишь с чуть заметным упреком взглянула на продавщицу и удалилась.

Эндрю каждый вечер являлся к дядюшке Элфуфу. Мне было предельно ясно, что делал он это не ради меня. Нет, Эндрю все больше и больше хотелось говорить о той беседке. Для меня, любившей разнообразные темы, оставалось загадкой, как можно извлечь столько всего из одной-единственной маленькой несчастной беседки. Однако справедливости ради следует признать, что Эндрю немного говорил и о своей ремонтной мастерской. Это было хорошее предприятие, где трудился десяток рабочих.

Совершенно очевидно, что в настоящее время Эндрю не был беден *money*. И думаю, в *romance* у него тоже недостатка не было. Он пригласил Тетушку и меня покататься в его автомобиле. Однажды вечером он пожелал немедленно взять нас с собой на *baseball-match*, но на меня обрушилась небесная кара в виде каких-то необъяснимых ревматических болей в правом плече, так что Тетушке пришлось ехать одной.

— Приходи не слишком поздно, — строго сказала я ей. — И не болтай потом целую вечность с Эндрю на веранде, а возвращайся сразу же к старушке Кати. А сейчас я пойду со своим ревматизмом, лягу и буду читать хорошую книгу.

Тетушка стояла предо мной — бессильная жертва самых противоречивых чувств. С одной стороны, она охотно поколотила бы меня, с другой — она боялась угрожающего моей жизни ревматизма, которым, как она считала, я болеваю. И наконец, ей хотелось поехать с Эндрю. Но я успокоила ее.

¹ Вам помочь, дорогая? (англ.)

— Беги, маленькая шалунья! — сказала я. — Эндрю уже ждет тебя в машине и сигналит. И пусть мои старческие недуги не помешают тебе повеселиться от всего сердца.

Сердито ворча, Тетушка ушла. Мне очень хотелось услышать немного о *baseball*, когда она вернется домой. Нельзя же уехать из Америки, так ничего и не узнав об этой игре, необходимой американцу больше воздуха, которым он дышит. Летняя мелодия Америки — шорох удара деревянной биты о кожаный мяч. Миллионы и миллионы американских мальчишек практически рождаются с битой в руке. Они мечтают когда-нибудь сыграть в больших матчах. Вообще в этом случае *все* американцы ведут себя как мальчишки.

— Постарайся стать *baseball champion*¹, — сказал Тетушке Эндрю. — И тогда твоя карьера в Америке сделана.

Тетушка фыркнула... Требуйте от нее все, что угодно, но новым *Babe Ruth*² она становиться не собирается, — это ясно подтвердило ее фырканье.

Но все же она смогла мне рассказать, как все было.

— О! — воскликнула Тетушка. — Они бегали туда-сюда и были недругами. А некоторые подбрасывали еще вверх мяч! Все — супердурацкое!.. Я все время читала «Чикаго Трибюн»³.

Когда она легла спать, долгое время в комнате стояла тишина. Единственное, что было слышно, — это время от времени издаваемый ею глухой вздох.

— Почему ты так тяжело вздыхаешь, Тетушка? — вежливо спросила я.

В ответ она разразилась потоком слез.

— Эндрю, — всхлипывала она, — Эндрю хочет, чтобы я вышла за него замуж.

¹ Чемпион по бейсболу (англ.).

² Рут Джордж Герман (Малыш Рут, 1895 — 1948) — легендарный бейсболист-рекордсмен.

³ Ежедневная утренняя газета, издающаяся в Чикаго с 1847 г.

XVIII

медленно обретала сознание после этого землетрясения.

Что такое сказала Тетушка? А, вот что: «Эндрю хочет, чтобы я вышла за него замуж!»

Как мало знаешь о своих тетушках! Я никогда не отрицала, что в Тетушке есть известная доля терпкого шарма. Но в отношении противоположного пола я считала ее довольно безопасной. Она и безопасна! Настоящая, в чистом виде соблазнительница мужчин, заставляющая их терять голову! Вот кого я таскала с собой по всем штатам! *Femme fatale*¹, топтавшая ногами сердца мужчин так, что под ее башмаками на пуговках только хруст стоял!

Никто не сможет сказать над моим прахом, что я нетактична. Ведь я же *не* говорю: «Никогда не выходи замуж в Америке! Это принесет тебе только несчастье! Ох уж этот Эндрю...»

Между прочим, я чуть не вернула Тетушке ее собственные слова. Но нет, я сказала лишь:

— Разве это причина для таких горьких слез?

Тогда Тетушка еще глубже зарылась в подушки и заплакала так, словно сватовство Эндрю было катас-

¹ Роковая женщина (фр.).

трофой, сравнимой разве что с гибелью «Титаника». Я долго уговаривала ее успокоиться. В конце концов я поняла, как все было. Ну да, Эндрю был ее юношеской любовью, и она так хотела выйти за него замуж, и Америка в самом деле страна, в которой хорошо живется; ей она с первого взгляда понравилась... (Нет, только послушайте!) Но ведь и речи не может быть о том, чтобы оставить меня, бедную маленькую сиротку. Она ведь поклялась моей матери, когда та лежала на смертном одре, и, если только дать ей немного времени, она переживет эту историю с Эндрю.

— Наоборот, — сказала я.

Затем легла на свою подушку и расхохоталась про себя. Мне скоро исполнится двадцать два года, а я практически ни шагу в жизни не сделала без помощи Тетушки. Я и представить себе не могла, что значит самостоятельно распоряжаться собой. Но теперь самое время поступать именно так. Я осознала это целиком и полностью.

И расхохоталась еще сильнее. Квартира из двух комнат на улице Каптенсгатан без Тетушки... как это будет? «Будет очень хорошо», — подумала я про себя, хотя сочла эту мысль кощунственной и неблагодарной. Ева может переехать ко мне, мы служим с ней в одной конторе и всегда хорошо уживались друг с другом.

— Самое лучшее — нам завтра же уехать из Чикаго, — жалобно сказала Тетушка.

— Ни в коем случае, — возразила я. — Завтра ты встретишься с Эндрю и попросишь его заказать высокий свадебный торт.

Прошло некоторое время, пока мои доводы подействовали на нее, и потребовались большие дипломатические ухищрения, чтобы объяснить Тетушке: моя жизнь без нее вовсе не станет сплошным несчастьем. Тетушкины благодарность и счастье были безграничны, когда она наконец-то поняла, что ее вовсе не станут считать чудовищем, если она выйдет замуж за Эндрю. Она поднялась и встала у окна в своей неизменной фланелевой ночной

рубашке. Она смотрела на звезды и долгое время была совершенно непохожа на себя. А потом сказала:

— Дай мне клятвенное обещание, что каждый год с первого ноября ты станешь надевать шерстяные брюки.

Затем она заснула как дитя, а я продолжала бодрствовать и размышлять.

* * *

О, все эти слезы, которые пролились в Чикаго в тот день, когда я уезжала! Про великий пожар в Чикаго¹ наслышаны все, но это было великое чикагское наводнение. Прежде чем все зашло так далеко, Тетушка пятнадцать раз произносила слово «да» в ответ на предложение Эндрю и пятнадцать же раз, плача, сообщала ему, что, к сожалению, ничего из этого не выйдет, она не может бросить на произвол судьбы бедную маленькую сиротку. Так что бедной маленькой сиротке пришлось улучшить момент и пуститься в дорогу в тот день, когда Тетушка случайно пребывала в убеждении: молодежи полезно стоять на собственных ногах. Но в самый момент прощания Тетушка пришла в ужас от собственного сумасшедшего поступка и так плакала и всхлипывала, что возбудила всеобщее внимание и заставила Эндрю, стоявшего рядом, почувствовать себя злодеем. Я, утешая Тетушку, погладила ее по щеке и взяла Эндрю под руку.

— Хочу, чтобы вы оба были счастливы, — сказала я. — А я всегда буду для вас родной матерью. Если у вас будут какие-нибудь огорчения, помните, что дома, на улице Каптенсгатан, у вас есть старушка Кати.

«Коммодор Вандербилт»² должен был уже отправляться в путь. Я прыгнула в вагон. (Спокойствие, спо-

¹ 8 октября 1871 г. пожар уничтожил практически весь город.

² *Вандербилт Корнелиус* (1794–1877) — бизнесмен (паромный и пароходный бизнес), основатель династии Вандербилтов. Получил прозвище Коммодор Вандербилт (*коммодор* — воинское звание в ВМС США между капитаном и контр-адмиралом).

койствие! «Коммодор Вандербилт» вовсе не человек, а поезд!) Тетушка издала вопль, похожий на вой пожарной сирены, так что люди стали озира́ться, чтобы посмотреть, где же пожар. А «Коммодор Вандербилт» все быстрее и быстрее увозил меня от нее. А она, моя маленькая седая Тетушка, стояла там, на перроне, с патетически простертыми мне вслед руками. Но я едва различала ее, потому что глаза мои были полны слез. Ведь все равно больно, когда перерезаешь пуповину, соединяющую тебя с Тетушкой.

Я пошла в пассажирский салон-вагон с баром и села. Я чувствовала себя лошадыю, все время поворачивающей голову в сторону дома. Но это была очень печальная, брошенная на произвол судьбы лошадь. Однако такое состояние длилось все же недолго, до тех пор, пока лошадь, попивающую маленькими глотками фруктовый сок, не вовлекли в беседу окружающие ее пассажиры, которые все без исключения усердно советовали мне, как провести оставшиеся у меня два дня в Нью-Йорке. Они хотели также услышать, что я думаю об Америке. Какой-то пожилой джентльмен предупредил меня, что я не должна внушать себе, будто знаю что-то об этой стране, прежде чем не проживу в ней по крайней мере несколько лет. Все здесь противоположно тому, что я думаю, и пусть я буду так любезна не забывать об этом! Я смиренно согласилась с тем, что он, пожалуй, прав, и решила, когда вернусь домой, не высказываться об Америке вообще. А если меня спросят: «Ну, как там было в Америке?» — я буду отвечать только одно: «Спасибо, хорошо, как поживаешь?»

На следующее утро я прибыла в Нью-Йорк, и Боб уже ждал меня на перроне, когда я выскочила из поезда на вокзале Грэнд Централ¹. Чувство было точь-в-точь такое, будто встретилась со старым другом детства.

¹ Центральный железнодорожный вокзал в Нью-Йорке на 42-й улице.

Я рассказала ему о Тетушкином *romance* и предстоящей вскоре свадьбе. Он молча застыл на месте, меж тем как глаза его все больше и больше расширялись от удивления. Под конец он сказал, что всегда был богохульником и насмешником, не верившим в чудеса. Но теперь ему явили доказательство того, что для Бога нет ничего невозможного, и в будущем он, Боб, станет совсем другим человеком.

Я сказала ему, что хочу получить большую дозу Нью-Йорка! Пусть, когда настанет осень моей жизни, мне будет что вспоминать!

— А ты уверена, что, когда настанет осень твоей жизни, ты не будешь жить в Нью-Йорке? — спросил Боб, и я сказала, что абсолютно в этом уверена.

Вид у него после этих слов стал чуточку пришибленным, но солнце светило, и небо было таким голубым, и воды реки сверкали ниже улицы Риверсайд-драйв, по которой мы как раз ехали. Лужайки парков были такими зелеными! Люди кучами лежали повсюду, прежде всего вокруг табличек, на которых написано: «*Keep off!*»¹, потому что американцы — народ свободолюбивый!

Ах, мои несчастные два дня, как они быстро пролетели!

— Это и есть Нью-Йорк! — сказал Боб, когда мы направились к поразительнейшим маленьким ресторанчикам в Гринич-Виллидж.

— Это и есть Нью-Йорк! — сказал он, когда мы ехали через страшные трущобы восточной части города.

— Это и есть Нью-Йорк! — сказал Боб и повел меня вдоль *Bowery*², «улицы забытых людей», где са-мые опустившиеся индивидуумы мира, стоя в воротах,

¹ «Не ходить!» (англ.)

² Бауэри (англ.) — улица на Манхэттене, исторический центр ювелирного ремесла и ювелирных лавок, сейчас — место многочисленных ночлежек, прибежище антисоциальных элементов.

пьют прямо из бутылок, греются у небольших костров на тротуарах и меняются друг с другом своей неприятельной одеждой.

— Это и есть Нью-Йорк! — сказал Боб, проталкиваясь локтями к столику в баре Сэмми, где дюжина толстых, густо покрашенных старушек танцевала на эстраде, это называлось «*the gay nineties*»¹. Когда старушки исполнили свои веселые песни и достаточно набрыкались своими толстыми ножищами, они уселись в углу, каждая на свой деревянный стул, с таким видом, словно мечтали умереть или по крайней мере отдалиться от всякого шума и грохота. Они были старые и усталые, и ни следа *gay nineties* в них не было. Нью-Йорк — жестокий город для тех, кто беден и стар.

— Это и есть Нью-Йорк! — сказал Боб и потянул меня вверх по лестнице, возле Бродвея, к залу, где катались на роликовых коньках. Какое фантастическое смешение людей лишь на одной только дорожке для катания! В Нью-Йорке можно выглядеть как угодно! Вот едет девушка, которую нежно поддерживает рукой кавалер, действительно элегантный и очаровательный. Однако девушка определенно весит не меньше ста килограммов. Нужно жить в Нью-Йорке, чтобы настолько незакомплексованно кататься с такой фигурой на роликовых коньках на глазах у множества зрителей! И там же катается начальник канцелярии, да, он, *должно быть*, начальник канцелярии, иначе он не выглядел бы таким серьезным, и корректным, и аккуратным. Он катается на коньках, словно находится при исполнении служебных обязанностей, и это выглядит неопишимо смешно! А вот едет старая бабушка, вернее, она пытается кататься на роликовых коньках. Ей наверняка скоро исполнится восемьдесят лет, и она никогда прежде не стояла на роликовых коньках, но в Америке никогда не бываешь слишком стар, чтобы попробовать

¹ Веселые девяностые годы (англ.), зд.: XIX в.

испытать какое-то новшество. Двое служащих держат ее под руки, и ее неустойчивые ноги скользят то в одну, то в другую сторону, но она решительно катится вдоль дорожки. Движение полезно, а движения здесь предостаточно. Для служащих! Вот катается молоденькая негритянка, нет, она не катается, она танцует на своих роликовых коньках, да так грациозно, что глаз от нее не оторвать.

— Это и есть Нью-Йорк! — сказал Боб, когда мы бросились вниз, в пропасть, с американской горки в Кони-Айленд¹, да так, что я подумала: «Настал мой последний час!»

— Разве не чудесно? — крикнул Боб. — Ты чувствуешь радость оттого, что живешь на свете?

— Радость? — закричала я в ответ. — Не подходит! *Удивление* я чувствую, вот что!

— *Looks like New York!*² — сказал Боб, указав небрежно большим пальцем на фантастическую панораму, открывшуюся нам внизу с высоты сто второго этажа на Эмпайр-Стейт-Билдинг.

— Я думаю, что и это Нью-Йорк! — сказала я, закрыв глаза. Музей «Метрополитен»³ — вот что это было. И от его вида кружилась голова.

— И это тоже Нью-Йорк! — сказал Боб, когда в последний наш горький вечер расставания мы ехали на извозчике в Центральном парке.

Потом он долго молчал. Издали слышался шум города, города, который никогда не спит! Издали светились рекламы над Бродвеем!

¹ Парк аттракционов на южной оконечности Бруклина, по соседству с районом Брайтон-Бич. Место, где изобретены американские горки и хот-доги.

² Похоже на Нью-Йорк! (*англ.*)

³ Крупнейший в западном полушарии музей изобразительных искусств, расположенный на знаменитой «Музейной миле» в Нью-Йорке на 5-й авеню.

— Кати, ты *абсолютно* уверена в том, что не будешь жить в Нью-Йорке, когда настанет осень твоей жизни? — спросил Боб.

— Да, Боб, я абсолютно уверена в этом! — сказала я.

На следующее утро он отвез меня в аэропорт, и я от всего сердца поблагодарила его за все то чудесное, что мы пережили вместе.

Он воткнул две орхидеи в петлицу моего плаща и сказал, что там, на севере Европы, среди белых медведей, мне не следует быть слишком уверенной... в один прекрасный день он наверняка свалится как снег на голову в Стокгольм... и тогда, Кати!..

— Бог да благословит тебя, Боб! — сказала я. — Сохрани как можно дольше свою детскую веру.

Там, на летном поле, ждал самолет. Я обняла Боба и побежала.

— Однажды, пожалуй, приедет он и заберет свою невесту... — вполголоса напевала я, поднимаясь по трапу.

Но я совершенно точно знала: он, пожалуй, этого не сделает, и очень хорошо, что он этого не сделает.

Для меня настало время вернуться домой. Пора было снова вернуться к блокноту со стенографическими записями, к болтовне с девочками, к ленчам в «Норме» и к маленькому жалованью, которого должно хватать на так много всего! Пора снова вернуться в город, где у людей такие серьезные лица, и где все так прямолинейно и правильно, и где никто не разводит костры на тротуарах, и никакие конторские шефы не катаются на роликовых коньках! Я хотела домой в Стокгольм, в мой город, где сизые сумерки простираются над Риддархольмским фьордом, а вода в бухте острова Юргорден так мягко плещется о берег! Мой любимый город, который так тихо спит в светлые весенние ночи, что не смеешь громко говорить, чтобы не разбудить его!

Да, пора было возвращаться домой. И может быть, пора было возвращаться к Яну. В последнее время он

писал такие по-настоящему милые письма. Он писал, что встретит меня в аэропорту Бромма.

* * *

*Breathes there a man with soul so dead,
Who never to himself hath said,
This is my own, my native land?
Whose heart hath ne'er within him burn'd
As home his footsteps he hath turn'd
From wandering on a foreign strand?¹*

Я тихо читала это стихотворение самой себе, пока самолет шел на посадку в терминале стокгольмского аэропорта Бромма. Внизу раскинулся красивейший город! И где-то внизу ждал Ян!

* * *

Я увидела его сквозь прозрачную стеклянную стену, как только вошла в таможню.

— Ян! — закричала я, проклиная разделявшую нас прозрачную стену. Он серьезно кивнул мне. О, какой он был бледный. И какой высокий! Я и забыла, что он такой высокий!

¹ Где тот мервец из мертвецов,
Чей разум глух для нежных слов:
«Вот милый край, страна родная!»
В чьем сердце не забрезжит свет,
Кто не вздохнет мечте в ответ,
Вновь после странствий многих лет
На почву родины ступая?

Вальтер Скотт. Песнь последнего менестреля.
Пер. с англ. Т. Гнедич.

Кани в Уманци

I

еликолепно! — воскликнул Ян. — Раз так, мы сейчас же поженимся!

— Правда? — удивилась я, задумчиво склонив голову.

Я буквально сию минуту рассказала ему, что Тетушка уехала и вышла замуж за своего старого поклонника из Чикаго. Да, именно Тетушка, заменившая мне мать! Тетушка, с которой я делила двухкомнатную квартиру на улице Каптенсгатан¹. И теперь я стала обладательницей этой маленькой квартирки на четвертом этаже! Более того, я внезапно стала богатой невестой! Лучше две комнаты с кухней и с Кати на улице Каптенсгатан, чем маленькая отвратительная меблированная комната у грубиянки вдовы на Кунгсхольмене². Ею Ян вынужден был довольствоваться, а для молодого многообещающего архитектора это не так уж и много. Неудивительно, что он счел просто великолепным переехать ко мне домой. Он долго и без перерыва говорил, как это чудесно будет. Но мне все время казалось, что чудесна моя двухкомнатная

¹ В одном из центральных районов Стокгольма — Эстермальме.

² Один из центральных островов Стокгольма, также район Эстермальма.

квартирка, а вовсе не я. В конце концов я спросила Яна, слышал ли он известную историю об агрономе, поместившем брачное объявление в газете:

«Молодой агроном, рассчитывая на возможную женитьбу, ищет знакомства с дамой — владелицей трактора. Пришлите в ответ фотографию трактора!»

— Что ты имеешь в виду? — раздраженно спросил Ян.

— Мне кажется, ты похож на этого агронома.

Но Ян не понял.

— Не мели чепуху, надевай плащ и пойдем дадим объявление о помолвке! — воскликнул он.

— О нет, дорогой Ян, мне страшно идти за тебя. В один прекрасный день ты, возможно, встретишь другую с *тремя* комнатами и кухней, и тогда я останусь с носом.

Ух как Ян рассердился. Он сказал, что если я так глупа, отвергая любовь благородного человека, то сама буду виновата, если останусь старой девой, а он не станет мне больше докучать.

Он и не стал мне докучать. Целых два дня. Все эти два дня я судорожно размышляла. Он сказал «старая дева»! Я начала осторожно привыкать к этой мысли. Можно завести себе маленького мопса и несколько канареек, совершенно не обязательно иметь при себе Яна. Да, чем больше я думала о Яне, тем сильнее склонялась к мопсу. Мне было двадцать два года, и с девятнадцати лет я постоянно встречалась с Яном. Да, так легко влипнуть в беду со скороспелым замужеством! А я не желала влипнуть в беду с замужеством, которое не считала надежным. Ах, откуда знать, какое замужество надежно?

Не завести ли какую-нибудь «волшебную лозу»¹, чтобы испытывать всех своих поклонников? (У меня, разумеется, был всего один, но все-таки...) Если бы такая

¹ Прутик ивы, проволока и прочие предметы, указывающие «лозоходцу», где рыть колодец.

«волшебная лоза» опустилась внезапно на чью-то голову, то можно было бы сразу уверенно сказать: «Это он!» Кто знает, быть может, где-то в мире есть кто-то совсем другой, не такой, как Ян, который только и делает, что ждет, когда моя «волшебная лоза» укажет на него, Единственного и Настоящего. Я иногда сомневаюсь, что Ян и есть тот самый Единственный и Настоящий! Правда, Ева утверждала, что мужчины существуют лишь для того, чтобы закалять нас, и с этой точки зрения Ян, возможно, настоящая находка. Ян действительно был чрезвычайно склонен к тому, чтобы меня закалять или, скажем, изменить. Он постоянно пытался сделать меня другой, не такой, какая я на самом деле. Мне не следовало быть слишком веселой, потому что тогда Ян считал меня примитивной, мне не следовало быть слишком серьезной, потому что за маленькими выпуклыми девичьими лобиками не должно скрываться слишком много «мыслей и обрывков мыслей». Но мне следовало интересоваться всем на свете, чтобы он мог обсуждать со мной ту или иную проблему. Он должен говорить со мной о работе. Разумеется, о *своей* работе. Не о моей же! Стоило мне хоть когда-нибудь случайно попытаться рассказать ему о моей увлекательной жизни стенографистки в адвокатской конторе, как он сразу впадал в рассеянность, и разговор кончался тем, что я, вздохнув, говорила:

— *All right!* Поговорим лучше о твоих эскизах. Как ты представлял себе северный фасад народной школы в Пюттокре?

Об этом я размышляла все два дня, пока Ян не давал о себе знать. Но было еще одно: мне, как я уже говорила, исполнилось двадцать два года, и все-таки до сих пор я ходила, держась за Тетушкину юбку. Я никогда и не пыталась стать самостоятельной. Жизнь была полна практических мелочей, о которых я и понятия не имела. Нужно было подавать декларацию о доходах, и вешать платья в специальных мешках, предохраняющих от моли, и смотреть в оба, не жилистый ли кусок

мяса покупаешь, и внимательно следить, не истекает ли срок страховки, и знать, как вести себя, чтобы денег на еду хватило на целый месяц. Все это делала для меня Тетушка. Я была не в состоянии выполнить все сама. Мне надо было этому научиться. Я не могла прямо из Тетушкиных объятий переключаться в объятия Яна теперь, когда я наконец получила возможность стоять на собственных ногах.

В самом мягком тоне я попыталась объяснить это Яну, когда мы встретились вновь.

— Похоже, ты не хочешь меня больше знать! — бесконечно оскорбленный, сказал он.

Нет, это было не так. Частенько внушала я себе, что влюблена в Яна. Во всяком случае частенько думала, что он и есть тот самый Единственный и Настоящий. Но мне хотелось удостовериться в этом. Мне нужно было немного времени.

— Дай мне год! — попросила я Яна.

— Делай как хочешь, — мрачно ответил он. — Но за год многое может случиться!

Я допускаю, что в этих словах таилась угроза, но для моих ушей они прозвучали как обещание чего-то светлого в будущем.

После того как Ян ушел, я долго стояла у открытого окна, задумчиво глядя на пунктир редких звезд в ночном летнем небе за рядами домов на улице Каптенсгатан.

— Многое может случиться за год, — в ожидании чего-то светлого в будущем сказала я себе. А потом пошла и позвонила Еве.

— Хочешь один год делить со мной холостяцкое хозяйство? — спросила я.

— Что делить? — переспросила Ева.

Я повторила свое предложение. В трубке наступила полная тишина.

— Ты слышишь меня? — нетерпеливо спросила я. — Почему ты не отвечаешь?

— Я упаковываю вещи, — сказала Ева.

II

а, Ева, что можно сказать о Еве? Она блондинка, и очень любит поговорить, и довольно остроумна. И все это плюс известная склонность к капризам и переменчивость ее настроений сливаются в своего рода весенний апрельский шарм, перед которым не в силах устоять многие несчастные юнцы.

— С любовью я *определенно* покончила... временно, — часто говорила она.

Ева то и дело влюблялась, но любовь эта быстро кончалась. А объекты ее любви так быстро менялись, что от одного вида этого кружилась голова. Пока я встречалась со своим старым Яном, храня ему верность, Ева уже на завтра после новой встречи не знала, к кому питает вечную любовь.

— And if I loved you Wednesday
Well, what is that to you?
I do not love you Thursday
So much is true¹, —

¹ И если я любила вас в среду,
Это прекрасно, но что из того!
Я разлюблю вас уже в четверг,
И это абсолютно верно!

(Англ.)

безжалостно заявила она исполненному надежд юноше, который позвонил ранним утром в четверг и напомнил ей все нежные любовные слова, сказанные ему накануне вечером. Но ему оставалось только винить самого себя за то, что он позвонил Еве до девяти часов утра — до того как она попила чаю.

Колыбель Евы качалась в Омоле¹. В двадцать лет она отправилась в столицу. Должно быть, в Омоле тогда стало ужасно тихо!

Мы с Евой служили в одной конторе и всегда хорошо ладили друг с другом. Никого, кроме Евы, я бы не хотела видеть в бывшей Тетушкиной комнате, а она была в восторге, что может туда переехать. Уже два года она жила в Стокгольме. За эти два года ей довелось пожить в семи разных местах, где ей было почти так же «уютно и приятно», как Дрейфусу² на Чертовом острове, утверждала она.

Сейчас Ева снимала комнату на улице Дебельнсгата³. Там стояли кровать, стол и две огромные пальмы в кадках.

— Когда окно открыто, листья пальм шелестят, и я представляю себе, что здесь Средиземное море, — говорила Ева. — По-другому, вероятно, мне никогда не доведется побывать на Средиземном море, — добавляла она.

Время от времени по ночам на подушке Евы обнаруживался какой-нибудь заблудившийся клоп. Она тут же ловила его и запирала в специальную маленькую

¹ Городок в Западной Швеции. Символ маленького городка, где никогда ничего не случается.

² *Дрейфус Адольф* (1859–1935) — офицер французского генерального штаба, против которого в 1894 г. было сфабриковано дело по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Приговорен к пожизненной каторге и поселению на Чертовом острове в Карибском море. Помилован в 1899 г. под давлением общественного мнения.

³ В центре Стокгольма, в Васастане.

коробочку, которую называла «клоповня» и хранила возле кровати. Утром она исправно передавала коробочку хозяйке, утверждавшей, что вредных насекомых в квартире нет. Хозяйке совсем не нравилось, когда ей приносили «клоповню». Она поджимала губы, и выражение лица у нее становилось такое, словно она подозревала, что у Евы есть собственный клоповник, а коробочка представляет собой своего рода клоповореставрационный питомник, где Ева выращивает особо выдающиеся особи.

— Два года страданий сделали меня абсолютно беспардонной по отношению к теткам, сдающим комнаты с полным пансионом, — предупредила меня Ева.

— Звучит многообещающе! — ответила я. — Одно, во всяком случае, точно: ты не переступишь порог моей квартиры, пока не пройдешь основательную са nobработку.

Уже на следующий вечер, преисполненная ожиданий и, по ее собственным уверениям, абсолютно продезинфицированная, Ева поднялась ко мне на четвертый этаж в сопровождении носильщика, который тащил все ее земное имущество.

Я живу в старом, слегка модернизированном доме, где нет и намека на лифт. С тех пор как я в шестилетнем возрасте причалила у Тетушки, я бегала вниз-вверх по этим лестницам. Вот была бы работа статистикам — сосчитать, сколько раз обежала я вокруг Земли лишь по этим ступенькам!

— Только поэтому ты такая стройная и злющая, — говорила Ева.

Как мы веселились в тот вечер, когда она переехала ко мне! Сначала мы произвели осмотр всех покоев. Много времени на это не потребовалось, потому что двухкомнатная квартира совсем невелика. Да, более того, она мала, расположена на самом верху дома и по-старомодному уютна со своим скошенным потолком

и оконными нишами. В одной комнате — маленький альков. А кухонька, должно быть, самая маленькая во всем Эстермальме.

В квартире, естественно, бросается в глаза след, оставленный Тетушкой, чрезвычайно мрачный след — табачно-коричневый, но мы решили как можно скорее покончить с этим.

Усевшись в оконной нише, мы начали строить планы. Ели и строили планы. В Омоле родители Евы были абсолютно уверены, что их крошка дочурка умрет с голоду в столице, если время от времени не присылать ей посылку с домашними припасами. Такую посылку с домашней колбасой, жареным цыпленком и печеньем она получила как раз сегодня.

Мы ели, сидя в оконной нише, и, держа в руке цыплячью ножку, я расписывала те изменения, которые собиралась сделать в квартире.

— Взорвем все ради воздуха и света! — сказала я, а Ева согласно кивнула.

Через открытое окно мы слышали звуки шагов вниз на уличной мостовой. Ах, только шаги звучат так по-летнему! Только летом так весело звучат шаги на улицах Стокгольма! Теплый вечерний воздух оведал наши лбы, а ландыши в вазе на подоконнике обдавали нас порой самыми опьяняющими волнами аромата. Все вместе было очень приятно!

— Как чудесно будет сегодня спать! — сказала Ева. — Без шелеста пальм и клоповни.

III

Каждой женщине необходимо когда-нибудь устроить собственный дом — не важно при этом, замужем она или нет. Живущее в ее душе стремление подрубить полотенца, скупать маленькие грубые огнеупорные формы для печенья, украшать настенные полки кружевными оборками должно быть, вне всякого сомнения, удовлетворено независимо от ее гражданского состояния. Как это часто бывает, девушка, стремясь окутать себя всей этой мишурой, легко может внушить себе, что влюблена в какого-нибудь парня, который может принести ей только несчастье. В любого парня, который даст ей возможность удовлетворить свою жажду обустройства и покупки мебели и одновременно назовет ее женой, что, разумеется, не менее важно.

По вечерам, подшивая с Евой занавески, я излагала свои взгляды.

— Желание обустроить дом и удостоиться звания жены погубило многих девушек! — уверенно заявила я. — Да, да, и это, возможно, не так уж странно.

— Да, — согласилась Ева, — не так уж странно сделаться вдруг, к примеру, фру¹ Юханссон! А бедня-

¹ Госпожа (шв.).

ге Юханссону, должно быть, станет не очень весело, когда до него дойдет, что в каком порядке приобретала его жена. Сначала полотенца, потом кофейный сервиз, потом довольно долго совсем ничего и только потом уж Юханссон!

Нам было *несказанно* жалко этого незнакомого господина Юханссона, и мы были очень довольны своими великолепными взглядами и тем, что *нам* нет необходимости принуждать мужчин к браку, на самом деле стремясь воплотить потаенную мечту о тюлевых занавесках в крапинку. Кроме того, мы сохранили чудесную, никем не нарушаемую свободу пришивать воланы к занавескам. Мы делали это чрезвычайно основательно, и выходило нарядно. Шили метр за метром. Да, и не только это! Мы переоборудовали всю двухкомнатную квартиру, да так, что у Тетушки, увидь она это, обозначилась бы строгая морщинка у рта. Ян, мой милый, правда немного ожесточившийся, Ян помогал мне. Ему, наверное, было не слишком весело вечер за вечером клеить обои или, сидя на четвереньках, покрывать лаком пол, постоянно думая о том, что, не будь я так упряма, сюда переехал бы он, а не Ева. Он считал меня ужасной дурочкой и постоянно говорил мне об этом, энергично обрабатывая малярной кистью мрачные Тетушкины стены. И хотя он вообще-то хорошо относился к Еве, он, конечно, не мог слишком радужно воспринимать ее переезд в мою двухкомнатную квартиру.

— Через год ты съедешь отсюда, заруби себе это на носу! — уверял он ее.

— За год многое может случиться! — отвечала ему Ева.

Когда я вновь услышала эту фразу, во мне что-то дрогнуло в тайном ожидании, хотя я никоим образом не могла тогда предвидеть свое будущее.

Но я быстро отбросила все мысли о том, что может случиться, и сосредоточилась на том, чтобы как можно

уютнее разместить старый Тетушкин диван времен Карла XIV Юхана¹ и расставить книги на новой полке, сделанной Яном. Мои дорогие старые книги!

— Не читай так много, Кати! — частенько говорила мне Ева. — Лучше живи!

Но ее призывы были тщетны. Я как была книжным червем, так им и останусь. Жизнь, описываемая в книгах, была для меня более реальной, чем сама реальная жизнь. Сколько себя помню, я собирала книги и теперь с чувством тихой внутренней радости перенесла их в новое хранилище.

Июньские вечера были долгими и светлыми, и мы работали допоздна. Но все-таки не уставали, — должно быть, потому, что нам было так весело! Нам так долго было весело! Каждый день, когда часы били пять, мы с Евой поднимали усталые головы над пишущими машинками, бросали блокноты со стенограммами в ящик, накидывали курточки, бросались в сутолоку движения на улице Кунгсгатан² и как можно быстрее мчались домой, в наше гнездышко. У нас едва оставалось время для еды. Мы запустили все остальные дела.

Стояла пора белых ночей, благословенных белых ночей! Расчет доброго Господа Бога, когда Он создавал стокгольмские белые ночи, состоял, конечно, в том, чтобы молодые мужчины и женщины, крепко обнявшись, медленно прогуливались летней ночной порой под сенью дубов Юргордена³, мечтательно странствовали вдоль тихих синих вод. А мы? Что делали мы? Мы шили занавески! По вечерам к восьми часам

¹ Карл XIV Юхан (1763—1844) — шведский король (1818—1844), основатель династии Бернадотов. Был маршалом Франции. В 1810 г. уволен Наполеоном и избран наследником шведского престола.

² Одна из центральных улиц Стокгольма.

³ Остров, на котором расположен Скансен — этнографический музей под открытым небом.

приходил Ян, поначалу немного угрюмый, чуть ершистый, но потом мало-помалу его захватывал архитектурский энтузиазм — переделать две маленькие мрачные каморки в мансарде во что-то светлое и просторное, в квартиру, где можно дышать. Часов в двенадцать ночи мы пили чай и обсуждали итоги дня, а потом Ян шел домой, к своей вдове на Кунгсхольмен. И, слыша, как звуки его шагов постепенно затихают на лестнице, я всякий раз испытывала угрызения совести, но недолго.

В конце концов все было готово, и в один прекрасный вечер мы пригласили Яна отметить окончание ремонта. Я обнаружила, что готовить еду вообще-то не так уж трудно, если только пунктуально следовать указаниям поваренной книги. А у Евы были врожденные кулинарные способности.

— Самое лучшее у Евы — ее котлетки! — заявил Ян, положив себе на тарелку целую гору котлеток.

Он не сказал, что самое лучшее — мои тушеные сморчки, но я-то сама считала, что они фантастически хороши. И настроение у нас тоже было хорошее. Даже Ян расслабился и хохотал так, что стекла звенели. В самый разгар веселья в дверь позвонили. Я открыла. Предо мной стоял абсолютно незнакомый молодой человек с веселыми голубыми глазами, держа в руках лютню. Он быстренько вторгся в наше общество и сказал:

— Какой тут шум, смех и болтовня, дорогие друзья! И почему меня никогда не бывает там, где царит веселье?! И почему меня не приглашают к столу?

— Мы думали, вы уже поели, — сказала я.

— А кроме того, мы думали, что от тушеных сморчков у вас начнутся колики, — сказала Ева. — А между прочим, кто вы такой, собственно говоря?

— Альберт конечно, — весело сообщил голубоглазый. — Уже несколько недель я ваш ближайший сосед!

— Приятно! — сказала Ева.

— Я довольно долго сидел и слушал, как вы веселитесь, — продолжал Альберт. — Могу вас уверить, вас замечательно слышно со всех сторон! Но потом какой-то коварный негодник так понизил голос, что я не все мог разобрать, а в таком случае теряется смысл происходящего. И я подумал, что лучше мне прийти сюда.

— Совершенно правильно, — подтвердила Ева.

Но тут пробудился к жизни Ян. Смерив прищельца с ног до головы бодрящим, как открытая могила, взглядом, он было начал:

— По какому праву...

— Минутку, Ян, — предупреждающе сказала я. — Это мой дом, и я охотно приглашаю Альберта отведать тушеных сморчков.

— Во имя святого соседства, — подтвердила Ева и поставила на стол чистую тарелку.

— Да, спасибо, раз вы так настаиваете... — поблагодарил Альберт.

Отставив лютню в сторону, он без всяких церемоний сел за стол. Веселый, ничуть не смущающийся, шумный, он совершенно не обращал внимания на то, что Ян был поначалу немного мрачен.

Альберт рассказал, что снял комнату у пожилой супружеской пары, жившей рядом с нами. Он артист и недавно вернулся из длительных гастролей по провинции. Мы вспомнили, что видели в газетах его фотографии. Он сказал, что играл Отца¹.

Ян заметил, что если несчастная провинциальная публика узрела Альберта в роли Отца, то скука в провинции стала от этого еще более удручающей. Но Альберт только расхохотался и взял еще одну котлетку.

Все это время лютня стояла в углу, словно мрачная угроза нашему веселью.

¹ Главная роль в одноименной пьесе Августа Юхана Стриндберга (1849—1912), известного шведского писателя.

— Думаешь, он будет петь? — боязливо прошептала я Яну.

— Не представляю, как тебе удастся ему помешать, — прошептал мне в ответ Ян.

Вообще-то звуки лютни — чудесны... только потому, что, когда она замолкнет, наступает благословенно прекрасная тишина. Но большая часть поющих под лютню обычно как можно дальше отодвигает этот сладостный момент. И у меня всегда становится тоскливо на душе, когда огромные сильные парни, по виду профессиональные боксеры, встают в позу и возвещают: «Я девушка, что бродит в лохмотьях вокруг...» — а затем до бесконечности: «Сходим-ка мы за пивом, за пивом, за пивом, хопп-сан-са...»

Но Ева, видимо почувствовав к Альберту известный интерес и зная, как лучше польстить мужчине, пока мы с Яном ставили на стол кофейные чашки, явно улучила момент, чтобы подстрекнуть его спеть что-нибудь. Потому что Альберт, внезапно поднявшись, с наигранным смущением сказал:

— Кое-кто просил меня спеть!

— Кто этот идиот?.. — спросил Ян.

Но Альберт не позволил сбить себя с толку! А Ева сидела рядом с ним с горящими глазами, и в конце концов он и в самом деле перешел к песне: «Сходим-ка мы за пивом, за пивом, за пивом, ХОПП-сан-са...» — но тут мы с Яном вышли на кухню и поставили кипятить воду для кофе. А Ян поцеловал меня и сказал, что если бы я не была такая глупенькая и непонятливая маленькая дурочка, то мы могли бы быть уже женаты и иметь свой дом без всяких там певцов с лютней и все было бы хорошо.

И как раз в этот момент я почувствовала, что по-настоящему влюблена в Яна. И он держал меня в своих объятиях, пока кофе не сбежал, а я подумала, что, возможно, поступила неправильно. В комнате Альберт по-прежнему «ходил за пивом», а я сказала Яну, что

об этом усердном хождении следовало бы, вероятно, доложить в Общество трезвости.

Но если не считать пения под лютню, Альберт был совершенно нормален и по-настоящему мил и приятен. И даже Ян стал в конце концов привыкать к нему. Мы завели граммофон и танцевали, пока не стало совсем светло. Потом сели в машину и покатали в Юргорден и мерзли, сидя там на скамейке на террасе Русендальского дворца¹, пока солнце не выползло из тумана за Йердетом², а маленькая певица малиновка совсем рядом не рассыпала первую трель наступающего дня.

¹ Дворец, построенный шведским королем Карлом XIV Юханом.

² *Йердет* — поле в Эстермальме, где проходили военные маневры.

IV

то сказал, что в конторе должно быть скучно? В нашей конторе настолько весело, что это почти опасно для жизни! Во всяком случае, Барбру, сидя за пишущей машинкой, однажды хохотала так, что свалилась со стула и сломала ребро.

Когда мы — Ева и Барбру, Агнета и я — хохочем как сумасшедшие, выходит из своей комнаты Сова-Халва и *смотрит* на нас. Сова-Халва — это фрёкен Фредрикссон, кассирша. Ей абсолютно не трудно быть серьезной. Думаю, она и на свет родилась с серьезным жизненным мировоззрением и с двумя глубокими морщинами на лбу. А у Агнеты с Барбру и у нас с Евой взгляд на жизнь более радостный и светлый. Повидимому, так считает и Сова-Халва, когда говорит, что никогда в жизни не встречала четырех таких хохотушек. Морщины на ее лбу всякий раз обозначаются резче, когда ей надо пройти мимо «Моря рабов», где сидим мы — каждая за своей машинкой. «*Море рабов*», — возможно, слова эти звучат как что-то невероятно огромное и пустынное, но это абсолютная ошибка. Это — совершенно обычная комната, где наши четыре письменных стола стоят, плотно прижавшись друг к

другу посреди комнаты. Кроме них остается место только для четырех пишущих машинок и для нас. «Квартет, Которому Тесно»¹ — это мы и есть! Каждая из нас — секретарша своего адвоката.

— Работать в адвокатской конторе по-настоящему приятно, только если откажешься от старозаветного представления о том, что адвокаты тоже люди, — говорит Ева.

Они вовсе не люди. Они рабочие механизмы и требуют, чтобы их секретарши тоже превратились точно в такие же механизмы.

Как сказала Ева, когда ей пришлось однажды работать после двух часов ночи:

— Если в России крепостное право было отменено уже в тысяча восемьсот шестьдесят первом году, то весьма странно, что в Швеции его отмена движается так чертовски медленно.

Но в целом мы любим и нашу работу, и наших адвокатов. Хотя больше всего мы любим их, когда они находятся в суде, или на встречах, или уходят на долгие ленчи. Потому что у них, в отличие от нас, совершенно не развито чувство юмора. Я имею в виду — они не считают, будто *смеяться* надо весь рабочий день напролет. Вообще-то иногда мы думаем точно так же. Когда, например, перед тобой целый стенографический блокнот, полный писем и прошений, которые надо расшифровать до семнадцати часов, сделав девяносто девять заверенных копий, то смеешься гораздо меньше. И когда при этом еще непрерывно, как пожарная сирена, гудят телефоны. Пишешь, пишешь и пишешь так, что раскаляются клавиши машинки, и всякий раз, когда звонит телефон, потихоньку проклинаешь Александра Грейама Белла²

¹ Название известной повести (1924) крупного шведского писателя Биргера Шёберга (1885—1929).

² *Белл Александр Грейам* (1847—1922) — один из изобретателей телефона, шотландец, живший с 1871 г. в США.

и жестоко отвечаешь, что, мол, нет, у адвоката раньше следующей недели времени не будет.

Но вообще-то, как правило, с клиентами мы чрезвычайно любезны. Ведь среди них часто встречаются люди, придавленные горем. Горем, которое они с благодарностью переваливают на наши плечи, если адвокатов нет на месте. Агнета специализируется на утешении несчастных плачущих женщин с серыми лицами, которые приходят к нам рассказать о своем разводе.

Но есть и веселые клиенты, крупные бизнесмены, вид у них приветливый, и они говорят тебе, что фрёкен прекрасна как роза, и удивляются, почему мы раньше не встречались, и спрашивают, не могли бы мы вместе перекусить в каком-нибудь уютном местечке. Но мы отвечаем в таком случае, что нет — не могли бы. И правильно делаем.

Случалось, что и сами адвокаты делали такие предложения, то есть однажды его сделал адвокат Евы, а больше никто из тех милых и корректных типов личностей, на которых работаем мы — остальные. Адвокат Евы в один прекрасный день вдруг превратился из рабочей машины в человека и пустился во все тяжкие по образцу: «Шеф заводит флирт с очаровательной секретаршей». Это был, по всей вероятности, как считает Ева, случайный гормональный всплеск. Знал бы он, как мы веселились на завтра в комнате для ленча! Мы сидели там со своим радостным мировоззрением и бутербродами с ветчиной, а Ева передразнивала своего адвоката, рассказывая, что он говорил и делал.

— Он начал — довольно осторожно — уже с самого утра, — сказала Ева. — Он заметил, что у фрёкен миленькие ножки. И тут же после ленча зажег сигарету и, меланхолично выпустив несколько облачков дыма, сказал: «Как, должно быть, чудесно, когда рядом с тобой женщина, которая действительно тебя понимает...» И намекнул, что в этом плане с его женой не так-то легко...

Вечером для Евы нашлась сверхурочная работа, а через некоторое время он спросил, не пойти ли им в какое-нибудь уютное местечко поужинать?

— На свете нет никого наивнее мужчин, — изрекла Ева, закончив свой рассказ. — Подумать только, выложить все это *в один день*! Вместо того чтобы растянуть на некоторое время! Как они не понимают!

— Не понимают... чего? — спросила я.

— А того, что *man merkt die Absicht und wird verstimmt*¹ в высшей степени, — объяснила Ева.

* * *

В высшей степени *verstimmt* пришла однажды в контору и Агнета, хотя было это совсем по другим причинам.

— Разве это жизнь? — спросила она и со вздохом уселась за машинку. — Неужели ради этого моя мама поила меня касторкой, кормила препаратами железа, когда я была маленькой, и следила за тем, чтобы я не промочила ноги? И все это ради того, чтобы я была здорова и выросла для такой жизни!

Она выразительно показала рукой на нас, и на контору, и на копии, и на серенький дневной свет за окнами — словом, на все. Ясно: она была не в настроении. Был понедельник, шел дождь, с утренней почтой ей пришел счет от портнихи, а на подбородке у нее вскочил прыщ, и за все воскресенье *ее молодой человек* ни разу не позвонил. Она ужасно жаловалась и в конце концов жутко нам надоела.

— Давай сюда старца Иова!² — сказала Ева. — Он ведь был просто весельчак и забавник по сравнению с тобой!

¹ Их намерения замечают и расстраиваются (*нем.*).

² *Иов* — благочестивый и богобоязненный человек. Господь, желая испытать его, послал ему великие страдания, но Иов не терял веры в Него.

Но я считаю, что когда твои друзья удручены, надо попытаться их приободрить. Я сочла, что Агнете полезно узнать, что кому-то еще хуже, чем ей.

Наши с Агнетой столы стоят друг против друга, и на каждом по телефону. Ближе к полудню, когда началась жуткая горячка и телефоны звонили непрерывно, я подняла телефонную трубку и набрала номер Агнеты. Она ничего не заметила и отвечала как обычно.

— Алло! — сказала я на певучем финско-шведском наречии, чтобы мой голос стал неузнаваем. — Меня зовут фру Блумквист. Я хотела бы прийти и посоветоваться по поводу развода.

— Минутку, я посмотрю, когда господин адвокат сможет вас принять, — учтиво сказала Агнета.

Тут я начала всхлипывать, и Агнета с виду тут же сильно приободрилась. Ведь, как уже говорилось, ее специальность — утешать плачущих женщин.

— Ну-ну! — успокаивающе сказала она. — В чем дело?

— Мой муж бьет меня, — сказала я. — Получит жалование и сразу же покупает дешевые украшения, чтобы не оказаться с пустыми руками, когда захочет швырнуть что-нибудь мне в голову. Есть ли в брачном кодексе статья, подтверждающая, что он вправе так поступать?

Агнета, похоже, была потрясена.

— При таких обстоятельствах развод — единственно правильное решение! — энергично заявила она.

— Да, но дети... — попыталась было я.

— У вас много детей? — поинтересовалась Агнета.

— Не-а, не так уж и много, — ответила я. — Но, верно, двенадцать-тринадцать найдется, если сосчитать всех.

Агнета ловила ртом воздух.

— Упаси бог! — воскликнула она. — Тогда вы, видимо, живете в ужасной тесноте. Быть может, в этом причина дурного настроения вашего мужа?

— Не-а, не в такой уж тесноте мы живем, — сказала я. — У нас большая прекрасная однокомнатная квартира!

— Однокомнатная квартира! — вне себя от ужаса заорала Агнета. — Четырнадцать человек в однокомнатной квартире!

— Восемнадцать! — поправила я. — Восемнадцать, с возлюбленными моего мужа и его побочными женами. Но свекровь живет на кухне, так что она не в счет.

Агнета яростно ковыряла в носу. Она поняла, что кто-то ее разыгрывает, но совершенно не заподозрила меня, сидевшую всего в метре от нее.

— Вы что — разыгрываете меня? — возмущенно спросила она.

— Нечего ковырять в носу, когда разговариваете с клиенткой, — сказала я. — Это выглядит совершенно по-торпарски и глупо.

— Извините, — сказала Агнета и прелестно покраснела.

Затем смущенно посмотрела на свою телефонную трубку. А потом наконец взглянула на меня.

Услышав воинственный клич Агнеты, из своей комнаты появилась Сова-Халва. Пожалуй, это исключительно ее заслуга, что утренние газеты не вышли с заголовком на трех полосах:

«Ужасное кровавое злодеяние в адвокатской конторе!»

* * *

Но на следующий день я пришла с повинной. Положив пакетик жареного миндаля на пишущую машинку Агнеты, я написала маленькую дружескую записку:

«Милая фрёкен! Ваше теплое участие ко мне во время нашего вчерашнего разговора по телефону мне

чрезвычайно помогло. А кроме того, вчера вечером у нас появилась новая побочная жена, очень добрая, она помогает мне сортировать детей и колотить их. Так как мои домашние обязанности благодаря этому значительно упростились, я полагаю, что тоже смогу потихоньку начать швыряться украшениями. Похоже, как раз тогда, когда все видится в исключительно мрачном свете, все может еще наладиться.

О, я так счастлива! Жизнь улыбается мне!

В надежде, что с Вами происходит то же самое, остаюсь

Ваша Мария Блумквист».

V

Между тем лето и впрямь вступило в свои права. Совершенно холодный июнь сменился необычайно теплым июлем, и все разъехались в отпуска. Все, кроме Евы и меня. Оба наши адвоката собирались в сентябре на Мальорку¹, и мы, как волы в одной общей упряжке, должны были корпеть над бумагами. Только в сентябре нам светит долгожданный отпуск нашей мечты. Да, мы решили, что это будет отпуск нашей мечты. Единственное, что мы еще не решили: как проведем свободные золотые деньки?

О, эти жалкие три недели с золотой каемочкой! Собственно говоря, в кошмарном ожидании отпуска есть что-то завораживающее! Взволнованные этим ожиданием, мы все — «маленькие человеки»², которые сидят в конторе, и мечтают, и жаждут, и строят планы, и экономят, и фантазируют, веря, что все их мечты осуществляться, стоит лишь пойти в отпуск. Мы храбро пробираемся

¹ *Мальорка (Майорка)* — остров в Средиземном море, самый крупный из Балеарских островов, территория Испании.

² Имеется в виду персонаж романа немецкого писателя Ганса Фаллады (1893—1947) «Что же дальше, маленький человек?» (1932).

сквозь глубокие снежные заносы, преодолеваем простуды и эпидемии гриппа и вообще страдаем, не жалуясь. Ха, только бы нам дожждаться отпуска! Это ужасно! И вероятно, следовало бы специально учредить должность психиатра, который занимался бы теми, кто возвращается после неудавшегося отпуска. Ведь если отпуск оказывается неудачным, как сможет бедное дитя человеческое осмелиться пойти навстречу новой зиме?¹ Поверьте мне, тут необходимы успокоительные пилюли!

Мы с Евой что ни день строили новые планы. То мы собирались выбраться на западное побережье — на западном побережье, утверждал Ян, в сентябре бывает чудесно... то поехать на велосипедах на Эланд². А порой, охваченные манией величия, решали отправиться в какую-нибудь туристическую поездку в Италию. Но это была совсем не сложная математическая задача высчитать, что эта страна — за пределами наших возможностей. Хотя строить планы было весело, да, очень весело!

У Яна отпуск был в июле, и он отправился в Стрёмстад³, откуда присылал мне открытки с видами местных красот и со множеством восторженных восклицаний о солнце, и о соленых волнах, и о прекрасных наядах. Полагаю, что строки о прекрасных наядах были задуманы как легкое напоминание о том, что я не должна быть слишком уверена в своей неотразимости. Но я относилась и к наядам, и к отъезду Яна так спокойно, что Ева, огорченно качая головой, говорила:

— Если это любовь, то я питаю истинную страсть к моему старому велосипеду!

Но что делать, если Стокгольм прекрасен даже без Яна?! Стокгольм летом, о, как я люблю все это! Сидеть

¹ Возможно, персонаж романа датского писателя Мартина Андерсена Нексе (1869—1954) «Дитте — дитя человеческое» (1917—1921).

² Остров в Балтийском море, у восточного побережья Швеции.

³ Город в шведском лене Гётеборг-Бохус.

на ступеньках лестницы Концертного зала¹ во время перерывов на ленч и загорать! Пить кофе по вечерам в парке Берцелиуса² и слушать музыку, доносящуюся из ресторана Берна!³ Отправиться в какой-нибудь кинотеатр, где идет хороший старый фильм, который мечтаешь посмотреть снова, и выйти после сеанса в сладостный мрак! И не мерзнуть в легком платьице!.. Разве все это не удивительно прекрасно?

Повсюду на открытых площадях стоят большие горшки с цветами, да весь город цветет, и люди тоже, духовный климат становится словно бы чуть мягче и нежнее, чем обычно. Повсюду на улицах слышится иностранная речь, вызывающая любопытство, и ты видишь своеобразнейших людей со всех уголков земного шара... И внезапно тебя охватывает приятное чувство, что ты живешь в столице мира, в столице, к счастью, не большой, а маленькой-премаленькой, цветущей и очаровательной; озаренная солнечным светом, она плывет по голубым водам.

А кроме того, это было первое лето, когда мы вели хозяйство самостоятельно. И хотя в обычных случаях приготовление пищи не слишком популярный вид летнего спорта, для нас оно все еще имело огромное очарование новизны. В особенности для Евы, которой до того приходилось питаться в маленьких дешевых кафе, и она с большим рвением принялась устраивать кулинарные оргии. Она смешивала салаты, и мариновала сельдь, и жарила рыбу так, что приятно было садиться за стол.

Однажды она приготовила гуляш, и благодаря этому гуляшу мне довелось совершить один из самых замечательных акробатических номеров современности.

¹ В центре Стокгольма.

² *Берцелиус Йенс Якоб* (1779—1848) — шведский химик и минералог. Парк находится у Драматического театра.

³ Известный ресторан, где собираются писатели, художники, артисты, описанный в романе Стриндберга «Красная комната» (1879).

Была суббота, августовская суббота. Я пошла в торговый центр Эстермальма сделать кое-какие покупки к воскресенью¹. Проходя мимо рынка, я купила букетик желтых ноготков и, нагруженная бумажными пакетами и цветами, счастливая шла домой, купаясь в солнечных лучах.

Я знала, что Ева придет раньше меня. Она накроет на стол и подогреет гуляш, приготовленный накануне.

Как чудесно возвращаться домой, вдруг поняла я, поднимаясь, запыхавшись, по лестнице.

На верхней ступеньке четвертого этажа сидела Ева.

— Ты что, скупила весь торговый центр? — спросила она. — За то время, что ты пропадала, можно было совершить туристическую поездку.

— У тебя потрясающий *esprit d'escalier*², — сказала я. — Но почему ты так мрачно сидишь здесь, вместо того чтобы заниматься домашними делами?

— Я сбегала вниз — опустить письмо — и забыла взять с собой ключ!

— Как можно быть такой небрежной? — строго спросила я. — Гуляш стоит в кухне на плите?

— Да, на плите, — ответила Ева.

— Повезло нам, что в доме есть все-таки один аккуратный человек, — сказала я.

Только тот, кто уже когда-то сжег гуляш так, что ужасный чад вызвал возмущение среди домашних хозяек в дальнем Васастане, только тот знает, что гуляш терпеть не может, когда его одного надолго оставляют на плите.

Поставив все пакеты на площадку, я начала рыться в сумке в поисках своего ключа. Но, как ни странно, его там не было. Там лежали только ключ от ящика письменного стола в конторе, ключ от дверей дома, ключ от моего велосипеда, ключ от чердака и еще со-

¹ В воскресенье большинство магазинов в Швеции закрыто.

² Ты задним умом крепка (*фр.*).

вершенно неизвестно откуда взявшийся отвратительный маленький ключик, которого я никогда прежде не видела, и зеркальце, и расческа, и пудреница, и губная помада, и карманный дневник, и книжка почтового сберегательного банка¹. А также два носовых платка, кошелек, авторучка, несколько фотографий и старых писем, а еще ключ от туалета, который долго искали, когда он необъяснимым образом исчез из милейшей семьи на острове Юстеро², где я гостила однажды июльским воскресным днем.

— Как уже сказано, — заметила Ева, — повезло нам, что в доме все-таки есть *один* аккуратный человек!

Она задумчиво осмотрела ключи, которые я разложила рядом на лестничной площадке.

— Думаю, умнее всего предупредить криминальную полицию, — сказала она. — Скажи мне только одно, где ты в квартире держишь лом?

Мы перепробовали по очереди все ключи подряд в тайной надежде, что один из них подойдет. Но после последней отчаянной попытки с ключом от туалета нам пришлось признать тот горький факт, что мы заперты снаружи. И что гуляш заперт наедине с самим собой, в обществе неумолимого газового пламени.

Ева выглянула в лестничное окно.

— Окно в твою комнату открыто, — сказала она. — Все, что от тебя требуется, — это пробалансировать вдоль водосточного желоба и влезть в квартиру.

Она произнесла эти слова так легко, словно предлагала совершить прогулку по Страндвеген³. Я тоже выглянула из окошка, и меня всю затрясло. Ева была, несомненно, права. Очевидно, следовало, если не закружится голова и не грохнешься вниз, пробалансировать по водосточному желобу прямо к моему окну. Но

¹ Банк, который переводит клиентам деньги по почте.

² Один из островов Стокгольмского архипелага.

³ Улица, ведущая от Юргордена в центр.

наши окна открываются наружу, и я не могла представить себе, как можно пройти мимо открытой створки и влезть в комнату. Я спросила Еву, как это сделать.

— Очень просто, — сказала она, — ты только чуточку подогнешь ногу и протиснешься мимо створки.

— Замечательно, — согласилась я. — Я только чуточку подогну ногу и очнусь уже на погребальных носилках в морге Саббатсберга¹. Спасибо тебе, но никакие ноги здесь не согнутся, по крайней мере мои.

Мы немного постояли молча, тоскливо глядя на окно.

— Этим путем гуляш выйдет в свет, — сказала в конце концов Ева.

Мы были голодны, и можно было бы найти более веселое развлечение в субботу после полудня, чем сидеть на старой лестнице. Кто-то должен был пожертвовать собой, это было очевидно.

— Бросим жребий, — решила Ева, — орел или решка!

И мы бросили монетку. Во избежание недоразумений... Мы бросили жребий не для того, чтобы узнать, кто должен пожертвовать собой, а только для того, чтобы узнать, *должна ли я* это сделать или нет. Потому что у Евы начинает кружиться голова, стоит ей только забраться на кухонный стол.

Через минуту я уже вылезла на крышу и начала послеобеденную прогулку на высоте четырех этажей над уровнем улицы. Меня сопровождал тревожный взгляд Евы.

Я шла, обратившись лицом к крыше, а спиной — к ужасающему Ничто. Ничто, кроме узкой хрупкой кромки жести, не отделяло меня от лучшего мира. Сначала ноги казались мне удивительно вялыми, но постепенно я чуточку расхрабрилась. «Ведь все идет хорошо», — подумала я и бросила взгляд вниз. Ой, этого мне ни в коем случае не следовало делать! В дикой панике при-

¹ Больница около Васастана.

жалась я к крыше и тихонько постояла, пока Каптенс-гатан немного не успокоилась. Но в конце концов мне все равно пришлось продолжить путь.

Когда я прошла почти полдороги, Альберт высунул голову из своего окна. Думаю, ему хотелось посмотреть на открывавшийся оттуда вид. Да, вид, который открылся, разумеется, ужаснул его! Он побледнел так, словно увидел, как по крыше пронеслась дикая охота, и в горле его как-то странно забулькало.

— Куда... куда ты? — закричал он, беспомощно размахивая руками.

— Мне надо домой, посмотреть, не кончилась ли моя страховка! — закричала я в ответ.

Он только застонал, но я утешила его:

— Тебе вовсе незачем бояться. Потому что я сама боюсь!

Правда, как я боялась! И когда мне в конце пути пришлось согнуть ногу, чтобы обогнуть открытую наружу створку, я услышала жалобные стоны Евы. Она, конечно, боялась — да, она тоже! Как раз когда я проходила мимо, пуговица от платья зацепилась за створку окна, и я стала отрывать ее, смертельно боясь, что мне не высвободиться! Но мне все-таки удалось вырваться. Да, сверх всяких ожиданий удалось! И только потому, что в последнюю минуту я сумела крепко уцепиться за крючок окна и благодаря этому избежала возможности, с шумом и грохотом свалившись вниз, стать маленьким ангелом.

Минутой позже я уже была в квартире, возле гуляша. Самое время! Я с любовью слегка полила его водой, а потом пошла и открыла Альберту и Еве, стучавшим в дверь.

— Цирк Шумана¹ никогда не слышал о тебе? — спросил Альберт.

¹ Известный датский цирк, регулярно весной приезжающий на гастроли в Швецию.

Должна признаться, нет, не слышал! Цирк Шумана не имел ни малейшего представления о том, что одна из лучших воздушных акробаток прозябает в неизвестности на улице Каптенсгатан. Альберт, вытянув руку, показал, что обкусал два ногтя исключительно на нервной почве. Я восприняла это как знак истинной дружбы. Ева накрывала на стол, все время непрерывно горько плача. Ее нервы обычно сдают потом, когда уже все в порядке.

Успокоившись, она позвонила Яну.

— Приходи сейчас же и съешь гуляш! — сказала она. — Мне так жаль тебя! Ты чуть не стал вдовцом, еще даже не женившись!

Ян тут же явился, и мы все вчетвером сели за стол, где на фоне голубой скатерти весело светились желтые ноготки.

— Как это так? — спросила я Яна. — Неужели нельзя получить медаль Карнеги, если с опасностью для жизни спасаешь гуляш? Ну хотя бы маленькую-премаленькую?

Но Ян так не думал.

Когда мы перешли к кофе и сигаретам, я сунула руку в карман платья проверить, нет ли там спичек. Спичек не было. Но было кое-что другое. Моя рука наткнулась на плоский маленький ключик! Так хорошо знакомый ключик от квартиры!

Я так рада, что не наткнулась на него, пока ползла по водосточному желобу. Думаю, тогда я непременно свалилась бы вниз.

VI

а год многое может случиться!» — сказал Ян, и я все усердней ждала, когда же наконец все начнется. Идти по водосточному желобу, спасая запертый в квартире гуляш, я вовсе не считала «событием», так же как и то, что Ева выскочила на ходу из автобуса, упала, оцарапав лицо о землю, и потом долго не осмеливалась показываться на людях.

— Разве это не событие? — горько вопрошала Ева. — Чего тебе, собственно говоря, надо? Может, ты признала бы «событием» ужасное кораблекрушение?

Она недовольно смотрелась в зеркало. Вся ее левая щека представляла собой один сплошной большой синяк. Ева считала, что в ближайшее время внешние контакты ей совершенно противопоказаны. Естественно, ей необходимо было ходить в контору, но все остальное время она большей частью сидела дома, к великому горю и досаде толпы энергичных молодых воздыхателей, которые звонили ей, приглашая провести с ними вечер. Она вообще отказывалась встречаться с людьми.

Единственный, кого она, несмотря на все попытки, не смогла удержать на расстоянии, был Альберт. У него появилась привычка бродить по нашей квартире,

словно он огромный добрый сенбернар. Как только Альберт освобождался от своих фильмов, он располагался у нас, явно собираясь делать это и в дальнейшем, даже если бы Ева вся превратилась в один сплошной синяк.

Он принес с собой несколько алых роз и спел своим красивым баритоном: «*Red roses for a blue lady*»¹.

Ева, ворча, поставила цветы в вазу и прекратила борьбу. Яну тоже нельзя было отказать от дома, и поэтому мы все четверо вели некоторое время тихую домашнюю жизнь, пока синяк Евы не прошел.

Оба они — и Ян, и Альберт — были страстными футбольными болельщиками. Они болтали об «Общешведской футбольной команде», делали на нее ставки и были увлечены так, что нам с Евой это жутко надоело. Однажды они получили восемь крон пятьдесят эре за одну ставку, сочли это выдающимся, единственным в своем роде подвигом и не переставали им хвастаться.

— Восемь крон пятьдесят эре, — высокомерно заявила Ева, — есть из-за чего поднимать такой шум! Думаю, это вам, мальчики, не по зубам. Поставим и мы с Кати, тогда вы увидите, что из этого получится!

И мы поставили, едва отзвучали залпы надменного хохота. Мы ничегошеньки не знали ни об одной из команд. Но полагались на женскую интуицию.

— Команда «Мальмё Ф. Ф.»², — сказала я. — Звучит честно и приятно. Эти мальчуганы из Сконе³, ясное дело, выиграют. Поставь им крестик, Ева!

— Глупышка! — сказал Ян. — Если ты думаешь, что они выиграют, поставь им в этом случае два крестика.

¹ Алые розы для синей леди (англ.). Игра слов: «blue» означает и «синяя», и «печальная».

² Футбольная команда с юга Швеции.

³ Южная провинция Швеции.

И тогда мы с Евой поставили по два крестика всем, про кого мы думали, что они выиграют. И нам посчастливилось. Мы угадали двенадцать раз. Понадобилась целая неделя, прежде чем Ян и Альберт нас простили.

— В ставках должны быть своего рода порядок и система, — поучительно сказала Ева.

Это было уже потом, когда мы немного успокоились. Вначале в угаре успеха мы только бегали кругами и кричали. Мы получили примерно три тысячи крон за наши двенадцать правильных ставок. Явно кроме нас было еще много тех, кто делал ставки по разумной системе.

— О! — сказала Ева. — С тремя тысячами крон можно многое сделать! Их можно положить в банк. Или начать грандиозную светскую жизнь, часто посещать рестораны. Или поехать в Италию!

— Да, — сказала я. — С тремя тысячами крон можно поехать в Италию.

— Да, но... ты в самом деле думаешь, что?.. — заколебавшись, спросила Ева.

— Ева, — ответила я, — согласно статистике, в этом году в Италию ездили шестьдесят семь тысяч шведов. И то, что достаточно хорошо для шестидесяти семи тысяч шведов, пожалуй, хорошо и для меня.

— Ну ладно, — согласилась Ева, — позвони в Центральное статистическое бюро или тому, кто там теперь этим занимается, и скажи, чтобы изменили цифру на шестьдесят семь тысяч ноль-ноль два.

Затем, обхватив друг друга за талию, мы, обезумев от радости, исполнили воинственный танец. Отпуск мечты — теперь он станет реальностью! Италия — небесная, солнечная Италия!

Многое может случиться за год! А путешествие в Италию было «событием», да, несомненно!

— Надо начинать учить итальянский, — сказала Ева. — Самые необходимые фразы, например: «Удивительно, какой у вас пламенный взгляд, синьор!» Или что-нибудь в этом роде!

VII

ва упрямо настаивала на том, чтобы мы учили итальянский.

— Дорогая Кати! — со строгим видом говорила она. — Если собираешься ехать в чужую страну, необходимо хотя бы немного знать язык.

— Начнем зубрить грамматику? — спросила я. — Что-нибудь вроде: «Я любила бы...» — и в этом же роде?

— Не будь дурочкой, — сказала Ева. — Я имею в виду только то, что нам надо выучить самые употребительные фразы. Так мы получим гораздо большую пользу от поездки. Коренное население просто теряет голову от восторга, когда говорят на его собственном прекрасном родном языке. Хотя бы немного!

— Охотно! — согласилась я.

Ева немного торопилась, так что покупку необходимых учебников я взяла на себя. По дороге домой я завернула в магазин старой книги и приобрела несколько итальянских разговорников и словарей.

Прошло несколько дней, прежде чем у нас появилось время для занятий, но однажды в воскресенье, еще до полудня, когда шел дождь, Ева сочла, что торжественный миг настал. Мы как раз только что

выпили утренний кофе и сидели в одних пижамах на диване в комнате Евы.

— А теперь посмотрим, — сказала Ева, жадно хватая верхнюю книгу из купленной стопки. Это была старая честная книга Кунце «Полиглот». — «Новый легко усваиваемый метод — сразу же начать говорить по-итальянски без учителя. Содержит все необходимые для повседневных нужд слова и обороты речи», — прочитала она. — Но это же великолепно, как раз то, что нам нужно!

Довольная, она откусила кусочек венской булочки и стала листать книгу.

— Посмотрим! — снова сказала она.

Некоторое время Ева молчала, но глаза ее медленно расширились.

— *Mi arricchì i baffi* — дерни меня за усы, — прочитала она..

— Превосходно! — сказала я. — Мы не можем ехать в Италию, не овладев этим оборотом речи — таким емким искренним выражением чувств.

— Может, это выражение в стиле нашего «Поцелуй Карлссона»?¹ — спросила Ева. — В таком случае его, вероятно, можно употреблять.

— Читай дальше, — потребовала я.

И она так и сделала:

— «К вашим услугам, синьор, будьте так любезны подняться со мной наверх!»

— Думаю, это выражение нам лучше *не учить*, — сказала я. — Если мы начнем приглашать итальянских синьоров подняться с нами наверх, это повлечет сплошные недоразумения.

— Ты думаешь? — протянула Ева. — Во всяком случае, мне кажется, это лучше, чем предложить им спуститься с нами вниз, что могло бы означать «покатиться по наклонной плоскости» и так далее. Ну ты знаешь!

¹ Карлссон — очень распространенная фамилия в Швеции.

— Пусть господин Кунце нас извинит, но думаю, мы совершенно проигнорируем это крайне необходимое выражение, — ответила я, — тогда ты наверняка найдешь что-нибудь получше.

Ева перевернула страницу.

— Что скажешь об этом? — спросила она. — «Мне хочется приобрести пару сапог — это очень хорошие сапоги!»

— Звучит неплохо, — ответила я. — Мы поедем в Италию и купим там по паре сапог, которые нам, видимо, необходимы!

— Но они стоят денег! — воскликнула Ева.

— Сколько? — спросила я.

— Не знаю. Но скажи только: «Пожалуйста, счет!» — и сразу узнаешь, — уверила меня Ева.

— Ни одного дурного слова о господине Кунце, — заявила я, — он наверняка человек чести, но не кажется ли тебе, что его слова и обороты речи, пожалуй, чуточку опередили свое время? Перейдем лучше к этой книге!

Я схватила следующую книгу из стопки — это был разговорник, напечатанный в 1934 году.

— Что ни говори, — заметила Ева, — а разговорники интересны. Более или менее намеренно они многое разоблачают в той стране, о которой идет речь.

— В самом деле? — спросила я, испуганно глядя в разговорник. — Тогда нам лучше остерегаться Италии. Послушай-ка: «Этот человек украл у меня часы». «Я не могу найти свой железнодорожный вагон». «Здесь нет ночного горшка». «Ночью меня жутко мучили блохи...» В самом деле, какая опасная страна!

— Да уж! Взять хотя бы «Нет ночного горшка»! — возмущенно произнесла Ева. — И туда едут добровольно!

— Да, Ева, — продолжала я. — А население Италии производит впечатление людей грубых и навязчивых. Послушай-ка, что значит в рубрике «Чаевые»: «Если вы такой бессовестный, вы вообще ничего не получите... Если вы не оставите меня в покое, я вызову полицию!»

— Становится страшно, — резюмировала Ева.

— Все эти итальянские мужчины и назойливы, и плутоваты, уж поверь мне, — сказала я и продолжила чтение: — «Этот человек без всякого повода оскорбил меня — он только притворяется глухим».

— Почему он притворяется глухим? — со свойственной ей любознательностью спросила Ева. — *Почему*, во имя неба?

— Этого в разговорнике нет, — ответила я. — Очевидно, это часть какого-то коварного и ужасного плана. В решающий момент наверняка выяснится, что он, этот остолоп, слышит как нельзя лучше.

— Все это настораживает, — сказала Ева, наливая по рюмочке ликера. — Предлагаю прекратить занятия итальянским, а не то мы наберемся такого страха, что побоимся ехать.

— О нет! — сказала я. — Ты послала меня купить книги, и теперь уж я позабочусь о том, чтобы ты все-таки выучила итальянский и смогла обходиться без посторонней помощи в чужой стране. Как ты сама сказала: только самые необходимые фразы!

— Например? — спросила Ева.

— Например, вот эта, — ответила я, предварительно заглянув в книгу. — «Могу я попросить у вас понюшку табака?»

— Да, да, — глухо сказала Ева. — Ужасно, если бы мне пришлось блуждать по Венеции обезумевшей из-за отсутствия нюхательного табака. И все только из-за того, что я не знаю, как он называется по-итальянски.

— Такого случиться не должно, — решила я. — Ты совершенно спокойно подойдешь к пожилому синьору на пьяцце¹, трогательно посмотришь на него и совершенно непринужденно скажешь: «*Mi favorirebbe una presa?*» — «Могу я попросить понюшку табака?»

Ева кивнула:

¹ Площадь (*ит*).

— Это разумная просьба, на которую нельзя не откликнуться.

— Да, а туземцы совершенно обалдеют от восторга, если с ними станут разговаривать на их собственном прекрасном родном языке, ведь ты так сказала, верно? Старикашка сбавит тебе целую табакерку нюхательного табака, уж поверь мне!

Глаза Евы засверкали от восторга.

— Я начинаю думать, — сказала она, — что мы здорово повеселимся в Италии. Но одно меня удивляет: что за люди составляют эти разговорники?

Я не ответила. Потому что нашла в книжке *кое-что очень интересное*: список «наиболее распространенных болезней». Начинался он очень многообещающе — алкогольным отравлением и кончался совершенно логично почечной коликой. Опасная страна эта Италия! Сразу видишь, до чего в Италии доводит неудержимая страсть к пьянству.

Я углубилась в названия болезней. Болезнь может быть либо «*ereditaria*», то есть наследственная, либо «*di corso lento*» — вялотекущая, либо «*incurabile*» — неизлечимая, объяснял словарь-разговорник. Я тотчас же принялась зубрить все эти слова и выражения.

Но Ева сочла такое усердие преувеличенным.

— К чему это? — спросила она.

— К чему? — переспросила я. — Ты ведь сама сказала, что мы должны учить итальянский. А если в Италии я заболела, то, думаю, смогу сказать врачу на звучном итальянском: я подозреваю, что у меня вялотекущая почечная колика.

— Дерни меня за усы и поцелуй Карлссона, — сказала Ева, швырнув разговорник на пол.

VIII

ва Рыцаря Печального Образа¹ стояли на перроне. Это были Ян и Альберт. При скудном освещении оба казались бледно-серыми и немного обиженными судьбой.

— Они производят такое же бодрое и смешное впечатление, как главные герои современного романа, — сочувственно сказала я.

— В то время как мы, напротив, кипим и прыгаем от радости, словно герои эпохи Ренессанса², — сказала Ева.

Ян с упреком смотрел на окно нашего купе.

— Послушай-ка, Кати! — сказал он. — Надеюсь, ты не слишком будешь прыгать от радости. Шведских девушек, которые, стоит им выехать за границу, срываются с тормозов, и без тебя хватает!

— И я, конечно, тоже сорвусь, — сказала я. — Все мои тормоза отпадут, как остатки кожи, которая шелушится после скарлатины.

¹ *Рыцарь Печального Образа* — так называл героя своего великого романа «Дон Кихот» испанский писатель Мигель Сервантес де Сааведра (1547–1616). Впоследствии это стало именем нарицательным.

² *Ренессанс* — период в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы (XIV–XVI вв.).

Но в этот миг поезд тронулся, и если Ян и высказывал еще какие-то предостережения, то я, во всяком случае, не расслышала. Он исчез из поля зрения, и я его больше не видела. Некоторое время я по-прежнему стояла у окна, погружившись в размышления. Почему-то я почувствовала, что Ян исчез не только из поля моего зрения, но и из моей жизни вообще. Я не хотела этого, но тут уж ничего не поделаешь! Я не могла избавиться от ощущения, будто оставляю *нечто* безвозвратно прошедшее. Это немного испугало и опечалило меня.

— Прости меня, Ян, — прошептала я, прижавшись лицом к стеклу.

Ведь если даже иногда его предупреждения надоедали мне и я чувствовала себя чуточку оскорбленной его недостаточным вниманием к моему внутреннему «я», все же он был всегда так добр ко мне! И я дружила с ним целых три года. Мне вовсе не нравилось это новое ощущение, словно он ускользает от меня.

Но Ева не оставила мне ни минуты для подобных размышлений. Ведь мы были на пути к солнечной Италии, и радость Евы, ее восхищение были слышны всему поезду. Еще долго после того, как мы влезли на полки в спальном вагоне, она хихикала, и болтала, и журчала, и ворковала, так что пассажиры соседнего купе, которые явно не были людьми эпохи Ренессанса, в конце концов стали стучать в стенку, чтобы заставить ее замолчать.

В Копенгагене светило солнце и уличные торговки предлагали нам фиалки, а Ева сказала, что всем телом ощущает, как мы приблизились к континенту и как тормоза уже начинают отказывать, так что... бедный Ян, если бы он только знал!

Мы пообедали у «Лорри», в ресторане Драхмана¹, где два милых маленьких старичка с серебряными во-

¹ Большой центр с ресторанами и кафе во Фредриксхавне, где есть и комнаты Драхмана. *Драхман Хольгер* (1846—1908) — дат-

лосами пели нам песни Бельмана¹, так что глаза наши увлажнились слезами, и, почувствовав себя патриотами, мы задались вопросом, не слишком ли мы поторопились, оставив наше любезное отечество, где жили такие поэты?!

В ресторане было очень людно. Неподалеку от нас сидел веселый господин в сером полосатом костюме. Он пил водку «Ольборг» и пиво «Карлсберг» и становился все веселее. Он действительно соответствовал цитате из Драхмана, вырезанной на одной из живописных потолочных балок: «Здесь мое чело разгладилось так, что уже никакие морщины не в силах были избородить его».

Нет, у этого господина в самом деле никаких морщин на лбу не было. Он с головы до пят был одно сплошное солнечное сияние.

В тот момент, когда мы в Евой накинулись на жаркое из свинины с красной капустой, он поднялся и подошел к нашему столику.

— Густафссон, — представился он и поклонился. — Вижу, дамы обедают здесь в полном одиночестве?

— Нет, мы здесь играем в карты с братом, — холодно ответила я, потому что, если даже Бельман и настроил нас на патриотический лад, все же наш патриотизм не распространялся на первого попавшегося шведа, заблудившегося в чужой стране.

Господин Густафссон совершенно не обратил внимания на мою убийственную иронию. Он по-прежнему весь сиял.

— Как приятно слышать за границей шведскую речь, — продолжал он. — Мне кажется, о ней можно по-настоящему тосковать.

ский лирик, прозаик и драматург. Ресторан Драхмана оформлен в стиле 2-й половины XIX в.

¹ *Бельман Карл Микаэль* (1740—1795) — знаменитый шведский поэт, автор застольных песен «Послания Фредмана» (1790), «Песни Фредмана» (1791).

Снедающую его тоску только долгое изгнание могло объяснить, и Ева сочувственно спросила господина Густафссона:

— Давно вы из Швеции?

— С сегодняшнего утра, — ответил господин Густафссон.

Мы онемели.

— Я еду в туристическую поездку в Италию, — продолжал он, хотя никто его об этом не спрашивал.

Ева поперхнулась. *Наша* туристическая группа должна была отправиться из Копенгагена на другой день, и мы еще не видели будущих спутников.

Но мы немало размышляли о том, какими они будут. Ева оптимистка и все время была непоколебимо уверена в том, что большинство из них окажутся молодыми, статными, широкоплечими мужчинами, которые смогут защитить нас во мраке катакомб¹ и вместе с нами будут мечтать под венецианской луной. Я отчетливо увидела, как при словах господина Густафссона жгучее сомнение начало закрадываться в ее душу. Подумать только! Что если он едет с *нашей* туристической группой! Подумать только! Что если с нами не будет нескольких молодых, статных, широкоплечих мужчин, а только такие, как господин Густафссон! Да, разумеется, Форум Романум² — он всегда Форум Романум, но видеть некоего господина Густафссона, четко вырисовывающегося на фоне разрушенных колонн и выветрившихся руин, она явно не хотела. Это было заметно. Она так поникла, что бедный господин Густафссон в конце концов недовольно

¹ Системы подземных помещений, обычно искусственного происхождения, служившие в древности убежищем для христиан и захоронений.

² *Форум* — в Древнем Риме рыночная площадь, ставшая центром политической жизни. Главный форум Рима — Форум Романум, развиваясь с VI в. до н. э., превратился в парадный архитектурный ансамбль.

вернулся к своему столику. У нас было впечатление, что мы сильно испортили ему вечер.

— Ах, на свете столько туристических поездок, не надо думать, что все толстяки мира поедут вместе с нами, — все-таки молвила мне в утешение Ева, когда он уже не мог нас слышать.

Мы закончили трапезу, а затем вышли в сладостную осеннюю тьму. То был один из последних вечеров, когда Тиволи¹ был еще открыт, и мы решили пойти туда. Ева хотела сначала пойти в Нюхавн². Но я отказалась, заявив, что если уж меня где-нибудь похитят, то пусть это будет в Неаполе, и, подумав хорошенько, Ева признала мою правоту. Жаль, если бы наше путешествие в Италию закончилось, еще даже не начавшись, в Нюхавне.

Ева никогда раньше не была в Копенгагене, так что мне пришлось показывать дорогу в Тиволи. Способность ориентироваться была у меня не на высоте, но это меня ничуть не беспокоило. Я взяла Еву под руку, и мы двинулись туда, где, как я полагала, находится Тиволи. Несколько раз я спрашивала, как туда пройти, но поскольку я обладаю сказочной способностью, задавая подобные вопросы, наткаться на городских идиотов, то случилось то, что случилось. Мы причалили на узенькой, сумрачной и безлюдной улице, где еще никогда не ступала моя нога.

— Это и есть знаменитый копенгагенский Тиволи, о котором я столько слышала? — спросила Ева. — Развлечения, песни и танцы... — добавила она.

И в самом деле! Из ближайшего дома вырывались развеселые звуки. Открытая дверь вела в какой-то

¹ Парк со всевозможными аттракционами в Дании и Швеции. В Копенгагене — в центре города, близ железнодорожного вокзала и ратуши. Парк Тиволи был основан в 1843 г. лейтенантом Георгом Карстенсенем.

² Портовый район города, пользовавшийся дурной славой еще в 1940-е гг.

кабачок. Мы осторожно заглянули туда. Там было полным-полно людей, которые, казалось, необычайно веселились. В основном это были дородные матроны и квадратные веселые дяденьки, вертевшиеся на крохотном тесном пятачке. Но там мелькали и молодые люди, и все казалось так весело и уютно!

— Публика здесь не особо эlegantная, — сказала я Еве. — Но зато весело! Давай зайдем! Когда приезжаешь за границу, нужно смешиваться с толпой, это-то и создает атмосферу!

И мы нырнули в толпу, чтобы создать себе атмосферу. Деньги за вход в этот примитивный ночной клуб платить явно было не надо. Мы просто вошли туда и расположились за маленьким столиком. В кабачке стало заметно тише. Все смотрели на нас, широко раскрыв глаза.

— Мы, наверное, чуточку слишком эlegantны и сенсационно-вызывающе одеты для этого кабака, — сказала Ева, удовлетворенно поглаживая свое платье из фая¹. — Но они быстро к нам привыкнут.

За всеми остальными столиками пили кофе, а мы всегда, куда бы ни пришли, придерживаемся местных обычаев.

— Официант! — громко окликнула я. — Две чашечки кофе! Будьте любезны!

Да, он хотел оказать нам любезность. Хотя видно было, что вначале жутко колебался.

Танцы продолжались. Мы с Евой уселись поудобней, чтобы сразу же вскочить, как только нас пригласят.

Но нас не пригласили. Никто к нам не подошел.

— Они не осмеливаются, — сказала Ева. — Надо им показать, что мы простые и веселые и ничего не имеем против их примитивных танцев.

Потому что было абсолютно ясно, в какой культурный центр с полькой и старомодным вальсом мы попа-

¹ Шелковая ткань с поперечными рубчиками.

ли: никаких более современных ритмов, которые куда лучше подошли бы нам с Евой. Но мы, как уже говорилось, придерживаемся обычаев тех мест, где появляемся. Заиграли умопомрачительную польку, и я пригласила Еву на танец. Мы пустились в пляс прямо поперек комнаты, стремясь слиться с народным весельем, и все другие пары испуганно шарахнулись в сторону. Приободренные успехом, мы еще больше ускорили темп, — пусть датчане увидят, как танцуют польку в Швеции! Мы пели и подпевали «тра-ля-ля», а иногда Ева выкрикивала душераздирающее «эгей!».

— Не надо больше орать «эгей!», — задыхаясь после восьми кругов по залу, сказала я Еве. — Если они еще и теперь не поняли, насколько мы близки к народу, пусть пеняют на себя!

Совершенно обессиленные, опустили мы возле нашего столика и стали ждать, что будет дальше. Но подумать только, какие тугодумы эти датчане! Они совершенно не оценили наш демократический настрой. Нас так никто и не пригласил! Глубоко возмущенные, мы уже подумывали было удалиться, но тут как раз должно было начаться всеобщее пение.

— Все будут петь — прекрасно! — сказала Ева. — Пение объединяет людей, было бы странно в конце концов не познакомиться поближе с нашим любимым братским народом.

У всех присутствующих были в руках маленькие тетрадки с напечатанным на машинке текстом. И они все вдруг поднялись и запели. Все, кроме одной пожилой дамы, спокойно сидевшей у столика, она, верно, устала, бедняжка! Мы с Евой тоже встали. Никакой тетрадки у нас не было, так что мы заглядывали в текст через плечо милого пожилого дяденьки, стоявшего к нам ближе всех. А он стал вертеться, словно мы причиняли ему беспокойство, и все время, пока пел, бросал на нас косые взгляды, стараясь отодвинуться как можно дальше. Но не тут-то было! Мы с Евой

неотступно следовали за ним, упорно заглядывая в его тетрадку... Да, потому что нам *необходимо* было сблизиться с братским народом.

Мелодия, которую они пели, была такая знакомая: «Тра-лле-ри, тра-лле-ра». Но датский текст, разумеется, был совершенно не похож на тот, к которому мы привыкли.

«Нашей бабушке сегодня исполняется семьдесят... — пели мы с Евой, да так, что только звон стоял: — Тра-лле-ри, тра-лле-ра!»

У Евы было чистое, высокое сопрано, и мой скромный альт был тоже преступно красив. Мы часто изображали «сестер Эндрю»¹, и здесь у нас появилась великолепная возможность проявить наши таланты. Мы так тралялякали, что это привлекло всеобщее внимание. Песня была длинная, в четырнадцать куплетов, так что мы могли развернуться как следует. Каждая строфа начиналась совершенно одинаково: «Нашей бабушке сегодня исполняется семьдесят...» О, песня была в целом такая юмористическая, что я подумывала, уж не ввести ли нам этот текст в Швеции.

Но когда все приступили к четырнадцатой строфе и мы приготовились в последний раз грянуть изо всех сил: «Нашей бабушке сегодня исполняется семьдесят!» — я случайно бросила взгляд на пожилую даму, которая осталась сидеть за столиком. Она мило улыбалась и кивала в такт песне. Рядом с ней на столике лежало множество тортов, украшенных взбитыми сливками. И на одном из них я с ужасом прочитала белоснежную, выведенную сливками надпись: «70 лет».

Тут внезапно и беспощадно мне открылась ужасающая правда: *пожилая дама* и была та бабушка, которой исполнилось семьдесят лет, и мы попали на совершенно частную вечеринку в честь дня рождения. Я смолкла, и самое последнее «тра-лле-ра», булькнув, замер-

¹ Популярное трио американской эстрады.

ло у меня в горле. Но Ева, совершенно счастливая, пела так, что стены дрожали.

— Пой же! — прошипела она мне.

Но я дернула ее за платье.

— Ева, осталось несколько секунд! — шепнула я ей. — Бежим изо всех сил! Речь идет о нашей жизни!

И мы так и сделали. Мы рванули в дверь и оказались в безопасности, прежде чем отзвучали последние слова песни, посвященной бабушке. Ева хотела услышать от меня, почему мы бежали так поспешно. И, узнав, в чем дело, прислонилась к стене и захохотала так, что смех перешел в крик. Я толкнула ее в такси, и мы спаслись в нашем отеле.

— Будьте любезны, разбудите нас завтра утром в половине восьмого! — серьезно сказала Ева портье.

Но секунду спустя она расхохоталась так, что напугала этого несчастного до полусмерти.

— Что случилось? — взволнованно спросил он.

— Я смеюсь потому, что нашей бабушке исполнилось семьдесят лет, — сказала Ева и, икая от хохота, вошла в лифт.

IX

туристические поездки имеют свои прелести, и нас действительно предупреждали об этом осмотрительные люди (то есть Ян и Альберт), прежде чем мы уехали из дома.

— Туристические поездки... — презрительно фыркнув, сказал Альберт. — Да, если жутко хочется тащиться через сотни церквей с толпой жирных теток в цветастых летних платьях, то лучше туристических поездок ничего не найти.

— А что плохого в цветастых летних платьях? — спросила Ева. — И вообще, с таким маленьким опытом путешествий, как у меня, гид необходим. Я совершенно растеряюсь, если придется пересаживаться из одного поезда в другой.

— Как, ты ведь не раз ездила в Омоль и обратно. И сама техника этого тебе известна, — напомнила я.

Альберт рассказал, что однажды в ранней юности ездил с туристической группой во Францию. Когда он вернулся домой, его товарищи, хитро подмигивая, спросили:

— Ну, что за девочки в Париже?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил Альберт. — Но преподавательницы подготовитель-

ных классов народной школы в Маркарюде очаровательны.

Альберт уверял, что этим о туристических поездках все сказано.

— У вас не будет никакого контакта с итальянским народом, — предупредил он.

— Ха! — воскликнула я. — Ты не знаешь нас с Евой! Итальянский народ не успеет опомниться, как мы с ним подружимся.

Нет, у нас с Евой не было предвзятого мнения о туристических поездках, и мы с самыми радужными надеждами явились на Центральный вокзал, где у турникета при входе на перрон римского экспресса был назначен сбор группы. Первый, кого мы увидели, был господин Густафссон. Он тоже увидел нас. Солнечное сияние, озарявшее его в кабачке Драхмана, совершенно исчезло с чела этого туриста. Остались лишь красные следы от укусов комаров, которые при нашем приближении стали еще краснее. Господин Густафссон упорно смотрел в сторону. Рядом с ним стояла дама приятной, но весьма решительной внешности.

— Его жена, если не ошибаюсь, — сказала Ева.

— Ты так думаешь? — спросила я.

— Мой дорогой Ватсон!¹ Только жена может показать, что она управляет мужем, подняв брови всего на полсантиметра.

Но где же молодые широкоплечие мужчины, с которыми мы собирались мечтать под озаренным лунной венецианским небом? Здесь, во всяком случае, их не было! Здесь был, насколько нам удалось разглядеть, всего лишь один мужчина, да и тот гид. О нем в самом деле можно было сказать: «Он был силен, за его спи-

¹ Друг и соратник Шерлока Холмса, героя многочисленных детективных произведений английского писателя Артура Конан Дойла (1859—1930). Зд.: как имя нарицательное в значении «сыщик-любитель».

ной стояли женщины!» И не только за его спиной, но и вокруг него, со всех четырех сторон, стояли женщины! Как изюмины в скудном пудинге, торчала то тут, то там одинокая мужская голова, но ни одна из них не была такой, чтобы непосредственно навести на мысль о ночных прогулках под луной в небе Венеции.

— Всегда переизбыток женщин! — вздохнула Ева.

— Ты что, не одобряешь свой пол? — спросила я.

— Да нет, конечно одобряю, — сказала Ева. — Но эти мужчины стали такие капризными и избалованными, что просто непереносимо! Я-то уж знаю, знаю. У самого никудышного парня, если его окружает дюжина женщин, которые непрерывно перед ним рисуются, рано или поздно случается приступ мании королевского величия.

С нашей стороны, во всяком случае, никакой готовности не будет. В этом мы с Евой были едины. С этим твердым намерением мы и вошли в зарезервированный для нас вагон вместе с будущими спутниками. Все втихомолку разглядывали друг друга. На пароме между Корсёром и Ньюборгом¹ мы ели ленч, и была всеобщая презентация. Все ходили и пожимали друг другу руки. Разумеется, и господин Густафссон подошел к нам вместе со своей женой и протянул нам свою маленькую, пухлую, как булочка, руку.

— Густафссон! — натянуто сказал он.

— Мы начинаем вам верить! — ответила Ева.

По вопросу о туристических поездках можно сказать то же самое, что Сторм Петерсен² сказал об искусстве

¹ До недавнего времени между городками Корсёр (остров Зеландия) и Ньюборг (Фюн) ходил большой железнодорожный паром. Сейчас над центральным датским проливом Большой Бельт, соединяющим Балтийское море с проливом Каттегат, построен огромный красивый мост, значительно сокративший время проезда.

² *Петерсен Сторм* (1882—1949) — датский писатель-юморист и художник.

играть на контрабасе: «Самое трудное — транспортировка». Длинные железнодорожные перегоны, прежде чем прибудешь на место, *могут* несколько изнурить, когда сидишь взаперти несколько суток в одном и том же вагоне и все время видишь вокруг себя одни и те же лица. Вначале туристы как бы застегнуты на все пуговицы и настороженны. Вежливы друг с другом, но не более того. Прежде чем начать выдавать какие-то сердечные тайны, все хотят удостовериться в том, что имеют дело с порядочными людьми. Но когда позади остается изрядная часть Германии, лед начинает трогаться. Все входят и выходят из купе, и болтают, и рассказывают, потому что уже знают: спутники у них — великолепнейшие люди. Все едят завтрак, ленч и обед вместе в вагоне-ресторане, и делятся бутылкой вина, и неожиданно узнают, что у них множество общих знакомых. Вытаскивают фотографии детей и фотографии виллы и летнего домика, чтобы каждый мог видеть: ты не первый встречный и имеешь солидный доход. И образуются мелкие кружки, компании, которые сохраняются на протяжении всего маршрута.

Мы с Евой решили не примыкать слишком тесно к какой-нибудь компании. Мы хотели по приезду в Италию передвигаться совершенно самостоятельно. Мы были сами юными в этом обществе, состоявшем, вообще-то, либо из супружеских пар средних лет, либо средних же лет одиноких женщин. Во всей этой толпе, кроме гида, был еще *один* холостяк, это адъютант¹ Мальмин, очень нарядный и совершенно сухой по натуре господин лет сорока. Он называл нас с Евой «девчушки», но все же был очень любезен и обещал дать нам небольшое представление о культуре Италии, если у него, конечно, найдется для этого время.

Нельзя судить о людях по первому впечатлению. Когда мы с Евой обходили наших спутников, знакомясь

¹ Преподаватель гимназии.

с ними, то, конечно, сначала решили, что это скопище старых болванов, в обществе которых нам нечего ждать удовольствия. И мы было подумали, уж не прав ли Альберт в вопросе о туристических поездках?! Но мало-помалу мы пришли к выводу, что большинство из наших «болванов» были по-настоящему человечны, приятны и просто занимательны. Даже господин Густафссон оказался милашкой. Он часто заходил в наше купе и рассказывал о своем «шефе». Господин Густафссон был главным бухгалтером в большой фирме, торговавшей луковицами цветов и семенами, а шеф этой фирмы отравлял жизнь господина Густафссона.

— И человек, который едва знает, как выглядит луковица тюльпана, является и вмешивается во все дела! — восклицал господин Густафссон, с тоской глядя нам в глаза и взывая к сочувствию.

И мы с Евой, содрогаясь от ужаса, говорили, что это просто безобразие, когда люди вмешиваются в чужие дела, не имея ни малейшего представления о луковицах тюльпанов. Господин Густафссон счел нас необычайно понятливыми для своего возраста и объявил свое мнение всему остальному обществу. Вообще многим казалось, что мы понятливы. Так думала и фру Берг. Она тоже приходила в наше купе и изливала душу. Фру Берг была весьма состоятельная дама, она владела большими домами в Стокгольме и ехала в Италию, только чтобы хоть чем-то заняться. У нее были черные, как вороново крыло, крашенные волосы, и когда-то она, должно быть, была красива. Но это было давным-давно. Теперь это была раздражительная старуха, которая жаловалась на высокие налоги и вероломных мужчин. Мужчины в ее жизни — это была постоянная тема разговора, и она перечисляла их Еве и мне так, словно речь шла о кабинете министров страны, годах правления и прочем.

— Какая поразительная откровенность! — сказала я, когда однажды фру Берг покинула наше купе.

— Какая поразительная память! — воскликнула Ева.

Но одна из наших спутниц была милее всех остальных, вместе взятых. Это была фрёкен Стрёмберг, Фрида Стрёмберг, ехавшая в свое первое заграничное путешествие. Она явилась прямо от кухонной плиты в пансионате, где была поварихой, и с бьющимся от волнения сердцем села в поезд, который должен был увезти ее в чудесный мир. Фрёкен Стрёмберг и в самом деле думала, что мир чудесен! В первый день она сидела, как маленький испуганный воробушек, не смея вымолвить ни слова. Но все достопримечательности, которые она видела из окна купе, приводили ее в такой безумный восторг, что она больше не могла молчать.

— Милые вы мои люди, как это чудесно! — закричала фрёкен Стрёмберг, когда мы миновали мост над Кильским каналом¹.

Она разражалась столь же ликующими восклицаниями даже тогда, когда никто другой не видел ничего поразительного или бросающегося в глаза. Фрёкен Стрёмберг была чрезвычайно начитанна. Она действительно кое-что знала об Италии, в отличие от большинства из нас. И у нее была детская способность радоваться увиденному.

— Подумать только, мы увидим Уффици!² Милые вы мои люди! Как это будет чудесно, — сказала Фрида, и ее светло-голубые глаза засияли так, что большое лицо поварихи стало по-настоящему прекрасным!

¹ *Кильский канал* (Норд-Остзе канал) — канал в Германии, соединяет Балтийское и Северное моря. Открыт в 1895 г.

² Знаменитая картинная галерея во Флоренции, в основу которой легла часть художественной коллекции семейства Медичи — фактических правителей Флоренции с 1434 по 1737 г. Крупнейшее собрание искусства эпохи Возрождения и западноевропейской живописи и графики. Здание 1560—1585 гг., архитектор Джорджо Вазари (1511—1574). С 1737 г. галерея Уффици открыта для всех желающих.

Мы оставили Германию позади и выехали в зеленую нарядную Швейцарию. В Сен-Готардском туннеле¹ у меня начало так стучать в ушах, что я, к сожалению, не смогла расслышать, что господин Густафссон собирался сказать своему шефу, как только представится подходящий случай. Но то, что он разберется с ним всерьез, мне, во всяком случае, стало ясно.

Но вот поезд подошел к Кьяссо, итальянской пограничной станции, и мы с Евой принялись изучать народную жизнь через окно купе. На перроне стояли двое парней и разговаривали между собой на языке знаков. Они делали удивительные жесты, тыкали пальцами и были необычайно подвижны.

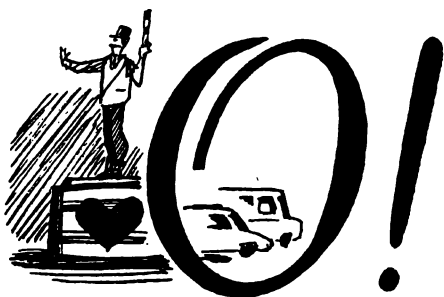
— Посмотри, вот бедняги — глухонемые! — сказала я.

Честное слово, я *думала*, что они глухонемые. Но тут Ева расхохоталась и открыла окно, и я услышала их журчащие голоса. Не были они глухонемыми!

— Ты уже в Италии, моя девочка! — сообщила Ева.

¹ Железнодорожный туннель в Альпах, в Швейцарии, длина около 15 км.

Х

Какое удивительное чувство — проснуться в чужом городе, в чужой стране! Проснуться в Италии! Конечно, всего лишь в Милане, но... тем не менее! Ну конечно, сам по себе Милан, вероятно, не «всего лишь»¹, но город этот не вопиет тающим от восторга голосом на каждой улице и в каждом переулке: «Италия!» Он почти такой же, как любой большой город.

— Но по сравнению с Омолем Милан, безусловно, имеет свои преимущества и свое очарование, — сказала Ева, когда мы вышли утром из отеля и увидели, как мельтешат перед глазами машины, и ощутили всеми фибрами души чужую атмосферу.

После Копенгагена мы практически нигде не побывали, только ехали на поезде, и, когда поздним вечером прибыли на гигантский Центральный вокзал Милана,

¹ Линдгрэн абсолютно права: достаточно вспомнить такие достопримечательности этого города, как знаменитый готический собор (XIV—XIX вв.), монастырь Санта Мария делла Грации (XV в.), в трапезной которого — роспись «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи (1452—1519), а также прославленный оперный театр «Ла Скала».

тотчас направились прямо в отель и стремглав бросились в постель. Поэтому наш первый трепетный контакт с новой и незнакомой нам страной состоялся утром.

На свете, вероятно, немного впечатлений, сравнимых с чувством, испытываемым ранним утром на залитой солнцем улице, о которой ничего не знаешь, в городе, о котором ничего не знаешь, в толпе людей, о которых ничего не знаешь. В тебе бурлит радость открытия, ведь за ближайшим углом может случиться все, что угодно. С замиранием сердца ожидаешь чего-то, как в детстве, когда ты читала о сказочном принце: «И отправился он бродить по белу свету». Ах, мне всегда так нравилось, когда принц отправлялся бродить по белу свету, потому что тогда-то и начинались приключения, там можно было найти в траве золотое яблоко, а галоши счастья только и ждали, чтобы их надели на ноги¹.

Мы с Евой быстро пустились в путь по солнечной улице, уверенные, что найдем на дороге много золотых яблок. Нашли мы не совсем золотые яблоки, но персики уж точно!.. Огромные сочные персики, которые продавались почти даром. Маленький старичок во фруктовой лавке был первым итальянцем, с которым мы заговорили, и он чуть не сбился с ног, показывая нам дорогу к Пьяцца-дель-Дуомо². Мы поблагодарили его и пошли в ту сторону, куда он показал. Периковый сок стекал у нас по подбородкам и пальцам.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как я схватила Еву за руку. Мы как вкопанные остановились в восторге перед потрясающим зрелищем. Нет, это был не Миланский собор! Это был полицейский — весь в белом! Он стоял посреди необычайно оживленного движения на большущей шляпной коробке с черно-белыми полосами и гигантским красным сердцем! Постамент

¹ Имеется в виду сказка Ханса Кристиана Андерсена «Галоши счастья» (1838).

² Соборная площадь.

этот был точно как коробка для шляп! Ах, как это было прелестно! Вскоре мы обнаружили, что в городе все полицейские — регулировщики движения стоят точно так же и что коробки для шляп — это реклама известного сорта кофе.

Мы с Евой обещали самим себе, что глаза наши будут открыты для хороших идей, которые мы привезем потом домой в Швецию. И вот она — первая! Немедленно поставить всю шведскую полицию на коробки для шляп! Немедленно, говорю я! Но на коробке обязательно должно быть и гигантское красное сердце! А затем начнем обсуждать вопрос и о более безопасном движении у Тегельбаккена¹ и на площади Стуреплан².

— Красное сердце и любезные люди — это как предварительная реклама, — довольно сказала Ева.

Мы еще не пили кофе и поэтому завернули в небольшую мясную лавку и сели за столик. Это *была в самом деле* мясная лавка, потому что на прилавке лежали зернистая колбаса салями, красная говядина для жаркого и розовая телятина. Был там и хлеб. А в углу находился бар, где несколько мужчин как раз осушали первые дневные бокалы Campari Bitter³. И совсем рядом стояла пара столиков, там мы с Евой выпили кофе с чудесной выпечкой.

— Вот новая идея, — сказала Ева. — Так же уютно должно быть и в мясной лавке на улице Каптенсгатан!

— Удивительно, когда все так перемешано и все вверх дном, — сказала я. — Тогда чувствуешь себя хорошо!

Чувствуешь себя хорошо — вот именно! Я уже начинаю бояться: со мной что-то неладно. Куда бы я ни поехала, я чувствую себя как рыба в воде! Нахожу все

¹ В районе ратуши.

² Центр Стокгольма, возле улицы Кунгсгатан.

³ *Кампари* — сухой итальянский аперитив с чуть горьковатым привкусом.

восхитительным и не могу делать критические и колкие замечания. Думаю, как хорошо, как чудесно! И хотя теперь я заранее решила не терять голову от Италии и итальянцев — и все же через час была побеждена. С Евой, кажется, случилось то же самое.

— Думаешь, мы слишком добры и глупы? — тревожно спросила я ее, когда мы вышли из мясной.

Как раз когда мы опасались своей предполагаемой глупости, кое-что произошло. Появился юноша, который нес клетку из реек, битком набитую домашней птицей. У некоторых головки свисали между рейками. Сначала я не очень обратила на это внимание, считая, что куры, конечно, дохлые. Но одна из них вдруг слабо закудаhtала и пошевелила гребешком.

Выяснилось совершенно точно, что мы с Евой вовсе не добры и не глупы. Мы злые, как шершни, вот мы какие! Если нас, конечно, рассердить!

Мы кинулись на юношу с клеткой (невысокого хилого беднягу с кротким лицом) и, дико жестикулируя, попытались заставить его понять, что мучить птиц нельзя, так набивая клетку живыми курами.

— Давай сюда «Полиглота» Кунце! — закричала мне Ева. — И посмотри, нет ли у него примерно такой фразы: «Немедленно выпусти кур из клетки, хулиган, а не то я вызову полицию!».

Я усердно рылась в разговорнике, но смогла найти в спешке лишь такую: «Если хочешь хорошенько выучить язык, нужно использовать любую возможность говорить на нем». Но ведь это мы и делали. Показав на кур, мы закричали: «Торро, торро!»¹ — в надежде, что итальянец поймет: для такой маленькой клетки там слишком много кур! Однако лицо его было угрюмо и выражало полное непонимание.

— *Fa finta di essere sordo!* Он только притворяется глухим! — сердито закричала я.

¹ Слишком много! (ит.)

Теперь понятно, почему эта фраза есть в разговорнике! В Италии, разумеется, полным-полно таких глухих тетерь, которые слышат, только когда им это надо!

В конце концов мы сдались. Через несколько минут предстояла встреча в соборе с остальной группой, так что на защиту животных времени не было.

Мы искали собор, но он не показывался, и пришлось взять такси.

Не знаю, что подумал о нас шофер. Возможно, он счел, что нам позарез нужно в собор — застать священника и спешно получить последнее причастие. Во всяком случае, такси прогромыхало за поворот и помчалось со скоростью пожарной машины у нас в Швеции, примерно с такими же отвратительными сигналами и примерно с таким же шумом. Мы с Евой, бледные от страха, судорожно вцепились друг в друга. Ведь нашей жизни грозила опасность. Мы хотели выйти из машины. Я лихорадочно искала в разговорнике подходящую фразу, начинающуюся со слова «остановитесь...». И действительно, я тотчас обнаружила то, что надо: «*Fermate! Voglio scenderel!*» — «Остановитесь, я хочу выйти!» Между тем автомобиль так трясло, что я заблудилась среди напечатанных мелким шрифтом строчек. И когда шофер в следующий момент против своей воли вынужден был остановиться из-за образовавшейся пробки, я нетерпеливо сказала:

— *Perché si ferma?* Почему вы останавливаетесь здесь?

Да, шофер, конечно, тоже думал, что это совершенно не нужно, потому что в следующую секунду он снова рванул вперед, пробиваясь сквозь строй телег, велосипедов, автомобилей и пешеходов. Мы закрыли глаза и не осмелились их открыть до тех пор, пока такси, резко затормозив, не остановилось перед кафедральным собором. У шофера был довольный вид, как будто он думал: «Успели!»

Мы с Евой, шатаясь, вышли, чувствуя себя вполне созревшими для последнего причастия.

Но когда мы вошли в собор, нас осенили мир и покой. Стояла такая тишина! Мне понравилась маленькая набожная старушка, преклонившая колени перед образом Девы Марии. В мягком свете восковых свечей ее морщинистое лицо сияло от восторга. Мне понравились дети, поспешно вбегавшие в церковь и с серьезным лицом крестившиеся пред изображением Мадонны¹, прежде чем броситься к новым играм. Фрёкен Стрёмберг бродила, словно в садах Эдема². Мне она тоже понравилась. Однако адъюнкт Мальмин мне не понравился. Он был из тех, кто хочет знать все: когда заложен фундамент, какова высота башни... все нужно было ему знать и все записать! Я сказала ему, что, если он собирается изучать Италию так детально, ему придется остаться здесь до конца жизни. Однако он проигнорировал мой выпад и продолжал мучить гида:

— Вы говорите, ренессансный фасад был завершен в девятнадцатом веке?

Не понимаю, как люди могут придавать такое значение фасадам! Может, мне надоело, что Ян столь часто и подолгу говорил о фасадах! Ах, я так устала от этих лекций! Совсем как один тугоухий старик. Когда пастор спросил его, как ему понравилась проповедь, он ответил: «Я плохо слышу, а понимаю еще меньше, но меня это не беспокоит».

Но не таков был господин Мальмин. Его это чрезвычайно беспокоило. Он не собирался возвращаться домой в Швецию, не узнав, что высота башни состо-

¹ Мадонна (букв.: моя госпожа (*ит.*) — Богоматерь у католиков, а также Ее изображение в произведениях западноевропейских художников и скульпторов.

² В библейской мифологии страна, где обитали до грехопадения Адам и Ева; синоним рая.

ляет сто восемь метров, и продолжал бомбардировать гида вопросами. Мы с Евой неодобрительно смотрели на него.

— Может, он был милым ребенком? — шепнула я Еве, честно пытаясь найти что-нибудь хорошее и в господине Мальмине.

— Наверняка, — ответила Ева. — Он был из тех детей, что будят маму в воскресенье в пять утра и спрашивают: «Мама, а Бог женат? И как сделать круглую жестяную банку?»

Моя добрая Тетушка прислала мне довольно много долларов, и они жгли мне карман. Поэтому я сочла, что мы с Евой можем позволить себе развлекаться самостоятельно в этот наш первый день в Италии. Мы попрощались со своими спутниками. Но до этого я отвела господина Мальмина в боковой неф¹ и сказала, что, насколько я слышала, высота башни собора благодаря поднятию грунта теперь составляет сто девять метров и я от всей души советую ему влезть наверх и проверить это.

Затем мы с Евой вышли к голубям на Пьяцца-дель-Дуомо. Не успели мы покинуть собор, как какой-то господин с фотоаппаратом накинулся на нас, безостановочно болтая и жестикулируя. Мы поняли, что он хочет нас сфотографировать.

— Ничего удивительного, ведь мы так прекрасны! — сказала Ева, принимая красивую позу. — Он наверняка из какого-нибудь иллюстрированного журнала!

— Девушки с обложки — да, благодарю, — произнесла я, вставая так же, как эти девушки. Я точно представила себе, как фотограф задумал обложку: наша своеобразная, чуть меланхоличная северная красота, вокруг белые трепещущие крылья голубей, на

¹ Неф (букв.: корабль) — вытянутое помещение, часть интерьера (обычно базилики), ограниченная с одной или с обеих сторон рядом колонн или столбов.

заднем плане собор — каменный гимн вечному стремлению человеческого духа в высшие сферы. О, эта фотография заставит людей останавливаться, испытывая сладостную боль.

Боже мой, как нас только не сфотографировали! Этот человек был честлюбив! Он снимал нас вблизи и издалека; и Еву одну, и меня одну; и Еву в профиль, и меня в фас; и Еву с голубями у ног, и Еву с голубем, сидящим на ее вытянутой руке, и меня с голубиным пометом на платье. Да, потому что *не все* голуби сидели на земле, многие еще и летали...

В конце концов все было готово!

— Шесть тысяч лир! — сказал человек с фотоаппаратом.

Мы в восторге посмотрели друг на друга. Мы знали, что фотомоделям хорошо платят, но такая сумма была во всяком случае лучше, чем мы ожидали. Шесть тысяч лир — неплохая прибавка к нашей кассе, рассчитанной на путешествие!

Понадобилось довольно много времени, прежде чем мы поняли: это *мы должны заплатить фотографу* шесть тысяч лир! Столько, оказывается, стоит снимок своеобразной северной красоты, увековеченной на Пьяцца-дель-Дуомо в Милане! Но это был наш первый день в Италии, так что мы даже не сообразили, что можно поторговаться. Я медленно вытащила шесть больших «кусков обоев» (как Ева упорно называла итальянские банкноты) и с печальным видом протянула их фотографу.

— Должно быть, он придворный фотограф! — утешая меня, сказала Ева.

— В таком случае это безумно дешево! — ответила я.

По-видимому, придворный фотограф никогда в жизни не встречал таких жутких идиотов, как мы! Его охватило чувство сострадания к нашей дурости, и он побежал следом за нами. Он хочет сделать побольше снимков!

— *Gratis, gratis!*¹ — повторял он.

— Что скажешь? — спросила Ева. — Разрешим мы ему нас фотографировать?

— Почему нет? — устало спросила я. — Меня еще не фотографировали с северо-западной стороны.

Мы получили фотографии — около пятидесяти — в отеле на следующий день. Наша северная красота на всех фотографиях предстала настолько своеобразной, насколько можно было пожелать! Как я себе и представляла — смотришь на фотографию и испытываешь чувство сладостной боли.

— Теперь нам хватит рождественских открыток на всю оставшуюся жизнь! — сказала Ева.

¹ Бесплатно, бесплатно! (*um.*).

XI

т всего этого фотографирования у нас разыгрался жуткий аппетит, и мы решили подыскать уютный ресторанчик, чтобы позавтракать. Тому, кто недавно выложил шесть тысяч лир за фотографии, не стоит мелочиться, решили мы и выбрали самое шикарное место, какое только могли найти, — ресторан «Джаннино».

Там у входа в зал стояла женщина в белом халате и пекла небольшие пиццы. У них в Италии все вверх тормашками, и пиццы пекут прямо в зале, на глазах у посетителей. А за стеклом в сверкающей кухне можно видеть весь кухонный персонал в самом разгаре работы. Там не было никакого обмана в приготовлении мяса, поджаренного с луком и картофелем. Все продукты были выставлены на обозрение в сыром виде в различных стеклянных витринах, так что котлету можно было видеть в ее первоизданном, естественном состоянии, а в больших аквариумах плавали рыбы, которых подадут на ленч. Естественно, что гигиена здесь абсолютно гарантирована.

Я всегда слышала: чтобы уметь обращаться с палочками для еды и поглощать ласточкины гнезда¹, не роняя

¹ Деликатесное блюдо восточной кухни.

ни кусочка, надо быть китайцем. И что только итальянец может есть спагетти, не запутываясь в них и не вываливая половину за воротник. Поэтому я радовалась, что наконец-то научусь есть спагетти самым изысканным и элегантным способом. Пустые разговоры! *Нет* никакого изысканного и элегантного способа есть спагетти! Это просто невозможно! Пусть итальянцы говорят что угодно, правда заключается в том, что макароны свисают у них, как окладистая борода. Сев за столик, мы с Евой стали удивленно оглядываться вокруг. Публика была элегантная, все, казалось, были изящно и хорошо одеты, но ой-ой-ой сколько пятен от томатного соуса пестрело на верхних рубашках и платьях из натурального шелка, когда спагетти, извиваясь, попадали людям в рот. Мы с Евой испугались и заказали себе вместо спагетти *valdostana di vitello*¹. Это блюдо по крайней мере ведет себя спокойно, и ты знаешь, где оно находится в данный момент, чего о спагетти как раз сказать нельзя.

За столиком напротив нас сидел какой-то господин. Мы окрестили его Чезаре Борджа², потому что он был и красив, и порочен на вид, и мы по-настоящему заинтересовались им, пока не увидели, как у него из уголка рта свисает полметра спагетти. И тогда он частично утратил для нас свою демоническую притягательность.

Но после того как мы поглотили *valdostana* вместе с первой бутылкой кьянти³, у нас стало так весело и так тепло на душе, что нам очень захотелось заключить пакт дружбы со всем итальянским народом, пусть даже сквозь завесу из макарон.

Бросив прощальный взгляд на Чезаре Борджа, мы покинули «Джаннино». Остаток послеполуденного

¹ Телятина под соусом (*ит.*).

² Борджа Чезаре (1475—1507) — сын Папы Александра VI (ок. 1420—1503), был командующим папскими войсками и отличался беспредельной порочностью.

³ Кьянти — сухое тосканское вино.

времени мы посвятили *window shopping*¹ на элегантных торговых улицах города. Ведь мы приехали в землю обетованную натурального шелка, и сердца наши таяли при виде чудесных тканей всех цветов в витринах. *Seta pura*, «Натуральный шелк», — эту манящую вывеску мы видели повсюду! Мы бормотали эти магические слова так, что это звучало как клятва. «Полиглот» Кунце ни словом не упомянул о *seta pura*, и все же следует знать, что среди «необходимых слов и оборотов речи» нет ничего более необходимого, чем это. Еще раз пересчитав Тетушкины доллары, я тотчас учредила небольшой «*seta pura* фонд» во внутреннем кармане жакета. Время от времени я засовывала туда руку и ощупывала банкноты, и это приносило мне такое ощущение счастья, словно я уже ощущала, как сверкающий шелк переливается под моими пальцами.

Вечером мы отправились в Галерею, потому что именно туда ходят в Милане. Галерея — вовсе не обычная улица, это аркада², соединяющая Пьяцца-дель-Дуомо с Пьяцца делла Скала³. Идешь под высоким стеклянным сводом по гладчайшему полу, а в Галерее полным-полно ресторанов и кафе на тротуарах, магазинов и людей, прежде всего людей, и прежде всего вечером, и прежде всего там, где должны идти мы с Евой!

— Ну не странно ли это? — говорю я Еве. — Если я нахожусь за границей и шагу не могу ступить без того, чтобы мне не отдавили ноги, я называю это интересной и бурной народной жизнью! Но если я дома, я говорю — и это истинная правда, — что на улице проклятая толкотня!

Некоторое время мы раздумывали об этом своеобразном феномене, позволяя толпам народа медленно увлекать нас за собой и прислушиваясь к возбуждаю-

¹ Зд.: обзор витрин (англ.).

² Ряд арок, галерея из арок.

³ Площадь перед театром «Ла Скала».

щим звукам музыки, доносящимся из разных музыкальных капелл.

— Разница в том, — наконец разумно ответила Ева, — что когда мы, несчастные домоседы с Севера, сталкиваемся с такой толпой дома, то это означает: либо играют княжескую свадьбу, либо все стремятся на футбольный матч, либо кого-то тяжело ранили и его увозит «скорая помощь».

— Либо в дождливый день в пять утра надо ехать на автобусе, — добавила я.

— Именно, — поддержала меня Ева, — надо протиснуться вперед, чтобы попасть на этот автобус или увидеть мельком того несчастного, которого должны увезти.

— Того несчастного? — переспросила я. — Ты имеешь в виду того, за кем должна приехать «скорая помощь»?

— Да, а ты что думала? — спросила Ева. — Что я имею в виду князя и княжескую свадьбу?

Ева, вероятно, была права. В Швеции толкотня — неестественное состояние, которое только создает неприятности. Один человек на один квадратный километр — вот что должно быть у нас дома. И еще человек, который сидит один-одинешенек и размышляет о жизни, а при случае не чаще раза в месяц выходит из дома и выкрикивает в берестяной рожок ругательства в адрес своего ближайшего соседа!

Но итальянцы должны толкаться. В их городах, на их улицах и площадях должна быть сутолока.

— А мы с тобой иногда являемся сюда и вмешиваемся в их сутолоку и избавляемся от своей лапландской болезни¹, — сказала Ева и потянула меня за собой в кафе Биффи² на тротуаре, где мы, сев за столик, заказали *caffe espresso*.

¹ Грусть, вызванная пребыванием в пустынных краях.

² Старое театральное кафе в Галерее, 2-я половина XIX в.

— Если это не поможет против лапландской болезни, то ничто не поможет, — сказала я и подула на чересчур крепкий кофе. — Послушай, как все гудит вокруг нас, и подумай, как мы далеко от нашей меланхолической родины.

— Да, иногда в самом деле приятно слышать вокруг себя иностранную речь, — сказала Ева.

Тут сквозь шум прорезался женский голос, произнесший на шведском языке:

— Ой, как у меня устали ноги!

Ева посмотрела на меня.

— Иностранную речь, — спокойно повторила она. — Включая благородный сконский диалект¹.

Мы не смогли обнаружить ту, у которой устали ноги, она исчезла в толпе.

— *Ships that pass in the night!*² — растроганно пробормотала я.

Но Ева сказала, что жители Сконе охотней всего сидят в своих домах вокруг горы Ромелеклинт. И так далеко на юг от своей проселочной дороги, как Галерея в Милане, они не забираются.

Мы выпили еще *caffe espresso*, мягко и спокойно глядя в кипение народной жизни.

— Предположи, что итальянец в результате несчастного случая лишился обеих рук, — сказала Ева. — Знаешь, к чему бы это привело?

— Он оказался бы совершенно беспомощен, если бы речь зашла о том, чтобы помериться силой или о перетягивании каната, — сказала я. Мне не очень хотелось выдвигать такие печальные предположения в этот сладостный вечер.

— Дурочка! — сказала Ева. — Это привело бы к заиканию и другим существенным дефектам речи. Как

¹ Один из диалектов шведского языка. Сконе — южная провинция Швеции.

² Корабли, что встречаются ночью! (англ.)

он мог бы говорить, если бы у него не было рук и пальцев, чтобы жестикулировать?

Нам, конечно, не раз приходилось слышать, что южане жестикулируют, но я даже не предполагала, что так безумно. Двое молодых людей что-то обсуждали неподалеку от нашего столика. Они размахивали руками самым отчаянным образом — иногда от плеча, иногда от локтя, а иногда кистью, и я надеюсь, что они выражались достаточно утонченно. Пальцы их трепетали в воздухе, как мелкие пичужки. Зрелище было просто чарующим!

* * *

Выпив кофе, мы направились в отель и прибыли туда как раз в тот момент, когда господин Густафссон с багрово-красным лицом вылетел из двери, на которой написано «*Signore*». Вот как опасно, покинув отчий дом, не обращать внимания на окончания множественного числа. Бедный господин Густафссон явно решил, что «*signore*» означает «синьоры» и является множественным числом от слова «синьор».

— Ужасная ошибка, — сказала Ева так назидательно, словно говорила с маленьким неразумным мальчиком. — Там, куда стремился господин Густафссон, на конце должно быть «i», а не «e». «*Signori*».

— Потому что, видишь ли, в этом то и состоит различие между фальшивым и истинным синьором, — сказала я, увлекая за собой Еву в наш номер.

Невозможно переоценить пользу знания языков.

XII

меня не было особых иллюзий относительно Венеции. «Банальный город, где играют свадьбы; несколько грязных каналов и кое-где по углам немного золоченой мозаики», — легко-мысленно думала я, не желая обмануться.

Это я и сказала Еве, войдя в поезд в Милане.

— Посмотрим, — заключила Ева.

* * *

Вообще-то ужасно думать, как слепо идет человек навстречу судьбе. Счастье или несчастье настигают его одинаково неожиданно. Он просто идет им навстречу, как бездумный маленький агнец, не подозревая, что, к примеру, четверг 29 сентября перевернет всю его жизнь вверх дном.

Как бездумный маленький агнец, вошла в вагон и я, известив заносчивым блеянием, что не позволю Венеции обмануть себя!

У швейцарца, которого мы встретили в поезде, было такое же презрительное отношение к Венеции, как и у меня.

— Венеция! — сказал он. — Венецию осмотришь в два счета. В полдень пропустишь стаканчик на Пьяц-

це¹, поглядишь на Дворец дожей² и на собор Сан Марко³. После полудня опять пропустишь стаканчик на Пьяцце и прогуляешься по улице Мерчериа⁴ к мосту Риальто, а на обратном пути снова выпьешь стаканчик на Пьяцце. А больше в Венеции делать нечего!

— А почему бы не выпить стаканчик на Пьяцце, прежде чем сесть в гондолу? — с любопытством спросила Ева. — Все, что вы сказали, мне кажется, звучит как-то беспорядочно, бессистемно и небрежно.

— Да, вспомните, уважаемый, — предупреждающе сказала я, — что упорядоченный образ жизни — путь к здоровью!

Швейцарец задумчиво посмотрел на нас.

— Вы правы! — сказал он. — Простите мою некомпетентность! Итак, вечером выпиваешь стаканчик на Пьяцце, поплаваешь в гондоле и закончишь день стаканчиком на... да, отгадайте с трех раз!

Эта беседа подкрепила мои опасения относительно Венеции. Прибежище для жаждущих удовольствий туристов, и только! И это Венеция, та, что зовется «Королевой Адриатики»!

— Королева Адриатики, да, тра-ля-ля! — сердито сказала я, выходя из вагона на скучном вокзале Венеции.

Встреча с Canale Grande⁵, сразу же у вокзала, меня ни капельки не тронула, и я с величайшим душевным спокойствием проплыла на катере через весь город до самого Лидо⁶, где мы должны были жить.

¹ Зд.: главная площадь Венеции — Пьяцца-ди-Сан-Марко, площадь Святого Марка.

² Дож — глава Венецианской и Генуэзской республик (XIV—XVIII вв.).

³ Собор Святого Марка (IX—XV вв.).

⁴ Главная торговая улица Венеции.

⁵ Большой канал (*ит.*).

⁶ Климатический курорт на побережье Адриатического моря в Италии, вблизи Венеции.

Не раньше, чем начало смеркаться, справились мы с Евой со всеми земными заботами в отеле. И тут же, взявшись за руки, помчались, чтобы успеть на катер, идущий в Венецию. Мы точно не знали время отплытия и помчались к пристани что есть духу. И там...

О Королева Адриатики, прости меня! *Bella Venezia!*¹ Мечта, сотканная из серебра и перламутра, прости мою глупую болтовню! *Serenissima*², смиренно целую я подол твоего одеяния, хотя край его слегка грязноват!

Мы с Евой застыли как вкопанные и только смотрели. Под отливающим перламутром небом в море из струящегося серебра прямо перед нашими глазами плавали острова лагуны³. Зрелище было сверхъестественное. И пламя восторга, вспыхнувшее во мне, было, разумеется, тоже не из этого мира. Оно отняло у меня рассудок. Оно лишило меня дара речи и совершенно сбило с толку. Без единого слова поднялись мы с Евой на борт суденышка и поплыли по венецианской лагуне. И перед нами предстал Дворец дожей, такой редко-стно прекрасный, такой редко-стно, неправдоподобно прекрасный, словно из сказки. Редкостным и неправдоподобным, да, именно таким все предстало перед нами! Что-то было в этом городе — что-то необъяснимое. Я была заколдована, я не узнавала себя. Да, я Кати, но это была не я! Я — незнакомая, девушка вне времени, поднятая рукой богов и оказавшаяся в Венеции именно в этот вечер потому, что так пожелали боги. И все это серебро, весь этот перламутр они рассыпали здесь, потому что желали доставить *мне* радость. И белый дворец поставили здесь ради моего удовольствия! Да, я была любимицей богов, а Венеция — моей позолоченной шкатулкой, и этой ночью решалась моя судьба!

¹ Прекрасная Венеция! (*ит.*)

² Светлейшая (*ит.*) — историческое название Венеции.

³ Морской залив, отделенный от моря песчаной косой.

Как во сне, последовала я за Евой через толпу к Пьяцце. Пьяцца-ди-Сан-Марко — самая красивая площадь мира! Краткие сумерки уже миновали. Пьяцца раскинулась, ярко освещенная, в сиянии тысяч электрических лампочек, оркестрик посреди площади заиграл грациозную легкую мелодию, которую я никогда прежде не слышала, а золотистый мозаичный фасад собора Сан Марко так и сверкал. Я попыталась разорвать паутину мечтаний, все больше опутывавшую меня, но тщетно.

— Ева, жизнь — это мечта, — сказала я, твердо беря ее за руку. — Или же здесь ставят оперный спектакль. Ты видишь, что вся Пьяцца-ди-Сан-Марко — позолоченная кулиса театра.

— Разве? — спросила Ева.

— Да, скоро явится сюда пара здоровенных парней, поднимет на плечи собор и унесет его, а вместо него пригласит сельскую харчевню. И все, кто фланирует взад-вперед по Пьяцце, — это все актеры, которые в первом акте играют священников, а во втором — разбойников.

— «*Che gelida manina*»¹, — запела Ева, чтобы показать: если речь идет об опере, она охотно примет в ней участие. — А вообще-то, почему у тебя холодные руки? Ты мерзнешь?

— Да, я мерзну, — ответила я. — Но от волнения. Этот город почему-то вселяет в меня беспокойство.

— Венеция не такой город, чтобы чувствовать себя спокойной, — сказала Ева. — Так никогда не было, так никогда не будет. Почему именно ты должна стать первой?

Да, в самом деле, почему я должна стать первой? Есть ли на свете еще хоть один город, где сердечная тревога была бы сильнее, чем здесь? Разве люди когда-нибудь любили жарче, и страдали глубже, и ненавидели

¹ Имеется в виду ария Рудольфа «*Che gelida manina*» («Холодная ручонка») из оперы «Богема» выдающегося итальянского композитора Джакомо Пуччини (1858—1924).

яростнее, чем здесь? Здесь любовь и смерть танцевали рука об руку по улицам и площадям, а мрачная тень убийства из-за угла затемняла воду каналов. Здесь текла кровь; безумней и яростней, чем где-либо, здесь пели песни, здесь танцевали. Сердца в этом городе были полны тревоги, так почему бы и моему не биться по вечерам более страстно, чем обычно?

— А не поступить ли нам, как наш швейцарец, и не пропустить ли стаканчик на Пьяцце? — спросила Ева.

Это предложение показалось мне заманчивым, и мы так и поступили. Но у меня не хватало терпения сидеть спокойно. Я хотела вывернуть Венецию наизнанку и посмотреть, что там внутри! И это должно было произойти тотчас же. Именно сейчас же.

Под Torre del Orologio¹ открывался вход на улицу Мерчериа, и мы вошли туда, как раз когда два мавра на башне² возвестили нам о неумолимом беге времени, ударив своими молотами по колоссальному бронзовому колоколу, увенчанному крестом.

Случайность ли управляет людьми или что-то другое? Потом я спрашивала Еву, не думает ли она, что это именно Судьба привела нас тогда на улицу Мерчериа, на эту восхитительно извивающуюся узкую маленькую улицу, напоминающую улицу Вестерлонггата³ в воскресенье в пору адвента⁴, только с той разницей, что на улице Мерчериа толпа вдвое гуще.

¹ Башня с Часами (*ит.*) — построена в конце XV в. по проекту архитектора Мауро Кадуччи (1440—1504).

² На крыше Башни с Часами установлена бронзовая скульптурная группа — два варвара в лохматых звериных шкурах ежедневно отбивают время. Так как бронза сильно потемнела, в народе их прозвали маврами.

³ Улица в Старом Городе (или Городе среди Мостов) в Стокгольме, идущая от королевского дворца к Слюссен — Шлюзу — между озером Меларен и Балтийским морем.

⁴ Время, предшествующее Рождеству и охватывающее четыре воскресенья.

— Ерунда, — отрезала Ева. — Запусти свободных от работы женщин в чужой город, и через пять минут врожденный инстинкт приведет их именно на ту улицу, где можно купить больше всего вещей. Судьба тут ни при чем. Это все равно что найти жемчужину в куче зерна.

Мне это показалось довольно грубым объяснением того, почему... да, того, почему все произошло так, как произошло.

Но здесь были привлекательные витрины с красивыми вещами — венецианское стекло, венецианское серебро, кожаные изделия, шелковые ткани! Ева тащила меня от одной витрины к другой, а я шла за ней, правда нехотя. Ведь я шла, чтобы найти сокровеннейшую душу Венеции. А Ева бродила в поисках хорошенькой и недорогой сумки, и, как только мы подходили к магазинам, где продавались сумки, она останавливалась.

— Это здесь! — в конце концов сказала Ева. Она обнаружила магазин кожаных изделий, и глаза ее так и рыскали по витрине.

Кто-то спокойно стоял у витрины. Это был молодой человек. Казалось, он безумно интересуется сумками; он стоял совершенно неподвижно и смотрел. Я взглянула на него украдкой, но он был не из тех молодых людей, на которых посмотришь только один раз. Он выглядел поразительно приятно: совершенно темные волосы и южный загар.

— Ты заметила?.. — спросила я Еву, уставившись на витрину, чтобы он не понял, что я говорю о нем...

— Что?

— Ну, того... с такой коричневой, загорелой кожей?

— Нет, я предпочитаю черную, — возразила Ева.

Эта ослица решила, что я говорю о сумках.

— Ах *этого*! — сказала она, когда наконец поняла, о чем я говорю.

В глазах ее пробудился интерес!

— Да, это необыкновенно очаровательный итальянский тип, — призналась она. — Ты обратила внимание, что мужчины в Италии гораздо красивее женщин?

— Да, особенно этот, — сказала я. — Это, вероятно, шестое или седьмое колено от Казановы¹, совершавшего молниеносные левые набег на Венецию.

— Тут вы ошибаетесь, — произнес приятный голос совсем рядом со мной. — Мои предки совершали свои левые набег где-то на Севере, в Даннемурских краях. Они все до одного были кузнецами из Вермланда².

— Черт побери! — воскликнула Ева.

Но тут же смолкла, и мы обе страшно покраснели.

— Здесь, в Италии, всегда столько землетрясений, — жалобно произнесла я. — Почему бы одному из них не произойти прямо сейчас, когда в нем действительно есть нужда?

Тогда загорелый, улыбаясь, заглянул мне в глаза и сказал:

— Мне кажется, мы только что пережили одно из них!

Я немного поразмышляла над тем, что он имел в виду, но тут они с Евой начали болтать и оторвали меня от моих размышлений. Некоторое время мы торчали в толпе, в сутолоке, и рассказывали друг другу, как нас зовут и прочее в этом же роде. Его звали Леннарт Сундман, и он был из Стокгольма.

— Вообще-то мне кажется, я встречал вас на разграблении рождественской елки, когда вам было лет восемь! — сказал он мне.

— Ах тогда! — испуганно произнесла я. — Но вы должны признать, что с тех пор я немного подросла.

¹ Казанова Джакомо (1725—1798) — итальянский писатель и знаменитый авантюрист, запечатлевший в своих произведениях итальянские нравы и собственные любовные приключения.

² Один из живописнейших ленов Швеции.

А иначе бы оказалось, что я совершенно напрасно до четырнадцати лет расхаживала с железными пластинками на передних зубах!

— О да, вы выглядите теперь *немного* лучше, — учтиво заметил Леннарт Сундман. — И вы, наверное, больше не деретесь?

— Нет, теперь я абсолютно безопасна! — заверила я.

— Ну да, безопасна — я не стал бы это утверждать! — сказал он.

Мы стояли, и все проходившие мимо толкали нас. Леннарт Сундман в конце концов сказал:

— Думаю, ничто не помешает двум друзьям детства, которые случайно встретились, вместе пообедать. А эту милую незнакомую девушку мы захватим с собой, — сказал он, бросив взгляд на Еву.

Я посмотрела на нее, опасаясь, что она выступит с какими-нибудь возражениями, так как я чувствовала, что нет сейчас на земле для меня ничего более желанного, чем хоть немного побыть вместе с Леннартом Сундманом. Он был как-то связан со странной тревогой в моем сердце. Он так хорошо вписывался в эту окутывавшую меня паутину мечтаний, которыми я жила в последние часы. Я пыталась внушить себе, что во всем виновата Венеция и что глупо думать, будто таинственное волшебство города имеет что-то общее с Леннартом Сундманом. Но это не помогало. Я была с первого мгновения очарована им, и то, что он призвал на помощь Венецию, лишь усилила роковое влечение.

К счастью, Ева ничего не имела против того, чтобы отложить покупку сумки и пообедать с Леннартом Сундманом. Мы прошли вдоль всех извилин улицы Мерчериа к Canale Grande. На мосту Rialto мы остановились ненадолго и посмотрели на канал, по которому скользили черные гондолы. Но потом Леннарт повел нас в ближайшую маленькую trattoria¹ с клетчатыми

¹ Трактир, ресторан.

хлопчатобумажными скатертями на грубых деревянных столах, и мы там обедали. Мы сидели в trattoria долго-долго. И я чувствовала себя такой счастливой и беззаботной, как никогда прежде.

Удивительно — иногда встречаешь людей, о которых через пять минут знакомства думаешь, что знал их всю свою жизнь. Таким человеком был Леннарт Сундман. И я не могу вспомнить более веселой и прекрасной трапезы, чем тот обед в простой маленькой trattoria вместе с ним.

— Мне побольше каракатицы! — высокомерно приказала Ева, всадив зубы в маленькую каракатицу во фритюре.

Для Евы каракатица была настоящим лакомством. Не могу сказать, что особенно ценю каракатиц, но в этот вечер я бы ела скорпионов и кузнечиков, не замечая между ними никакой разницы.

Я обезумела, уверяю, я совершенно обезумела! И радовалась, ужасно радовалась в душе оттого, что это — Венеция, это — я, а это — Леннарт Сундман, встреча с которым была для меня волнующим событием. А еще эти необычные возгласы, которые я слышала издали, — это гондольеры на Canale Grande кликали друг друга, и... О небо, как чудесна Венеция!

— В восемнадцатом веке — вот когда надо было здесь побывать! — воскликнула Ева. — В веселые карнавалы дни!

— Да, это того стоило, — подтвердил Леннарт. — Впечатление, видимо, необыкновенное, если верить тому, что пишут о тех днях! «Глупость звенит колокольчиками, сердце трепещет и прыгает от радости в груди, а маленькие амурчики¹ играют в прятки на углах улиц...» Да, так было во время карнавала.

Вот как, значит, было во время карнавала! Я сочла, что слова эти соответствуют моему нынешнему душев-

¹ Амур (купидон) — в римской мифологии божество любви.

ному состоянию. «Глупость звенит колокольчиками...» Да, могу поклясться, что это так, и я думаю, звон колокольчиков слышался над всей Венецией. «Сердце трепещет и прыгает от радости...» О да, мое сердце трепетало и прыгало в груди. «...А маленькие амурсы играют в прятки на углах улиц...» «Надо посмотреть, когда мы пойдем отсюда... — думала я. — Будь что будет с амурами, я не променяю этот мой первый вечер в Венеции ни на один самый веселый карнавал минувших времен». Но Ева не могла избавиться от мысли о радостях, утраченных ею из-за того, что она родилась на пару столетий позднее.

— Казанова и я, — мечтательно произнесла она, — мы бы крались здесь в маленьких проулках, облаченные в белые шелковые одежды, в черных бархатных масках и...

— И теперь бы уже умерли, — жестко сказала я. — Нет, я хотела бы жить, когда живу!

Время неслось так быстро! Этот вечер скоро подойдет к концу. Нам нужно было вернуться обратно на Лидо. И кто знает, увижу ли я когда-нибудь еще Ленарта Сундмана?! Я ведь не могла предложить ему встретиться снова. И маловероятно, что это сделает он.

Я снова спрашиваю себя: это случайность или Судьба, которая так мудро всем распоряжается? Мы прибежали в самые последние секунды, когда катер на Лидо уже должен был отплыть. То есть я прибежала еще позднее, когда лодка уже отчалила. Потому что, естественно, в эту лодку хотела попасть еще тысяча человек. А я никогда не умела в сутолоке пробиваться сквозь толпу. Не знаю, может быть, Ева в детстве тайком тренировалась и наловчилась продираться сквозь толпу на ярмарках в Омоле, но она, вдруг сильно опередив меня, вскочила на борт, когда катер уже тронулся. А я осталась на берегу. Некоторое время я раздумывала, не прыгнуть ли и мне, но тут же поняла, что если я совершу этот прыжок, то с полным правом смогу выступить

на следующих Олимпийских играх. Золотую медаль за прыжки в длину мне преподнесут на блюдечке.

Леннарт, стоя за моей спиной, смеялся.

— Следующий катер придет нескоро, — сказал он.

— Хорошенько присматривай за Кати! — крикнула Ева, прежде чем ускользнуть от наших взглядов, и темнота поглотила и ее, и катер.

Леннарт сказал, что весьма охотно присмотрит за мной и что лучшее место, которое он только может придумать, это гондола.

— *Гондола, гондола!* — закричал он, и тут же вынырнувшая гондола скользнула к нам по воде.

Когда я стану одинокой старушкой, разбитой подагрой, и народной пенсии¹ не будет хватать, и я буду ждать смерти, я вспомню время, когда была молода и плыла по Венеции в гондоле. Я буду вспоминать, как светила луна, и какой черной была вода в каналах, и как таинственно светились во мраке старинные палаццо². И еще я буду вспоминать Леннарта Сундмана, я буду вспоминать его лицо и еще, как он сидел в гондоле напротив меня и говорил о будничных вещах. Я не буду вспоминать ни о поцелуях, ни о словах любви, потому что их не было. И вообще ничего и никого не было, даже Леннарта, и ничего не случилось в этой гондоле. Ничего, кроме того, что я без памяти влюбилась — впервые в жизни.

* * *

Ну не горько ли? Я встретила Леннарта в свой первый вечер в Венеции. И в тот же самый вечер я его потеряла. Ему понадобилось всего лишь пять часов, чтобы привести мою душу в ужасающее смятение. А потом он исчез. Мы потеряли друг друга в толкотне

¹ Общее социальное страхование, дающее скудные средства к жизни лицу, достигшему пенсионного возраста.

² Дворцы.

на Пьяццетте¹, когда он хотел проводить меня к лодке. Не знаю, как это произошло. Он вдруг исчез, а у меня уже не оставалось времени искать его.

В полном отчаянии побежала я через Пьяццетту вниз к набережной. Там высился на своей колонне крылатый лев Сан Марко². Задержав на мгновение шаги, я в горе своем воззвала к святому покровителю Венеции.

— Дорогой Сан Марко, — молила я. — Помоги мне! Подари мне Леннарта, это единственное, чего я себе желаю. Это твой город, и ты немного в ответе за то, что происходит на твоих улицах и каналах. И вот сюда приезжает несчастная иностранка, не сделавшая тебе ничего дурного, а ты пускаешь в ход лунный свет, и гондолы, и песни в ночи только потому, что не можешь видеть в Венеции человека, который не влюблен. Теперь ты доволен? Видишь, как дрожат мои губы? Но почему ты отнял его у меня? Сан Марко, прошу тебя, верни мне Леннарта — о Сан Марко!..

¹ Небольшая площадь возле собора Сан Марко.

² Святой покровитель Венеции. Это одна из трех колонн, вывезенная венецианцами в 1127 г. из Сирии и установленная в 1172 г. на Пьяццетте. Бронзовая скульптура льва (IV в.) превратилась в символ Святого Марка.

XIII

Адриатическое море, разбивавшее свои теплые могучие волны о берег Лидо, окатило мой большой палец, которым я пыталась начертить имя Леннарта на песке. Когда волны отхлынули, имя исчезло, словно его там никогда и не было. Леннарт тоже исчез, точь-в-точь как если бы его никогда не существовало. Осталась лишь ноющая боль в сердце.

Ева лежала рядом со мной на песке и пыталась образумить меня. Она отказывалась принимать эту историю с Леннартом всерьез.

— Не внушай себе, что влюблена, — сказала она. — Ты просто жертва окружающей среды. Ты оказалась слишком слаба для Венеции.

— Я влюблена в Леннарта, — упрямо повторяла я. — И не только из-за Венеции. Я влюбилась бы в него где угодно.

— Но только не в Сундбюберге¹ воскресным ноябрьским днем, когда льет дождь, — заявила Ева. — Нет, виновата Венеция, и только! Здесь про каждого можно сказать, что он спятил! Например, Ваг-

¹ Небольшой город в лене Стокгольм.

нер¹, и Мюссе², и лорд Байрон³. Ведь они, сидя здесь, только и делали, что стонали от любовных мук!

Я печально кивнула. И Вагнер, и Мюссе, и Байрон, и я — мы кое-что знали о любви, да!.. Ева же ничего о ней не знала. До сих пор и я не ведала ничего о ней.

— Ева, — в отчаянии сказала я, — я никогда больше не увижу его, он даже не знает, в каком отеле мы живем. Никогда!

— Никогда! — словно эхо, повторила Ева.

С ума сойти! Есть ли хоть несколько слов в человеческом языке, вмещающих бóльшую тоску и покорность, чем это «Никогда!»?

Мои глаза печально скользили по яростным волнам Адриатики и длинному песчаному берегу, где лорд Байрон когда-то мчался на коне. Но это было давно. Единственный, кто мчался сейчас, был господин Густафссон. Правда, не на коне! Он занимался гимнастическими упражнениями после купания. Другие туристы из нашей группы разбрелись по берегу кто куда. И мы могли беспрепятственно обсуждать мое горе.

Ева кормила меня виноградом, чтобы утешить, а я меланхолично выплевывала косточки, сея их вокруг себя и горюя. В конце концов Ева разозлилась.

— Вагнер, Мюссе, Байрон — и ты! — сказала она. — Когда влюбленный Вагнер сидел в Венеции, он сочинил оперу «Тристан и Изольда»⁴. Мюссе извлек из своих любовных мук дивные элегии, а Байрон написал

¹ *Вагнер Рихард* (1813–1883) — крупный немецкий композитор, дирижер, реформатор оперы. Большинство его произведений основаны на немецкой национальной мифологии.

² *Мюссе Альфред* (1810–1857) — выдающийся французский поэт-романтик, автор цикла меланхолических поэм «Ночи» (1835–1837) и многих элегий.

³ *Байрон Джордж Ноэл Гордон* (1788–1824) — великий английский поэт-романтик, автор множества поэм, в том числе и незаконченной поэмы «Дон Жуан».

⁴ Опера написана в 1859 г.

поэму «Дон Жуан»! А ты, что делаешь ты? Скулишь и выплевываешь виноградные косточки прямо мне в волосы!

— Я напишу, да, я тоже, — сказала я и поднялась с песка. — Напишу Яну! Он разгуливает там дома и думает, что все как прежде. Это несправедливо!

— А ты не хочешь подождать несколько дней, чтобы одуматься? — предложила Ева.

— Тут нечего думать, — ответила я и целеустремленно направилась в отель.

Писать было трудно, и я все время испытывала неприятное ощущение, будто и Вагнер, и Мюссе, и Байрон заглядывают в письмо через мое плечо. Но я пыталась, как могла, объяснить Яну: теперь я уверена в том, что давно подозревала, — никогда в жизни мы не смогли бы быть вместе и, если бы попытались, стали бы несчастны. Я написала, что здесь, в Венеции, глупость прозвенела мне колокольчиками и я безвозвратно, без надежды на спасение погибла. «Спрячь память обо мне в ящик бюро и забудь меня!» И, очень расстроенная, лизнув конверт, заклеила его и спустилась с ним к портье.

— Да, да, *знаю*, это жалкое письмо, и вы написали бы его гораздо лучше, — нетерпеливо заявила я Вагнеру, Мюссе и Байрону и отправилась на поиски Евы. Она появилась, подхватив под руку с одной стороны господина Мальмина, а с другой — господина Густафссона. Вся туристическая группа собиралась в Венецию — осмотреть Дворец дожей, и разбитое сердце не было достаточно веской причиной, чтобы освободить меня от обязанности ехать вместе со всеми.

Я пробралась поближе к Фриде Стрёмберг; в печали очень хочется держать ее за руку! Она из тех, на кого можно опереться на этой земле.

— Фрида, — шепнула я ей, — ты когда-нибудь влюблялась?

— Да, один раз, — ответила она с готовностью, как будто я спросила ее: «Который час?»

— А он, он любил тебя?

— Вовсе нет, — ответила Фрида. — Это был наш школьный учитель, на десять лет моложе меня, к тому же еще и помолвлен.

— Ах, Фрида, разве ты не была тогда несчастна? — участливо спросила я.

— Несчастна? — переспросила Фрида. — Да я никогда в своей жизни не была так счастлива! Милые вы мои люди, как это было чудесно!

Я недоверчиво посмотрела на нее. Что чудесного в безответной любви?

— Отгадай, что он мне однажды сказал? — оживленно продолжала Фрида. — «Фрёкен Стрёмберг, у вас воистину красивый голос!» Понимаешь, он руководил у нас церковным хором. А я тоже пела в хоре! Иногда соло. Вот тогда он и сказал это, когда мы репетировали. И все слышали его слова. Это было, как раз когда мы стояли перед школой и прощались. Я потом всю ночь не спала!

Мне не довелось услышать других сердечных тайн Фриды, потому что мы уже приплыли и надо было сойти на берег.

— Да, да, у каждого свои воспоминания, — сказала Фрида и посмотрела на меня своими лучистыми глазами. — И должна сказать тебе, Кати, одно: чудесно быть влюбленной. И любят тебя или нет, это совершенно не важно!

Задумчиво брела я ко Дворцу дождей. Кажется, можно приучить себя довольствоваться такой малостью! Кажется, можно прожить остаток жизни, повторяя себе несколько слов, которые любимый изволил некогда обронить! Только несколько слов восхищения! Я рылась в памяти, желая вспомнить что-нибудь красивое, сказанное мне Леннартом. Что-нибудь, в чем я буду черпать утешение в грядущие одинокие дни и ночи! «И теперь вы, наверное, больше не деретесь?»

Да, он действительно так спросил, и это единственные его слова, запавшие мне. Видимо, их можно принять за похвалу. Но в качестве утешения на все оставшиеся годы это невероятно скудно.

Возле Дворца дожей я обнаружила господина Густафссона, погрузившегося в транс при виде барки с пивом, вылетевшей стрелой прямо из-под арки моста Вздохов¹. Что я говорю: барка с пивом? Я имею в виду: гондола с пивом! Гондола с пивом, управляемая статным поющим гондольером, а на заднем плане — печально знаменитый мост, по которому столько несчастных узников прошли тяжелыми шагами в камеры под свинцовой крышей!

— Если даже барка с пивом романтична и называется гондола, то дело зашло слишком далеко, — сказала я Еве. — В этом городе ты беззащитна! У тебя просто нет шанса убраться отсюда живой и здоровой.

И Ева согласилась, что это трудно.

* * *

Я должна извиниться перед Тицианом, Тинторетто и Веронезе². Они наверняка сделали все, что было в их силах, на стенах Дворца дожей, но их старания, потраченные на меня, именно в тот день были абсолютно напрасны. Только в одном месте я остановилась, выказав интерес к искусству. Ведь именно Тинторетто написал портрет старика, лоб которого напомнил мне лоб Леннарта³. Ева же просто блаженствовала. Она говорила, что начала верить в переселение душ, и была

¹ Соединяет венецианскую тюрьму Пьямби с Дворцом дожей.

² *Тициан Вечеллио* (1476 или 1480-е — 1576), *Тинторетто Якопо* (1518—1594), *Веронезе Паоло* (1528—1588) — итальянские художники венецианской школы эпохи Возрождения.

³ Возможно, речь идет об одном из семидесяти шести портретов первых дожей, выполненных Тинторетто (большой частью его сыном Доменико) на фризе Зала совета во Дворце дожей.

абсолютно убеждена в том, что в прежней жизни была в Венеции прекрасной, увешанной драгоценностями венецианской догарессой¹.

— Мои ноги чувствуют себя как дома в этом танцевальном зале, — сказала она и сделала несколько веселых па из самбы.

Вот что верно: люди, которые верят в переселение душ, всегда были крайне изысканны в прежней жизни: египетская царица², или Генрих VIII³, или что-нибудь в этом роде. А теперь Ева, — разумеется, догаресса! Она восторженно описывала блистательные праздники, которые задавала венецианцам в гигантских залах дворца. Она считала совершенно в порядке вещей то, что ее супруг дож время от времени поспешал на галерею со стороны Пьяццетты и пред лицом народа зачитывал два-три смертных приговора! Он бывал занят таким приятным делом, а догаресса могла беспрепятственно посвятить себя танцам со смуглыми молодыми людьми из высшей знати. А если кто-нибудь из кавалеров не нравился догарессе, ей нужно было только положить небольшой анонимный донос в этот ужасный львиный зев в стене перед покоем трех инквизиторов, небольшой донос, мол, этот кавалер — угроза безопасности государства! И тогда кавалер мог проститься со своей земной жизнью!

— *И когда голова его скатывалась с плеч, я говорила «хопп-ля-ля!»*, — удовлетворенно произнесла догаресса и поправила свои белокурые локоны.

На другой день нам предстояло покинуть Венецию, и, когда мы закончили осмотр Дворца дожей, я захотела сделать последнюю отчаянную попытку найти Леннарта. Я просила, я молила Еву помочь мне.

¹ *Догаресса* — жена дожа.

² Возможно, имеется в виду Клеопатра (69—30 гг. до н. э.) — последняя царица Египта с 51 г. до н. э., из династии Птолемеев.

³ *Генрих VIII* (1491—1547) — английский король с 1509 г., из династии Тюдоров.

— Мы образуем цепь и устроим облаву на улице Мерчериа, — умоляюще сказала я.

— Тогда, возможно, нам удастся найти убежавшего маленького пострела спящим под елкой и совершенно невредимым, несмотря на жгучий ночной мороз, — ответила Ева.

Три раза заставила я ее пройти со мной по улице Мерчериа, и мы видели множество людей, и у них у всех было одно общее: они не были Леннартом.

— Тебе бы повнимательнее следить за своей собственностью, — заявила Ева. — В Милане ты потеряла перчатки, но об этом я много говорить не стану. Но потерять двухметровую персону мужеского полу — это преступная небрежность!

— Леннарт не моя собственность! — буркнула я. — К сожалению!

Так оно и было. Но почему тогда я бегала и искала Леннарта? Только теперь меня осенило, что даже найди я его — от этого лучше бы не стало. Что, собственно говоря, случилось? Трое земляков, неожиданно встретившись за границей, вместе пообедали, вот и все! Где бы ни находился Леннарт Сундман, он наверняка давным-давно забыл о моем существовании. Я сдалась!

— *Гондола, гондола!* — кричали гондольеры у моста Rialto. Именно здесь, у этого старого моста, бедный Венецианский купец¹ заложил Шейлоку фунт своей собственной плоти. Но к счастью, в последний момент, когда Шейлок уже начал точить нож, чтобы вырезать из груди Венецианского купца его сердце, был спасен благодаря мудрости Порции. О Шейлок, Шейлок, ты бы мог получить взамен мое! Оно для меня всего лишь бремя и мука!

— *Гондола, гондола!*

¹ Герой одноименной пьесы великого английского драматурга и поэта Уильяма Шекспира (1564—1616).

Гондольерам не надо было повторять это слово дважды, чтобы Ева услышала. Она уже бежала вниз, в гондолу.

* * *

Ночь над Венецией.

Как дивно этой тишине ночной
Подходят звуки сладостных гармоний¹ —

так красиво пишет Шекспир в своей венецианской драме.

Не хочу утверждать, что поездки в гондоле являются лечебным средством от несчастной любви. Но они способствуют «звукам сладостных гармоний». Так сладостно, так покойно было качаться в гондоле, скользя вдоль узких извилистых каналов, мимо темных домов и освещенных проулков, где играли и смеялись дети. Сворачивая за угол, слышать окрики и предупреждения гондольеров встречным гондолам... Сидеть молча и думать о Леннарте, теперь уже вполне покорившись судьбе... Заглядывая в небольшие садики, сидеть в гондоле, и мечтать, и прислушиваться к медленному плеску весла по воде. Нет, я не утверждаю, что плавание в гондоле — средство от несчастной любви. Наоборот! Но оно помогает ее переносить. Думаешь при этом, что, несмотря на все, — прекрасно быть влюбленной, а особенно прекрасно — жить на свете!

¹ Шекспир У. Венецианский купец. Пер. с англ. И. Б. Мандельштама.

XIV

от страждет
вышей мукой,
Кто радостные помнит времена...¹

— Нет, послушай-ка, Ева! — воскликнула я. — Данте — он знал это!

Мы ехали поездом во Флоренцию, и я вытащила маленький карманный томик «Divina Commedia»², который я в качестве удобной для чтения в дороге лекции о городе Данте везла из самого Стокгольма. Мы должны были прибыть через несколько минут. Венецию мы оставили позади, и мои «радостные времена» я буду пытаться забыть во Флоренции. Если получится! Но я хотела, чтобы Ева поняла: это не так легко. Прекрасно было заручиться поддержкой Данте!

Мы прибыли во Флоренцию поздним вечером. Все устали и хотели лечь спать. Все, кроме нас с Евой. Жизнь так коротка, и Ева сказала, что «если я умру

¹ Данте А. Божественная комедия. Пер. с ит. М. Лозинского.

² Поэма «Божественная комедия» (1307—1321) — вершина творчества великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265—1321). Родился и жил во Флоренции и воспел ее.

ночью, так и не увидев Флоренцию, то это меня просто неопишимо разозлит!».

Поэтому мы отправились на ночную прогулку, меж тем как супруги Густафссон, и фру Берг, и господин Мальмин, и остальные погрузились в сон. Мы ни словом не упомянули о наших планах, поскольку был риск, что господин Мальмин увяжется за нами. В последнее время он выказывал вызывающую беспокойство склонность постоянно и внезапно появляться рядом с Евой.

А нам хотелось обрести Флоренцию для себя. Мы хотели делить ее только с несколькими ускользающими тенями, тенями Данте и Савонаролы¹. И Микеланджело², и Лоренцо Медичи³. Их голоса, их шепот слышались в шуме ночного ветра, пронесившегося над холмами Тосканы⁴ и над спящей долиной реки Арно. Он шумел так печально, и это были грустные слова о крови, поте и слезах... Мы хотели обрести этот ветер для себя, а не делить его с господином Мальмином.

Piazza della Signoria⁵ — вот там-то и следовало искать их тени. Мы стояли на Пьяцце посреди ночи,

¹ *Савонарола Джироламо* (1452—1498) — настоятель монастыря Сан Марко. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, сжигал произведения искусства. После изгнания Медичи из Флоренции в 1494 г. способствовал установлению республиканского строя. В 1498 г. казнен.

² *Микеланджело Буонарроти* (1475—1564) — знаменитый итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт. Ему принадлежат росписи в церкви Сан Лоренцо во Флоренции, в Сикстинской капелле в римском Ватикане и др.

³ *Медичи Лоренцо* (1449—1492), прозвище Magnifico — Великолепный, — полновластный правитель (синьор) Флоренции с 1469 г. Меценат и поэт, способствовавший развитию культуры эпохи Возрождения.

⁴ Одна из областей Италии.

⁵ Площадь Синьории (*ит.*) перед Палаццо Веккьо (Старым дворцом, *ит.*) во Флоренции. Синьория — правительство города: совет из девяти человек, существовал с 1293 г.

на том самом месте, где Савонаролу сожгли на костре. Мы смотрели на темный фасад Палаццо Веккьо и дрожали от возбуждения, думая обо всех знаменитых людях, которые ступали по этой площади до нас и которые ныне спали в своих могилах. Мы дрожали еще сильнее, думая обо всей той крови, которая здесь пролилась, и о мрачных судьбах людей, которые прошли свой путь до конца под сенью Палаццо Веккьо!

— Здесь гвельфы и гибеллины¹ сражались так, что кровь текла рекой, — напомнила я Еве. — А может, гибеллин Данте стоял когда-то на том самом месте, где стою теперь я, и озирался в поисках, нет ли тут какого-нибудь подходящего гвельфа, чтобы его прикончить.

— Фу, что ты болтаешь! — трепеща от ужаса, воскликнула Ева.

Я выискивала во мраке ночи и другие призрачные фигуры.

— А Лоренцо Magnifico, — продолжала я (потому что, прежде чем уехать из дома, основательно вызубрила историю Ренессанса и собиралась теперь поразить Еву своими познаниями), — лет пятьсот назад был маленьким милым ребенком и жил в этом городе. Возможно, в один прекрасный день он проковылял по этой площади, держась своей мягкой детской ручонкой за руку мамы Лукреции². Возможно, именно на этой самой площади Лоренцо упал и разбил свою

¹ Политические группы XII—XV вв., боровшиеся за господство в Италии. Гвельфы поддерживали Папу Римского, а гибеллины — императора.

² Мать Лоренцо Великолепного Лукреция происходила из знатной флорентийской семьи Торнабуони, была суровой и властной женщиной. Отец Лоренцо — Пьеро Медичи (умер в 1469) стал главой дома Медичи в 1464 г. после смерти своего отца Козимо Медичи Старшего (1389—1464).

маленькую пухлую коленку... и даже не подозревал, что человек, с которым он когда-нибудь познакомится, известный Савонарола, пятьдесят лет спустя умрет на этом самом месте. И даже не подозревал, что сам-то умрет задолго до этого. Люди в прежние времена действительно не доживали до старости!

— Мягкая детская ручонка, пухлая коленка — это еще что за чепуха! — возмутилась Ева. — Я хочу представить себе Magnifico взрослым! Ах, Кати, он был настоящим мужчиной! Если бы я жила в те времена, он был бы опасен для моей жизни!

Мы пришли к единому мнению, что трудно представить себе что-нибудь более чарующее, чем профиль Лоренцо Magnifico с его волевым подбородком и спокойным повелительным взглядом.

— Какой мужчина! — возбужденно продолжала Ева. — Какой жизнелюб! Я считаю, что такими, как он, и должны быть настоящие мужчины!

С этим следовало согласиться. Такими и должны быть настоящие мужчины! Такими страстными в любви и такими теплыми и необычайно верными в дружбе, как Лоренцо Медичи! О, это был потрясающий человек! Он мог вести ученые беседы с исследователями и философами, писать чудеснейшие стихи. Он был отважен в битве, а когда подвергался нападению, умел с оружием в руках защищать свою жизнь! Он любил красоту и делал Флоренцию прекрасной, он твердой рукой правил этим городом. Однако такие люди рождались лишь в эпоху Ренессанса.

— Ни единого дурного слова о современных мужчинах — хотя Magnifico ни одного из них не назовешь! — сказала Ева.

Ее суровый приговор причинил мне боль. Мне вдруг стало так жаль современных мужчин! У них ведь тоже есть привлекательные черты.

— Во всяком случае, ты должна отдать им должное: они гораздо реже предлагают женам отравленные

пирожные, когда хотят завести себе новую спутницу, — сказала я. — Если я правильно поняла, то по крайней мере во времена последних Медичи отравленные пирожные явно входили в обычную диету их жен¹.

— Конечно, конечно! — согласилась Ева. — Современные мужчины милы! Я говорю только, что они не Лоренцо Magnifico.

Я поразмышляла.

— Леннарт Magnifico! — пробормотала я, проверяя звучность этих слов.

— Дерни меня за усы, иди домой и ложись спать! — сказала Ева.

Но мы не пошли домой и не легли спать! Слишком заманчиво было бродить по улицам и смотреть, чем занимаются флорентийцы. Мы просто благословляли удивительную привычку южан практически *жить* на улице! Это давало нам возможность все время видеть что-то новое. Естественная, почти животная жизнь заполняла узкие проулки, и люди были так чудесно непринужденны. Матери, сидя на поребрике тротуара, невозмутимо кормили грудью детей. Молодые родители гуляли посреди ночи с новорожденными младенцами, чтобы те тоже послушали музыку. А дети всех возрастов носились повсюду в счастливом неведении, что в определенный час следует ложиться спать.

— Видела всю эту малышню? — спросила Ева. — В нашем ведомстве по охране детства задрывали бы ногами, если бы увидели такое!

Но здесь никто не дрыгал ногами, разве что сами ребятишки.

¹ История семьи Медичи, особенно великого герцога Тосканского (с 1569 г. Козимо I, Медичи, умер в 1574 г.), изобилует тайнами и трагедиями, среди которых много случаев отравления.

Далеко в глубине улицы мы услышали песню и отправились туда. Маленькое дешевое кафе на тротуаре — то есть оно не было на тротуаре целиком — выдвинулось до самой середины улицы. И вот посреди улицы так все и сидели вперемежку — молодые, старые и дети — и пели так, что только держись! Мы постояли немного и послушали. Этим людям было весело! Наверняка они были бедны, но это была веселая бедность.

— Непременно надо жить так радостно, и просто, и естественно, — сказала я. — Только петь и веселиться!

— По утрам они, возможно, хмурые! — с надеждой сказала Ева, так как она, конечно, тоже ощутила укол зависти перед лицом такой жизнерадостности.

Мы пошли по какому-то проулку. Он был совершенно пустынен и безлюден. Нам попался всего лишь один человек — мужчина средних лет, сидевший на тротуаре перед своим домом. Он беззаботно раскачивался на стуле и пел в свое удовольствие ворчливую коротенькую песенку:

— Ум-по-по-ум-по-по, ум-по-по!

Насколько мы поняли, он был абсолютно трезв. Он просто сидел и веселился среди ночи.

— Ева, — сказала я, — сейчас я задам тебе арифметическую задачу. Если в полночь на улице Вестманнагатан¹ в Стокгольме на стуле сидит человек и распевает «ум-по-по...», в котором часу приедет вызванный по рации полицейский и заберет его?

— Фу, теперь ты начинаешь задавать вопросы точь-в-точь как мой старый учитель математики в Омоле, — сказала Ева. — Этот пример: «длина пути», помноженная на «скорость ходьбы», равна «времени» — я никогда не понимала. Но держу пари, что, пожалуй, вы-

¹ Улица в центре города в Васастане.

званный по рации полицейский прибудет к старикашке через две минуты.

— Готова держать пари, что это именно так! — согласилась я.

Стало быть, всем этим «ум-по-по»-старикашкам живет в Италии намного лучше!

Мы начали уставать. У Евы особенно устали ноги, так как она в своем тщеславии отправилась на прогулку в туфлях на высоких каблуках.

— И *зачем* только я нацепила эти кровавые каблук-ки? — рассерженно воскликнула она.

Но так как теперь она была в Италии и научилась воспринимать все естественно, то попросту сняла с ног орудия пытки и отправилась в отель в одних чулках. С наслаждением пошевелив большими пальцами ног, она продекламировала:

— «Тот страждет высшей мукой, Кто радостные помнит времена»... Разве не так сказал Данте? Значит, ему никогда не приходилось совершать туристическую поездку, да еще на высоких каблуках!

Я довольно посмотрела на свои собственные изношенные лодочки, которые уже давным-давно пора было выбросить.

Ева дразнила меня из-за этих туфель еще до отъезда из дома.

— В них нельзя показаться на людях, — говорила она. — Послушайся книжки Кунце «Полиглот», купи себе пару новых сапог!

Но я решила, что эти туфли должны непременно увидеть Неаполь, а потом умереть!¹ О, сколько раз я испытывала благодарность за то, что эти туфли у меня есть! Единственный завет, который я хочу оставить после себя человечеству: «Не отправляйтесь за

¹ Использование известной итальянской поговорки «Увидеть Неаполь и умереть!», отражающей необыкновенную красоту этого города.

границу, не захватив с собой пару старых изношенных туфель!»

* * *

Мы жили в действительно прекрасном отеле в центре города. В элегантном отеле.

— Я рада, что нам досталась тихая комната окнами во двор, — сказала я Еве, когда мы легли спать. — Мы тут будем спать спокойно!

Во сне я очутилась в Средневековье. Я бежала, спасая свою жизнь, по узким улицам, где гвельфы и гибеллины сражались в полной готовности уничтожить друг друга! Они кричали и выли и со свежими силами лили с крыш домов расплавленный свинец на головы друг друга, что было для них приятным обычаем.

Но как они выли! Они выли так, что я проснулась! Однако вой почему-то не прекратился!

Ева сидела в кровати, прямая, как свеча, со смертельным испугом на лице.

— Либо «Inferno»¹ открыл во Флоренции свой филиал, либо кого-то убивают, — сказала я.

Со двора доносился самый что ни на есть адский вой, и посреди всего этого шума выкрикивал угрозы грубый мужской голос.

— Помяни мое слово, он истязает жену, — сказала Ева. — Мы должны сделать что-нибудь, помочь несчастной женщине. Так воют только в смертельном страхе.

Босыми ногами мы прошлепали к окну, открыли деревянные, сделанные из реек ставни и выглянули во двор.

Гвельфы и гибеллины оказались *пятью* кошками, которые дрались так, что только клочья шерсти лете-

¹ «Ад» (*ит.*) — первая часть поэмы Данте «Божественная комедия», состоящей из трех частей: «Ад», «Чистилище», «Рай».

ли. А грубый мужской голос принадлежал постояльцу отеля, которому очень хотелось спать.

Мы ведь слышали, что Италия — страна тощих, изголодавшихся кошек, а теперь поверили в это. Совершенно измученные и возбужденные, мы снова легли спать. И спали хорошо. До пяти часов утра, пока два проснувшихся во дворе отеля петуха не закукарекали так, словно хотели разбудить всю Тоскану.

Я уже упомянула о том, что мы жили в элегантном отеле в центре Флоренции? Удивительная страна эта Италия!

XV

ного испытаний выпало на долю Флоренции с тех пор, как этруски¹ пришли из Фьезоле², а теперь к этому добавились еще шведские туристические группы! Самое худшее всегда приходит последним.

Будь я истой флорентийкой, думаю, я бы ненавидела всех этих обезумевших женщин, которые врываются в магазины, и вырываются оттуда, и задают вопросы, и торгуются, и считают, и покупают, и теребят шелковые ткани своими мерзкими алчными руками. Будь я истой флорентийкой и обладай я хоть каплей того чувства красоты, которое во все времена отличало жителей этого города, я сочла бы безвкусной всю эту преувеличенную лихорадочную погоню за *seta pura* и другими мирскими вещами. Будь я истой флорентийкой, я указала бы на чудесный розово-бело-черный фасад собора Santa Maria

¹ *Этруски* — древние племена, населявшие в I в. до н. э. северо-запад Апеннинского полуострова (Древняя Этрурия, совр. Тоскана) и создавшие древнюю цивилизацию, предшествующую римской.

² Небольшой городок возле Флоренции, расположенный на живописном холме.

del Fiore¹ и сказала бы: «Разве вы не видите, что он сияет прекраснее, чем любой натуральный шелк!» И привела бы всех этих женщин к Кампаниле² и к «Вратам Рая» Джотто³. Я поводила бы их среди сокровищ искусства Галереи Уффици и сказала бы:

— Купайте души в море красоты, женщины!

Однако я, к счастью, не флорентийка и не несу никакой ответственности за всех этих безумных женщин, что, жужжа, как шершни, то влетают в лавки и магазины, то вылетают оттуда... А мы с Евой — во главе!

Естественно, мы были в Галерее Уффици. Мы наслаждались прекрасным. Там был портрет очень юной фрёкен Медичи⁴, завоевавший мое сердце, и портрет милой нежной мадонны в темно-зеленом плаще.

Мы долго стояли перед Баптистерием⁵, поражаясь невиданной роскоши «Врат Рая». Мы впали в восторг, осматривая собор Santa Maria del Fiore. Разумеется, мы купали души в море красоты!

Но, но, но... Когда женщины, жужжа, как шершни, влетали в лавки и магазины и вылетали оттуда, мы с Евой были во главе!

¹ Санта Мария дель Фьоре — собор Святой Девы Марии с цветком лилии в руке (*ит.*), XIII в., архитектор Филиппо Брунеллески (1377—1446). Главный собор Флоренции с 1412 г., официально посвященный Святой Марии.

² Колокольная церковь Санта Кроче — Святого Креста, ок. 1320—1325.

³ Джотто ди Бондоне (1267—1337) — итальянский живописец. Порвав со средневековыми канонами, внес в религиозные сцены земное начало. В церкви Санта Кроче сохранились его великолепные фрески.

⁴ Мария Медичи — дочь великого герцога Тосканского Козимо I Медичи. Ее портрет написан придворным живописцем Козимо I Медичи — Бронзино Аньоло (1503—1572).

⁵ Крестильня, помещение для крестин. Флорентийский Баптистерий — выдающееся произведение архитектуры XI—XIII вв. Знаменитые Восточные бронзовые двери — работы скульптора Лоренцо Гиберти (1378—1455) — прозваны в народе «Врата Рая».

— «Врата Рая», — сказала Ева, рванув дверь магазина, в котором был самый большой выбор шелковых тканей. Я тоже была в угаре приобретательства. Наконец-то мой «*seta pura* фонд» выйдет на белый свет из внутреннего кармана жакета и превратится в плотный черный шелк. Ева купила шелк телесного цвета.

Когда мы снова вышли на улицу, разгоряченные, с пылающими щеками, нам стало чуточку стыдно нашего безумия.

Но там, на улице, ведущей к Ponte Vecchio¹, было так много очаровательных мелких лавочек. Нас тянуло туда словно магнитом. Ева, пожалуй, была права, сказав: это, мол, все равно что пустить свиней в огород, где растут трюфели²... Женский инстинкт и в чужом городе обнаружит *Нужную Улицу*! Вообще-то, пусть никто не подходит ко мне и не произносит ни единого дурного слова о тех, кто заглядывает в витрины. Я благодарю своего Создателя, что во Флоренции я не *все* время провела в Галерее Уффици. Иногда *нужно* постоять и перед витринами!

Мы с Евой так и сделали. Мы стояли перед ювелирным магазином, а в витрине лежало кольцо, самое прекрасное, какое мне только доводилось видеть.

— Ева! — заорала я. — Видала, какое кольцо! Ну то, с бирюзой! Ой, какое кольцо!

И тут за спиной я услышала голос:

— Кричи громче, Кати! Может, на окраине города еще кто-нибудь тебя не слышит!

Я обернулась — это был Леннарт! О боже, Леннарт! Чуть насмешливо улыбающийся и все такой же загорелый.

В моей душе что-то оборвалось. Мне хотелось броситься ему на шею и заплакать, бормоча о том, как мне

¹ Понте Веккьо — Старый мост (*ит.*) — один из самых древних мостов Флоренции и единственный, на котором по обеим сторонам еще сохранились лавки ювелиров.

² *Трюфель* — гриб округлой формы, растущий под землей. Служит приправой к изысканным блюдам.

было худо, и как мне его не хватало, и что я не в силах была выдержать разлуку с ним!.. Но ведь такое позволить себе нельзя! Поэтому я сказала:

— Ты опять здесь? Все бегаешь за нами! Просто ужас!

Ева пронзительно и глупо хихикнула, но я одним взглядом заставила ее замолчать.

— Да, я здесь, — признался Леннарт. — Но ты, пожалуй, скоро снова затеряешься в толпе.

Я рассказала, как искала его на Пьяццетте в Венеции, и он чуть насмешливо улыбнулся.

— Я тоже искал тебя, — сказал Леннарт.

— Правда? — с надеждой спросила я.

— Ну да, я даже заглядывал в газеты, в рубрику «Потерянные вещи».

— Правда? — спросила я с еще большей надеждой.

Он подхватил Еву и меня под руки, и мы медленно пошли по улице. Ева поинтересовалась, сколько еще времени он останется во Флоренции и куда собирается ехать потом? Я молча благословила ее, я была так благодарна ей за то, что мне не надо самой задавать Леннарту эти вопросы. Да, он поедет дальше завтра утром! Точно еще не знает куда, а позднее, очевидно, в Рим.

Я почувствовала, что меня снова охватывает глубокое отчаяние. Мне дано встретить его на такой краткий миг, а потом он снова исчезнет. Это было выше моих сил! О, пусть небо сжалится над такими, как я! Несчастливая любовь в семь раз хуже зубной боли!

— Возможно, мы и в Риме увидимся, — как можно равнодушнее сказала я. — Мы тоже едем туда!

— Ничего нельзя знать заранее! — ответил Леннарт.

Я чуть не вскрикнула. Он сказал: «Ничего нельзя знать заранее!» Разве он не понимает, что я *должна* встретиться с ним! Я *должна* убедить его, что он не сможет жить без меня! Конечно, мне это не удастся, но я все же могла бы, по крайней мере, получить пристойный шанс попытаться это сделать. Несправедливо, что различия наших маршрутов помешает мне в

этом и сделает меня несчастной на всю оставшуюся жизнь. Нельзя же, в самом деле, требовать от девушки, чтобы ей удалось завоевать сердце мужчины, если ей дается на это время от времени по пять минут.

Но Леннарт шел рядом со мной, улыбался, ничего не подозревая ни о моей беде, ни о моем отчаянии. Я еще отчаяннее ломала голову, как сделать, чтобы снова увидеть его. Мимоходом упомянула я название отеля, в котором мы будем жить в Риме. Пять раз упомянула я как бы мимоходом название нашего отеля в Риме. Но не похоже, чтобы Леннарт принял его во внимание и запомнил.

Ева — добрая душа, всегда готовая помочь, делала все, что в ее силах.

— Ты имеешь представление, где находится этот отель? — поинтересовалась она.

— Ни малейшего, — ответил Леннарт, по-видимому чрезвычайно этим довольный. — Какой восхитительный Старый мост! — продолжал он, остановившись посреди Ponte Vecchio. — Действительно, поразительно красивый Старый мост! — повторил он, глядя с огромным интересом в желто-илистые воды Арно¹.

«О, какое же ты чудовище! — молча сетовала я. — „Восхитительный Старый мост“! Вот на таком восхитительном старом мосту во Флоренции Данте впервые встретил Беатриче Портинари². Знаешь ли ты об этом? Думаешь, он шел и улыбался и смотрел на мост?»

Нет, для Леннарта я не Беатриче Портинари, это очевидно, и я заставляла себя осознать сей факт. Са-

¹ Одна из крупнейших рек Италии.

² *Портинари Беатриче* — предположительно, историческое лицо, дочь видного флорентийского гвельфа Фолько Портинари (умер в 1289 г.). Она — любовь и муза Данте, посвятившего ей свои сонеты, страницы автобиографического романа «Новая жизнь» (1292), где проза перемежается стихами. Данте и Беатриче впервые встретились, когда им обоим было около девяти лет.

мое лучшее — сразу же покончить со всеми надеждами и посмотреть правде в глаза! Пусть уезжает! «Я преодолею свою роковую любовь, — решила я. — Надо немного подождать, и мне, вероятно, удастся, если я его больше не увижу!»

— Знаете, что мы сделаем? — спросил Леннарт. — Мы втиснемся в мой маленький автомобиль и поедem во Фьезоле посмотреть, как садится солнце.

Я первая издала восхищенный вопль в ответ на это предложение. Я сказала себе, что если мне нужно преодолеть свою роковую любовь, то это можно с тем же успехом сделать во Фьезоле и в обществе обожаемого субъекта.

Но, пожалуй, это умозаключение было ошибочным. Если речь идет о том, чтобы преодолеть несчастную любовь, то Фьезоле для этого наверняка одно из наименее подходящих мест в мире.

Сердце всегда немного щемит, когда видишь нечто более прекрасное, чем все его описания. Но стоять рядом с тем, кого ты любишь, и видеть, как заходит солнце над Флоренцией и долиной реки Арно, — это приводит к помутнению рассудка, и ты готов тут же расплакаться. И видишь, что даже и не стоит пытаться преодолеть там свою любовь!

В Италии красивее всего сумерки. И здесь, в Тоскане, тоже. Пожалуй, здесь, в Тоскане, — больше всего! Классический ландшафт с затянутыми серебристой дымкой холмами и нескончаемые аллеи тополей, вызывающих к тебе и беседующих с тобой всей своей тишиной, и покоем, и безмерностью. Здесь ничто не изменилось! Так же молчаливо спускались сумерки, когда Фра Анджелико¹ писал своих мадонн, над Флоренцией

¹ Фра Анджелико (Фра Джованни Да Фьезоле; ок. 1400—1455) — живописец эпохи раннего Возрождения. Особо знамениты проникнутые светлым лиризмом и красочной сказочностью фрески монастыря Сан Марко во Флоренции.

так же сверкали вечерние звезды. Вероятно, такая же чуть фиалковая синева окрашивала воздух в те далекие времена, когда один из блистательных дней Лоренцо Magnifico завершился однажды в старинном Палаццо Медичи¹ на вершине холма.

Быть может, именно в сумерках Лоренцо Медичи почувствовал, что умирает, быть может, он бросил через окно последний взгляд на свой любимый город. О, надеюсь, такой же мягкий сумеречный свет озарил его усталые глаза, а вечерняя звезда горела так же ясно, как и теперь! Быть может, то был отблеск нескольких свечей, зажженных внизу во Флоренции, быть может, он видел их и горевал, потому что вскоре умрет для этого города внизу и для живущих в нем людей. А быть может, он, Magnifico, ужасно устал и жаждал долгого покоя...

Даже Ева молчала, когда мы стояли там. Из францисканского монастыря² на вершине холма доносился тонкий тихий звон колоколов, чтобы заставить преисполниться все вокруг еще большей грустью, а меня еще сильнее почувствовать собственную потерянность. Мы побрели по крутой тропинке наверх, где нас встретил бедный маленький монах, выглядевший словно маленький бедный человечек Божий.

Он пригласил нас войти в цветущий монастырский сад и заверил, что говорит по-шведски.

— Пожалуйста... красивые цветы... спускайтесь вниз... — весьма энергично сказал он.

Затем мы вернулись на Пьяццу, которая в период античности была форумом Фьезоле. Там мы уселись в небольшом уличном кафе и подкрепились чашкой кофе.

¹ Первый ренессансный дворец в Италии, закончен в 1459 г.

² Монастырь ордена францисканцев — нищенствующего ордена, основанного в Италии в 1207—1209 гг. Франциском Ассизским (1181 или 1182—1226).

По правде говоря, я нуждалась в чем-то подкрепляющем.

Я ощущала беспросветную печаль, а жизнь представлялась мне столь прекрасной и столь грустной, что лучше было умереть и избавиться от всего на свете... Как чудесно и покойно было бы умереть и не думать больше ни о Леннарте, ни о вечерних звездах и вообще ни о чем! Ева и Леннарт весело болтали, я же хранила полное молчание. Горло у меня болело, я не могла выдать ни единого слова, в глазах стояли слезы, готовые вот-вот сорваться с ресниц, если я только не удержу их. Иногда Леннарт спокойно и чуть равнодушно поглядывал на меня, и я улыбалась бледной улыбкой. Но вдруг он сказал куда-то в пространство:

— А ведь у Кати по-настоящему прелестные ушки!

Он сказал это невзначай, примерно так, как если бы констатировал, что кофе вполне сносный.

Только: «А ведь у Кати по-настоящему прелестные ушки!»

Но этого было достаточно. Сначала я подумала было, не подбросить ли мне кофейные чашки в воздух, чтобы дать выход забурлившей во мне радости? У меня прелестные ушки... о, если бы я могла снять их и подарить ему на память как маленький сувенир! У меня прелестные ушки — спасибо, спасибо Тебе, дорогой Боже, за это и за то, что жизнь так чудесна! И за то, что Ты сотворил столько вечерних звезд и много другого прекрасного! И хотя Ты так спешил, Ты все-таки нашел время сотворить для меня пару прелестных ушек, спасибо Тебе за это, дорогой, дорогой Боже!

Подумать только, как чудесно жить на свете! Я едва усидела на стуле! И если бы умела махать своими прелестными ушками, то сделала бы это! Боль в горле, мешавшая мне разговаривать, совершенно исчезла! Я начала так болтать, что испугалась за себя! Мой порыв заразил Еву и Леннарта, и мы болтали и шумели

ли до тех пор, пока на лицах сидевших вокруг нас людей не появилось задумчивое выражение.

— Следует считаться с этими чопорными южанами, — заметил в конце концов Леннарт. — Они не привыкли к нашей буйной северной жизнерадостности.

* * *

Но одно — точно! Когда ты влюблена, невозможно радоваться долго. Радуюсь своим прелестным ушкам, я совершенно забыла, что мне вот-вот предстоит разлука с Леннартом. Я не понимала этого до тех пор, пока мы не оказались в холле отеля и не протянули друг другу на прощание руки.

Леннарт жил в том же отеле, что и мы. Кто бы мог подумать?! Но он хотел пообедать с несколькими итальянскими друзьями, а потом рано лечь спать и на завтра в семь часов утра пуститься в путь. А мы с Евой должны были обедать с супружеской четой Густафссон, и с фру Берг, и с господином Мальмином, и всеми прочими. А какая уж тут радость от прелестных ушек?

— Увидимся! — сказал Леннарт, быстро пожав нам руки.

«Увидимся», — что он мог знать об этом? Увидимся небось через двадцать лет на какой-нибудь улице в Стокгольме... Нет, вообще-то я тогда уже давным-давно буду мертва, медленно иссякнув от безрадостной жизни. Черное, как ночь, отчаяние вновь охватило меня. Я ринулась наверх в наш номер, бросилась поперек кровати и зарыдала. Но потом — постепенно — я вынуждена была успокоиться и спуститься вниз к обеду. Господин Густафссон сидел рядом со мной, говорил о своем шефе и страшился того дня, когда надо будет снова вернуться к нему. Но в конце концов господин Густафссон заметил, что я отвечаю несколько односложно. Тогда он огорченно посмотрел на меня и спросил, не заболела ли я. Участливо погладив мою руку, он сказал:

— Глотайте аспирин, это помогает!

— Ах, если бы все было так просто!

Наша группа собиралась после обеда в ночной клуб, но я отказалась идти с ними. Я собиралась лежать и плакать в отеле. Ева тотчас вызвалась сидеть на краю моей постели и менять мне носовые платки, но я заставила ее пойти вместе с остальными.

— Достаточно того, что я лежу в номере и горюю, — сказала я. — Не нужно портить из-за этого вечер господину Мальмину!

— Чихать мне на господина Мальмина! — грубо сказала Ева.

Но в результате удалось убедить ее, что мне станет лучше, если я буду плакать в одиночестве.

Она ушла, а я подняла настоящий рев. Но через несколько минут Ева прибежала обратно. Она была чрезвычайно возбуждена.

— Кое-то сидит внизу, в холле, и читает газету! — выпалила она.

Я подняла с подушки свое красное заплаканное лицо.

— Не иначе, это рыцарь Синяя Борода¹, если ты вне себя от страха?!

— Это не рыцарь Синяя Борода, — ответила Ева. — Это Леннарт Magnifico. И это гораздо лучше!

Я опустилась на подушку в очередном приступе плача.

— Послушай-ка! — строго сказала Ева. — Кончай реветь! Спускайся вниз к Леннарту, потому что это, разумеется, единственное, чего тебе хочется!

Я, совершенно обессилев, покачала головой:

— Я не могу вот так откровенно бегать за ним, ты что, не понимаешь?

¹ Персонаж, убивавший своих жен, из одноименной сказки знаменитого французского писателя Шарля Перро (1628—1703) из сборника «Сказки моей матушки Гусыни» (1697).

— Тогда пусть он бежит за тобой! — заявила Ева. — Садись в холле и тоже читай! Как будто ты его не видишь! Он тебя заметит через некоторое время, и тогда ты сможешь разыграть огромное удивление!

Предложение было заманчивым. Еще раз увидеть его! Места колебаниям не было! Вскочив с постели, я быстро запудрила самые страшные следы слез.

— Возьми! — сказала Ева, сунув мне в руки карманную «Divina Commedia».

Быть может, это выглядит странно — сидеть в холле отеля и читать «Divina Commedia» в одиннадцать часов вечера, но пусть это будет как угодно странно... В этот момент ничего другого у меня под рукой не было, а я торопилась. Взяв книгу, я помчалась вниз по ступенькам, терзаясь страхом, что Леннарт уже успел исчезнуть.

Но он не исчез. Он сидел там, спрятавшись за газетой. Однако волосы, торчавшие из-за нее, не позволяли ошибиться. Во всем мире существовал лишь один-единственный такой вихор.

Я уселась на почтительном расстоянии и открыла книгу как раз случайно на том самом месте, где Данте встречает в аду Франческу да Римини¹ и она рассказывает ему о своей запретной, незаконной любви к брату мужа, Паоло Малатеста, с которым навечно соединена в геенне огненной. О, она помнит, как все это было и как печально все кончилось! Оба влюбленных сидели, читая одну и ту же книгу о любви, и чтение так воспламенило их, что, по словам Франчески,

...он лобзаньем

Прильнул к улыбке дорогого рта,

Тот, с кем навек я скована терзаньем,

Поцеловал, дрожа, мои уста!

¹ Песнь пятая первой части поэмы «Божественная комедия» — «Ад».

А затем ее спокойная, констатирующая, заключительная реплика:

«Никто из нас не дочитал листа»¹.

Нет, ни в тот день и вообще ни в какой другой... Потому что для них не осталось больше ни одного-единственного дня на земле!

Несчастные, они были убиты оба в разгар любви неистовым мужем Франчески, ворвавшимся к ним и уничтожившим их счастье...

Бедная Франческа! Мне было так жаль ее! И я робко посмотрела поверх книги на Леннарта. Когда, собственно говоря, он собирается обнаружить меня? Когда же мне начать разыгрывать изумление? Неужели его так заинтересовали новости спорта?

Минуты шли. Леннарт читал. Я снова переключилась на Франческу и еще раз перечитала ее трагическую любовную сагу. Но на этот раз она стала мне чуточку надоедать!

Леннарт явно перешел к объявлениям. Неужели он ищет работу? Неужели учит объявления наизусть? И неужели это непременно нужно делать сегодня вечером? Нашим единственным, драгоценным вечером?

Я снова принялась читать про Франческу. Эта женщина действительно может кому угодно подействовать на нервы! Я начала думать, что Inferno — подходящее место для нее. Я так нервничала, что у меня все зачесалось. Почему, собственно говоря, издают такие толстые газеты, что на прочтение их требуется множество часов? Если он сейчас же не закончит, то...

Тут Леннарт перешел к передовице. Нет, должен же, в самом деле, быть предел! Больше мне не выдержать! Я уже возненавидела Франческу! Я возненави-

¹ Пер. М. Лозинского. В другом переводе последняя реплика звучит так: «И в этот день мы больше не читали». Воспроизведена в статье петербургского ученого Б. Кржевского.

дела газеты! Я возненавидела и себя, и Леннарта, и в придачу многих других, чьи имена вспомнить именно в тот момент не могла. Я решила уйти отсюда как раз в эту самую минуту. Я навсегда забуду этого длинного, несносного, читающего газету идиота, а свои прелестные ушки попрошу оставить лишь для себя!

Но тут *наконец-то* Леннарт опустил газету. Он улыбнулся, увидев меня. Он улыбнулся... на всем свете не найдется человека, который выглядит так мило, как Леннарт, когда он улыбается. Я любила его.

Да...

«Никто из нас не дочитал листа».

XVI

*irra, uva, paninol! Bir-
ra, uva, paninol!*¹

Протяжные крики торговцев слились в громогласный хор, когда поезд остановился на какой-то станции. Но продавали они не только пиво, виноград, хлебцы и булочки. Можно было купить еще и вино, большие оплетенные бутылки кьянти, ликеры, *cioccolata*², и *sigarette*³, и маленькие подушечки, на которых можно было спать, когда устанешь. Торговать итальянец учится наверняка уже в колыбели. У туриста легко создается впечатление, что все итальянцы стоят, выстроившись в ряд, протягивая дешевые бусы, кораллы, черепаховые шкатулочки, открытки, шелковые шарфы и *birra, uve, panini*, и хотят бесконечно продавать, продавать и продавать!

Мы с Евой охотно купили и *birra*, и *uve*, и *panini* и закончили покупки, как раз когда поезд тронулся в путь. Молча жуя бутерброды с саями, смотрели мы на холмистый ландшафт, где белые волы мирно тянули

¹ Пиво, виноград, булочки (*ит.*).

² Шоколад (*ит.*).

³ Сигареты (*ит.*).

за собой круг среди серебристо-серых оливковых деревьев и где паслись большие овечьи стада. Все словно на картинках из Библии! Небольшие белые игрушечные селения дремали, озаренные солнцем. Вдали синели Апеннины.

Мы ехали в Рим. В Рим, куда ведут все дороги¹.

Собственно говоря, не следовало ли и нам с посохом пилигрима в руке идти к этому городу по одной из этих белых дорог?

Нет, это так же точно, как то, что все дороги ведут в Рим! Все мы — пилигримы из Стокгольма, из Аскерсунда, из Вернаму², выехавшие оттуда, чтобы увидеть Вечный город³, ехали, забронировав места в вагоне, и сидели развалившись на мягких подушках! Это было, что ни говори, на редкость удобное паломничество.

Но в поезде были и вагоны третьего класса, ой-ой-ой! Пожалуй, никогда по-настоящему не узнаешь, что такое перенаселение, пока не увидишь битком набитое итальянцами купе третьего класса. Когда я говорю «битком набитое», то я и имею в виду битком набитое. Я вовсе не хочу сказать, что там народу — ровно по числу сидячих мест. Вовсе нет! Но если я говорю, что там на каждом месте, предназначенном для одного человека, сидят двое, а проходы так забиты, что выгибаются спины, а те, кому не хватает места, свешиваются из двери вагона, то это дает лишь слабое представление о том, как выглядит битком набитый итальянский вагон третьего класса. В Швеции это ни за что бы добром не кончилось, даже в неделю вежливости⁴. Люди начали бы злобно наступать друг другу на мозоли

¹ Известная поговорка: «Все дороги ведут в Рим».

² Город в лене Йёнчёпинг.

³ Рим — один из древнейших городов мира.

⁴ Иногда в Швеции объявляется неофициальная «неделя вежливости».

и осыпать друг друга взаимными угрозами. Но итальянцы, похоже, в самом деле и более гибки, и легче прессуются.

Мы ехали в Рим! Держа по бутерброду с салями в каждой руке! В самый разгар трапезы адъютант Мальмин сунул голову в наше купе и спросил, нельзя ли ему войти. Ему разрешили. Мы попытались даже заставить его съесть бутерброд, но он, содрогаясь, отклонил его. Это был элегантный, застегнутый на все пуговицы господин, а вовсе не тот тип, что станет чавкать публично, поглощая бутерброд! Однако, казалось, он с некоторым удовольствием смотрел, как смертельно голодная Ева вонзала зубы в ломтики колбасы.

Господин Мальмин был холостяк и философ. И одно, пожалуй, вытекало из другого. Он пребывал у ног Шопенгауэра¹ и теоретически почерпнул у своего кумира кое-что и о женщинах. Уже на ранней стадии знакомства Мальмин обратил наше с Евой внимание на то, что практически все крупные философы к женскому полу относились отрицательно и прекрасно могли обойтись без всего, что носит имя «женщина».

— Да, а мы очень даже прекрасно можем обойтись без этих старцев философов, так что мы квиты! — сказала Ева.

Думаю, господин Мальмин воспринимал Еву как прямой вызов Шопенгауэру. Он производил впечатление человека чем-то обеспокоенного, и это с каждым днем становилось все более и более заметно. А откуда бы ни доносился громкий смех Евы, можно было быть уверенным, что поблизости найдешь и господина Мальмина. Внешне он сохранял свое огромное чувство превосходства, но иногда можно было случайно наткнуться на него, когда он украдкой смотрел на Еву глазами голодного

¹ Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ-иррационалист. Рассматривал мир, жизнь как неразумную волю, слепое, бесцельное влечение к ней.

ребенка. Ева ничего не замечала, во всяком случае тут она не притворялась. Она смеялась все так же беззаботно и обращалась с адъюнктом так же неуважительно, как с самого начала. А сейчас она, размахивая своим бутербродом с салями, спрашивала Мальмина, не думал ли он когда-нибудь посвататься к Фриде Стрёмберг?

— Нет, избави меня Бог! — испуганно ответил Мальмин.

— Глупо! — заявила Ева. — Фрида такая милая! И к тому же прекрасно готовит! Я уверена, что Шопенгауэр ничего не имел бы против. Но возможно, куда труднее было бы уговорить Фриду.

Господин Мальмин поднялся и ушел. Он не желал больше слышать о Фриде Стрёмберг. Но Ева, видимо, заронила в его душу семя сомнения, хотя, возможно, не в том направлении, в каком бы этого хотелось ему. Некоторое время спустя, когда я, стоя одна в проходе, смотрела на Апеннины, он подошел ко мне и стал говорить о Еве. Выражался он весьма туманно и неопределенно, но хотел совершенно точно знать, незнаята ли уже Ева где-то на стороне.

— Не более чем обычно, — правдиво ответила я.

— «Не более чем обычно» — что это значит? — удивился господин Мальмин.

— Ха! — воскликнула я. — Пожалуй, пять-шесть кандидатов в резерве, а с одним или с двумя она чуточку — слегка — помолвлена. Но занята?.. Нет, этого утверждать нельзя!

Господин Мальмин испуганно смотрел на Апеннины. Мне было так жаль его! Мне вовсе не хотелось его огорчать. Я только собиралась деликатно разъяснить ему девиз Евы: «Один мужчина — это не мужчина!»

— Только не падайте духом! — сказала я ему в утешение и похлопала его по плечу. — Вы, господин Мальмин, можете, пожалуй, встать в очередь!

Но в ответ господин Мальмин заявил, что я совершенно не поняла его. Он задал мне вопрос исключи-

тельно из любознательности, а вовсе не по какой-то другой причине.

Да, да, ведь господин Мальмин спрашивал так часто, и так много, и так долго из чистой любознательности, и можно было ожидать чего угодно... Но на этот раз им наверняка двигала не только любознательность. Я, сама поверженная несчастной любовью, узнавала ее симптомы. Я решила произнести речь и предупредить Еву, а также попросить ее быть впредь чуточку более осторожной и не улыбаться все время, пуская в ход свои ямочки на щеках.

— Господин Мальмин такой милый человек и блестящий знаток, ну да, конечно же, — сказала я ей. — Он не заслуживает того, чтобы стать твоей игрушкой!

— Хо-хо! Ничего себе игрушка!

— Да! Не будь такой высокомерной! — воскликнула я.

— Да, но что я такого сделала? — Ева сердито вытаращила на меня глаза. — Ты что, утверждаешь, будто я поощряла Мальмина?

Нет, во имя справедливости, этого я, разумеется, утверждать не могла. Она ничего не делала, кроме того, что была самой собой, то есть веселой и привлекательной. Я попыталась объяснить ей, что такой серьезный и сдержанный человек, как Мальмин, при встрече с таким жизнерадостным существом, как Ева, неизбежно становится беспомощной жертвой и... Короче говоря, она могла бы быть хоть немного осторожней, завершила я свой умный пассаж. Правда, я не знала, как эта осторожность должна выглядеть на практике.

— Вот как, нельзя даже и повеселиться! — негодуя изрекла Ева. — Ну ладно, пускай! В следующий раз, когда Мальмин заржет и зальется своим мелким смешком в моем присутствии, я скажу: «Э, нет, господин Мальмин, сейчас мы будем думать о смерти!»

Результатом моего предупреждения стало то, что когда господин Мальмин в следующий раз зашел в

наше купе, Ева, смертельно серьезная, сидела в углу и прятала свои ямочки на щеках, сжимая губы и втягивая щеки так, что это могло кого угодно навсегда лишить радости жизни. Господин Мальмин робко посмотрел на нее и спросил, как она поживает и здорова ли?

— Да, я здорова, — ответила Ева. — Я думаю о смерти и очень хорошо поживаю!

Господин Мальмин покачал головой и отправился восвояси.

— Думаешь, помогло? — с надеждой спросила Ева.

— Не притворяйся дурочкой! Нечего делать вид, будто не понимаешь, что я имею в виду!

Я напомнила ей, что Мальмин не единственная жертва ее ямочек на щеках. Во Флоренции был еще один бедняга — румяный портье нашего отеля, который, вероятно, сейчас сидит и плачет из-за нее.

— Ну, это же совсем другое дело! — воскликнула Ева. — Все портье в отелях любят меня!

В этом она права. Таинственная притягательность Евы для портье — тема, которая должна быть исследована в докторских диссертациях каким-нибудь ученым, интересующимся феноменом сверхъестественного. Стоит какому-нибудь портье увидеть Еву, как он роняет все, что держит в руках, отталкивает в сторону магараджу из Майсура¹ или другого незначительного гостя, которого обслуживает, и спешит с глубокими поклонами к Еве, чтобы передать ей ключи от княжеских покоев. Меня он не видит в упор. Я стою с улыбкой, с каждой минутой все более смиренной, и чувствую себя Урией Гипом². Я робко бормочу, нет ли для меня писем, и тогда портье окидывает меня

¹ Город в Южной Индии.

² Персонаж романа Чарлза Диккенса (1812—1870) «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим».

неодобрительным взглядом и говорит, что нет, ничего нет.

Зато меня любят горничные отелей, а я люблю этих горничных. Особенно в Италии! Мы смеемся и киваем друг другу, а я смущенно болтаю, смешивая слова всех известных мне языков. Но горничные все равно понимают, что я имею в виду: я считаю Италию самой красивой страной на свете, а итальянцев исключительно любезными, талантливыми и приятными... Еще я думаю, что сегодня прекрасная погода, а завтра, вероятно, будет такая же прекрасная и что я хочу получить мое выглаженное платье *subito*, то есть сию же минуту.

— *Subito*, — повторяют они, и глаза их дружески сияют.

— *Subito*, — говорят они и кивают в знак согласия.

Ну да, конечно, платье будет выглажено сию же минуту.

Затем они исчезают вместе с платьем, а три часа спустя я, облаченная в розовые шелковые брючки, буквально лезу на венецианскую хрустальную люстру, чтобы утихомирить свои разбушевавшиеся нервы. Через пять минут мне надо идти обедать, но даже если розовые шелковые брючки мне к лицу, они еще не воспринимаются как вечерний туалет, по крайней мере в лучших ресторанах.

Но я все равно люблю горничных отелей, это точно! Даже если, говоря *subito*, мы имеем в виду совершенно разные вещи!

Ева по-прежнему желает думать о смерти в своем углу, а я тогда устраиваюсь поудобней в своем и думаю о Леннарте. Этот последний вечер во Флоренции вселил в меня абсолютную уверенность — спасения для меня нет. Я обречена вечно любить Леннарта Сундмана. А кроме того, у меня появилась надежда! Надежда жалкая и маленькая, но она упрямая и не желавшая умирать. Я питала ее мелкими, но значительными деталями,

по крайней мере я внушала себе самой, что они значительные.

Леннарт так нежно взглянул на меня, обнаружив в холле отеля во Флоренции, — это первое! Он возил меня в своем автомобильчике ночью по городу — это второе. Мы часами ездили по темным дорогам Тосканы, и я болтала столько всяких глупостей о самой себе, а он слушал! О, как удивительно он слушал! Зачем ему было носиться ночью по всей Тоскане, если бы он совершенно мной не интересовался? Он обещал отыскать нас в отеле в Риме — это третье! «Нас», а не «меня»! Ой, в этом-то и была вся загвоздка! Никакой уверенности, что он явится ради меня! На самом деле он не сказал ровно ничего, что прямо свидетельствовало бы об этом. Единственное, что он сказал: Ева, мол, милая и веселая! О милая и веселая Ева, не отбирай у меня моего единственного маленького агнца¹, ведь у тебя целое стадо баранов!

* * *

Мы прибываем через несколько минут. Мое сердце забилося сильнее при мысли о Риме и о возможности встретить Леннарта, а еще в надежде, что *вопреки всему* он, быть может, явится ради меня.

— Вообще-то это несправедливо, — неожиданно заявила Ева. — Только из-за того, что ты влюблена, ты получаешь от поездки в Италию гораздо больше, чем я! Если я вижу красивый пейзаж, то я нахожу, что это просто красивый пейзаж. Но ты, влюбленная, просто подпрыгиваешь и совершенно таешь от восторга. Собственно говоря, несправедливо, что мне пришлось заплатить за поездку столько же, сколько тебе!

— А ты не можешь в таком случае влюбиться немного в господина Мальмина? — предложила я. — Чтобы получить за свои деньги еще хоть какое-то преимущество. В огне твоей всепоглощающей любви

¹ *Агнец* — ягненок, который приносится в жертву на Пасху.

Колизей¹ и термы² Каракаллы станут для тебя фантастическим переживанием!

Но Ева сказала — она, мол, не так бедна, чтобы влюбляться в господина Мальмина ради презренной выгоды.

— Ева, помолчи, — сказала я, положив руку на ее плечо, — посмотри на эти уродливые ветхие «доходные» дома! Знаешь, что это такое? Это первые постройки Рима, понимаешь, это — начало Вечного города... о Ева!

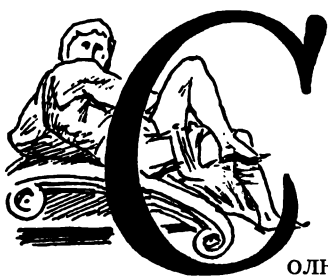
— Да, конечно, первые постройки! — радостно подхватила Ева. — Эти дома, кажется, не ремонтировались со времен Ромула и Рема³.

¹ Громадный амфитеатр Флавиев (династии римских императоров в 69—96 гг.) примерно на 50 000 зрителей, памятник древнеримской архитектуры (75—80 гг. н. э.). Место боев гладиаторов и других зрелищ.

² *Термы* — в Древнем Риме общественные бани, включавшие кроме горячей, теплой и холодной бань парильни, залы для спорта, собраний и т. д.

³ *Ромул* — по римской мифологии, знаменитый основатель города Рима (вместе со своим братом-близнецом *Ремом*) и первый царь (ок. 754/753 гг. до н. э.). Согласно легенде, братья — сыновья бога Марса и жрицы Реи Сильвии (Илии) — были вскормлены волчицей и выращены пастухами. Волчица стала символом Рима.

XVII

олнце пылало над римским Форумом, и воздух трепетал от жары. На камнях, оставшихся от ростры¹ Цезаря², сидели мы с Евой, благоговейно рассматривая окружавший нас выветрившийся мрамор. Ева, конечно, по-прежнему думала о смерти, потому что вдруг сказала:

— Послушай, Кати, я сижу здесь и думаю об одном. Представь себе, как вообще-то мало людей осталось в живых. Большинство ведь уже давным-давно умерло!

— Да, нас всего-то несколько и осталось, — сказала я, внезапно почувствовав такую благодарность за то, что принадлежу к тем, кто еще может видеть розы вокруг храма Весты³ и ощущать лицом солнечное

¹ В Древнем Риме ораторская трибуна на Форуме, украшенная носами трофейных кораблей.

² *Цезарь Гай Юлий* (102 или 100—44 до н. э.) — римский диктатор в 49, 48—46, 45 г. до н. э., с 44 — пожизненно. Знаменитый полководец, военный трибун 73 г. В 49 г., опираясь на армию, начал борьбу за единовластие. Стал фактически монархом. Убит в результате заговора республиканцев.

³ В римской мифологии богиня домашнего очага, культ которой поддерживался при храмах жрицами-весталками, дававшими обет безбрачия. Избирались из девочек знатных семейств и служили богине до 30 лет.

тепло, глядя вверх на мраморную капитель¹ Диоскуров².

Ах, как они были мертвы — все эти властители мира, некогда жившие здесь и решавшие судьбы всего человечества! Зато господин Мальмин, и фру Берг, и господин Густафссон, и все мы прочие, мы были живы! Мы бродили тут на солнцепоке на абсолютно живых ногах, и наши живые голоса наполняли воздух бездумной болтовней. Собственно говоря, мы не принадлежали к этому миру. Он не для живых!

Нельзя было Фриде Стрёмберг расхаживать тут в пестром, с крупными цветами, летнем платье. Я хотела видеть здесь фигуры в белых тогах³, и они должны были странствовать среди позолоченных гигантских статуй, памятников и великолепных мраморных дворцов, сверкающих золотом и лазуритом⁴, а не среди разрушенных столбов колоннады и выветрившихся каменных развалин. Прочь отсюда и господин Мальмин! Я хотела бы слышать, как Цезарь со своей ростры обращает речи к римлянам. Я хотела бы видеть, как лицо Юния Брута⁵ искажается ненавистью в тот миг, когда он поднимает кинжал на своего господина и друга!

Я хочу, чтобы сегодняшний день был не обычный сентябрьский день две тысячи лет спустя, а чтобы мы перенеслись в мартовские иды 44 года до на-

¹ *Капитель* — венчающая часть колонны.

² В греческой мифологии сыновья-близнецы верховного бога Зевса и Леды (супруги царя Спарты — Тиндарея). Зевс влюбился в Леду и, обратившись лебедем, встретился с ней.

³ *Тога* — верхняя одежда граждан Древнего Рима — белый шерстяной плащ без рукавов.

⁴ Ляпис-лазурь, ценный поделочный синий или зеленовато-голубой камень.

⁵ *Брут Марк Юний* (85—42 гг. до н. э.) — глава заговорщиков-республиканцев в Древнем Риме в 44 г. против Цезаря. По преданию, одним из первых ударил его кинжалом. Цезарь воскликнул: «И ты, Брут!»

шей эры¹. Исчезните отсюда, господин Густафссон, и явись, Марк Антоний², самый безрассудный из римлян! Явись и произнеси свое знаменитое надгробное слово о Цезаре и предай его тело очищающей власти огня! Я люблю тебя за твое рыцарство, и великодушие, и самоотверженность, и за твое безрассудство! Ты пожертвовал державой ради женщины, которую любил, и умер за свою любовь³. За это я люблю тебя! Явись сюда, Октавиан!⁴ У тебя строго сжатые губы, и мне не нравится, что ты носишь длинные зимние кальсоны. Это не подобает мужу, который войдет в историю под именем императора Августа! Но, во всяком случае, явись сюда. Исчезните, фру Берг и фру Густафссон, и явись сюда, Фульвия⁵, жестокая кровожадная Фульвия! Нет, вообще-то оставайся в Царстве мертвых, Фульвия! Там твое место! От такой дьявольской злобы, как твоя, увяли бы розы на Форуме! Ты

¹ *Иды* — название 15-го (в марте, мае, июле, октябре) или 13-го дня (в остальных месяцах) древнеримского календаря. 15 марта по древнеримскому календарю — день убийства Цезаря заговорщиками-республиканцами Марком Юнием Брутом, военачальником Цезаря Децимом Юнием Альбином Брутом (ок. 84—43 гг. до н. э.), организатором убийства Цезаря Кассием (?—42 г. до н. э.) и др., опасавшимися его монархических устремлений.

² *Антоний Марк* (ок. 83—30 гг. до н. э.) — римский полководец, сторонник Цезаря. В 42 г. до н. э. получил управление восточными областями Римской державы.

³ Имеется в виду любовь Марка Антония к последней египетской царице Клеопатре. После объявления римским сенатом войны Клеопатре и поражения египетского флота при мысе Акции (в 31 г. до н. э.) Марк Антоний покончил жизнь самоубийством.

⁴ Речь идет о римском императоре с 27 г. до н. э. Октавиане Августе (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. Победой в 31 г. до н. э. при мысе Акции над Марком Антонием и Клеопатрой завершил гражданские войны в Древнеримском государстве и сосредоточил власть в своих руках.

⁵ *Фульвия* (?—40 до н. э.) — жена Марка Антония.

плевала на мертвое лицо Цицерона¹ и жестоко расправилась с его языком, время от времени вещавшим тебе правду. Ты повелела выставить его голову на столбе здесь, на Форуме, а руку его, написавшую столько сочинений на латинском языке, ты повелела прибить гвоздями...² Оставайся в Царстве мертвых, Фульвия! Если бы ты хоть один-единственный раз выказала самую малость женской доброты и милосердия! Теперь ты можешь каяться, но уже слишком поздно!

Кто сказал, что надо быть хорошим, пока еще не поздно? Ни Марк ли Аврелий³, чью покрытую патиной⁴ статую я видела недавно на вершине Капитолийского холма? «Живи не так, словно тебе предстоит прожить еще тысячу лет. Смерть витает над тобой. Пока ты еще жив, пока ты еще можешь, будь добрым!»

О небо! Я вдруг почувствовала, как коротко время и для меня! Мы живем всего одну-единственную краткую минуту — это я с ужасающей отчетливостью поняла здесь, на Форуме! И поняла еще одно! Что ни говори о господине Мальмине, о фру Берг и о супругах Густафссон, да и о других тоже, — у них, во всяком случае, есть одна чрезвычайно примечательная

¹ Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель. Сторонник республиканского строя.

² Это, очевидно, одна из римских легенд. Цицерон произнес 14 разгромных речей против Марка Антония. Тот вместе с Октавианом велел казнить Цицерона. Отрубленные руки Цицерона прислали Марку Антонию, и он повелел прибить их перед трибуной, где часто выступал Цицерон.

³ Антонин Марк Аврелий (121—180) — римский император с 161 г., из династии Антонинов. Опирался на сенатское сословие. Представитель философского направления позднего стоицизма. Философское сочинение «К самому себе» (на древнегреч. языке).

⁴ Медная зелень (*ит.*); образующийся от времени налет на старинной бронзе, придающий ей коричневатозеленый оттенок.

особенность: *они мои современники!* Они делят со мной эту маленькую краткую минуту жизни. И если я хочу быть доброй, то надо начинать с моих современников! Они — единственные, кто мне доступен. Единственные, для кого я могу что-нибудь сделать! О, времени у меня в обрез! Господин Мальмин, господин Мальмин, мой милый, добрый современник, я несусь к вам на всех парусах и хочу быть доброй! Я похлопываю его по спине, чтобы обратить на себя внимание.

— Послушайте, послушайте, дорогой, дорогой господин Мальмин!

Но дорогой господин Мальмин наверняка никогда не читал Марка Аврелия и не понимает, что значит для него, господина Мальмина, делить краткую минуту жизни со мной! Нетерпеливо сбросив мою руку со своего плеча, он возобновляет беседу с гидом.

— Здесь в самом деле чувствуешь, как шелестят и шумят страницы истории! — глубокомысленно изрекает он.

Тут я становлюсь такой ехидной по отношению к моему милому маленькому современнику!

— Да, ведь у вас, господин Мальмин, неприятности из-за шума в ушах еще с тех пор, как мы проезжали Сен-Готардский туннель, — говорю я и удаляюсь, потому что не желаю, чтобы меня так принимали, когда я, исполненная доброты, приношусь на всех парусах!

Мне необходима другая жертва для моей доброты, чуточку более восприимчивая. Я оглядываюсь вокруг в поисках ее. Возле храма Весты сидит фру Берг, словно несколько увядшая весталка более поздней эпохи, и покоит свои уставшие ноги. Она смотрит прямо перед собой совершенно пустыми глазами. Она вконец измучена жарой, и у нее уже не осталось сил для Римского форума. Я внимательно наблюдаю за ней, чтобы понять, не чувствует ли и она, как шелестят и шумят страницы истории! О нет, фру Берг уже бывала

в Риме и прежде, и для ее особы с шелестом и шумом страниц истории уже покончено. Фру Берг вовсе не считает, что ей вообще надо выказывать какое-то восхищение в Италии, будь то восхищение красотой Венеции, или сокровищами искусства Флоренции, или достопримечательностями Рима, ведь она уже видела все это, и мы — все остальные — должны это себе раз и навсегда усвоить. Она считает нас глупыми, когда мы всплескиваем руками и восклицаем «Ах!» и «Ох!». К тому же она вообще раскаивается в том, что поехала вместе с нами в это путешествие. Она не раз внушала нам, что ей следовало бы остаться дома и заняться своим недвижимым имуществом в Стокгольме.

Я осторожно сажусь рядом с ней. Она кажется такой озабоченной. Возможно, она и есть та самая душа в беде, которую я могу утешить, одна из моих современниц, к которой я могу быть доброй!

— Смотри, как отекли на жаре мои ноги! — говорит фру Берг и кладет их на угловой камень древнего храма. Я даю ей высказать все жалобы, я выслушиваю их, и я так добра! Вскоре она уже переходит на свою излюбленную тему — недвижимость, которая не приносит достаточного дохода, а содержание которой стоит таких больших денег... Ведь здесь, на Форуме, она видит ужасающие последствия плохого содержания домов. А эта безумная налоговая политика! О, она просто приводит фру Берг в ярость! Я пытаюсь развернуть перед нею широкую историческую перспективу. Ничто не ново под солнцем, и менее всего — жалобы на налоги. Разве не сюда, на Форум, ворвалась некогда толпа разъяренных римлянок и стала протестовать против законов Марка Аврелия? Что он имел в виду, обложив их такими непомерными налогами? Он, видно, хочет выгнать их на улицу, чтобы там собрать налоги?

— Именно так и надо жаловаться, — призываю я фру Берг. — Никаких мелких сетований и стонов

в тишине, а громкие неистовые протесты перед министерством, чтобы министр финансов подпрыгнул до потолка, — такова схема действий!

Фру Берг явно оскорблена. Она, конечно, не понимает, что я всего лишь пытаюсь быть доброй и навести ее на более радостные мысли. Она, конечно же, не понимает, что я всего лишь пытаюсь изо всех сил пробудить ее энтузиазм, ее волю к жизни, которая так коротка, ее интерес к солнцу, к цветам и к столь богатой историческими воспоминаниями земле, на которой мы сидим. Но она сопротивляется! Она не желает радоваться! В конце концов она все-таки вынуждена чуть угрюмо признать, что Римский форум «жутко очаровательный».

Юлий Цезарь, Марк Антоний, Август, вы слышали? Высокочтимые тени, думаю, вам лучше всего вернуться в ваше великое молчаливое небытие, предоставив Форум одной лишь фру Берг! Раз уж она полагает, что он такой жутко очаровательный!

* * *

Надеюсь, шум в ушах господина Мальмина за день еще усилился, ведь в этом городе ему на каждом шагу слышно, как вопиют даже уличные камни. Все время он держался рядом с Евой. Когда мы вошли в Колизей, он начал читать длинный культурно-исторический доклад. Он долго говорил о христианских мучениках за веру, которые истекали кровью там, на гигантской арене. В конце концов Ева сказала:

— О эти бедные мученики! К счастью, я знаю, что можно быть ничтожной маленькой язычницей, не нарушающей закон!

Я смотрела вниз на арену, купавшуюся в лучах солнца, и пыталась представить себе, каково стать беззащитной жертвой кровожадного льва. О, я хотела бы стать мученицей за веру, если бы только осмелилась!.. Но я и сама знала, какая я трусиха! Будь я мученицей,

стоило бы льву лишь покоситься в мою сторону, как я, запыхавшись, ринулась бы к императорской ложе и отреклась от своей веры. Я знала это и поэтому дрожала от восхищения, думая о мучениках, которые явили собой блистательный пример того, что силу духа человеческого жестокостью не сломить!

Во все времена существовало множество таких мужественных людей, начиная со святых мучеников за веру и кончая участниками движения Сопротивления¹. Я восхищалась ими больше всего на свете!

— Я никогда не могла бы участвовать в каком-нибудь движении Сопротивления, — мрачно сказала я. — Достаточно было бы слегка вывернуть мне палец, как я мгновенно раскололась бы и предала бы все движение Сопротивления и всех своих товарищей. Я бы тут же выболтала все до единого имени, и адреса, и номера телефонов, и все приметы...

— А я нет! — возразила Ева. — Парню, который стал бы выворачивать мне палец, я дала бы свой номер телефона и спасла бы всех от беды!

— О! — воскликнул господин Мальмин. — Вы в самом деле подружились бы с врагом?

— Этого я не говорила! — ответила Ева. — Врагу пришлось бы держаться от меня подальше, не то я начала бы свое собственное движение Сопротивления, да такое, что он бы побледнел!

Я была абсолютно уверена в том, что Ева начала бы свое собственное движение Сопротивления даже против львов на арене Колизея. Весьма вероятно, что она всех их обратила бы в другую веру!

Я спросила фру Берг, не думает ли она, что Колизей тоже жутко очаровательный, и она со мной согласилась. Думаю, после подобного поощрения старый гигантский цирк сможет простоять еще несколько столетий. И это

¹ Имеются в виду борцы с фашизмом в оккупированных странах Европы в период Второй мировой войны.

прекрасно. Ибо если рухнет Колизей, то рухнет и Рим, да и весь мир тоже. По крайней мере так полагали древние!

* * *

Потом мы сидели наверху на *Pincio*¹ и смотрели, как заходит солнце, и на славных маленьких римских детей, игравших в тени кудрявой зелени каменных дубов². Невинные малютки явно не были обременены никакими историческими шумами в ушах. То, что когда-то существовала некая ужасная тетка Мессалина³, которая не очень скромно вела себя здесь, на Пинчо, их не волновало. И палач в кукольном театре, которому они аплодировали, куда больше будоражил их воображение, чем какой-то там старый злодей Нерон⁴, урна с прахом которого была некогда спрятана здесь в земле⁵.

Однако Ева заинтересовалась Нероном. Ей очень хотелось узнать точное место, куда давным-давно в ту июньскую ночь рабыня Нерона Актея⁶ зарыла урну с его прахом.

¹ Пинчо (*ит.*) — возвышенность со смотровой площадкой.

² Каменные (дубравные) дубы растут на горах и в суходолах, в безводных долинах и лощинах, получающих влагу только от дождя и тающего снега; они крепкие, но суховерхие и хрупкие.

³ Мессалина (ок. 25—48) — жена римского императора Клавдия из династии Юлиев, известная своим непотребным поведением и жестокостью. Имя ее стало нарицательным для обозначения принадлежащих к привилегированному классу женщин легкого поведения.

⁴ Нерон (37—68) — римский император с 54 г., из династии Юлиев — Клавдиев. Согласно историческим источникам — жестокий и самовлюбленный. Репрессиями восстановил против себя разные слои общества. Свергнутый в 68 г., он покончил с собой.

⁵ Здесь, видимо, использована одна из римских легенд, так как есть сведения, что Нерон был все же похоронен в усыпальнице.

⁶ Согласно римскому историку Гаю Транквиллу Светонию (ок. 70 — ок. 140), Актея помогала кормилицам Нерона собрать его останки.

— Разве это не удивительно? — спрашивала Ева. — Даже если мужчина такой большой хищный зверь, которого все ненавидят, все равно всегда найдется любящая женщина, которая останется с ним до последней минуты. Даже у такого негодяя, как Нерон, была своя Актея, которая нежными руками зарыла его урну в землю и плакала над ним, прежде чем уйти.

— Ну а я, что есть у меня? — спросил господин Мальмин, лукаво и призывно взглянув на Еву.

— Вы, господин Мальмин, слишком мелкий хищный зверек, — сказала Ева. — Сначала сожгите Рим¹, а там посмотрим!

¹ Имеется в виду многодневный пожар в Риме в 64 г. н. э. Есть свидетельства, что виновником его был Нерон, уничтожавший лагуги и другие здания, чтобы возвести новый прекрасный город Нерополь (Нероноград).

XVIII

Почему Леннарт так и не позвонил? Ведь он обещал! Он сказал, что даст знать о себе, как только приедет в Рим. Я так радовалась в первый день в Риме, была так уверена, что телефон скоро зазвонит, и когда я подниму трубку, то это будет Леннарт, и я услышу его теплый глуховатый голос. Однако телефон так и не зазвонил. Вернее, он звонил, но это был господин Густафссон, желавший знать, не хотим ли мы поехать на такси на «блошинный рынок»¹ с ним и его женой. Или господин Мальмин, обративший наше внимание на то, что в катакомбах может быть довольно прохладно и надо захватить с собой куртки. В конце концов я начала испытывать перед телефоном настоящий страх — и когда он молчал, и когда звонил. Может, Леннарт не хочет звонить? Может, вместо звонка он думает написать письмецо, наскоро набросанное письмецо: «Встретимся в кафе „Ульпия“». Я беспрерывно мучила портье вопросами: нет ли мне письма?

Письмо мне, конечно, все же было. От Яна. Он так мило написал: он надеется, что у меня теперь есть тот,

¹ Рынок, где продаются старые вещи и новые по более низким ценам.

кто сделает меня счастливее, чем мог бы он. И что, несмотря ни на что, я с теплотой буду вспоминать о том времени, которое мы проводили вместе. Я не должна расстраиваться из-за него, писал Ян, еще придут, вероятно, новые весны! Наверняка так оно и будет, а я наверняка иногда буду с теплотой вспоминать о Яне. Но я совершенно ясно чувствовала, что ничто не бывает так мертво, как любовь, которую недавно похоронил.

Ах, время бежало так быстро, а Леннарт все не давал о себе знать. С тяжелым сердцем, утратив всякую надежду, я бродила по Риму, осматривала собор Святого Петра¹ и термы Каракаллы, Рим христианский и Рим античный — все, что только успевала. Я слонялась по Via Veneto², разглядывая элегантных, пьющих чай римлян, я смешивалась с толпой на Pincio — словом, делала все, что требуется от туриста в Риме. Но я переживала пребывание в Вечном городе не всем сердцем, как следовало бы. Потому что думала о Леннарте. Я думала о нем в соборе Святого Петра, на Форуме и в Колизее, я думала о нем наверху на Pincio, и на Via Veneto, и в темной глубине катакомб. В особенности в темной глубине катакомб. *Catacombi di San Sebastiano — Beveto Coca Cola!* «Катакомбы Сан Себастьяно — пейте кока-колу!»³ — было написано на двух плакатах у входа в катакомбы. Ничего тут не поделаешь! Ты вздрагиваешь при виде призрака Сан Себастьяно⁴

¹ Сан Пьетро (1506—1614) — самая большая церковь в мире. Архитектурный памятник Ватикана — государства-города в пределах Рима, резиденция главы Римско-католической церкви Папы Римского.

² Виа Венето (*ит.*) — одна из центральных улиц Рима с дорогими ресторанами.

³ Катакомбы Сан Себастьяно расположены рядом с церковью Сан Себастьяно. Это один из семи крупнейших храмов Вечного города, центр паломничества.

⁴ Святой, погибший во времена императора Домициана (51—96) в 81 г.

и других мучеников, сидящих внизу во мраке и кутящих с бутылками кока-колы в руках. Эта реклама кока-колы, так непочтительно торчавшая повсюду, в самом деле могла подействовать на нервы кому угодно. Еве она тоже не понравилась. Покачав головой, она сказала:

— Держу пари, что когда я умру и явлюсь к небесным вратам, то и там будет висеть плакат: «Вход в небесное обиталище — пейте кока-колу!».

Затем мы спустились вниз в катакомбы, и господин Мальмин освещал нам восковой свечой путь в длинных узких проходах, где мрак, как тяжкий груз, давил на грудь. И я подумала, что, будь я мученицей за веру, пусть бы меня лучше разорвали львы, чем сидеть здесь взаперти в подземелье — без воздуха, без солнца и без света.

После этого господин Мальмин пригласил нас в маленькую трактирцию совсем рядом с Аппиевой дорогой¹. Мы пили молодое белое вино и безумно радовались, что мы не мученики.

Однако я все время думала о Леннарте. Может, именно в тот момент, когда я сидела здесь, этот мерзкий телефон в номере гостиницы просто содрогался от звона! Да, от таких мыслей появляются морщины на лбу! И мысли эти тебя не отпускают! Пока я рассеянно прислушивалась к болтовне Мальмина и Евы, мой мозг продолжал работать, а маленькие светлые эльфы — проблески мыслей — повторяли мне примерно вот что: «Он говорил, что даст о себе знать. Кто знает, может, он звонил, когда нас не было?! Может, он сделал слабую попытку сдержать свое обещание, а потом плюнул на все». Ведь мужчины вообще часто так поступа-

¹ Проложена в 312 г. до н. э. между Римом и Капуей. Известна также тем, что участники восстания рабов (73 или 74—71 до н. э.) под руководством Спартака (?—71), оставшиеся в живых после боя, были повешены вдоль этой дороги. Сам Спартак погиб в сражении.

ют, бросая на ходу что-то вроде «Нам надо встретиться!», и, может быть, даже в ту минуту думают именно так, а через час об этом забывают. Моя жалкая маленькая надежда была подобна пламени свечи, которая уже едва мерцает и вот-вот погаснет.

Это был наш последний день в Риме. И было бы хорошо заставить надежду угаснуть совсем и начертать над ее могилой: «Здесь покоится единственная великая любовь Кати!»

Последний обед в Риме был в отеле, где мы остановились. Настроение было веселое и оживленное, и наконец мы зашли так далеко, что после многодневного совместного времяпровождения все стали обращаться друг к другу запросто, по именам, — словом, выпили на брудершафт¹.

— Виктор, — представился господин Мальмин. — Хотя мои друзья называют меня Викке.

Но Ева решила называть его Виктором.

— Викке! — сказала она. — Мне никогда этого не выговорить! И мало кому так подходит имя Виктор, а не Викке. Виктор звучит так по-настоящему!

Затем вся группа отправилась к фонтану di Trevi² — бросить монетки в воду. А иначе ведь нельзя быть уверенным в том, что когда-нибудь снова увидишь Вечный город. Я тоже бросила монетку. Но, откровенно говоря, мне было безразлично, вернусь я сюда или нет. Рим был для меня городом утраченных надежд.

И должно быть, станет им в еще большей степени.

Виктор, наш новоявленный брат, захотел увидеть Рим *by night*³ и спросил нас с Евой, не пожелаем ли мы

¹ Закрепили дружбу особой застольной процедурой — выпили одновременно свои рюмки, поцеловались и стали обращаться друг к другу на «ты».

² Ди Треви. Букв.: Перекресток трех дорог (*ит.*). Создан в 1730—1760 гг. архитектором Никколо Сильви.

³ Ночью (*англ.*).

сопровождать его. Естественно, обратился он вообще-то к Еве, — видно, не знал, как избавиться от меня. Не успев даже подумать, я ответила: «Да!» Но Ева не ответила «да». Она устала, у нее болит голова, и ей хочется прилечь. У Виктора был совершенно убитый вид, когда он это услышал. Перспектива увидеть Рим *by night* наедине со мной ни в коем случае не опьянила его и не привела в восторг, — это было заметно. Я поспешила заверить Мальмина, что при таких обстоятельствах я, естественно, не могу оставить Еву одну. Но Ева решительно отказалась от моего общества, заявив, что ей никто не нужен и ничто не нужно, кроме ее головной боли. Она настаивала на том, чтобы мы с Виктором ушли.

— Поразвлекайтесь хорошенько! — сказала она.

И поскольку Виктор не желал быть совсем неучтывым, он заверил нас, что ему будет очень приятно прогуляться со мной. Я бросила оскорбленный взгляд на Еву за то, что она так поступила со мной. И мы с Виктором ушли.

Мы направились к Библиотеке¹. Мы выпили по бокалу aqua di Trevi² и послушали, как широкогрудый певец поет «Санта-Лючия», одно из самых действенных средств, придуманных итальянцами, чтобы мучить иностранцев. Когда слышишь эту песню первые пятнадцать — двадцать раз, это еще куда ни шло, но раз за разом становится все хуже, и, когда черноволосые мальчишки в сотый раз нудят «Санта-Лючия...», хочется стать бешеной собакой и всех перекусать.

Виктор был в тот вечер необыкновенно общителен. Он рассказывал о своем печальном и одиноком детстве и был по-настоящему человечен. Быть может, не совсем так я представляла себе Рим *by night*, но слушала заинтересованно, а он надолго и прочно углубился в свою

¹ Вероятно, имеется в виду богатейшая Ватиканская библиотека (XV в.).

² Столовая вода.

тому. Мало-помалу мы решили отправиться в другое место. В кафе «Ульпия», где, должно быть, так уютно!

Да, в «Ульпии», должно быть, так уютно! Я все еще вижу перед собой эту картину! Лестница, ведущая вниз в сумрачный погребок. Я спускаюсь вниз. Следом за мной Виктор Мальмин. Музыка. Люди за столиками. И в самом конце, в углу, — белокурая голова... и смех, который я узнаю, — смех Евы. Ева... и не одна она... Прямо против нее сидит Леннарт и тоже смеется так, что зубы сверкают на его загорелом лице.

Боже, помоги мне уйти отсюда, прежде чем они заметят меня!

Я отчаянно хватаю Виктора за борт пиджака.

— Нам... нам надо уйти! — заикаюсь я.

— Уйти? — переспрашивает Виктор. — Почему?

Вдруг он тоже замечает тех двоих в углу!..

— Ах, так, значит, это и есть головная боль, — с горечью произнес он, когда мы вышли на улицу.

Я не ответила. Я была так безумно несчастна, что не могла говорить. Трудно сказать, что мне было больнее — предательство Евы или уверенность в том, что Леннарт навсегда утрачен для меня. В любви и на войне все средства хороши — это знаешь отлично, — но то, что Ева... думать об этом было просто невыносимо. Да и вообще, как я могла хоть на один-единственный миг поверить, что Леннарт обратит на меня внимание, когда рядом Ева. Ева с ее ямочками на щеках, с ее веселым юмором и во всем блеске!..

Я стояла на улице и чувствовала себя совершенно одинокой. Одинокой и покинутой и никому не нужной, с солеными слезами горечи на глазах. Рядом со мной стоял Виктор Мальмин, насвистывая «Санта-Лючия», чтобы скрыть свою неуверенность. Кто знает, быть может, он был в таком же отчаянии, как я, и так же одинок? Мы стояли на улице — двое несчастных отвергнутых, — а там, в погребе, сидели Ева и Леннарт, такие радостные и уверенные в себе. И вероятно, так же — друг в друге!

— Виктор, — сказала я, как утопающий, хватаясь за его руку, — пойдем и потанцуем где-нибудь!

Сев в такси, мы поехали наверх к *Pincio*. И мы танцевали. В ротонде¹ под звездным небом и в окружении высоких кудрявых деревьев. Никогда еще более мрачная пара не танцевала под звездами. Мы не разговаривали. Мы только танцевали, крепко держа друг друга за руки. Но между танцами мы садились за столик, и тогда Виктор говорил чуть тихо, чуть односложно и без тени обычного превосходства.

— Да, ведь было одиноко, — говорил он. — Со всем одиноко, но думалось, быть может, Ева... но ведь ясно, что разница в возрасте слишком велика. Да и у нее ведь столько других... А этот подозрительный тип, что сидел с ней в «Ульпии», — кто он?..

— Извини, но *на самом деле* он вовсе не подозрительный тип, — живо ответила я, не потерпевшая бы никаких нападков на Леннарта. — Он такой... да, ну это все равно, какой он...

Виктор, задумчиво взглянув на меня, смолчал. И мы снова начали танцевать.

Было уже поздно, когда мы поехали в отель. Наши дрожки катились по ночным улицам, казавшимся такими пустынными, когда смолк веселый дневной шум. Копыта лошадей стучали о мощенную камнем мостовую, и далеко разносилось эхо. Я прислонилась усталой головой к плечу Виктора. Оно оказалось таким же шероховатым и честным, как сам Виктор.

— Не переживай, Кати, — сказал он у двери нашего с Евой номера. — Со временем вырастут розы! По крайней мере для некоторых!

* * *

Когда я вошла, Ева спала, улыбаясь во сне.

¹ *Ротонда* — круглое или полукруглое небольшое здание с куполом.

XIX

кое о чем должна с тобой поговорить, — сказала мне на следующее утро Ева. — Но ты не узнаешь ничего, пока мы не приедем в Сорренто!¹ Готовься!

Я молча кивнула. Вот как, значит, в Сорренто я получу милостивую поддержку! Мы будем там сегодня вечером, а уж столько-то времени я смогу потерпеть. Никакого сюрприза я не ожидала, я слишком хорошо знала, что́ она собирается мне сказать, но интересно посмотреть, *как* она думает это сказать и *как* объяснить то, что она так подло обманывала меня. Я испытующе глянула на нее. Она стояла наклонившись возле балконной двери и расчесывала щеткой свои белокурые волосы. Они спадали ей на лицо, словно золотая грива. Она весело насвистывала. Неужели ее ни капельки не мучит, что она причинит мне страшную боль? Неужели она так искренне радуется, что ей удалось отбить у меня Леннарта, и она уже больше ни на что не обращает внимания? Кажется, так и есть!

¹ Город в Южной Италии в области Кампания, у Неаполитанского залива.

Я начала укладывать свои платья и туалетные принадлежности. На сердце у меня было тяжело, а руки двигались неохотно, и поэтому все шло очень медленно. Казалось, будто у меня никогда не было более тяжелой работы. Я очень мало спала этой ночью, я устала, и каждое движение стоило мне огромного напряжения. В конце концов Ева заметила: что-то неладно!

— Что с тобой? — спросила она. — Ты расстроена?

«Ты расстроена?» — спросил ястреб куропатку. *Расстроена* ли я? Нужно было совсем другое слово, чтобы определить мое состояние. Слово, которого нет в словаре, что-то ужасное и душераздирающее. Я не ответила Еве. Но она вдруг оказалась совсем рядом со мной, нежно поцеловала в щеку и спросила:

— Бедное дитя, неужели тебе было *так* скучно вчера вечером с Виктором?

— А ты, как у тебя с головной болью? — не смогла я удержаться от вопроса.

Она таинственно засмеялась.

— Боль совершенно прошла, — сказала она.

Затем быстро отобрала у меня платье, которое я собиралась положить в сумку, и сказала:

— Давай я упакую, это будет быстрее!

Через несколько минут она уложила вещи в сумку. Все так быстро — у нее все в руках спорилось. И она все время пела во весь голос: «*Oh, what a beautiful morning, oh, what a beautiful day!*»¹

Увы, разделить ее мнение было некому. Я стояла совсем вялая, опустив руки, и ждала, когда она закончит.

Потом мы взяли сумки и спустились вниз в холл, где уже все собрались. Ева, игриво толкнув меня в бок, сказала:

¹ О, какое прекрасное утро, о, какой прекрасный день! (англ.)

— Через несколько часов мы увидим Неаполь, а потом умрем, разве это не чудесно?

«Да, это было бы чудесно», — призналась я самой себе. По крайней мере если можно было бы перепрыгнуть через Неаполь и поскорее умереть.

* * *

Да! Увидев этот город, веселее не станешь! Разумеется, вид на Неаполитанский морской залив — словно дивный сон, а Средиземное море — ярко-голубое чудо, которое я увидела в первый раз. Но я увидела столько всего другого, вселившего в меня еще бóльшую печаль. Бледные истощенные дети, бледные истощенные матери, грязь, бедность и беззащитное нищенство, корни которого — в подлинной нужде. Матери, взывая к нашему милосердию, демонстрируют своих грязных, покрытых струпьями младенцев, торговцы с безумным упрямством пытаются всучить нам свои побрякушки. То была Италия бедноты, какую мы еще не встречали.

И надо всем этим светило ясное, срывающее все покровы солнце Божье. Стираное белье, висевшее длинными рядами перед окнами и поперек улиц, выглядело еще более грязно-серым при свете солнца, дети — еще более бледными, а грязь выступала еще отчетливее. На тротуаре лежал лицом вниз человек, вкушавший после-полуденный сон, — он выглядел на солнце еще более бедным и несчастным, как и двое рабочих, что, сидя на краю тротуара, ели скудный завтрак — кусок хлеба. Что толку смотреть на прекраснейшую панораму Земли, если тебе нечего есть?! Голод, должно быть, легче переносить в каком-нибудь по-настоящему уродливом и отпугивающем месте, потому что тогда по крайней мере не видишь такого множества упитанных туристов.

Мы и в самом деле *питались*. Мы ели и пили столько, сколько могли впихнуть в себя: ризотто, котлеты, сыр, фрукты, мы пили вино в ресторане на открытом

воздухе, под гигантским солнечным тентом внизу в гавани. И все время поблизости стояли голодные люди. Не говоря уже о голодных кошках! Они бегали под столами, терлись о наши ноги и мяукали так чудовищно, что мы едва слышали собственные голоса.

Но шум вокруг стоял не только от кошек. Мне еще никогда не приходилось проводить ленч в более оживленном месте.

— Этот ресторан не назовешь «Тихая Мари»! — сказала я Еве, и она с этим согласилась.

Очевидно, ресторан был расположен в самом центре очень важной магистрали, потому что половина населения Неаполя сновала между столиками. Торговцы устрицами, цветочницы, уличные фотографы теснились вокруг и, громко крича, предлагали свои услуги.

— Если бы мне пришлось здесь питаться некоторое время, я бы заболел язвой желудка, — сказал господин Густафссон.

Но это были только цветочки! Он сказал это еще до того, как заиграл оркестр.

Должно быть, в Италии нет закона, запрещающего шуметь. Рядом, отделенный от нашего только шпалерой¹, находился другой ресторан. Точно так же битком набитый кошками, торговцами, уличными фотографами и второй половиной населения Неаполя. И там тоже играл оркестр! Оба ресторана были злейшими конкурентами, а их оркестры вели друг с другом благородное соревнование. Так получилось, что, едва наш оркестр заиграл «Санта-Лючия» так, что эхо разносилось над Неаполитанским заливом, тут же вступил другой оркестр с мелодией «О мое солнце!», да так, что Везувий² начал содрогаться. Оба солиста, чтобы перекричать друг друга, пели до посинения. Кошки мяукали, торговцы кричали, уличные фотографы щел-

¹ *Шпалера* — специальная решетка для вьющихся растений.

² Действующий вулкан на юге Италии, близ Неаполя.

кали затворами. Население Неаполя беззаботно снова-ло между столиками туда-сюда, и все это под дикое пение, возносившееся к небесам.

— Здесь по крайней мере хоть что-то получаешь за свои деньги, — устало сказала Ева и уронила косточку.

* * *

Подумать только! Живешь и достигаешь совершен-нолетия, не зная, что на свете есть Сорренто! Конечно, слышишь о нем, но не испытываешь при этом томления в груди.

После поездки в Италию никто не сможет сказать в моем присутствии «Сорренто» без того, чтобы воздух не начинал мерцать вокруг меня, а сладостные голоса звать издалека... Так что я застываю как потерянная на месте и только *вспоминаю*.

Я поднялась на борт белого парохода в гавани Неаполя, не подозревая, что направляюсь в райские кущи. О, конечно, это было красиво, и наш белый пароход, и ярко-голубое море, сверкающее на солнце! И там виднелись хорошо известный конус Везувия, и скали-стый обрывистый силуэт острова Капри¹, и высокие отвесные черные стены полуострова Сорренто.

Но я не знала, что направляюсь в райские кущи. Я вообще ничего не знала. Это произошло позднее, когда мы с Евой стояли на террасе отеля, где росли большие платаны. Словно птичье гнездо, прилепился отель к самой вершине скалы, и далеко-далеко внизу у подножия обрывистого горного склона слышалось, как вздыхает Средиземное море. Волны тихо бились о скалу, нашептывая нам свои древние тайны. Напротив нас, по другую сторону залива, вздымал свою голову к небу Везувий, а небо на закате мерцало, переливаясь разными цветами — бирюзовым и розовым, сизым и

¹ Остров в Тирренском море, в составе Италии.

фисташковым. Сумерки наступили быстро, и по другую сторону вод длинной сверкающей цепью начали зажигаться огни Неаполя. Оттуда внизу скользили к причалу рыбацьи лодки. С нашей вышины они казались игрушечными корабликами, брошенными и забытыми каким-то маленьким мальчиком, уставшим от игр. Рыбаки в лодках перекликались, и голоса их в вечерней тишине слышались так близко, словно они стояли рядом с нами.

Счастлива я была или несчастна? Трудно быть *настоящему* несчастной, если Земля преподносит своим горяющим детям такие пейзажи!

Ева в белом платье тихо стояла на террасе, перегнувшись через перила. Задумчивым взглядом смотрела она вниз на рыбацьи лодки. А может, глаза ее были печальны? А может, несмотря на все, она грустила, что вскоре ей придется уничтожить для меня всю прелесть этого чудесного вечера?

— Ева, — дрожащим голосом спросила я, — Леннарт очень влюблен в тебя?

Она вздрогнула, сердито повернулась ко мне и прошипела:

— Будь любезна, повтори еще раз, что ты сказала!

— Я имею в виду только... — заикаясь, начала я, — я имею в виду, что если ты и он... если все между вами решено, то...

Ева подбоченилась и нахмурила брови.

— На твоем месте я обратилась бы к врачу, — заявила она. — Тебе еще не мерещатся маленькие белые крольчата или, может быть, ты мнишь себя Наполеоном?

— О Ева! — в отчаянии воскликнула я. — Ведь я видела вас вчера вечером в погребке, в «Ульпии»!

— Ну и что?!

— Я поняла... — пролепетала я. — Я думала, что..

— Ты поняла, и ты думала... — повторила Ева. — Воистину ничего хорошего не бывает, когда такие экс-

центричные девчонки, как ты, начинают думать! Думать буду я!

— Но почему ты мне соврала, что у тебя болит голова?

— У меня и вправду болела голова! Я чувствовала, что сойду с ума, если проведу целый вечер с Виктором Мальмином. Но через две минуты после вашего ухода позвонил Леннарт. А что делает в таком случае истинная подруга? Да еще когда видит, как ты каждый день в Риме вздыхаешь о нем? И не знаешь, где искать тебя именно сейчас? Упустить парня, бросив все на произвол судьбы, не зная, когда увидишь его в следующий раз? Ну нет! Кто угодно поступил бы так, только не такая разумная девушка, как я. Я иду с ним в «Ульпию»! Сажу там целый вечер с головной болью и рассказываю самые восхитительные истории о Кати! И ни единого слова о том, какая она вообще-то редкостная дуреха!

Я бросилась к ней на шею, вперемешку смеясь и плача.

— Прости меня, прости! — всхлипывала я.

Мне казалось, что я пробудилась от кошмарного сна. Во всяком случае, даже если я никогда больше не увижу Леннарта, Ева по-прежнему останется моей подругой. В ту минуту это казалось мне важнее всего на свете!

Но когда я подумала о том, что *могла* встретиться с Леннартом, если бы не пошла с Виктором Мальмином, что я, быть может, утратила из-за него свой единственный великий шанс в жизни ради того, чтобы увидеть с Виктором Рим *by night*, меня охватил глубокий и несправедливый гнев.

— Ева, я ненавижу Виктора! — воскликнула я. — Я ненавижу его! Он разбил мне жизнь!

— Так я и думала, — сказала Ева. — Я понимала, что ты ополчишься на доброго несчастного Виктора! Поэтому я не хотела рассказывать тебе о Леннарте, пока мы не приедем сюда.

— С твоей стороны это было разумно, — согласилась я. — Здесь такие прекрасные крутые скалы. Я столкну Виктора в Средиземное море!

— Ну, я думаю, ты простишь Виктора, когда снова встретишься с Леннартом.

— Я *никогда* не встречусь с Леннартом, — вздохнула я.

— Ты так думаешь? — спросила Ева. — Если зрение мне не изменяет, он уже здесь.

Я обернулась. Кто-то шел по террасе. Совершенно верно! Это был Леннарт!

XX

аннее утро на берегу Средиземного моря.

— Мне нравится твой затылок, — сказал Леннарт. — Он такой детский!

Я лежала на животе на причале, освещенная утренним солнцем, а Леннарт лежал рядом со мной. Только мы двое, больше никого. Высоко наверху, в отеле, все, наверное, еще спали. Ева, разумеется, бодрствовала. Сидя на террасе, она пила кофе, деликатно оставив нас с Леннартом вдвоем.

— Но как только Виктор Мальмин проснется, я спущусь к вам, — пригрозила она, перед тем как я в одном купальнике ринулась по крутой скалистой тропке вниз к причалу. — Даю тебе один час наедине с Леннартом. На большее не рассчитывай. Я приехала сюда купаться, пусть даже рядом со мной находится пара влюбленных!

Но сейчас, этим ранним утром на берегу Средиземного моря, я была наедине с Леннартом и осторожно покусывала свою руку, еще покрытую каплями соленой воды, чтобы убедиться: это не сон! Леннарту нравится мой затылок. Ужасно, что он разбирает меня по косточкам! Сначала ушки, а теперь затылок... Если

я буду жива и здорова, я, может быть, смогу довести его до того, чтобы понравиться ему целиком. Но видимо, это произойдет поэтапно.

Некоторое время я лежала молча, непрерывно и очень сильно ощущая и Леннарта рядом, и солнечное тепло, и запах соленой воды, и исключительное преимущество того, что у меня детский затылок! Наверное, такой затылок редкость, раз он понравился Леннарту.

— Ты не удивилась, когда я вынырнул и здесь, в Сорренто? — спросил Леннарт. — О чем ты подумала, когда увидела меня вчера вечером?

Не могла же я сказать ему, что чуть не упала в обморок от восторга, хотя, вероятно, именно это он и желал услышать. Я только ответила:

— Что думают в таких случаях... «Мир тесен» или что-нибудь в этом роде.

— Как тебе не стыдно, Кати! — возмутился Леннарт. — И это благодарность за то, что я совершенно изменил свой план путешествия?

Сердце мое забилося. Неужели он и вправду взял на себя труд приехать сюда только ради меня?

— Зачем ты это сделал? Зачем изменил свой план путешествия? — с надеждой спросила я.

— Ева уговорила меня, — ответил он. — Мы были в погребке «Ульпия», как ты, вероятно, слышала. Но ты посвятила себя в это время некоему Мальмину.

Ах вот что! Его уговорила Ева! Интересно, больших ли трудов ей это стоило? Похоже, Леннарт отгадал мои мысли, потому что сказал:

— Вообще-то очень уж долго уговаривать меня не пришлось! Я подумал, что очень приятно было бы снова увидеть тебя. Ну и Везувий, конечно, тоже! Прежде всего Везувий!

— Спасибо, Леннарт! — поблагодарила я.

Затем мы снова помолчали. А я думала о необыкновенном явлении, имя которому — «Леннарт».

Как получилось, что я с первого взгляда так беспомощно влюбилась в него? Во-первых, в нем чувствовалась уверенность. Да, в нем были уверенность и дружелюбие, которые сразу бросались в глаза. В то же время он был чуточку надменным, немного насмешливым, и хотя рядом с ним я чувствовала себя маленькой-премаленькой, но тоже личностью.

Я сравнивала его с Яном. И Ян был надменным, но по-другому, словно он все время хотел тебя осадить, поставить на место. Он часто ругал меня и всегда хотел, чтобы я была другой, а не такой, какая я есть. Но все-таки иногда я могла обращаться с ним свысока, и он этому не противился. Я могла быть злой и отвратительной, не опасаясь никаких последствий. А ведь ничто так не опасно, как сознание, что ты можешь плохо с кем-то обращаться безнаказанно. С Леннартом это бы не прошло, я в этом убеждена. Никто не мог бы оседлать его. И ему никогда не надо было кого-то ругать. Он был спокоен и, само собой разумеется, дружелюбен и к себе требовал точно такого же отношения. Он был довольно скрытный, не очень распространялся о самом себе, но постоянно выказывал трогательный интерес ко всему, что рассказывала я, к самым мелочам. Поэтому я любила его. И еще мне нравились его глаза, и его рот, и его руки... Боже мой, теперь я тоже, кажется, начинаю разбирать *его* по косточкам.

Явилась Ева и прервала мои размышления.

— Виктор Мальмин проснулся, — угрюмо сказала она и нырнула в Средиземное море с головой.

— Хорошо, Кати, — сказал Леннарт, — тогда тебе лучше пойти и позаботиться о нем!

* * *

По вечерам мы сидели на пьядце.

— Почему у нас нет никаких пьядц в Швеции? — удивлялась Ева. — Такой вот по-домашнему уютной маленькой рыночной площади — восхитительной общей

комнаты всего города, где встречаются, благоденствуют и общаются.

— Совершенно верно! — подхватил Леннарт. — Это для нас самое нужное. Наши рыночные площади, похоже, созданы только для того, чтобы внушать людям страх. Пришлите сюда несколько шведских архитекторов, чтобы они поучились.

«Например, Яна, — подумала я. — А потом он сможет вернуться домой и построить кое-где пятачки с маленькими веселыми ресторанчиками и тенистыми деревьями, где люди смогут наслаждаться жизнью».

Может быть, и не очень-то приятно сидеть на пятачке в Сундбюберге¹, когда метель и ветер в тридцать баллов, но ведь выдаются иногда весенние солнечные дни и теплые летние вечера. Я всегда ужасно раздражала Яна разговорами о том, что современное градостроительство Швеции неприятно своим однообразием и действует на нервы людям, вынужденным жить в этой стране, оно просто убийственно и уничтожает всякую радость. И когда теперь я видела чудесную способность итальянцев все так живописно и уютно устраивать, я понимала, что права. Посмотрите хотя бы на этот маленький городок с его пятачком, узкими проулками и веселыми магазинчиками и планом, не начерченным по линейке, а дающим простор воображению, с неожиданными поворотами то тут, то там. Не удивительно ли, что здесь так весело просто бродить? И не удивительно ли, что так уютно сидеть на пятачке, где все собирались в вечерних сумерках и где наш друг Геркуланум с добрыми глазами подавал нам кофе.

Неподалеку от пятачка Геркуланум и его братья Помпей и Везувий (имена в Италии тоже весьма живописны; и почему людей в Швеции зовут только «Калле»?) держали магазинчик. Из этого магазинчика он и снабжал кафе продуктами. Случалось, мы являлись на пятачку

¹ Городок в лене Стокгольм.

посреди ночи, когда обслуживание уже прекращалось. Но тут из какого-то темного угла — всегда стремительно — появлялся Геркуланум и снова расставлял столики и спрашивал, что нам угодно. Времени закрытия кафе не существовало.

В эти беззаботные дни в Сорренто времени вообще не существовало! По крайней мере для меня. Я скользила «по волнам жизни», ни о чем не думая и не считая дней и часов. Мы купались у причала; мы загорали, сидя на террасе; мы, лениво качаясь, ездили по улицам в древних дрожках, которые тянули украшенные кисточками лошади; мы заходили в маленькие темные лавчонки и покупали совершенно ненужные нам вышитые вручную носовые платки и портсигары; мы нанимали лодку и плыли на Капри — чтобы взглянуть на Голубой грот. А по вечерам танцевали на террасе при свете звезд. Я танцевала с Леннартом, и сердце мое колотилось так громко, что мне казалось, люди должны были бы жаловаться на невероятный шум. Я танцевала под звездами, и, когда музыка замолкала, я слышала там, внизу, вечное бормотание моря. И я сидела в темноте под платанами рядом с Леннартом, и слушала, как плещутся волны, и смотрела на цепь сверкающих огней Неаполя, и я полностью разделяла мнение Фриды Стрёмберг, когда она в сотый раз повторяла:

— Милые вы мои люди, до чего ж это чудесно!

Но один день стал последним. В райских кушачах никогда не остаются надолго.

«День, равный всей жизни!» Я знаю человека, сделавшего эти слова своим кредо. Именно так я и чувствовала себя в свой самый последний из несравненных дней в Сорренто, которые никогда больше не повторятся.

Завтра я вернусь домой, к будням и осенней мгле. Путешествие окончено! Фру Берг вернется домой к своей недвижимости, Фрида Стрёмберг — к своей

плите в пансионате, Виктор Мальмин — к своему совершенно одинокому существованию — без Евы. Господин Густафссон вернется тоже домой — к своему шефу.

— Он ничегошеньки не смыслит в луковицах тюльпанов! — уверял нас господин Густафссон и плевал в Средиземное море.

Его последний день в Сорренто был основательно омрачен мыслью о том, как мало из всего самого важного в этом мире понимает его шеф.

Я не желала, чтобы хоть что-нибудь омрачило *мой* последний день в Италии. Но меня грызло беспокойство. Ведь речь шла о Леннарте, и мне не оставалось ничего, «кроме редких встреч и спешных расставаний». Это было все равно что катание на американских горках: вверх-вниз, от блаженства к отчаянию.

Все, чем я жила теперь, была крошечная надежда, что мы снова встретимся в Стокгольме. Но кто может с уверенностью предсказать это? Для Леннарта наша встреча была, возможно, лишь легким развлечением во время отпуска, которое он быстро забудет. Он не произнес ни единого слова, позволившего бы мне думать иначе. Поэтому так тяжело было пережить этот последний день.

Мы провели его, прощаясь со всеми милыми людьми и дорогами нам памятными местами, а когда настал вечер, мы с Леннартом и Евой уселись под платанами. Неподалеку от нас расположились Виктор Мальмин и другие. Виктор был ужасно весел. Он острил и рассказывал разные истории. Фрида Стрёмберг просто вскрикивала от смеха. Даже фру Берг пребывала в необыкновенно хорошем настроении. Вероятно, потому, что этому трудному путешествию скоро настанет конец. Однако господин Густафссон сидел особняком, и вид у него был очень унылый. Я испытывала чувство глубочайшей солидарности с ним. Я тоже ощущала страшное уныние.

Рассказы Виктора становились все веселее и веселее. Вдруг он смолк, но продолжал тихо сидеть на террасе; виден был лишь кончик его сигары, рдевший во мраке.

Иногда я думаю — может быть, Ева в глубине души немного садистка? Хотя она так добра! Она вдруг запела — медленно и чуточку отрешенно: «Протяни мне на прощание еще раз свои руки...»

Тогда Виктор Мальмин поднялся и исчез.

И я, зная, что руки Леннарта через несколько жалких часов протянутся мне на прощание, тоже не выдержала. Я поднялась и побежала, никому ничего не объяснив. Мне надо было немного побыть одной. Я ринулась вдоль скалистого склона вниз к причалу.

— *Buona sera!*¹ — поздоровался молодой итальянец, стороживший у причала и наблюдавший за купающимися. Вниз к воде вела лесенка, но после наступления темноты, когда никто больше не купался, ее поднимали. Именно этим он сейчас и занимался.

Но я остановила его. Я хотела спуститься вниз, в черную манящую воду. Нет, топиться я не собиралась. Но мне хотелось искупаться. Я хотела в последний раз искупаться в Средиземном море. Мой купальник висел на перилах. Он был влажный и холодный. Но вода сомкнулась вокруг меня, словно теплое объятие.

* * *

«День, равный всей жизни!»

Море было подернуто легкой зыбью. Я слабо качалась, лежа на спине, и смотрела на звезды. Мое лицо было залито соленой водой, и я не знаю, было это Средиземное море или мои слезы.

Вверху на причале ходил сторож и, вероятно, удивлялся, что я за дура. Я видела, как беспокойно движется взад-вперед его черная тень. Он, видимо, хотел поднять лесенку и уйти.

¹ Добрый вечер! (ит.)

Еще несколько минут, мой добросовестный друг! Тебе ведь понятно, что мне, возможно, больше никогда уже не плавать в Средиземном море! Никогда больше не увидеть сверкающую цепь огней — Неаполь! Никогда не услышать, как глухо бьются волны о скалистые берега Сорренто. Понимаешь, этот день равен всей моей короткой жизни!

Ну а что теперь? Не собирается же он влезть в воду и выгудить меня? Кто-то спускается по лесенке! О, эти пламенные итальянцы!

Не подходи, потому что тогда, клянусь, я поплыву через залив в Неаполь! Говорю тебе, не подходи!

И тут до меня донесся хорошо знакомый голос:

— Кати, можно сказать тебе одно слово, прежде чем ты утопишься?

Ах, это вовсе не сторож-итальянец! Это Леннарт! Да, *это был Леннарт!*

XXI

еннарт, мой любимый!

Я люблю тебя! Я должна воспользоваться случаем и сказать об этом, пока помню. Это мое первое письмо к тебе, и было бы так нехорошо, если бы я забыла сказать, что люблю тебя. Хочешь знать как? О, это не так-то легко точно определить! Любовь нельзя измерить и взвесить так, как измеряет и взвешивает в воскресенье свой богатый улов рыбак, хвастаясь им. Но одно, во всяком случае, могу тебе сказать: я *удивлена* тем, что столько любви умещается в груди одного-единственного человека. Тем более такого небольшого, как я.

Помнишь ли ты старого злющего императора Тиберия¹, который, сидя на Капри, управлял Римским государством, приказывая передавать свои указы с одной горной вершины на другую между Капри и Римом?

Точно так же хотела бы поступить и я. Я хотела бы встать на вершине высокой горы и передать свое пламенное послание: „Я люблю тебя!“ И оттуда оно пошло бы все дальше и дальше по всей земле. Его выкрикивали

¹ *Тиберий* (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.) — римский император с 14 г. н. э.

бы на Монблане¹ и на Гауришанкаре², на Килиманджаро³ и в Скалистых горах⁴ и на Фудзияме⁵: „Я люблю тебя!“ А сидеть всего-навсего здесь и чертить эти слова в письме — такое жалкое занятие. Письмо, которое бросят в прозаический почтовый ящик, поставят на нем штемпель и с нагоняющим тоску равнодушием передадут Королевскому почтовому ведомству! А я бы хотела по меньшей мере послать облаченного в пурпур герольда, который возвестил бы тебе под звуки труб: „Я люблю тебя!“

Понимаешь ли ты меня теперь или хочешь знать еще больше? Тогда послушай, и ты поймешь, как плохи мои дела.

Я думаю о тебе каждую минуту днем, и ты — в моих беспокойных снах ночью! Ложась спать вечером, я говорю подушке: „Леннарт!“ Проходя мимо коня пивовара, я шепчу ему в ухо: «Леннарт!» Сидя за пишущей машинкой и печатая контракт, я все время думаю: «Леннарт, Леннарт, Леннарт!»

Разрешается ли любить кого-нибудь так сильно, или же это наказание, ниспосланное человеку? Уж не думаешь ли ты, что боги гnevаются на меня и отнимут тебя у меня? О всевышние боги, не делайте этого, добрые, добрые боги, потому что вы даже не представляете себе, как трудно мне достался Леннарт! Он так сопротивлялся! У него такое вялое, старое сердце... Понадобилось целых три недели, прежде чем оно встрепенулось, а мне из-за Леннарта пришлось броситься в море!

¹ Самая высокая гора в Западных Альпах.

² Вершина в Больших Гималаях на границе между Непалом и Китаем.

³ Вулканический массив в Танзании.

⁴ Горная система в Северной Америке.

⁵ Действующий вулкан на острове Хонсю, самая высокая вершина Японии в 90 км от Токио.

Леннарт, я не знаю ни одной другой девушки, которая обручилась бы прямо в Средиземном море. А *ты* знаешь такую? Я так рада этому обручению! Если какому-нибудь журналисту придет в голову проинтервьюировать меня и задать вопрос: „Когда и где ваш жених просил вашей руки?“ — как надменно я отвечу: „Когда я плавала в Средиземном море!“ Согласись, что это неповторимо!

„Кати, я как раз собирался уговорить тебя выйти за меня замуж, но не знаю, с чего начать! У тебя есть какое-нибудь предложение?“

Это сказал ты. Я сохраню эти слова в памяти до конца своей жизни. Пожалуй, это не очень походило на объяснение в любви, но в моих ушах твои слова прозвучали прекрасней, чем „Песнь Песней“¹ и все прочие прославленные гимны любви, вместе взятые.

Я сижу и смотрю на мое колечко. У бирюзы сейчас тот же цвет, что у неба над Флоренцией в тот день, когда я впервые увидела это кольцо. Я смотрю на него, и дождливый Стокгольм исчезает. Я мысленно возвращаюсь в маленький ювелирный магазинчик у Ponte Vecchio, а ты стоишь за моей спиной и насмешливо говоришь: „Кричи громче, Кати!..“ А теперь я спрашиваю тебя, Леннарт Сундман: зачем ты потом пошел туда и купил именно это кольцо? Ты уже тогда знал, что я — та, кому ты хотел бы его подарить? Если ты ответишь „да!“, я никогда не прощу тебе! Я никогда не прощу тебе, что ты без всякой необходимости, не подарив мне ни единого слова надежды, заставил меня проехать всю Италию!

¹ В Ветхом Завете собрание лирических песен (на языке иврит) о страстной, преодолевающей все преграды любви. Предположительно III в. до н. э. По преданию, авторство приписывалось царю Израильско-Иудейского царства в 965—928 гг. до н. э. мудрому Соломону.

Ну погоди, ты будешь наказан за это! Я буду кормить тебя каждый день на обед отварной треской! Так я думаю. Да, да, я еще посмотрю, что я сделаю!

Сегодня в Стокгольме идет дождь. Он стучит в окно, на дворе осень! Справедливо ли, что ты все еще греешься на солнце в Италии? Конечно, несправедливо! Но я рада, что солнце светит тебе, мой любимый! Если бы я могла достать для тебя с неба солнце, луну и звезды, я бы это сделала! Нет ничего на свете, чего бы я не хотела сделать для тебя! Подумав хорошенько, я готова взять обратно свои слова об отварной треске. Как по-твоему, тогда ты будешь счастлив со мной?

Надо быть влюбленной вечно, так сказала я Еве вчера вечером. Знаешь, что она ответила? «Так думал и Оскар Уайльд¹. Поэтому никогда не надо жениться и выходить замуж».

Этот ужасный Уайльд! Не появляйся здесь и не пытайся испортить мое веселое настроение! Я надеюсь с Божьей помощью быть влюбленной, пока жива! Понимаю, что нельзя всегда испытывать такие чувства, какие я переживаю теперь, но кое-что из моих восторгов я хочу спасти и пронести через годы. Обещаю любить тебя, Леннарт, в беде и в радости, даже если это будет утомительно. Не обещаю быть твоей смиренной верноподданной, этого я не сумею! Но в какой-то степени милой и откровенной с тобой — обязуюсь! Достаточно тебе этого? Да, думаю, достаточно! К черту Оскара Уайльда! Я не боюсь!

Одна итальянская пословица гласит: „Мало говорит тот, кто сильно любит!“ А я сижу тут и болтаю без конца. Обещаю в дальнейшем писать только самое необходимое: „Я люблю тебя!“

¹ Уайльд Оскар (1854—1900) — известный английский писатель, автор философского романа «Портрет Дориана Грея» (1891) и множества пьес.

Ева печет на кухне вафли. Я чувствую запах даже в комнате. Пора заканчивать письмо, потому что мне нужно сварить к вафлям кофе.

Почему тебя нет здесь именно сейчас? Возвращайся домой, мой любимый! Кати с улицы Каптенсгатан имеет честь пригласить Леннарта из Помпеи в субботу через восемь дней на простое блюдо из отварной трески!

А до тех пор будь осторожен! Если увидишь какой-нибудь вулкан, который начинает извергаться, обойди его подальше стороной — ради меня! У меня ведь на всем свете есть только ты!

Кати

Р. S. Знаешь что? Я люблю тебя!»

Кати в Париже

I

знаю небольшой дешевой отель на левом берегу¹, там можно поселиться, — сказал Леннарт, задумчиво посасывая трубку. — Когда-то там жила мадам Кюри²... и Робеспьер³... и я.

— Подумать только, что может скрываться под вывеской старинных элегантных отелей! — воскликнула Ева.

Я ничего не сказала. Я размышляла. Париж! Свадьба в Париже — а почему бы и нет? Об этом городе никто ничего дурного не слышал!

¹ Имеется в виду левый берег Сены. Известный французский писатель Андре Моруа (1885—1967) назвал Сену «Живая ось города, от которой располагаются кварталы». Студенты, профессора, художники, издатели тяготеют к более скромному левому берегу. Но почти все театры, почти вся торговля предметами роскоши — на правом берегу.

² *Склодовская-Кюри Мария* (1867—1934) — физик и химик, одна из создателей учения о радиоактивности, лауреат Нобелевской премии (1903) совместно со своим мужем и коллегой, выдающимся французским ученым Пьером Кюри (1859—1906).

³ *Робеспьер Максимилиен* (1758—1794) — деятель Великой французской революции (1793), фактически возглавивший в 1794 г. правительство.

Зайдя мысленно так далеко, я почувствовала, как меня охватывает восторг. Но решила придержать его и лишь немного расслабиться.

— Должно быть, это фантастически весело, — сказала я, — но...

— Кроме того, там существует одно большое преимущество, — заверила Ева. — Я раздобуду вам ребенка, который пойдет впереди жениха и невесты к алтарю и обратно¹.

Такой ребенок, правда, не совсем то, на что в первую очередь надо смотреть в Париже, но я все же спросила:

— В самом деле, и кто же это?

— Нижеподписавшаяся Ева, — ответила она. — Поскольку я собираюсь провести отпуск под мостами Парижа.

Вот так новость!

— Мне казалось, это маленькие белокурые пятилетние девочки в розовом тюле, — возразил Леннарт.

— Все, что я могу вам предложить, — стройную зрелую девочку в черном полотняном одеянии! — сказала Ева. — *Take it or leave it*².

Мы с благодарностью приняли ее предложение.

Был один из первых майских вечеров. Целая осень, и целая зима, и добрая часть весны прошли с того достопамятного дня, когда Леннарт сделал мне предложение прямо в Средиземном море. Семь месяцев я жила в ожидании, что мы поженимся. Время тянулось бесконечно. Но если вспомнить, как Иаков семь лет дожидался свадьбы с Рахилью³... В стародавние вре-

¹ Обычно так шествуют при торжественном венчании в церкви.

² Соглашайтесь или отказывайтесь (англ.).

³ Иаков — Патриарх, родоначальник народа израильского. Полюбил дочь своего дяди Рахиль и семь лет служил у ее отца пастухом.

мена выдерживали все, что угодно! А мне и семи месяцев предостаточно!

Леннарт был не первым женихом в моей жизни. Он был вторым. И я надеялась, что с Божьей помощью станет последним.

Первого звали Ян. Всего лишь год назад я ответила Яну, что да, мол, я выйду за него замуж, но сперва мне надо испытать, что значит быть самостоятельной и стоять на собственных ногах. И чтобы никто не заботился обо мне и не устраивал все за меня. А потом появился Леннарт. И тогда выяснилось, что все мои прежние слова — пустая болтовня! Я была готова в любую минуту расстаться со всей своей самостоятельностью и желала лишь одного: чтобы кто-нибудь заботился обо мне. При условии, чтобы этот «кто-нибудь» был Леннарт.

— Нет, вы только посмотрите, посмотрите! — надменно заявила Ева. — Стоит только появиться особе мужеского полу и поманить ее мизинцем — и прощай вся ее самостоятельность!

«Особа мужеского полу!» Какая несправедливость! Ведь Ян тоже был особой мужеского полу, но я не отдала бы ему свою самостоятельность, даже если бы он поманил меня всеми пальцами не только рук, но и ног в придачу. С Леннартом же все было совсем по-другому!

Подумать только! Как Ева этого не понимала! Но она, вероятно, никогда не была влюблена всерьез, бедняжка!

Но, кроме Леннарта и меня, не было никого, кто знал бы, что значит быть влюбленным. Мама Леннарта этого совершенно не понимала! Она только и говорила: надо, мол, хорошенько узнать друг друга... у молодых юристов, собственно говоря, и средств нет, чтобы жениться... да и завести семью слишком рано — значит помешать карьере!

Нет уж! Если бы молодые люди прислушивались ко всему, что болтают старики, то развитие прекратилось бы, а земной шар перестал бы вращаться.

«Хорошенько узнать друг друга!» Словно я не знала Леннарта. Я знала: он умен и интеллигентен, спокоен, нежен и откровенен, он смеется над тем же, что и я... В нем есть известная меланхолия, и известная ребячливость, и капелька тщеславия, а главное, он во всех отношениях очарователен. «...Нет средств, чтобы жениться...» Разве не слышишь постоянно, что «вдвоем можно прожить так же дешево, как одному»? А относительно «карьеры»... подождите, и Леннарт скорее всего станет членом Верховного суда в гораздо более нежном возрасте, чем его отец, да еще с такой умной, вдохновляющей и поощряющей его женой, как Кати, под боком.

Все это я сказала маме Леннарта. Она даже не высказала всех возражений сразу, а лишь время от времени вставляла небольшие осторожные намеки. Но когда Леннарт провожал меня домой, мы сначала делали крюк и заходили в парк Юргорден, где безумно целовались и клялись, что поженимся, как только найдем хотя бы маленькую крысиную норку, где сможем жить.

Конечно, у меня была двухкомнатная квартира на улице Каптенсгатан. Но я делила ее с Евой и не могла выгнать ее на улицу. Много лет она ютилась в маленьких, жутких комнатенках, сдававшихся внаем. И я не в силах была отослать ее обратно в ад.

Ева впала в отчаяние.

— Ужасно стоять на пути к счастью двух молодых людей! — говорила она. И, щипля свои точеные бедра, вздыхала: — Ах, если бы эта чрезмерно крепкая плоть растворилась от капель росы и истаяла навечно! Так, чтобы голубки били крылышками наедине в собственном гнездышке. Если бы можно было подняться ввысь, как дым! Быть бы мужчиной... тогда можно было бы завербоваться в танковые войска. Однако ты всего лишь стенографистка в адвокатской конторе рядом с улицей Кунсгатан!

— Да, в таком случае, бесспорно, гораздо хуже жить, например, рядом с шоссе в Стренгнэсе¹.

Ева делала отчаянные попытки раздобыть себе новое жилье. Мы с Леннартом делали еще более отчаянные попытки найти другую квартиру. Но, во всяком случае, мы были не настолько отчаянными, чтобы заплатить четыре тысячи крон на черном рынке за двухкомнатную квартирку, «частично мебелированную», с отвратительным черным мебельным гарнитуром в столовой. И это еще одно из самых прекрасных предложений, которые мы получали. Наше нежелание столь легкомысленно выбросить четыре тысячи крон, возможно, было связано еще и с тем, что у нас не было этих четырех тысяч, которые можно было бы выбросить.

В конце концов я совершенно отчаялась и заявила Леннарту, что мы, пожалуй, не сможем пожениться, прежде чем не настанет пора праздновать золотую свадьбу.

Но тут кое-что произошло. По соседству с нами обитала пожилая пара. Невысокий милый розовощекий господин и кроткая невысокая дама с серебристыми волосами. Я знала их довольно поверхностно, только как соседей по подъезду. Сталкиваясь на площадке, мы здоровались друг с другом, а иногда говорили, что, мол, прекрасная погода или что сегодня подморозило и стало холодно. А иногда мне случалось помочь пожилой даме занести сумку с рыночными покупками на четвертый этаж, — разумеется, когда я поднималась вместе с ней.

Но вот однажды в субботу пополудни, когда я сломая голову неслась из конторы, в церкви Святой Хедвиг Элеоноры горестно зазвонили колокола, и продавщица в молочной рассказала мне, что это траурный звон по нашему соседу, розовощекому господину: он умер, и

¹ Маленький шведский городок в провинции Сёдерманланд.

его хоронят! О, мне так было жаль его жену, которая будет теперь совсем одинока! Я подумала, что надо принести соседке цветок! Но в другой раз! Не сегодня! Сегодня мы обедаем с Леннартом — только вдвоем. И я забыла всех мертвых и всех, кто одинок, — ради Леннарта, который жив и с которым я буду целый вечер наедине! Я забыла все на свете! Но через две недели внизу в подъезде я встретила невысокую даму с серебристыми волосами; она была в трауре. У меня проснулась совесть. Но являться с цветами было уже поздно. Чтобы по крайней мере хоть *чем-то* ей помочь, я взяла ее пакет, и мы начали наше трудное восхождение вверх по лестнице.

— Ох уж эти лестницы! — вздохнула она. — Но скоро я от них избавлюсь. Первого июля я переезжаю в Норчёпинг¹ к сестре!

— Вот как! — воскликнула я.

Тут старая дама мягко похлопала меня по руке и сказала:

— Я слышала внизу, в молочной, что вы, фрёкен, собираетесь выйти замуж. Не хотите ли поселиться в моей квартире? Но быть может, вам тоже надоели эти лестницы и вы хотите жить в доме с лифтом?

Поставив пакет, я уставилась на даму в трауре. И слова бурным потоком заструились из моих уст. Я попыталась объяснить ей, что готова жить на самом верху башни Вавилонской² без всякого лифта, только бы получить квартиру, и что... о-о-о! Я не представляю себе ничего более прекрасного, чем остаться на улице Каптенсгатан.

— Да, ну тогда все хорошо! — сказала она, дружески кивнув мне. — Там три комнаты и не слишком уж безумная цена!..

¹ Город в лене Эстергётланд.

² В библейском мифе о Вавилонском столпотворении рассказывается о попытке построить после всемирного потопа город Вавилон и башню до небес.

Я сжала ее руку и попыталась высказать, как я ей благодарна. Тут она снова кивнула и сказала:

— Мне приятно думать, что это будет ваш первый дом после свадьбы. Знаете, мы с мужем прожили здесь тридцать три года! И всегда были счастливы!

Я еще сильнее сжала ее руку. О, как хорошо было знать, что на свете существуют счастливые браки и любящие друг друга люди, которые по-доброму относились друг к другу и делили радости и горести целых тридцать три года! Так будем жить и мы с Леннартом, хотя, разумеется, проживем вместе гораздо дольше тридцати трех лет.

Я пошла с ней посмотреть квартиру и совершенно обезумела от восторга, увидев, как чудесно там будет, когда мы с Леннартом устроим все так, как нам хочется. Сейчас это было старинное, по-своему милое и уютное жилище! Но здесь будет новый дом, новый, и красивый, и приятный, и практичный, и это будет *наш* дом! Ура!

Через пять минут я влетела к Еве, ударила себя в грудь и воскликнула:

— Как ты думаешь, кто перед тобой?

— Напоминает Кати, — сухо ответила Ева. — Я не знаю никого, кто хотя бы приблизительно выглядел так глупо!

— Ты права! — вскричала я. — Это Кати с улицы Каптенсгатан и ею и останется. Но, кроме того, ты видишь самого счастливого человека на свете!

Потом, подбежав к телефону, я позвонила Леннарту.

— Леннарт! — закричала я и попыталась рассказать, что случилось.

— Вероятно, испортился телефон, — сказал Леннарт. — Там кто-то так странно бормочет!

— Ах, Леннарт! — воскликнула я. — Это всего лишь я бормочу!

Он не поверил своим ушам, когда я рассказала ему обо всем. Он наотрез отказывался верить в правдивость

моих слов и предупредил, чтобы я не питала светло-голубых надежд, пока не будет подписан контракт.

Но через неделю контракт *был подписан* и прибит над моей кроватью, так чтобы я могла его видеть, как только просыпаюсь, а маму Леннарта уже переубедили и уверили в том, что ранние браки — благословение Божье, приносящее великую пользу обществу и его отдельным членам. Короче говоря, жизнь нам улыбалась!

А теперь еще и Париж! Леннарт хотел, чтобы мы поженились в Париже. Естественно, средств на это у нас не было, это было безумием... Но как хорошо, что Леннарту этого хотелось! Да и кто я такая, чтобы восставать против своего мужа и господина? Хороша была бы я, если бы начала наше супружество, помешав невиннейшим и безобиднейшим маленьким выдумкам Леннарта!

Пока легкие майские сумерки сгущались за нашим окном, мы строили планы. Пили чай, болтали и планировали. Да, мы поженимся в Париже, это точно решено!

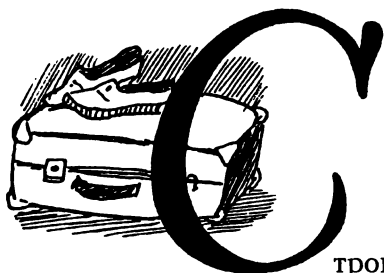
— Такая свадьба — память на всю жизнь, — уверяла Ева.

— Да, в особенности с ребенком в черном полотняном одеянии, — согласился Леннарт.

В тот вечер я совершенно не могла заснуть. Лежала, глядя в потолок, а в ушах звучали слова Леннарта: «Я знаю небольшой дешевый отель на левом берегу, там можно поселиться».

Я никогда не была в Париже!

II

троить планы, упаковывать вещи, ехать — до чего же весело! Разумеется, все, кроме того, чтобы упаковывать вещи. Как там написано в книге «Трое в лодке»¹: «После того как Джорджа повесят, Гаррис станет худшим упаковщиком вещей во всем мире». Это великолепно подходит и к Леннарту, и ко мне... Когда Леннарта повесят, не найдется ни единого человека, который бы единственно с помощью коробочки талька произвел большее опустошение в чемодане, чем я. Совсем другое дело Ева. Она создана, чтобы упаковывать вещи! Складывает все так аккуратно, для всего находит место и, когда чемодан или сумка упакованы, не стоит, держа в руках груду обуви, которой следовало бы лежать в самом низу.

Мы с Леннартom собирались прокатиться до Парижа в его двухместном старом «фиате». Ева должна была, рея крылами, примчаться следом за нами парижским ночным поездом. И поскольку она отправлялась

¹ Юмористическая повесть известного английского писателя Джерома Клапка Джерома (1859—1927) «Трое в лодке (не считая собаки)» (1889).

в путь на четыре дня позже нас, ее упаковка не совпала, к сожалению, с моей. Мне пришлось складывать вещи как придется: жестокосердая Ева сидела рядом и только смотрела, что я делаю.

— Нет времени, — сказала она, когда я осторожно предложила ей помочь мне. — У меня абсолютно нет времени, — заверила она. — Надо учить французский! Уже дома в Омоле учителя французского языка жутко расстраивало, когда я вместо одного выражения употребляла другое, и боюсь даже подумать, что будет, когда я приеду в Париж.

Тут как раз в дверь позвонили. Это был Леннарт, приехавший посмотреть на мои успехи. Сам он уже все упаковал, утверждал он. Тогда я еще не знала, что, как скверный упаковщик, он значительно превосшел меня, и радостно увлекла его за собой к наполовину уложенному чемодану, стоявшему на полу посреди комнаты.

— Можешь помочь мне, — разрешила я.

— Спасибо! — поблагодарил он. — Привет! — сказал он Еве.

Потом вывалил все содержимое чемодана на пол. Я избрала неверный метод, уверил он меня и начал упаковывать вещи по *своему* методу. Я не увидела никакой разницы в наших методах, кроме того, что он еще обильнее сыпал вокруг себя тальком. Он уложил вещи так же по-дурацки, как и я, и чемодан нельзя было как следует закрыть.

— Выбрось всю коробку, — сказала я. — Париж битком набит пудрой. Подумать только, завтра мы поедем в Париж!

И мы погрузились в мечты. Сидя возле чемодана, мы, болтая, время от времени рассеянно укладывали в него то одну, то другую вещь.

— О, как чудесно будет увидеть Сену, — сказала я. — Я коллекционирую реки.

— Сена тебе понравится, — пообещал Леннарт.

— Но нам нужно жить в дешевом отеле, помни это, Леннарт. Есть нам вообще не надо. Сыр, хлеб и красное вино — *ça suffit*¹, как говорят французы, правда, Ева?

— Об этом я ничего не знаю, — ответила Ева. — Я еще не продвинулась далее «Письменных упражнений для начинающих изучать французский язык», — объяснила она, указывая на книгу, лежащую у нее на коленях.

— Наш отель находится в Quartier Latin², — сообщил Леннарт, — и уверяю тебя: это самая очаровательная часть Парижа.

— Я должна поведать вам нечто очень неприятное, — заметила Ева, сидевшая поодаль на кушетке. — «Горе и неожиданности сделали племянницу капрала еще более сумасшедшей»!

Леннарт вопросительно взглянул на Еву.

— Что еще за капрал? — спросил он. — Я знаком с ним?

— Не думаю. «Капрал» — это лишь пример из моих «Письменных упражнений для начинающих», — ответила Ева. — Вообще-то очень печальный пример.

Леннарт не стал слушать дальше. Взяв мои мокасины, он молча осторожно сунул их под белую блузку, которой, похоже, это не понравилось.

— У нас в машине есть спиртовка, — сказал он, — так что мы можем варить яйца и кофе, съехав с обочины. Это дешевле, чем ходить в дорогие рестораны.

— Просто позор, что вы так мало внимания уделяете несчастной племяннице капрала, — недовольно заявила Ева. — Вы только подумайте! Она отродясь была немного придурковатой. А теперь горе и неожиданности

¹ Достаточно (*фр.*).

² Латинский квартал (*фр.*) — район высших учебных заведений на левом берегу Сены, где находится и Сорбонна, один из крупнейших и старейших университетов Европы.

сделали ее еще *более* сумасшедшей. Но вы относитесь к этому совершенно спокойно и только и делаете, что бредите своей дряхлой спиртовкой.

— Что за муть ты читаешь? — спросила я.

— Осмелюсь просить, ниже тоном! — сказала Ева. — Я как раз сегодня получила эту книгу от учителя французского языка, и она мне нравится. В тот день, когда в учебниках окажутся только такие фразы, как: «Сколько стоит отдельная комната с ванной?» или «Будьте любезны, покажите мне дорогу к Эйфелевой башне»¹, я тут же прекращу занятия французским языком. «Спасибо, я это знаю», — произнесла она, прижав «Упражнения для начинающих» к сердцу. — А эта книга пробуждает фантазию. Только послушайте! «Неужели Марии не удастся легко подкупить этого стража своей обольстительной улыбкой?» Или: «Капитан с рыжими бакенбардами никогда в жизни не продаст двухколесную тележку зеленщице!»

— Если это письменные упражнения для начинающих, то, по-моему, тебе следует опасаться тех, что для более продвинутых, — сказал Леннарт. И, повернувшись ко мне, продолжал: — Иногда мы, конечно, сходим в настоящий ресторан, и ты увидишь, что такое французская кухня!

— Я так никогда и не узнаю, что сделало племянницу капрала еще более сумасшедшей, — повысив голос, произнесла Ева, — или что за дьявольская нелюбезность заставила капитана с рыжими бакенбардами не захотеть продать двухколесную тележку зеленщице. Но я буду, лежа в постели, *размышлять* об этом по вечерам. Это сделает мою жизнь еще более содержательной!

¹ *Эйфелева башня* — стальная башня (высота 300 м), сооруженная в Париже (1889) на левом берегу Сены по проекту французского инженера Александра Гюстава Эйфеля (1832—1923) для Всемирной выставки 1889 г. как символ достижений техники XIX в. Стала символом Парижа.

— Quartier Latin, Montmartre¹ и Montparnass!² — мечтательно вымолвила я, втискивая в чемодан свою любимую шляпу. — До сих пор для меня это были просто слова. Подумать только, скоро я буду там на самом деле!

— Любимая, — сказал Леннарт, — как чудесно будет показать тебе все это!

— «Мой рыбак был вынужден продать свою лучшую лодку старому браконьеру, — упорствовала Ева. — Его глухонемую жену беспокоит эта скверная сделка». Признайтесь, какая глубокая трагедия скрывается за этими словами! Вспомните, женщина — глухонемая! Она беспокоится так, что может лопнуть, из-за безумных сделок своего мужа с лодками! Но может ли она вымолвить хотя бы слово упрека... нет! Самое большее, на что она способна, — лишь слегка пробурчать свое неодобрение, но не думаю, что это может остановить парня, когда он, видно, пустился во все тяжкие торговать лодками! — возмущенно заявила Ева, уставившись на Леннарта так, словно он каким-то образом замешан в этом деле.

Но Леннарт проявил абсолютное равнодушие к ее словам.

— Notre Dame de Paris!³ — сказал он. — Самая

¹ Монмартр (*фр.*) — пригород, с 1860 г. — район Парижа на левом берегу Сены. С конца XIX в. приобрел известность как место обитания парижской богемы: с Монмартром связаны имена и крупных художников, писателей и композиторов Франции.

² Монпарнас (*фр.*) — также квартал художников на левом берегу Сены, там возникла знаменитая парижская школа, связанная с именами Анри Матисса (1869—1954), Пабло Пикассо (1881—1973) и др. Квартал знаменитых бульваров и кафе.

³ Нотр-Дам-де-Пари (*фр.*) — собор Парижской Богоматери — архитектурный памятник ранней французской готики (1163—1257) в Париже на острове Сите. Витражи XIII в., скульптура на фасадах (ок. 1165—1225). Первый из строителей собора, чье имя дошло до нашего времени, — архитектор Жан де Шелль. В 1841 г. началась капитальная реставрация собора под руководством известного архитектора и знатока средневекового искусства Виолле-ле-Дюка (1814—1879).

прекрасная церковь, какую я только знаю. Вообще-то жаль, что мы не можем там венчаться!¹

— Ах, не все ли равно, где мы будем венчаться! — воскликнула я.

— «Красивый ребенок был найден привратником в нашем дворе», — сообщила Ева, и я подпрыгнула от удивления, так как ничего об этом не слышала.

— Что ты говоришь? — вскричала я. — Когда? Новорожденный?

— Этого я так никогда и не узнаю, — скорбно сказала она. — «Письменные упражнения для начинающих» не дают более подробных сведений. Точно так же я не узнаю, почему «этот нюхальщик табака предпочитает испанское вино» или же как «графиня пожелала, чтобы построили хлев».

— Хватит, Ева, — нетерпеливо сказала я. — Те, кто пишет учебники иностранных языков и разговорники, — просто идиоты. Мы ведь знаем это с давних времен. Давай лучше поболтаем о Париже. Ты ведь поедешь в *Париж*? Разве ты не рада?

— Рада, — ответила Ева. — Однако, — продолжала она, бросив взгляд в книгу, — «мы вернемся домой, как только нас известят, что погреб заполнен бутылками с вином и молодыми каплунами²».

— Разумеется, — согласилась я. — Но с этим придется немного подождать. А тем временем мы повеселимся. Леннарт, ты, я надеюсь, не рассердишься, если мы с Евой иногда побегаем по магазинам. *Galleries Lafayette*³, и *Printemps*⁴, и прочие...

¹ Из-за разницы в религиях. Государственная церковь Швеции лютеранская, во Франции — преимущественно католическая. Нотр-Дам-де-Пари — католический собор.

² *Каплуны* — кастрированный и откармливаемый на жаркое петух.

³ Галери Лафайет (*фр.*) — один из самых крупных универмагов Парижа в центре, на правом берегу Сены, недалеко от «Гранд-опера».

⁴ «Прентан» (*весна — фр.*) — большой универмаг.

— Не знаю, пойду ли я на это, — строго ответил Леннарт. — Нет, полагаю, мы, вероятно, попытаемся этому помешать! А если ничто другое не поможет, я ведь всегда могу запереть тебя в номере отеля.

— Так ничего я и не узнала! — воскликнула Ева, захлопнув книгу. — Неужели Кати «не удастся легко подкупить этого стража своей обольстительной улыбкой»?

— Наверняка ей это удастся, — сказала я уверенно, поцеловав этого сурового стража в красивую челку.

— Садись на чемодан, Кати, — сказал Леннарт, — и посмотрим, удастся ли нам его закрыть.

III

Сидеть в машине солнечным майским утром на пути в Париж, где я выйду замуж за Леннарта, — это что-то из ряда вон выходящее, что-то самое сенсационное из всего, что можно себе представить. Чувствуешь себя еще более сумасшедшей, чем племянница капрала, — право, не только горе и неожиданные известия так действуют, я, например, когда бесконечно рада, становлюсь обычно еще ненормальнее.

— О Париж! — воскликнул Леннарт и влез в машину, где уже сидела я, слегка подпрыгивая от нетерпения и ожидания. И мы пустились в дорогу вниз к улице Страндвеген, и через четверть часа Хорнстулл остался позади.

«Сёдертелье» — было написано на дорожных указателях. Пусть бы лучше стояло «Париж» — ведь наш путь лежал именно туда!

— Надеюсь, ты никогда в этом не расскаешься! — сказал Леннарт и так серьезно заглянул мне в глаза, что нам пришлось съехать на обочину.

Раскаиваться в этом! Раскаиваться в том, что солнечным майским утром едешь в Париж, чтобы выйти замуж за Леннарта, — такого, вероятно, не сделал еще ни один человек!

Такой счастливой и свободной определенно никогда в жизни больше себя не почувствуешь. И вместе с тем боишься, что боги разгневаются и решат, что тебе слишком хорошо! Хотя бы немного заболел живот или что-нибудь в этом роде. Но когда я сказала об этом Леннарту, он ответил, что, по его мнению, люди *должны быть счастливы*.

И тогда я запела торжественный марш Сёдерманландского¹ полка, и горланила так, что и сёдерманландские коровы, которые, наверное, приняли этот марш за национальный гимн, стали вдоль обочины по стойке «смирно». Они с немым упреком таращили на меня свои огромные глаза... Они ведь не знали, что я еду в Париж, чтобы выйти замуж за Леннарта!

Какой это был день! Яблони и сирень стояли в цвету, солнце озаряло бархатисто-зеленые луга и поля.

— Другого такого месяца, как май, нет! — сказал Леннарт, окидывая все вокруг одобрительным взглядом.

Я тоже окидывала все вокруг одобрительным взглядом. И главным образом Леннарта. Нет другого такого месяца, как май, и нет другого такого человека, как Леннарт. Он не был так красив, чтобы, увидев его, подпрыгнуть, но мне не хотелось, чтобы он был другим. Мне хотелось, чтобы муж мой выглядел именно так. Слегка скуластое лицо, загорелая кожа, синие глаза и очень заметные брови. Интересно — когда я только познакомилась с Леннартом, его брови мне не понравились... Они были такие густые, что несколько отягощали его лицо. Какая я глупая! Именно такие брови были теперь самыми моими любимыми! И еще мне нравились руки Леннарта! Мускулистые, они казались такими надежными, когда покоились на руле. Такую вот мускулистую, худощавую руку я хочу держать всю оставшуюся жизнь. А то, что я знала это,

¹ Сёдерманланд — одна из южных провинций Швеции.

придавало мне удивительное чувство уверенности. О, как я благодарила судьбу, позволившую мне встретить Леннарта! Ведь я не смогла бы жить без него; а не встретить я Леннарта, я бы совсем не знала об этом!

Значила ли я для него столько же? Ах-ах-ах, это, вероятно, совершенно невозможно для такого недозрелого фрукта, как я! Но все же думаю, что если я так безгранично преклоняюсь перед ним, то он действительно мог бы тоже...

— На твоём месте, — заявила я, — я не смогла бы жить без меня.

Он согласился с этим не столь быстро, как бы мне хотелось, и я энергично продолжала:

— Вообще, подумай о Тургеневе!

— Почему я должен думать о Тургеневе? — удивился Леннарт.

— Тургенев, — ответила я, — говорил, что охотно отказался бы от своей славы и всего остального, если бы только в целом мире нашлась одна-единственная женщина, которая обратила внимание на то, что он опоздал к обеду.

— И поэтому я должен сидеть здесь и думать о нем? — спросил Леннарт.

— Что за чепуха! Разве ты не понимаешь, что ты просто счастливчик по сравнению с Тургеневым, — объяснила я. — Я подниму ужасный шум, если ты опоздаешь домой к обеду!

И Леннарт тут же заявил: он, мол, убежден, что он — счастливчик по сравнению с Тургеневым!

Тот, кто торопится и хочет добраться куда-то, должен пуститься в путь ранним утром. В эти ранние часы, когда дороги пустынные, можно проделать большую часть дневного этапа. Леннарт неустанно внушал мне это, и я уже в пять часов утра стояла одетая, с запакованным чемоданом, в ожидании, что за мной заедут. Меж тем Ева спала как убитая и в ответ на мои

теплые прощальные слова, открыв только один глаз, пробормотала:

— Держись крепче на поворотах, чтобы не упасть!

Благодаря нашей утренней бодрости задолго до того, как начало смеркаться, мы были в Хельсингёре¹ и смогли размять ноги на чужой земле. Пожалуй, Дания не совсем чужая нам земля!² Но когда топаешь по уютным маленьким улочкам, и заглядываешь в забытые товарами витрины, и прислушиваешься к приветливой задушевной болтовне вокруг, ощущаешь все же некоторое стимулирующее чувство нашего отличия от датчан. Местные улочки ни капельки не похожи на Каптенсгатан, но это вовсе не значит, что ты критически относишься к Каптенсгатан.

— Прежде всего здесь рыба другая, — сказала я Леннарту, когда мы уселись обедать и перед нами на столе появились тарелки с золотисто-коричневой благоухающей камбалой. — Да, камбалу такой формы и такого качества в Швеции не вырастишь!

— Ну да, у камбалы в Швеции не такая уж плохая форма! — заметил, лукаво улыбнувшись, Леннарт.

Ресторан, в который мы зашли, был уютен, и на каждом столике лежала карточка, возвещавшая: «Каждый вечер здесь что-то происходит».

Слова эти звучали действительно многообещающе, и я решила остаться там до тех пор, пока что-нибудь не начнет происходить. В ожидании событий мы посвятили

¹ Город и порт в Дании на северо-западе острова Зеландия в проливе Эресунн. В Хельсингёре (Эльсиноре) разыгрывается действие пьесы Уильяма Шекспира «Гамлет» (1601). Узкий пролив Эресунн отделяет Хельсингёр от шведского города Хельсинборг на другом берегу.

² Имеется в виду историческая, географическая, языковая общность Швеции и Дании. Южная провинция Швеции — Сконе — некогда принадлежала Дании. Обе страны расположены по берегам Эресунна (Зунда). «Зунд лежал как меч стальной, наши страны разделяя...» (Х.-К. Андерсен).

себя изучению народной жизни за ближайшими столиками и вдруг узрели уникальное явление — мы увидели... пьяного датчанина. Ничего тут не поделаешь, но нашими первыми ощущениями были благодарность и чувство облегчения: он не швед! Ведь как гласит молва, все пьяные, которых встречаешь в Эльсиноре, — шведы. Явная ложь! Этот маленький, с глазами-перчинками, человечек в толстом исландском свитере был датчанин в полном смысле этого слова, а настроение у него было в высшей степени хорошее. Он нежно посмотрел на властного вида упитанную даму, сидевшую за соседним столиком, и запел для нее:

— Приходи, Каролина, Каролина, приходи!
Мы поедем в Клампенборг,
Потому что там нет горя и забот!

Не похоже было, что дама желает последовать за ним в Клампенборг или вообще куда-нибудь. Наоборот, она смотрела на него очень неодобрительным и карающим взглядом, и точно так же смотрели на него три другие дамы за ее столиком. Но коротыш с глазами-перчинками был в таком состоянии, что явно вычитывал любовь и нежность в самых неодобрительных взглядах. Похоже, он несколько переоценил число дам, и все они явно существовали лишь в мире чувств и настроений. Потому что, в то время как дамы достаточно долго сверлили его гневными взглядами, он погрозил им пальцем и сказал:

— Ну, ну, женщины должны любить меня добровольно — но не толпами же и не целыми женскими клубами!

Затем он пошатывающейся, неверной походкой вышел из ресторана, и четыре дамы, все до единой обладавшие хорошим аппетитом, снова стали наслаждаться едой. А мы все сидели в ожидании, когда же «что-то произойдет». Но ничего не случилось, только человечек с глазами-перчинками снова сунул голову в дверь и закричал на весь ресторан:

— ...Не целыми женскими клубами, вы должны умерить свой пыл!

А на следующий день мы быстрыми скачками переправлялись через датские острова Зеландия¹, и Фюн², и полуостров Ютландия³. Кругом все так цвело и зеленело, что я укрепилась во мнении, что равнинный ландшафт, который, изгибаясь, то вздымается вверх, образуя холмы, то опускается вниз, в долины, и зовется «Старая Дания», — один из самых прекрасных на свете. А посреди всей этой зелени раскинулись белые крестьянские усадьбы, и выглядели они так, словно были здесь всегда и совершенно сами собой выросли из-под земли. Весь ландшафт казался чуть сказочным, каким-то андерсеновским, и я каждую минуту ждала, что вот-вот увижу Маленького Клауса⁴.

Наш крохотный «фиат» еще жизнерадостнее, чем обычно, стрелой мчался вперед, но иногда большие мощные автомобили перегоняли нас, что несказанно раздражало Леннарта. Даже у меня появился комплекс неполноценности, и я почувствовала безумное желание загнать «фиат» до изнеможения: «Ну, вы, мои лошадушки!»⁵

Леннарт утверждал, что «домик садоводства», возвышавшийся на крыше «фиата», оказывает сопротивление

¹ Остров в Балтийском море, крупнейший в составе Дании. На восточном побережье Зеландии и близлежащем острове Амагер расположена столица Дании — Копенгаген.

² Остров в Дании. Омывается главным образом проливами Большой и Малый Бельт. Основной город Оденсе — родина великого датского сказочника Ханса Кристиана Андерсена (1805—1875).

³ Полуостров между Северным и Балтийским морями.

⁴ Народный герой популярной сказки Андерсена «Маленький Клаус и Большой Клаус» из первого сборника великого датского писателя «Сказки, рассказанные детям» (1835—1841).

⁵ Постоянное восклицание Маленького Клауса, которым он погоняет лошадей, понукает их.

встречному воздуху и баланс машины нарушается, что влияет на ее скорость. («Домиком» Леннарт называл большой платяной сундук-шкаф наверху на багажнике.)

Отвратительный стокгольмский легковой автомобиль трижды обгонял нас. Время от времени он останавливался, чтобы заправиться и чтобы пассажиры, сидевшие там, могли съесть ленч, и тогда мы снова опережали его. Но внезапно он опять выныривал за нами, насмешливо гудя и чрезвычайно досажая нам, фыркая, пронеслся мимо. Водитель надменно махал нам рукой, а Леннарт ворчал. Я думала о том списке, который лежал у Евы в ящике письменного стола в адвокатской конторе. «Если я заболел бешенством — вот список тех, кого я перекусаю». Если бы такой список был у Леннарта, то, пожалуй, водитель этого автомобиля оказался бы на самом первом месте.

— Думаю, нам постепенно надо будет приобрести более мощный автомобиль, — сказал сидевший за рулем Леннарт, сердясь на свой верный старый «фиат».

Сначала я не проронила ни слова в ответ, но упорно думала.

— Леннарт, — в конце концов произнесла я, — у нас не будет средств ни на какой автомобиль вообще. Во всяком случае если нам придется покупать детскую коляску.

Леннарт удивленно взглянул на меня.

— Тебе вдруг захотелось детскую коляску? — спросил он.

— Да, — ответила я. — Коляску с маленьким прелестным розовым ребенком. Ребенок дешевле автомобиля. И почти такой же срок поставки.

Я замолчала, давая возможность моим аргументам подействовать.

— Гм, возможно, — сказал Леннарт, немного поразмыслив. — Да, в таком случае мы, вероятно, расстанемся с «фиатом».

— О, тогда нас уже никому не обогнать! — воскликнула я. — Ура! Держу пари! Из детской коляски мы сможем выжать максимальную скорость! Никому уже не превзойти наш рекорд! Потому что тогда у нас ведь не будет и никакого домика на крыше, который оказывает сопротивление.

— Ты не знаешь, кстати, какое сильное сопротивление может оказать маленький здоровый малыш, — возразил Леннарт. — Но пожалуй, это очень приятно!

Сидя у обочины среди кустов цветущего дрока где-то в Северной Германии, мы выпили по кружке немецкого пива за здоровье нашего нерожденного ребенка.

И я так радовалась, пока мы не приехали в Неймюнстер¹.

— Леннарт, должно быть, случилась какая-то беда, — прошептала я, показав на то ужасное, что увидела.

Перед нами ехал по улице грузовик с открытым кузовом, а наверху — в кузове — лежала жертва аварии. Молодая, красивая, смертельно бледная женщина с огромными ранами на лбу, из которых текла кровь.

— Она мертва! — сказал Леннарт.

Мы были вынуждены проехать мимо этого скорбного экипажа, и я бросила взгляд на шофера. Вел грузовик отвратительный скелет, сама Смерть с косой и всеми прочими атрибутами. А рядом с водителем был большой плакат:

Vorsicht im Verkehr!
Der Tod schleicht umher!²

Ага, вот это что! Пропаганда ведомства дорожного движения: прекрасная истекающая кровью дама — это весьма искусно сделанная восковая кукла.

¹ Округ в Северной Германии (в земле Шлезвиг-Гольштейн).

² «Осторожно!» — скажем люду.

Смерть крадется тут повсюду!

(Нем.)

— Ну и твердолобые же парни занимаются пропагандой в этом городе! — сказал Леннарт.

Я все еще была потрясена, и эту цель, видно, и преследовало столь страшное зрелище. Возможно, экипаж Смерти заставлял водителей-лихачей думать более здраво. Но я-то была довольна, что я не малое дитя из Неймюнстера, где «смерть крадется повсюду». Потому что я знаю одного ребенка, который не смог бы уснуть этой ночью и лежал бы, всматриваясь во мрак, ожидая услышать, как смерть крадется в прихожей. И я бы кричала, о, как бы страшно я кричала!

Когда едешь в Париж впервые, а вдобавок еще чтобы выйти замуж за Леннарта, то ты, пожалуй, не очень справедлива. Немного несправедлива по отношению к Дании, Германии, Голландии и Бельгии, мимо которых мчишься так быстро, пропуская все самое прекрасное и интересное, что там есть, стремясь как можно скорее увидеть поднимающуюся ввысь Эйфелеву башню. Мне хотелось попросить прощения у Дании, Германии, Голландии и Бельгии за эту неприличную торопливость. Но Леннарт, возможно, был прав, говоря, что Дания, Германия, Голландия и Бельгия наверняка отнесутся к этому абсолютно спокойно.

Несмотря на то жуткое предостережение в Неймюнстере, мы мчались в Париж на самой высокой скорости, которую только могли выжать. И когда пронеслись через Гамбург и Бремен, через цветущую Голландию, через Брюссель, через прелестную зеленую холмистую Северную Францию, я уже знала, что видела лишь манящие блики городов, дорог и площадей, куда бы охотно хотела вернуться еще раз.

Но сейчас я напряженно высматривала Эйфелеву башню. И через пять дней после того, как мы покинули Каптенсгатан, я в самом деле увидела ее характерный силуэт на фоне облачного неба.

— Кажется, мы приехали правильно, — сказала я Леннарту. — *I presume*¹, это Эйфелева башня?

Было воскресенье. Леннарт сказал, что прибыть в Париж в воскресенье — замечательно, потому что движение более спокойное.

— Если это спокойное движение, то я — великий муфтий² Иерусалима! — горько пробормотал сам же Леннарт, когда «фиат», словно испуганный заяц, запрыгал в сумятице так и кишевших вокруг Триумфальной арки³ злобных и напористых автомобилей.

Но мы справились и непринужденно скользнули вниз к Champs Elysées⁴. Я задышалась. Не от испуга. От восхищения! Пред нами раскинулся самый шикарный проспект мира! Вокруг нас бурлила столица мира.

Леннарт довольно посмотрел на меня, словно это была его заслуга, что Champs Elysées были Champs Elysées. Мириады автомобилей заполонили огромную полосу перед нами и отражали солнечные лучи тысячью сверкающих точек.

Было время аперитива, и ресторанчики на тротуарах переполнили парижане — свидетели нашего

¹ Я полагаю (англ.).

² *Муфтий* — высшее духовное лицо у мусульман, облеченное правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам.

³ Триумфальная арка начала возводиться на правом берегу Сены на площади Звезды в 1806 г. по приказу Наполеона, желавшего прославить походы своей армии, закончена лишь в 1836 г., спустя много лет после смерти автора проекта архитектора Жана Шальгрена (1739—1811). Площадь Звезды — большая круглая площадь в конце Елисейских полей, откуда радиусами расходятся двенадцать крупнейших проспектов. В настоящее время площадь называется площадью Де Голля.

⁴ Елисейские Поля (*фр.*) — один из самых известных и красивых проспектов Парижа, который тянется на правом берегу Сены от площади Согласия до Триумфальной арки на площади Де Голля. Прокладка проспекта началась еще в XVII в., но последовательная его застройка происходила со второй половины XIX в. Там находится резиденция президента Франции.

пришествия в Париж. Не то чтобы они уделили этому такое уж большое внимание, как следовало бы, но все-таки!

The first time I saw Paris
her heart was warm and gay¹, —

запела я в ухо Леннарту. Да, разумеется, сердце этого города было теплым и веселым. В этот миг и мое теплое сердце радостно билось в груди.

Мы объехали Place de la Concorde². И вот перед нами Сена, дорогая старая Сена, точь-в-точь такая, какой я ее себе представляла. Я так боялась разочароваться, но нет, люди сидели внизу на набережных и удили рыбу точь-в-точь так, как должны были это делать.

А потом мы медленно ехали вдоль левого берега, затем повернули на Boul. Mich³. И проехали вверх к Пантеону⁴. Здесь, на маленькой улочке в сердце Quartier Latin, стоял маленький невзрачный белый домик, наш отель! И кто, как вы думаете, стоял в воротах и казался владелицей отеля и всего Парижа, кто, как не Ева?! Кокетливо уперев руки в боки и вся чрезвычайно парижская. Но ведь она была здесь уже много часов!

¹ В первый же час, когда я увидела Париж, его сердце было теплым и веселым.

(англ.)

² Площадь Согласия (*фр.*) — площадь на правом берегу Сены; отличается рядом расставленных на ней причудливых памятников, изображающих различные города. В центре обелиск, вывезенный из Луксора — города в Египте. Луксорский обелиск (23 м высотой) был подарен в 1829 г. Франции египетским пашой Мехметом Али. Прибыл в Париж в 1833 г.

³ Буль-Миш (*фр.*) — сокращенное название бульвара Сен-Мишель.

⁴ Пантеон — место, посвященное богам. Зд.: усыпальница великих людей на левом берегу Сены. Был создан в 1758—1790 гг. по проекту архитектора Жермена Суфло (1713—1780). Там захоронены Вольтер, Жан-Жак Руссо, Виктор Гюго, Эмиль Золя и др.

— Bon soir, madame, bon soir, m'sieur!¹ — поспешно поздоровалась она. — Заходите и только послушайте!

Она привела нас в маленький холл, откуда узкая деревянная винтовая лестница вела вверх. Оттуда, сверху, доносился веселый смех, и громкие крики, и бормотание саксофона, заглушавшее все остальные звуки.

— Здесь собралась половина Сорбонны! Это шумят студенты!

— Звучит приятно! — сказал Леннарт. — Разве может быть иначе в Quartier Latin?

¹ Добрый вечер, мадам, добрый вечер, месье! (фр.)

IV

В день моей свадьбы меня разбудил соловей. Где-то внизу в маленьком садике отеля, где росли ветвистые деревья, он пел во все горло. Ева спала и ничего не слышала. Возможно, когда у тебя день свадьбы, ты особенно чувствительна к пению соловья.

Я тихонько подкралась к окну и выглянула в садик. Неужели проснулись только мы с соловьем? Нет, патер из монастырской школы рядом с отелем тоже проснулся и, прогуливаясь в *своем* саду, истово читал молитвенник. Так тихо и мирно повсюду... в самом деле, невозможно поверить, что ты в таком шумном городе мира. Однако небесный свод, мягкий, жемчужно-серый, простершийся над крышей маленького дома и над зелеными кронами деревьев, верно, всегда возвышался над Парижем!

Я уселась на подоконнике. Прекрасно было немного побыть наедине со своими мыслями. Соловей мне не мешал. Вероятно, нет более подходящего аккомпанемента размышлениям невесты в день свадьбы, чем трели маленького веселого соловья. По крайней мере — счастливая невеста, такая, как я! Я была счастлива, счастлива — просто колоссально! Глупый соловушка, как по-твоему, нам с Леннартом улыбнется удача? Ведь

стольких людей постигла неудача, многих из тех, кто с самого начала любил друг друга так же сильно, как любим мы. Почему? Что нужно для того, чтобы брак продержался до конца жизни?

— Ти-ри-ли! — ответил соловей.

О нет, маленький лжец, одного «ти-ри-ли» и обыкновенной влюбленности недостаточно. Это уж мне известно, хотя вообще мне известно не очень много. Пожалуй, хочется гораздо большего. Чего-то вроде верности, и честности, и доброты. О, научиться бы мне всему этому!

— Ти-ри-ли! — уверил меня соловей, и это прозвучало весьма ободряюще.

И как раз в этот миг в соседнем окне появилась взъерошенная голова моего жениха. Взъерошенные волосы придавали ему такой ребячливый вид, и он был такой радостный, похожий на школьника в первый день летних каникул. И вдруг меня охватило что-то вроде паники: ведь если выражение мальчишеской радости когда-нибудь исчезнет с его лица, виновата буду я!

— Привет, невеста моя! — сказал он, протянув мне через окно руку.

Я тоже высунула руку из окна, насколько возможно, и кончики наших пальцев встретились. Я чувствовала только самые кончики его пальцев, но от этого соприкосновения в моей душе пробудились мужество и надежда. Беспокойства больше не было. Наверняка нам все удастся.

— Не понимаю, почему я сегодня так радуюсь, — сказал Леннарт, щуря глаза и глядя на небо, где солнце как раз прорвалось сквозь небольшой просвет в тучах. — Насколько мне известно, ничего особенного не произойдет!

— Как! — подхватила я. — Разве мы не сегодня поднимаемся на Эйфелеву башню?

— Не говорите со мной об Эйфелевой башне, пока я не выпью кофе, — кисло произнесла Ева где-то в глубине комнаты.

Тут жених исчез и через четверть часа вошел к нам аккуратно причесанный и элегантный.

— Кофе и свежие круассаны, — сказал он, ставя поднос на кровать.

Выпив две большие чашки кофе, Ева была готова заговорить не только об Эйфелевой башне, но и о многом другом, что, по ее мнению, нам следовало успеть в течение дня. Прогулка по Большим Бульварам¹, речная прогулка по Сене, потом — ненадолго в Музей импрессионизма в Jeu de Paume², а еще — ленч здесь, аперитив там... Наконец Леннарт очень учтиво спросил:

— Как по-твоему, в этой программе найдется несколько свободных минут после полудня, чтобы мы с Кати могли пожениться?

Ева сказала, что это не совсем безнадежно, хотя программа и насыщенная!

— Послушайтесь доброго совета, — сказал Леннарт. — Не пытайтесь овладеть Парижем с наскоку. Вам же будет лучше, если отнесетесь к этому вначале поспокойнее!

И тогда мы решили отнестись к этому вначале поспокойнее.

— Просто побродите по городу и осмотритесь немного, — посоветовал Леннарт. — На первый день хватит.

И мы побродили по городу и немного осмотрелись.

Во всем мире нет, пожалуй, города, где бы иностранец так легко чувствовал себя — словно дома, по крайней мере внешне, — как в Париже. Уже через несколько часов кажется, будто ты здесь родился. Ведь все так

¹ Большие Бульвары проходят длинной дугой в северной части Парижа. Возникли на месте древних городских укреплений, снесенных в середине XVII в. Теперь это современные улицы, одни из главных артерий Парижа: бульвары Мадлен, Капуцинок, Итальянский, Монмартр, Сен-Дени, Сен-Мартен, Тампль, Бомарше, Сен-Антуан и др.

² Зал для игры в мяч (*фр.*) — как бы продолжение самого знаменитого музея Франции — Лувра недалеко от площади Согласия. Открыт в 1947 г. в бывшем павильоне для игры в мяч. Затем Музей импрессионизма переместился в музей д'Орсэ на правом берегу Сены.

хорошо знакомо! Все тут точь-в-точь так, как рассказано в тысячах книг и фильмов, спето в тысячах песен, изображено на тысячах полотен. Все это я видела уже раньше. Этого гарсона в синем переднике, который поливает водой тротуар в ранний утренний час, кафе на тротуарах под открытым небом, где парижане, щурясь на солнце, пьют кофе и читают газеты, старушку в цветочном киоске, где продаются дивные весенние фиалки; дребезжащие такси, домохозяек с длинными французскими батомами под мышкой — все это я видела уже раньше. Я видела букинистов на набережной Сены и спокойные, медлительные воды этой реки с Pont Neuf¹. Я видела белые купола базилики Sacré-Coeur² под небом Монмартра. Я видела, как огни улиц отражаются в мокром асфальте Place de la Concorde, видела старые улицы в Quartier Latin. Церковь Saint Germain-des-Prés³ мне удивительно хорошо знакома, а в Люксембургском саду⁴ я брожу так же привычно, как дома в Хумлегордене.

¹ Новый мост (*фр.*) — старейший из мостов Парижа. Заложен королем Генрихом II в 1548 г. Окончен в 1606 г. при короле Генрихе IV. Сооружен Гийомом Маршаном по проекту знаменитого французского зодчего эпохи Возрождения Андруэ дю Серсо. Новый мост соединяет остров Сите с правым и левым берегами Сены.

² Базилика Сакре-Кёр в романо-византийском стиле стоит на вершине Монмартрского холма, построена в память жертв франко-прусской войны 1870 г. по проекту архитектора Абади (1812 — 1884). Заложена в 1875 г., завершена накануне Первой мировой войны, освящена в 1919 г.

³ Церковь аббатства Сен-Жермен-де-Пре стоит на одноименном бульваре на левом берегу Сены — самая древняя из церквей Парижа (543 или 558). Тогда аббатство находилось еще за чертой города. Отсюда его название «Des Prés» — «В лугах» (*фр.*). Возникновение аббатства связано с именем святого Жермена, епископа Парижского (VI в.).

⁴ Люксембургский сад находится в Латинском квартале на левом берегу Сены, рядом с Люксембургским дворцом, построенным для французской королевы Екатерины Медичи.

Потому что о Париже столько написано и он так воспет, его столько рисовали и фотографировали, столько километров киноплёнки потрачено на этот город, что ничто в нем мне не кажется чуждым!

И потому мое первое посещение Парижа — это встреча после разлуки. И потому я киваю и улыбаюсь, узнавая знакомые места всюду, где мы только ни появляемся. Но кое-что все-таки ново для меня. Никакие книги, фильмы, песни и полотна художников не могли подготовить к этому восхитительному ощущению свободы, беспечности и детской жизнерадостности, что есть самый лучший дар Парижа своим детям.

Мы начали изучать наш собственный квартал и близлежащие улицы. Потому что Леннарт сказал: истинный парижанин, по крайней мере живущий на левом берегу, пребывает в собственном квартале и не совершает экскурсий в остальные части города. Ева заявила, что теперь, пожалуй, она охотно станет истинной парижанкой, но все же тайно собирается совершить несколько кое-каких экскурсий подальше, на правый берег, мир посмотреть и себя показать.

Мы жили на горе Сент-Женевьев¹, и мне хотелось в день свадьбы засвидетельствовать свое почтение святой покровительнице Парижа. Потому что если бы маленькая пастушка Женевьева не пошла навстречу

¹ Гора Святой Женевьевы (*фр.*) — со времен Средневековья там расположены высшие учебные заведения с центром на площади Сорбонны. Когда-то на том месте, где стоит Пантеон, было аббатство, воздвигнутое в честь святой Женевьевы — покровительницы и защитницы Парижа. В XV в. Пантеон назывался церковью Сент Женевьев. В Пантеоне есть росписи Пюви де Шаванна (1824—1898), выполненные в 1874—1898 гг., изображающие сцены из жизни святой Женевьевы, а также роспись официального живописца Наполеона I, предшественника романтизма Антуана Гро (1771—1835) «Святая Женевьева благославляет королей Франции». Неподалеку и узкая извилистая улица Сент-Женевьев-де-ла-Монтань.

Аттиле¹ и его гуннам, когда они где-то в V веке явились, чтобы разорить и уничтожить Париж, кто знает, быть может, Парижа уже не было бы! А где бы тогда я вышла замуж за Леннарта?!

— Спасибо тебе, добрая Женевьева!

Свечи вечно горят вокруг ковчежца с ее мощами в церкви St.-Etienne du Mont, и я тоже зажигаю свечу в честь святой Женевьевы.

— С этого дня отведи от меня беды своими мягкими руками, святая Женевьева!

Солнце показалось мне еще ослепительнее, когда мы вышли из мрака церкви, и я сказала Леннарту:

— Ты рад, что солнце освещает день нашей свадьбы?

— Да, рад, — ответил Леннарт, — однако, если быть точным, я рад совершенно независимо от капризов погоды. Потому что в Париже ничто не меняется быстрее, чем погода. Даже дамская мода!

— Кстати, о дамских модах, — лукаво произнесла Ева, — а что если мы доберемся на метро на правый берег и посмотрим немного витрины, и...

— Так быстро моды не меняются, — сказал Леннарт. — Можешь спокойно подождать до завтра.

И он повел нас в Quartier Latin, где вообще нельзя увидеть модных витрин и мечтать о магазинах фирм Диора². Здесь был город книг и город молодежи. Имелись ли там вообще хотя бы несколько стариков или людей среднего возраста, и если имелись, то где они в таком случае прятались? Там была только молодежь всех рас и всех оттенков кожи, молодые люди флани-

¹ *Аттила* (?—453) — предводитель гуннов с 434 г. Возглавил опустошительные походы в Восточно-Римскую империю (443, 447—448), Галлию (451), Северную Италию (452).

² *Диор Кристиан* (1905—1957) — знаменитый французский модельер, основатель стиля «new look» — «новое видение» (англ.). В ответ на вынужденную скромность периода Второй мировой войны ввел широкополые шляпы, широкие юбки, шарфы.

ровали по улицам или толпились у кофейных столиков. Из Китая и Сиамы, из Туниса и Алжира, из всех стран Европы и всего мира прибыли они сюда, дабы вкусить от древа познания, росшего здесь, древа, корни которого уходили в далекое Средневековье! Кое-какие следы Средневековья еще оставались на старинных улицах, где царила изысканная и неуловимая атмосфера прошлых веков, когда именно этот квартал стал цитаделью всей книжной учености Европы.

— Книжная пыль здесь почти ударяет в нос, — сказала Ева, которая наверняка ожидала, что весь Париж должен благоухать ароматами духов «Scandale» и «Amour, Amour!».

Лично я предпочитаю книжную пыль. Но вот мы пришли уже на Rue Mouffetard¹, и там не было ни малейшей книжной пыли, там плоды земли — фрукты и овощи — устремлялись потоками прямо на тротуары, насколько хватало глаз. И царила по-домашнему уютнейшая давка.

— Народная жизнь, народная жизнь, пошли туда! — закричала Ева.

И в самом деле, это была народная жизнь! Какая толкотня, какие типажи, какая праздничная картина! О, как прекрасно быть в Париже и жить всего лишь в нескольких шагах от этой веселой улицы!

Леннарт снова показался мне таким довольным, словно это была его заслуга, что Rue Mouffetard — это Rue Mouffetard.

— Мы пойдем туда еще как-нибудь вечером, и тогда вы увидите еще более веселую народную жизнь, — пообещал Леннарт примерно так, как если бы имел в виду: «Тогда я покажу вам еще более веселые фокусы».

Но время шло, и Заветный Час приближался.

Ева, стоя перед маленьким зеркалом, надевала шляпу.

¹ Улица Муфтар (фр.) — торговая улица в Латинском квартале.

— Ребенок, идущий впереди, готов! — сообщила она. — А как невеста?

Невеста нервничала. Сидя на краю кровати, она, дрожа, надевала нейлоновые чулки и ни разу не подумала, что со свадьбой и вообще хоть с чем-нибудь все будет хорошо.

— Можешь ты понять, что он находит во мне? — в отчаянии спрашивала я. — Можешь ты понять, почему он хочет на мне жениться?

У Евы имелось объяснение всему на свете.

— Мой приятель Курре мне все объяснил. Этот Курре начитался Шопенгауэра и всех стариков философов, которые только существуют. Дело обстоит так: что говорит Шопенгауэр, то говорит и Курре! Молодая девушка — это чудо природы, на несколько недолгих лет ей сверх меры отпущены красота и прелесть только для того, чтобы пробудить фантазию мужчины настолько, чтобы он взял на себя обязательство заботиться о ней до конца жизни. Этого никогда бы не случилось, если бы мужчины предавались разумным размышлениям. Что говорит Шопенгауэр, то говорит и Курре! — повторила Ева.

Я беспокойно посмотрелась в зеркало. «Чудо природы!» Нет, не может быть, чтобы так думал Шопенгауэр! Но во всяком случае, в темно-синем одеянии с розовыми розами — подарком Леннарта — на лацкане жакета я выглядела довольно приятно.

— Тебе удалось пробудить фантазию Леннарта, все дело в этом, — сказала Ева, высокомерно помахав рукой. — Думаю, ты легко выиграла матч. Между нами говоря, потребовалось не так уж много усилий!

Бедняга с пробужденной мною фантазией вошел к нам именно в эту минуту, и я бросилась в его объятия!

— О, как хорошо, что ты не предавался разумным размышлениям! — нежно воскликнула я.

И вот мы отправились в шведское посольство и там примерно через пять минут стали мужем и женой. Не

успела я опомниться, как пообещала взять Леннарта Сундмана в свои законные супруги. Это произошло так внезапно. Я не почувствовала себя ни капельки более замужней, чем раньше.

Но потом мы поехали в шведскую церковь (венчание в Париже состоит из двух частей), и там все было иначе. Милый молодой пастор снова спросил меня, в самом ли деле я согласна любить Леннарта Сундмана в нужде и богатстве. И мне хотелось крикнуть «да!» так громко, чтобы слышно было во всем Париже, но я лишь едва прошептала это слово, потому что у меня как-то странно перехватило горло. Я видела только Леннарта. Внезапно мы оказались одни во всем мире. И я подумала: «О, если бы ты только знал, как я люблю тебя!»

И Леннарт посмотрел на меня, и совершенно определенно: я, должно быть, пробудила его фантазию гораздо больше, чем предполагала, потому что в глазах его было столько нежности! Мой любимый, быть может, ты все же думаешь, что я — чудо природы? Бедный, сбитый с толку, милый мой человек!

Церковь была пуста, только Ева сидела на скамье и украдкой вытирала глаза кружевным платочком.

— Подумать только, почему женщины всегда плачут на свадьбах?! — ворчливо заметил потом Леннарт.

Ева негодовала.

— Вовсе я не плакала! — фыркнула она. — Я просто сидела и скрежетала зубами от злости, что мне некого любить в нужде и богатстве.

Состарившись, мы с Леннартом когда-нибудь вернемся туда. В маленькую харчевню в прекрасной зеленой долине Шеврез¹, где был наш свадебный обед. Прелестная долина Шеврез, где луга светятся от ярких маков, а маргаритки и васильки колышутся от вечер-

¹ Долина именуется по названию города Шеврез на реке Иветт. Это известный национальный парк недалеко от Версаля.

него ветра и где в сумерках кукует кукушка. Думаю, что обед в день нашей золотой свадьбы состоится в этой харчевне. Всего три мили от Парижа, но там так по-сельски мирно и идиллически, словно долина Шверез находится в Аркадии¹. За защитными стенами зеленый, засаженный деревьями и цветами двор, где несколько горожан с достопочтенным патером в центре весело болтали за кружкой пива, но где мы вообще-то были одни. Да, Ева, разумеется, была с нами. Мы ели цыпленка, таявшего во рту, и запивали его легчайшим из анжуйских вин². Мы ели, пили, мы произносили нежные слова, а белые горлицы, сидевшие в клетке совсем рядом с нами, ласково ворковали друг с другом; розы на столе светились и благоухали, и жить было так хорошо. А когда мы принялись за клубнику, Ева сказала:

— Я хочу, Кати, сказать тебе напутственное слово! Будь весела! Это более необходимо, чем все остальное! Все замужние женщины, которых я знаю, комплексуют, считая себя мученицами. Ты тоже будешь так считать... да, да, не возражай! Но если ты станешь так думать, то думай об этом, запершись в темном шкафу. Думай сколько хочешь, но не показывай этого, когда выйдешь из шкафа. Будь весела — говорю я тебе! Вообще-то можешь вести себя как угодно, да, возможно, тебе не придется *колотить* Леннарта, наверняка не придется!

— Это еще что? — спросила я. — Не колотить его? Пословица гласит: «Жена, что мужа бьет, быстра и проворна и весело живет». А тебе, Леннарт, ведь хочется, чтобы жена твоя была быстра, проворна и весела?

¹ Область в центральной части Пелопоннеса (Греция). В античной литературе и пасторальных XVI—XVIII вв. изображалась как райская страна. В переносном значении и зд.: счастливая страна.

² Анжу — историческая провинция Франции в бассейне Луары, известном своим виноделием.

— Да, это, конечно, способствует счастливому супружеству, — сказал Леннарт. — Жена каждый день сидит в шкафу и жалеет себя, а когда к ней снова возвращается хорошее настроение, она вырывается из шкафа и совершает моцион, колотя мужа!

— Да, — произнесла Ева таким тоном, словно думала: «А что в этом плохого?»

— Не болтайте столько чепухи, девочки, — сказал Леннарт. — Пейте вино и смотрите на звезды!

Мы смотрели на звезды и молчали.

Была темная ночь, когда мы наконец вернулись в Париж.

V

озможно, в воспоминаниях все, что происходило раньше, как бы покрывается позолотой. Знаю, что отель, в котором мы жили, был маленькой студенческой гостиницей самого низкого разряда. Помню, что в углах там было довольно грязно и что иногда, выходя из комнаты, можно было задохнуться от чада, пробивавшегося из кухни даже к нам. Знаю, что *la bonne*¹ — веселая, пухленькая Николь — стелила наши кровати лишь по необходимости, слегка пригладив простыни рукой. И что каждая вещь, положенная на комод, оказывалась на маленьком нетронутom островке пыли. Знаю, что вокруг в маленьких кельях студенты орали и фыркали так, что иногда казалось, будто за стеной находится половина Сорбонны.

Но я блаженствовала. Я блаженствовала в нашей небуманной комнате со старыми коричневыми панелями, розовыми обоями и ветхой гипсовой лепкой потолка, которая время от времени осыпалась на пол, когда студенческая жизнь над нами бурлила особенно интенсивно. Я блаженствовала, встречаясь с веселой и довольно вспыльчивой Николь, хотя она и убирала так небрежно!

¹ Прислуга, горничная (*фр.*).

Да и где ей было успеть вытереть пыль! Ведь ей надо было поболтать с нами, изложив свои взгляды по всем вопросам современности. Мне нравились узкие деревянные винтовые лестницы и гравюры с изображением семи смертных грехов, украшавшие стены.

Мне нравился маленький садик под нашим окном и соловей, который пел каждую ночь, нравились мне и облаченные в черное патеры по другую сторону стены, которые дни напролет бродили по садовым дорожкам; патеры постоянно были заняты благочестивыми беседами или чтением молитвенника. Короче говоря, я блаженствовала!

Не знаю, правда ли, что мадам Кюри жила здесь в молодости, но мне нравилось представлять себе различные сцены из ее жизни. Молодая бедная девушка Мария Склодовская некогда сидела склонившись над книгами именно в нашей комнате, а под ее ногами поскрипывали именно эти ступеньки, когда она спешила выйти на нашу улочку через те же самые ворота, что и мы теперь. Интересно, спали ли в ее время на углу улицы двое бродяг? Теперь они ночуют там каждую ночь, и мне они тоже нравятся. В первый же вечер, когда мы поздно возвращались домой и чуть не наткнулись на них, я была очень взволнована, и мне показалось чрезвычайно неприятным, что люди вынуждены спать на земле. Но вскоре мы поняли, что эти люди хотят так ночевать. Они блаженствовали на своем личном углу улицы точно так же, как мы в нашей жалкой каморке.

Да, думаю, что, когда Мария Склодовская легкими шагами поспешно шла по этой улице, парочка бродяг была на том же месте. Я словно видела, как она, пробегая мимо них, приподнимала свою длинную юбку. Куда она шла? Быть может, на Rue Mouffetard, чтобы купить какую-нибудь еду. Я словно видела, как она открывает свой тощий кошелек и достает оттуда пару франков и покупает себе немного уже готового картофельного пюре, чтобы утолить злейший голод. Она

смотрит перед собой глазами, которые ничего не видят из того, что творится на оживленной улице. Предполагаю, она думает, вероятно, о каком-то эксперименте, которым займется, лишь только вернется домой. Я воображаю это так живо, что верю в это сама. И спрашиваю Еву и Леннарта: верят они в это?

— Точно! — говорит Ева. — И держу пари, Робеспьер тоже жил здесь. Потому что здесь пахнет кровью! — И она повела ноздрями, нюхая воздух.

— Здесь пахнет *rommes frites*¹, но жареным в слегка прогорклом растительном масле, — сказал Леннарт.

— Здесь пахнет кровью! — настаивала Ева. — Робеспьер сидел именно в этой грязной комнатке, в которую меня сослали, чтобы ты, Леннарт, жил в роскошном номере для новобрачных вместе с Кати. Повторяю, Робеспьер сидел именно за этим самым столом, который явно стоит здесь со дней революции², и с него с тех самых пор не стирали пыль. Робеспьер сидел здесь такой довольный и думал, кого бы на следующий день послать на гильотину!

Я оживленно продолжила:

— А когда он вспоминал очередное имя, он приходил в восторг и бормотал про себя: «*Это хорошо!*»

— У вас обеих жуткая фантазия! — сказал Леннарт. — Робеспьер прятался здесь, когда сам опасался угодить в тюрьму. Так мне рассказывали. И вообще это, вероятно, выдумка.

— Тебе вечно надо все испортить! — с досадой сказала Ева. — А нам было так приятно. Но все равно, здесь *пахнет* кровью!

— Здесь пахнет *rommes frites*, — повторил Леннарт. — А как вообще-то насчет Эйфелевой башни?

Ох уж эта Эйфелева башня, она была для нас как бельмо на глазу! Мы вели себя просто предательски по

¹ Жаренный в кипящем масле картофель (*фр.*).

² Имеется в виду Великая французская революция.

отношению к бедному мсье Эйфелю, так как вообще не желали подниматься на его башню! Но не видели никакой возможности этого избежать.

— *Не можем* же мы приехать домой и сказать, что не были там, — сказала Ева. — Так вести себя нельзя!

— Вероятно, не стоит вечно плыть по течению, — заявила я. — Тем более когда надо подниматься на высоту триста метров. Я хотела бы быть такой вот особенной туристкой, которая возвращается домой, увидев только то, что не попадает на глаза обычным туристам.

— Да, но должны же быть границы, — возразила Ева. — Эйфелева башня, Дом инвалидов¹, Лувр² — никто не должен пройти мимо.

— Ты все-таки не станешь утверждать, что пойдешь в *Лувр* только из чистого чувства долга, — ужаснулся Леннарт, потрясенный до самой глубины своей души любителя искусства.

— Нет, нет, нет, — заверила Ева, успокаивая его, слегка помахивая руками. — Я тоскую по Моне Ли-

¹ Одно из самых значительных сооружений Парижа (фасад протяженностью 210 м), воздвигнуто на левом берегу Сены по эдикту короля Людовика XIV для ветеранов и инвалидов войн. Постройка была поручена архитектору Либералю Брюану (ок. 1635—1697). Закончена в 1676 г. В центре Собор инвалидов — творение великого французского зодчего Жюля Ардуэна Мансара (1646—1708). Сюда в 1840 г. перенесен прах Наполеона с острова Святой Елены. Сейчас гробница Наполеона — главная достопримечательность Дома инвалидов, где находится и Большой военный музей.

² Первоначально — Королевский дворец. Возведен на месте старого замка в XVI—XIX вв. Архитектор Пьер Леско (1515—1578); скульптор Жан Гужон (ок. 1510—1566). Архитектор Клод Перро (ок. 1613—1688) создал восточный фасад Лувра со знаменитой колоннадой (1667—1673). Музей основан в эпоху Великой французской революции, национализировавшей королевские собрания искусств. В 1970-е гг. каталоги Лувра насчитывали свыше 20 000 номеров.

зе¹ и Нике Самофракийской² так, что у меня болит сердце, но я хочу покончить с ними как можно быстрее, чтобы пойти и купить себе шляпку.

Леннарт покачал головой и промолчал. В конце концов он расхохотался и сказал:

— Да, чем только не интересуются туристы, приезжая в Париж! Мы трое, собственно говоря, на собственном примере можем помочь выявлять туристов различных типов.

— Разве? — спросила я. — Объясни, пожалуйста.

— Ева принадлежит к тем, кому вообще-то следовало жить на правом берегу Сены, — сказал Леннарт, — так как там есть все, что ее интересует. Там дома мод, там большие универмаги и там Rue de Rivoli...³

— А что интересного на Rue de Rivoli? — алчно вытаращив глаза, спросила Ева.

— Нет, пусть Леннарт скажет сперва, что за тип я!

— Ты очень милый маленький тип! — сказал Леннарт и поцеловал мне руку. — Однако я еще не закончил с определением типа Евы!

— Нет, послушаем, чем еще я интересуюсь! Так я смогу получить множество ценных советов.

— Ты хочешь гулять по большим элегантным бульварам, сидеть в ресторанах на Champs Elysées и видеть красивых француженок в очаровательных платьях... Да, да, вообще-то, думаю, что я тоже этого хочу, но...

¹ Знаменитый «Портрет Моны Лизы» (так называемая «Джоконда», ок. 1503) написан Леонардо да Винчи (1452—1519). Этот портрет — одно из главных живописных сокровищ Лувра, своеобразный символ эпохи Возрождения.

² Мраморная скульптура Ники Самофракийской создана в III—II вв. до н. э., найдена в 1863 г. французскими археологами на острове Самотраки (Самофракия) на севере Эгейского моря.

³ Улица Риволи (*фр.*) — одна из самых длинных улиц Парижа на правом берегу Сены, тротуары ее северной части проходят под крытыми аркадами. На этой улице находятся магазины модной одежды, сувениров и т. п.

— Ну а что еще я хочу? — спросила Ева, делая вид, словно все сказанное Леннартом было ее заветнейшей мечтой.

— Пожалуй, ты охотно пойдешь в «Лидо» и «Drap d'Or» и в другие дорогие ночные клубы.

— Конечно, но на это у меня нет средств, — печально сказала Ева. — В таком случае мне надо сначала раздобыть какого-нибудь подходящего миллионера... а у меня ведь тут всего десять дней.

— Что касается Кати, она все-таки принадлежит к тому типу, которому следует жить на левом берегу.

— По-твоему, выходит, что престижнее жить на левом берегу? — подозрительно произнесла Ева.

— Престижнее... точно не знаю, — заметил Леннарт. — Кати интересуется красочными одеждами, людьми, старинными улицами и домами, атмосферой Парижа и прочим в этом же роде. Она интересуется книгами. Она наверняка могла бы целый день рыться в лавках букинистов и была бы абсолютно счастлива.

— Отчетливо понимаю, что Кати принадлежит к гораздо более утонченному типу, — сказала Ева. — Кати интересуется книгами и простыми тружениками, меж тем как я слежу за переменами моды на правом берегу и читаю газету «La Vie Parisienne»¹, не так ли?

— Давай не будем цепляться к словам, — предупредил Еву Леннарт.

— Позволю заметить, я купила книгу внизу, на Quai Malaquais². А что купил ты? Я купила «Les fleurs du mal»³ небезызвестного господина Бодлера.

¹ «Парижская жизнь» (фр.).

² Набережная Малаке (фр.) — на левом берегу Сены, против Лувра.

³ «Цветы зла» (фр.) — сборник стихотворений прекрасного французского поэта, предшественника французского символизма Шарля Бодлера (1821—1867).

— А ты уже что-нибудь прочитала из этого сборника?

У Евы был глубоко оскорбленный вид.

— Думаю, ты спятил! — ответила она. — Когда мне было читать? По-твоему, я должна была ночью бодрствовать и изучать господина Бодлера? Прошу заметить, что ночью я *сплю*, поэтому у меня такой свежий вид!

Вид у нее в самом деле был очень свежий.

— Послушаем, к какому типу относишься ты, Леннарт? — сказала я, переводя разговор на другую тему.

— Да, именно! — захотела узнать Ева. — Думаю, ты, пожалуй, просидишь в Notre Dame до тех пор, пока не настанет время ехать домой.

Леннарт навернул белокурый локон Евы на свой указательный палец и осторожно подергал.

— Я, должно быть, рассердил тебя, — сказал он. — Но я вовсе не собирался дразниться.

— Я хочу знать, какой тип ты, Леннарт! — воскликнула Ева. — Оставь в покое мои волосы! Скажи точно, *что* привело тебя в Париж?

— Кати, — сказал Леннарт. — В первую очередь я приехал сюда, чтобы жениться на Кати и показать ей город, который люблю. А кроме того... ладно! Никакой я не «тип», но считаю только, что из нас троих я, возможно, единственный, кто на самом деле считает, что ходить по музеям — чудесно. Вернее, по музеям изящных искусств.

— Да, сидишь тут — варвар варваром среди особ со сплошь возвышенной душой, — сказала Ева. — Пожалуй, не стоит напоминать вам, что это я захотела пойти с вами в Jeu de Paume уже в самый первый день?

— Да, пожалуй, я не понял тебя, *Evita mia*¹, — признался Леннарт.

¹ Моя Эвита (*ит.*). Игра слов: «Vita mia» — «жизнь моя», нежное обращение к возлюбленной.

— Вообще-то, — заметила я, — замечательно, что мы — все трое — интересуемся разными вещами, а пасемся стадом. Таким образом сможем увидеть разные стороны Парижа!

— Давайте составим список! — закричала Ева, быстро смахнув пыль со стола Робеспьера. — Сначала составим список самого необходимого, что нам надо посмотреть.

Ева составляет списки на все, начиная с «Если я заболею водобоязнью», «Заметки о тех, кто может меня укусить» до «Мужчины в моей жизни». Она вытаскивала листок почтовой бумаги и уселась к столу.

— Список тех, «кого я завтра пошлю на гильотину», — сказала она, — *уверю* вас, что Робеспьер сидел здесь и составлял такой список... Сейчас увидим, какие у нас будут рубрики. Когда приезжаешь в Париж впервые, нужен список того, без чего нельзя обойтись. Леннарт, диктуй мне... ты ведь все знаешь!

— Да, я знаю все наизусть. То, что я перечислю, делает каждый приезжающий в Париж, а потом едет домой и бьет себя в грудь со словами «Знаю ли я Париж? Да, думаю, что знаю!»

— А что он делает? — спросила я.

— Поднимается на Эйфелеву башню, — начал перечислять Леннарт. — Посещает гробницу Наполеона в Соборе Дома инвалидов. Осматривает Лувр — из чувства долга; собор Парижской Богоматери и Sacré Cœur — также из чувства долга. Выпивает аперитив в «Café de la Paix»¹ — с величайшим восторгом. Бегаёт по магазинам на Rue de Rivoli — будь то он или она. Забегает в «Галери Лафайет» и в другие магазины. Один вечер просиживает на Place du Tertre² на вершине Монмартрского холма. Один вечер — в кафе

¹ Известное кафе на Монмартре.

² Площадь на Монмартре, где по вечерам собирались художники и местные жители.

«Dôme»¹ на Монпарнасе или, возможно, в кафе «Flore»² в St. Germain-des-Prés. Затем Булонский лес³ и Люксембургский сад. Букинисты на набережных Сены. Вот и все в общих чертах.

— Думаю, я слышала разговоры о чем-то называемом площадь Pigalle⁴.

Леннарт приподнял брови.

— Неужели? — удивился он. — Такая маленькая невинная девочка, как ты! Но ты права — некоторые туристы никогда не заходят дальше площади Пигаль и увеселительных заведений вокруг нее. И из всего скучного, что можно найти в Париже, это — самое скучное. Это ничуть не более французское занятие, чем мои старые башмаки.

— Но все же можно совершить туда экскурсию в познавательных целях, — стала уговаривать Леннарта Ева. — Исключительно в познавательных.

— А не начать ли нам день с того, чтобы посетить исключительно в познавательных целях Эйфелеву башню, с которой вы так долго приставали ко мне?

С Эйфелевой башни открывается необыкновенно прекрасный вид. Весь Париж, словно блин, лежит у вас под ногами. А на стенах висят телефоны-автоматы, и если сунуть в них пять франков, то можно узнать о всевозможных вещах — у кого сегодня счастливый день и за кого выйдешь замуж.

— Это, право же, меня давно интересовало, — сказала Ева. — А ну-ка посмотрим!

¹ Кафе «Дом» (*фр.*) — одно из знаменитых кафе Монпарнаса.

² «Флора» (*фр.*).

³ Живописный лесопарк на западной окраине Парижа (900 гектаров), который называют «легкие Парижа». Традиционное место отдыха и прогулок парижан.

⁴ Пигаль (*фр.*) — парижская площадь, пользующаяся дурной славой из-за обилия злачных заведений.

Будущий муж Евы станет *Député*¹, — утверждал автомат. Леннарт же думал, что она не может рассчитывать на то, чтобы ей удалось охмурить какого-нибудь французского депутата. Он утверждал, что это предсказание грозит скорее какому-нибудь шведскому депутату *риксдага*².

— Ты так считаешь? — спросила повеселевшая Ева. — Да, да, как только вернемся домой и распакуем все самое необходимое, придется совершить налет не только на первую, но и на вторую палату депутатов!

¹ Депутат (фр.).

² *Риксдаг* — парламент в Швеции, состоит из двух палат.

VI

гучая тоска Евы по Моне Лизе и Нике Самофракийской и по прелестным картинам импрессионистов в Jeu de Paume была постепенно утолена. Но когда она увидела знаменитую картину Мане «Déjeuner sur l'herbe»¹, в ней пробудилась тоска нового рода. Она тоже пожелала завтракать на зеленой траве, «хотя и не столь легко одетой», — сказала Ева.

— Милый Леннарт, *не можем ли* мы это осуществить? — молила она. — Завтрак в Булонском лесу — сегодня, когда такая прекрасная погода!

Даже я смотрела на него умоляюще.

— Да, *милый* Леннарт, — попросила я.

— Вы говорите словно двое бедных маленьких детей, умоляющих о чем-то жестокосердного отца, — ответил Леннарт. — Пожалуй, не я один распоряжаюсь в этой компании.

¹ Мане Эдуар (1832–1883) — известный французский живописец. Картина «Завтрак на траве» (1863), вызвавшая горячие споры, принесла ему славу. В этой и в ряде других картин («Олимпия», 1863; «Завтрак в мастерской», 1863, и т. д.) он переосмысливал сюжеты старых мастеров в духе современности.

— Да, но автомобиль поведешь ты, — заметила Ева.

— А мы с Евой организуем все остальное, — подхватила я. — Идем, Ева, запасемся продовольствием.

Мы быстро бросились вниз по лестнице с изображениями семи смертных грехов на стенах. И Ева сказала, что заметила у себя явную склонность абсолютно ко всем смертным грехам, за исключением жадности.

— А прежде всего — обжорство, — сказала она, останавливаясь перед изображением неестественно толстого человека, иллюстрировавшего своей фигурой этот смертный грех.

— Вот так и будешь выглядеть! Хо-хо-ха-ха!

Студент, комната которого находится рядом с комнатой Евы, как раз поднимается по узкой лестнице. Он обволакивает ее целой серией взглядов своих бархатных глаз, и они проходят друг мимо друга со множеством «извините!» и «извините!» с одной и с другой стороны. И мне, пожалуй, кажется, что процедура слишком растягивается, причем без всякой необходимости. Ведь лестница вовсе не так узка, а Ева, несмотря на свое «обжорство», еще не достигла таких объемов, чтобы представлять собой какую-то помеху вовсе не на такой уж узкой лестнице.

— Я все думаю, не стоит ли мне, пожалуй, пойти и помечтать с ним как-нибудь вечером, — сказала Ева, когда студент исчез за дверью своей комнаты.

— Да, но ты ведь его не знаешь, — предупредила я Еву.

— Не знаю! — воскликнула она. — При таких-то тонких стенах, как в здешнем отеле! Мы обычно поем друг другу! Хотя и притворяемся, что, разумеется, не знаем, будто это — друг для друга! Он поет мне каждое утро: «Comme un p'tit coquelicot...»¹, когда чистит зубы, а только кончает петь он, начинаю я: «В первый

¹ «Как маленький цветок — мак...» (фр.)

раз, когда увидела тебя!» Вообще, теперь он умеет уже насвистывать эту песенку. Правда, иногда он фальшивит, но я его поправляю!

— Может, он думает стать *député*, когда вырастет, — намекнула я.

— Нет, он изучает медицину, — сообщила Ева.

— Ты это тоже слышала через стену? — спросила я.

— Нет, это через Николь. Она рассказывает мне каждое утро об Анри и обо всех других, кто здесь живет.

— Анри?

— Его зовут Анри Бертран! Да! Я, пожалуй, выйду как-нибудь вечером и немного помечтаю вместе с ним... Когда как следует продумаю этот вопрос. Все же я в Париже... и все прочее! Да, да... но сейчас речь, стало быть, идет о еде. Что мы купим?

Мы свернули на *Rue de l'Estrapade*¹.

— Прежде всего ветчину, — сказала я. — На этой улице жил Дидро², ты знаешь?

— Нет, да и вообще, какое мне дело до этого! — заявила Ева. — Но знаешь, что я прочитала вчера в газете «*Paris Soir*»?³ Поставили фильм «*Rue de l'Estrapade*»! Как раз про эту улицу. С этим милым малюткой Даниэлем Желеном в главной роли.

— Он был арестован там, в доме номер три, после того как написал «*Lettres sur les aveugles*»⁴.

Ева остановилась.

— Они арестовали Даниэля Желена? — закричала она.

— Дидро, глупышка! — объяснила я.

Ева с облегчением вздохнула.

¹ Улица Пытки Дыбой (фр.).

² *Дидро Дени* (1713—1784) — французский философ, писатель. Основатель и редактор «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751—1772).

³ «Вечерний Париж» (фр.).

⁴ «Письмо о слепых в назидание зрячим» (фр.).

— Дидро! — сказала она таким тоном, что явно дала понять: пусть бы Дидро просидел в темнице всю свою жизнь, если уж так случилось. — Смотри! — закричала она. — Маленькая Дурочка еще не проснулась!

Мы прошли уже на *Place de la Contrescarpe*¹, где на своем обычном углу спала Маленькая Дурочка. Она была из тех, что обитали здесь в великом множестве. Маленькая старушка, которая обычно бродила по вечерам по *Rue Mouffetard*, веселая, приветливая и чуть растерянная, поэтому мы и прозвали ее «Маленькая Дурочка». Здесь повсюду жило столько бедных эмигрантов и «простых трудящихся», «маленьких людей», как называла их Ева, а также много гораздо более колоритных фигур: уличные воришки и бродяги, проводившие большую часть своей жизни под открытым небом. Когда наставал вечер, *Rue Mouffetard* и все ее бесчисленные бары заполнялись так, что начиналась давка. Своеобразнейшие типы пили пиво или перно². Они кричали, болтали и хохотали, а посреди всей этой толкотни бежала Маленькая Дурочка и тоже смеялась и кричала.

Она нам нравилась. В Маленькой Дурочке был шарм, но сейчас она спала на своем обычном углу на *Place de la Contrescarpe*, от которой начинается улица Муфтар. Знаешь ли ты, Маленькая Дурочка, что некогда в стародавние времена возле этой маленькой площади располагалось знаменитое кафе «*Pomme de Pin*»?³ Знаешь ли ты, что Рабле⁴ и Вийон⁵ по очереди сжививали здесь и шумели по вечерам? Они были бы для тебя

¹ Площадь Контрескарп (фр.).

² Перно — марка аперитива.

³ «Сосновая шишка» (фр.).

⁴ Рабле Франсуа (1494—1553) — великий французский писатель, автор замечательного романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532).

⁵ Вийон Франсуа (1431 или 1432—1463) — французский поэт. В его стихах звучит дерзкое прославление земных радостей, отрицание ханжества.

веселыми спутниками, ты дурачилась бы вместе с ними, если бы жила в те дни!

Но Маленькая Дурочка все спала и спала. А нам ведь надо было покупать продукты.

— Ты говорила — ветчину! А что еще?

— Жареного цыпленка и сыр — несколько сортов, и хлеб.

— И легкое-прелегкое вино, — предложила Ева. — *Vauvray!*¹

Мы обошли зигзагом между ларьками на *Rue Mouffetard* и купили все, что нам было нужно.

— *Etez-vous triste?*², — сказал мне какой-то сумрачный господин, когда я несколько мгновений одиноко стояла в стороне, пока Ева покупала клубнику.

Он ободряюще похлопал меня по плечу, словно намекая, что знает множество хитроумных способов развеселить меня в случае, если я и вправду огорчена.

Хо-хо, если бы он только знал, как мало я огорчена! Я была чуть ли не веселее, чем Маленькая Дурочка, которая как раз проснулась и готовилась начать новый день.

Проходя мимо, я сунула ей скомканную банкноту — сто французских франков. Она взглянула на меня, как ребенок в тот миг, когда в сочельник зажигается елка, и улыбнулась мягкой и теплой улыбкой.

Когда мы вернулись, Леннарт уже ждал нас с машиной, и мы втиснулись в нее — все трое.

Вообще-то я не люблю, когда Леннарт ездит по Парижу, я так нервничаю! Здесь, на левом берегу, все идет хорошо, но, как только мы попадаем в пробку на *Place de la Concorde*, у меня душа уходит в пятки. Чтобы нам удалось выбраться отсюда живыми, мне лучше всего помочь этому по-своему: зажмурить глаза, когда грозит явная опасность, впиться ногтями в ладони и согнуть

¹ Вовре (*фр.*) — белое сухое вино.

² Вы грустны? (*фр.*)

пальцы ног так, чтобы в икрах начались судороги. Но никогда ничего не случалось, да и на этот раз все прошло счастливо. Я так усердно сгибала пальцы, проезжая мимо Champs Élysées, и крепко-крепко зажимала глаза, объезжая Триумфальную арку, что мы без всяких неприятностей смогли свернуть на Avenue Foch¹.

Здесь движение было более спокойным, и я осторожно попробовала рискнуть выпрямить пальцы ног. Все прошло хорошо, и опасность на этот раз миновала! Мы медленно ехали вдоль знаменитой авеню. Здесь в шикарных домах с зелеными лужайками перед фасадами жили богачи.

— Не странно ли, — заметил Леннарт, — и на богатых, и на бедных смотреть интересно. Все то, что посередине, между ними, не заслуживает внимания.

— Да, ты прав, — согласилась я. — На дом миллионера и на дом самого последнего бедняка смотришь всякий раз, когда попадаешь в другую страну! Только крайности, только контрасты. То, что не относится ни к тому ни к другому, никого не интересует.

— Так всегда, — подхватила Ева. — Если хочешь, чтобы тебя по-настоящему заметили, надо быть человеком крайностей: либо Маленькой Дурочкой, либо женой Ага-Хана², либо прекрасной, как день, либо такой уродиной, что у людей перехватывает дыхание, когда они тебя видят!

Мы немного порассуждали на эту тему, въезжая в светлую зелень Булонского леса, и пришли к приятному

¹ Авеню Фош (фр.) — рядом с Елисейскими Полями. Фош Фердинанд (1851—1929) — маршал Франции.

² Ага-Хан — титул имама мусульманской секты исмаилитов. Наиболее известен Ага-Хан III, 48-й имам, в 1885—1957 гг. политический деятель Индии, крупный земельный собственник, миллиардер. Несколько раз был женат, в том числе на звезде Голливуда 1940-х гг. знаменитой американской киноактрисе Рите Хейворт (1918—1987).

заклучению, что мы, пожалуй, те, кто находится посредине, и если даже мы не очень достойны, чтобы на нас смотреть, все равно это самый счастливый случай.

— Если нам только удастся отыскать свободное место, мы увидим воочию, что такое завтрак *sur l'herbe*¹, — сказала Ева.

— А не покататься ли нам сначала немножко на лодке? — предложил Леннарт.

— Ой, в самом деле, это можно? — воскликнула Ева. — Ой, как чудесно! Я не гребла с тех пор, как малышкой ездила к бабушке в Эдлескуг и там по вечерам каталась на лодке по озеру Эдслан. А как называется это озеро?

— *Lac Inférieur*², — ответил Леннарт.

— Пожалуй, оно значительно уступает Эдслан, — сказала Ева. — Не такое большое.

Озеро сверкало на солнце. Оно выглядело заманчиво, даже если его нельзя было сравнить с Эдслан. Маленькие лодки с молодыми парижанами и парижанками лениво скользили вдоль одетых кудрявой зеленью берегов. Мы взяли напрокат две лодки, потому что Ева непременно хотела оживить воспоминания детства и грести самой.

— Если я закрою глаза, то смогу представить, что это Эдслан, — сказала она.

— Если ты закроешь глаза, ты будешь сталкиваться с каждой встречной лодкой, — предупредил Леннарт, беря в руки весла.

Мы заскользили по тихой водной глади среди множества других лодок. В основном в них сидели молодые пары, однако встречались и милые папы, плававшие по озеру с веселыми щебечущими детьми.

— Подумай только, — сказала я Леннарту, — когда эти дети вырастут и станут рассказывать об озер

¹ На траве (фр.).

² Озеро Нижнее (фр.).

своего детства, они будут иметь в виду искусственное озеро в Булонском лесу, разве это не странно? А как называется озеро твоего детства, Леннарт? Ты никогда мне об этом не рассказывал.

— Канхольмский фьорд, — ответил Леннарт. — Я жил там каждое лето, пока мне не исполнилось десять лет. А потом папе больше понравилось западное побережье. Но именно в Канхольмском фьорде я научился плавать, и там я поймал своего первого окуня. Тот день я не забуду никогда!

— Как ужасно думать, что тебе было шесть лет и десять, а я тебя тогда не знала. Мальчика, который был десятилетним Леннартом, больше не существует, он все равно что исчез, словно умер в день своего десятилетия, и я никогда не узнаю, каким он был.

— Радуйся, — засмеялся Леннарт, — в детстве я был на редкость растрепанным мальчуганом.

— Не может этого быть, — запротестовала я.

— Да, я только и делал, что озорничал, насколько я себя помню.

— Ты несправедлив к десятилетнему Леннарту! — возмутилась я. — Неужели ты не можешь сказать о нем ничего хорошего?

— Он любил животных! — вспомнил Леннарт. — Могу поклясться — более преданного друга собак никогда на свете не было. У меня был пес, которого я любил чуть ли не больше, чем маму и папу. Возможно, такое бывает с малышами, у которых нет ни братьев, ни сестер.

— Жаль нас, у которых нет ни братьев, ни сестер, — сказала я. — Я обычно играла в такую игру, будто у меня семь сестер и семь братьев. Моим детям эта игра не понадобится, так я решила!

— А сколько тебе нужно детей? — спросил Леннарт, избегая столкновения со встречной посудинной.

— Примерно столько, сколько помещается в этой лодке, — сказала я, указывая на лодку, битком набитую нарядами детьми разных возрастов.

Леннарт посмотрел на меня и улыбнулся.

— Это хорошо, — сказал он. — Только бы они были похожи на свою мать и...

— Сначала у меня будет мальчик, — решила я, — он вырастет и станет похож на десятилетнего Леннарта, так что я получу некоторое представление о том, как выглядел этот маленький мальчик.

— Избавь нас, Боже! — воскликнул Леннарт.

Еву мы увидели издалека. Она находилась посреди не целого косяка лодок с одинокими личностями мужского пола. Но Ева гребла точь-в-точь так, словно была одна на озере своего детства.

Она явилась, когда я накрыла «стол» к ленчу на тенистой поляне. У нее потрясающий нюх, когда дело касается еды.

— Великолепно, — сказала она, взяв порцию цыпленка.

— У Кати замечательная способность накрыть на стол, расставить посуду и еду так, что это прекрасно выглядит, — одобрительно заметил Леннарт.

Он мне так нравился, когда говорил эти слова. Я радовалась все время, пока мы ели. Леннарт вытащил походные стаканчики, которые были у нас в машине, и мы выпили легкого вина *Vauvray* в честь и хвалу этого дня.

Когда завтрак *sur l'herbe* закончился, мы растянулись на траве.

— Представить только, что все-таки лежишь в Булонском лесу! — сказала Ева. — Мне кажется, что это словно бы чуточку больше, чем лежать в обыденно-шведском крестьянском лесу. А вообще-то, почему мне так кажется?

— Потому что ты под влиянием всего прочитанного о *Bois de Boulogne*¹, — объяснил Леннарт. — Множество французских романов так и роятся у тебя в голове.

¹ Булонский лес (фр.).

— Да, дорогой, сколько дуэлей здесь разыгралось! — сказала я. — Сколько раз люди вскакивали с кроватей в несусветную рань, чтобы поехать в Булонский лес, прежде чем успел подняться легкий туман.

— Никаких французских романов я не читала, — проворчала Ева, — но мне все равно кажется замечательным быть здесь. А вообще, почему сейчас не дерутся на дуэли? Как приятно было бы сидеть здесь и смотреть, как дерутся на дуэли!

Но Еве пришлось довольствоваться спектаклем, который мог предложить нынешний Bois de Boulogne. Постепенно появлялось все больше и больше людей, поток автомобилей все возрастал. Парижские дамы намеревались пить послеполуденный чай здесь, на природе, и мы последовали их примеру. Мы пили чай в элитном заведении, оказалось, что он стоил столько же, сколько еда и проживание за один день в нашем маленьком отеле. Тогда мы решили: во-первых, никогда больше не пить чай в Булонском лесу, во-вторых, в дальнейшем придерживаться кофе, который в Париже куда дешевле.

— Как раз сию минуту я мог бы выпить стакан холодного пива, — сказал Леннарт.

Произнес он это вечером того же самого дня, когда было еще очень тепло. Теплый чудесный июньский вечер в Париже — о боги! Мы стояли бок о бок с людьми из всех стран мира в кафе «Flore».

Один из них был Петер Бьёркман.

VII

аздобыть столик в кафе «Floge» чудесным теплым июньским вечером вообще-то невозможно. Разумеется, весь тротуар заставлен маленькими столиками, но за каждым сидит вдвое больше посетителей, чем полагается... И сидят они там долго. Когда мы пришли, официант с сожалением покачал головой, но Ева так заискивающе улыбнулась, что через две минуты мы уже сидели, втиснутые за маленький столик у самой стены, Леннарт пил столь желанное пиво, а мы кофе.

Было бы интересно узнать, что за таинственные законы вершат судьбы разных кафе в Париже. Почему именно сейчас все люди должны тесниться в кафе «Floge»? Почему они не заполняют кафе «Deux Magots», расположенное наискосок через улицу и столь же знаменитое! Точно так же обстоят дела на Монпарнасе, где мы побывали на следующий день. В «Dôme» посетители только что не сидят на коленях друг у друга, однако напротив, в кафе «La Rotonde», мест достаточно. Подумать только, как опечалились бы все эти художники и литераторы, некогда наводнявшие веселым шумом и гамом «La Rotonde» и считавшие это кафе единственным на Монпарнасе, если бы узнали об этом.

Но сейчас таким элитным кафе стало «Dôme». Не «La Rotonde», не «Coupole», не «Closerie de Lillas», хотя это тоже старинные кафе, а именно «Dôme». Разумеется, сразу же встает другой вопрос: зачем вообще нужно тесниться на Монпарнасе?

Туристы, толпящиеся в кафе «Dôme», должно быть, не знают, что произошло. Разве они не знают, что Монпарнас — это уже *passé*?¹ Разве они не знают, что, если уж идти в ногу с художниками, надо быть в St.-Germain-des-Prés. Ведь так поступают и всегда поступали туристы в Париже. Да еще так упорно, что художники в отчаянии бегут от них: однажды — давным-давно — они бежали с Монмартра, затем с Монпарнаса, а вскоре, вероятно, сбегут из St. Germain-des-Prés в какой-нибудь другой район большого Парижа. И завтра будет новое кафе, которое следует посетить, чтобы идти в ногу со временем. А потом название кафе будет окружено таинственным нимбом, что позволит ему занять место в длинном перечне знаменитых парижских кафе.

— Не вижу ни одной окладистой бороды, — сказала Ева, бросив осуждающий взгляд поверх кофейных чашек. — Мне обещали окладистые бороды, но я не вижу ни одной.

— Кто тебе это обещал? — удивился Леннарт.

— Газеты, — ответила Ева. — В каждой газете дома, в Швеции, пишут, что в St.-Germain-des-Prés пачками сидят экзистенциалисты² и у всех у них окладистые бороды. Вот я и спрашиваю: где же они?

¹ Прошлое (фр.).

² *Экзистенциалисты* — последователи экзистенциализма — философии существования. Это иррационалистическое философское направление, возникшее накануне Первой мировой войны в России (Н. А. Бердяев, 1874—1948), в период Второй мировой войны во Франции (Жан-Поль Сартр, 1905—1980). В середине XX в. распространилось и в других европейских странах.

— В Париже все так быстро меняется, — сказал Леннарт. — Время окладистых бород, верно, миновало.

— А там дома расхаживают Курре и все прочие парни и ничего не подозревают! — возмутилась Ева. — Расхаживают со своими окладистыми бородами, в нелепых куртках и не знаю, в чем еще.

— Напиши Курре, — сказала я. — Последний писк из St.-Germain-des-Prés: «Попытайся выглядеть как обыкновенный человек!»

— Ему придется туго, — расстроилась Ева. — Он выстроил свою жизненную позицию на том, чтобы быть неуклюжим и бородатым.

Однако даже безбородое, слабосильное племя, населявшее ныне «Fløge», было достойно внимания, и мы по маленькому скромному праву сидели там, бесконечно долго занимая столик, хотя нам было так жаль всех тех, кто стоял ждал, когда мы его освободим, и желал, чтобы мы оказались в каком-нибудь кафе у черта на куличках.

Совсем рядом с нами оставалось маленькое-премаленькое пространство, и мы увидели, как некий рослый молодой человек начал целеустремленно пробираться к нашему столику. Он был действительно большой — высокий и широкоплечий, а между столиками оставалось не очень много миллиметров, но он ловко использовал их. Несмотря на свою плотную фигуру, он был гибкий, двигался мягко и легко, как танцор, и выиграл соревнование за стул.

— Стул его не выдержит, — шепнула мне Ева.

Но рослый молодой человек мягко и тихо опустился рядом со мной, улыбнулся доброй улыбкой и сказал:

— Хотя нас мало, мы — шведы, мы — тоже!

— Это сразу видно все же! — ответила я в рифму.

Затем наступила полная тишина. Потому что мы буквально несколько минут назад пришли к согласию, что земляки — последние из тех, с кем хотелось бы сталкиваться, когда едешь за границу, — исключение,

конечно, Леннарт, с которым мы с Евой охотно столкнулись в Италии!

Однако рослый молодой человек так обезоруживающе посмотрел на нас и сказал:

— Меня зовут Петер Бьёркман. И вы должны пожалеть меня, потому что я схожу с ума!

— Привет, Петер! — дружелюбно поздоровался Леннарт. — Это моя жена, ее зовут Кати, а это Ева, сам я — Леннарт Сундман... а почему ты сходишь с ума?

— Я один в Париже. А вы понимаете, что это значит для такого любителя поболтать, как я. Вообще, по-моему, похоже, вам нужен четвертый, и именно мужчина.

— Спасибо, в бридж¹ я не играю! — отказалась Ева.

— Я же сказал, вы должны пожалеть меня! — повторил Петер. — Вы когда-нибудь были одни в Париже? Нет! Тогда вы не знаете, что это такое! Через несколько дней начинаешь тосковать о человеке, с которым можно поговорить, так что, встретив даже тетушку Августу из Омоля за дверью «Café de la Paix», плачешь от радости.

— А разве не всегда приятно встретить людей из Омоля? — коварно спросила Ева.

Бедняга Петер Бьёркман ведь не знал, что Ева из Омоля, поэтому и сказал, что тетушка Августа — практически хуже нет, «но вы ведь понимаете, что когда ты в Париже один, то довольствуешься обществом первого попавшегося», — заявил этот несчастный.

Леннарт и я громко и весело расхохотались, но Ева явно не была настроена сносить оскорбления.

— А мы — нет! — воскликнула она. — Мы не довольствуемся обществом первого встречного, — добавила Ева и демонстративно отвернулась от Петера.

Петер был совершенно уничтожен.

¹ *Бридж* — сложная карточная игра, требующая участия двух пар.

— О, как это похоже на меня! — вскричал он и в комическом отчаянии ударил себя по лбу. — Вечно я так! Говорю столько глупостей, о которых вовсе не думаю. — Он схватил Еву за руку: — Милая, не делайте такое лицо, а не то я прыгну в Сену. Милая, добрая, вы же знаете, какая грязная там вода! Разве мы *не можем* стать друзьями?

Ева сказала, что, поскольку вода в Сене грязная, на этот раз она его прощает. И Петер с облегчением вздохнул:

— Я так и знал, вы — человек разумный и вовсе не такая упрямая, какой показались. Знаете, вы мне так нравитесь, вы все трое мне *по-настоящему* нравитесь. Не можем ли мы пойти куда-нибудь потанцевать?

Мы, заколебавшись, переглянулись.

— Я охотно, — согласился Леннарт. — С моей юной невестой я еще ни разу не танцевал... Я имею в виду, с тех пор, как мы поженились!

— А вы молодожены? — заинтересованно спросил Петер.

Мы с Леннартом кивнули.

— Как вы не побоялись! — воскликнул Петер. — Подумать только, не побоялись! Я никогда не осмелился бы жениться! — Он поспешно повернулся к Еве: — Вам это должно быть ясно с самого начала!

Ева улыбнулась своей самой лучезарной улыбкой.

— Будьте спокойны! — сказала она. — Я выйду замуж за депутата второй палаты риксдага. А такие, как вы, им, пожалуй, в риксдаге не нужны, хотя и там тоже ведь болтают столько глупостей.

— Вы помолвлены с депутатом риксдага? — удивленно спросил Петер.

— Нет, но буду! — ответила Ева. — Так утверждают в хорошо информированных кругах Эйфелевой башни.

Петер, очевидно, не понял не слишком внятное объяснение, но больше не спрашивал... Мы поднялись и пошли. На маленьких боковых улочках вокруг Boule-

vard Saint-Germain танцевальных заведений было предостаточно. Но они прятались за закрытыми дверями и опущенными шторами. Бодрящие ритмы вырывались на улицу, куда ни пойдешь, и я почувствовала, что ноги мои хотят танцевать. Петер постучал в какую-то таинственную дверь.

— Только для членов клуба! — возвестил некий цербер¹, высунувший голову из маленькой отдушины, но Петер помахал долларовой купюрой и сказал так обстоятельно по-американски, что да, мол, мы члены клуба. И похоже, это так и было, потому что цербер тут же нас пропустил.

Столиков там было немного, да и площадка для танцев небольшая. Но нам с Леннартом так уж много места и не требовалось. Он держал меня в объятиях, и мы танцевали, делая небольшие круги в жуткой давке. И Леннарт сказал:

— Я люблю тебя. Ты это знала? Я точно не говорил тебе этого сегодня...

— Нет, а я танцевала и удивлялась, что ты не говорил, — сказала я и подпрыгнула от радости, так что мы сбились с такта. А вообще-то мы с Леннартом по-настоящему станцевались. Леннарт имел обыкновение говорить, что, когда мы состаримся, пообедем и ослабнем, а дети откажутся заботиться о нас, мы всегда прокормимся как танцоры-профессионалы на Ривьере².

И все-таки! Как прекрасно ни танцевал Леннарт, но это было ничто, абсолютно ничто по сравнению с Петером. Одним богам ведомо, как ему удавалось настолько совершенно владеть своим громадным телом. Он об-

¹ *Цербер* — в греческой мифологии чудовищный трехглавый пес со змеиным хвостом, охранявший вход в подземное царство. В переносном значении: свирепый страж.

² Полоса побережья Средиземного моря во Франции, Италии и Монако, у подножия Альп. Французская Ривьера называется еще Лазурный берег.

ладал способностью балансировать и чувством уверенности, почти пугающим. В нем в равных пропорциях уживались тяжесть с легкостью и неизменное ощущение ритма. Танцевать с ним было одно сплошное удовольствие. Скользишь по полу так легко, словно пробка по глади вод, и чувствуешь ритм даже мизинцами ног.

— Ты танцуешь бессовестно хорошо, — заметила Ева Петеру, когда они вернулись к столику после первого танца. — Ты танцуешь совершенно безумно и слишком хорошо, и знаешь об этом.

Петер улыбнулся. Вид у него был довольный.

— Конечно знаю, — подтвердил он. — Это единственное, что я умею делать по-настоящему хорошо.

— Ты танцор по профессии? — спросил Леннарт.

— Нет, напротив. Я бизнесмен. Продаю типографские станки.

— Ты хорошо танцуешь, Печатник Петер, — похвалила его Ева.

Потом я тоже танцевала с ним и умудрилась спросить, что он имел в виду, говоря, что никогда не осмелился бы жениться. В счастливом состоянии молодой жены любого холостяка я воспринимала как прямое оскорбление.

— Мне ни за что не выдержать, — объяснил он. — Долго не выдержать, мне нужно разнообразие. Да и кто, по-твоему, долго выдержал бы меня?

— Почему тебя никому не выдержать?

— Я так устаю, — объяснил он. — Я часто устаю от самого себя. И подумай только, как я надоем бедной девушке.

— Какие глупости ты говоришь, — начала было я, но Петер прервал меня.

— Ах, все молодые жены хотят переженить людей, — сказал он. — Но перед тобой тот, с кем этот номер не пройдет!

И я замолчала, посвятив себя целиком танцу. Казалось, я плыву по волне. И если бы окно было открыто, я определенно выплыла бы в сладостную парижскую ночь.

Да, тепла и сладостна была ночь над Парижем, когда через несколько часов мы возвращались в отель.

— Перед сном я хотел бы увидеть, как огни города отражаются в Сене, — сказал Леннарт.

По маленьким тесным улочкам мы двинулись вниз к реке. В это время они были пустынные и казались покинутыми, а звуки наших шагов эхом отдавались среди домов. Какой-то пожилой господин шел с собакой. Он осторожно ковылял по улице, где плотно прижимались друг к другу антикварные лавки. И господин время от времени останавливался, близоруко вглядываясь при свете уличных фонарей в витрины. Ах, именно здесь, по этим улицам, ходил другой пожилой господин и рылся в книгах и старинных предметах, выискивая какую-нибудь редкость, чтобы принести ее домой.

— Этот человек мог бы быть Анатолем Франсом¹, — шепнула я Леннарту. — Разумеется, если бы тот не умер. И у него была бы собака.

— Ты ведь можешь вообразить, будто это он, если тебе приятно, — посоветовал Леннарт.

Но я этого не хотела. И все-таки я едва могла удержаться от того, чтобы не кинуться к бедному старому человеку и не сказать ему: «*Chez maître*², вы так стары, умны и утонченны, а я молода и вовсе не умна, но у нас есть одно общее. Я люблю Париж так же, как и вы, дорогой маэстро; простите меня, но я должна была сказать вам об этом, дорогой господин Франс!»

К счастью, я совлала с собой, и пожилой господин исчез в воротах, так и не узнав, какая над ним витала опасность.

¹ Франс Анатоль (настоящее имя Анатоль Франсуа Тибо, 1844—1924) — французский писатель — скептик и сатирик, автор ряда гротескно-фантастических романов. Лауреат Нобелевской премии (1921).

² Дорогой учитель, мастер (фр.).

А внизу текла река, текла Сена с темными водами и бликами-отражениями огней города, игравшими на ее черной глади. Киоски букинистов были закрыты на ночь. Несколько одиноких пешеходов бродили вдоль набережной, но вообще все было тихо. Спящая река в спящем городе! В спящем городе? Нет, на Монмартре и на Монпарнасе, в элитных ночных клубах вокруг Champs Ellysées и в популярных дансингах на Rue de Larpe¹, там, пожалуй, именно сейчас не спали. Там парижская ночь была не такой, как здесь. Но все то было слишком далеким от этой темной реки, словно находилось совсем на другой планете.

Мы прошли по набережной до Pont Neuf, пытаюсь отыскать дорогу к нашей обители, к старинным улочкам возле Одеона².

— Пожалуй, старый город здесь очень хорош! — сказал, остановившись посреди улицы, Леннарт.

И мы молча постояли некоторое время и именно там и именно тогда больше, чем когда-либо, почувствовали, какой Париж старый город.

Я крепко вцепилась в руку Леннарта и тихо прошептала, чтобы другие не слышали:

— Как я рада, что ты думаешь почти обо всем так же, как и я! Что ты любишь ходить ночью по старинным кварталам, а не сидеть в ночном клубе на площади Пигаль.

Леннарт взял меня за руку, и мы так и пошли дальше по узким улицам. Ева с Петером следовали за нами по пятам.

¹ Улица Лапп (*фр.*) — живописная улочка недалеко от площади Бастилии. Место народных праздников, балов, гуляний.

² *Одеон* — название музыкального театра у древних греков. Зд.: название одного из парижских театров, в честь которого и величают квартал, в котором он находится. «Одеон» располагается рядом с Люксембургским дворцом, он был построен в 1807 г. для театра «Комеди Франсез».

За высоким ажурным решетчатым забором, мрачный и молчаливый, раскинулся Люксембургский сад. Маленький тонкий серп луны сверкал над Люксембургским дворцом — на радость королевам Франции, статуи которых стояли в саду среди ветвистых деревьев. Ночью парк закрыт, и их величества неограниченно властвуют в своих зеленых угодьях. Но потом, пожалуй, постепенно наступит утро, а вместе с ним шумной толпой хлынут через ворота веселые студенты Сорбонны и снова бесцеремонно завладеют парком.

— Где вы, собственно говоря, обитаете? — спросил Петер, когда мы начали приближаться к Пантеону.

— Мы живем наверху, на горе Святой Женеьевы, — ответила я. — Неужели ты не подпрыгнул, услышав об этом? Ведь со времен Данте ясность и разум струились оттуда, словно лучи маяка, распространяясь по всему миру... ну, что скажешь?

— И вы теперь там живете... какой мрак, — отреагировал Петер.

Ева окинула его негодующим взглядом.

— Вот наша улица, — сказала она. — А вон двое наших милых бродяг, — гордо продолжала она.

И в самом деле. Оба наши *clochard*¹ как раз собирались ложиться спать на своем обычном углу улицы. Они ковыляли по тротуару, один впереди, другой сзади, обмениваясь друг с другом глубокими мыслями. Грязные и оборванные, они тем не менее двигались с большим чувством собственного достоинства. И то, что мы слышали, было небольшой вечерней беседой между двумя джентльменами перед отходом ко сну. Один из них — патриарх с длинной бородой — усердно жестикулировал и, чтобы придать бóльшую весомость своим словам, переходил иногда на немецкий, а иногда на итальянский язык.

¹ Нищий, бедняк. Зд.: бродяга (фр.).

— *So ist das Leben!*¹ — произнес он, философски кивая. И, огласив эту мысль, спокойно и молча улегся спать.

— Говорят ведь: «На французских танцплощадках самый отпетый бродяга бойко шпарит по-французски», — заметила я. — Но то, что они говорят и по-немецки, и по-итальянски, — к этому меня никто не подготовил.

— Должно быть, так бывает в Quartier Latin, — сказал Леннарт.

Он отворил ворота отеля. Мы пришли домой. И именно в эту минуту Петера осенило, что он снова останется в одиночестве. Лицо его омрачилось скорбью.

— Спокойной ночи, милый Петер! — попрощалась Ева. — Спокойной ночи, милые мои бродяги! Спокойной ночи, Париж!

Бедному Петеру открылась вся глубина постигшего его несчастья.

— Не можем же мы теперь расстаться! — запинаясь, но энергично произнес он. — Не теперь же, когда мы только встретились.

— Такова жизнь, *so ist das Leben!* — воскликнула Ева и исчезла в воротах.

¹ Такова жизнь! (нем.)

VIII

о от Петера так легко не отделаешься.

Уже ранним утром следующего дня в нашу дверь постучала Николь и сказала, что звонят *monsieur* или *madame* Сундман. Поскольку Леннарт брился, пришлось мне ринуться по лестницам вниз.

— Могу я пригласить тебя с Леннартом и еще эту Еву сегодня на обед? — услышала я энергичный голос Петера.

Леннарт и я были бедны, Ева тоже. В Париже мы состояли на полном пансионе, *pension complete*, в отеле и ежедневно ели скромную еду по скромной цене в скромной маленькой столовой среди скромных студентов. Наша ресторанный жизнь ограничивалась в основном чашкой кофе или стаканом пива по вечерам или каким-нибудь аперитивом, когда наступало время пить аперитив и мы хотели где-нибудь посидеть, наблюдая народную жизнь. Принять великодушное предложение Петера было заманчиво, но меня беспокоило, что на такую роскошь, как приглашение на обед, его подвигло лишь отвращение к одиночеству.

— Не надо, Петер, — сказала я. — Это стоит так дорого, и после обеда ты раскаешься.

— Послушай-ка, малышка, — ответил Петер, — я сообщу тебе доверительно одну вещь. Продавать типографские станки — более выгодно, чем думают люди.

И тогда я сказала:

— Хорошо, спасибо, пойду спрошу у Леннарта.

— И у этой Евы тоже, — добавил Петер.

— И у этой Евы тоже, — повторила я.

— Я зайду за вами в два часа, — пообещал Петер.

А я подумала, что это довольно удобное время, поскольку во всем Париже никто не подает обед до семи часов вечера.

Петер явился ровно в два часа, но «эта Ева» исчезла. Анри Бертран, тот, с бархатными глазами, во время каждой трапезы, сидя за столиком рядом с нашим, до сих пор просто пожирал ее глазами. Но, к удивлению Евы, не делал никаких шагов к сближению. Он говорил только *bon jour* и *bon soir*¹, точь-в-точь как все остальные студенты. Но именно в этот день за ленчем ему представился счастливый случай, когда они с Евой одновременно встали и стали искать мешочки с салфетками.

— Он покажет мне Сорбонну, — объяснила нам потом Ева. — Конечно, это не то, что я имею в виду, говоря о мечтаниях под звездами. Но Сорбонна — она Сорбонна и есть, надеюсь Петер Печатник это понимает.

Петер, пожалуй, испытал легкое разочарование, но он и виду не показал, а мило отправился с Леннартом и со мной в Musée Carnavallé² и на Place des

¹ «Добрый день» и «добрый вечер» (фр.).

² Музей Карнавале (фр.). Знаменит своими художественными и историческими коллекциями. Его здание само представляет собой произведение искусства. Построено в середине XVI в. по проекту архитектора Пьера Леско. Скульптурные барельефы на стенах принадлежат резцу Жана Гужона. В конце XVII в. там жила знаменитая мадам де Севинье (Мари де Рабютен-Шанталь, 1626—1696), которая на протяжении 20 лет посылала дочери письма, освещавшие жизнь Парижа и Версаля, культурные события, происходившие во Франции. Письма мадам де Севинье впервые опубликованы в 1697 г.

Vosges¹. А потом, вернувшись после экскурсии, мы снова обнаружили Еву в отеле.

Я вошла в ее номер. Она лежала на кровати и смотрела в потолок.

— Весело было в Музее Carnavalét? — спросила она.

— Я видела место, где сидела мадам де Севинье, когда писала свои чудесные письма, — ответила я. — И еще кровать, на которой скончался Виктор Гюго. А ты, что довелось пережить тебе?

— Анри считает, что у меня красивые глаза и красивые волосы, — мечтательно сообщила Ева. — А в Ecole de Médecine² у них тоже есть музей со множеством отрубленных голов преступников, которые там хранятся.

— Ты видела их?! — в ужасе спросила я.

— Слава Богу, нет, — ответила Ева. — Но Анри говорил, что они там есть. А еще он говорил, что у меня красивые глаза! И волосы!

О мадам де Севинье я больше рассказывать не стала.

Мы взяли такси и поехали все вчетвером наверх, на Монмартр, где Петер решил пообедать с нами. Он утверждал, что устал от странствий среди революционных воспоминаний Парижа, и наотрез отказался ехать в метро, которое для нас с Леннартом и Евой служило надежным средством передвижения.

В первые дни Ева ужасно боялась заблудиться в подземных лабиринтах метро, но Леннарт заверил ее, что даже городские идиоты из ее родного Омоля не смогли бы выбрать неправильный путь благодаря таким

¹ Площадь Вогезов (*фр.*) — самый ранний образец архитектурного оформления городской площади в Париже. Находится немного западнее площади Бастилии. Возникла в XVI в. на месте снесенного дворца де Турнель, резиденции нескольких французских королей. В XVII в. площадь — средоточие модной и светской жизни Парижа. Здесь жили кардинал Ришелье (Арман Жан дю Плесси, 1585—1642) — до 1624 г.; великий французский писатель Виктор Гюго. В доме № 6 на площади Вогезов, где жил Гюго, помещается его музей.

² Школа медицины (*фр.*) — медицинский факультет Сорбонны.

четким указателям, которые существуют в парижском метро¹. И мы быстро поняли, что это великолепное сооружение, с помощью которого можно быстро передвигаться из одного конца города в другой. Там были вагоны первого и второго класса. Ева утверждала, что, насколько она могла выяснить, разница состоит только в том, что во втором классе запрещается курить и плевать, а в первом классе — только курить².

— Когда я почувствую, что мне надо плюнуть, я прогуляюсь в первый класс, — сказала Ева, — но ездить буду и дальше во втором.

Петер же вообще не хотел пользоваться метро.

— Мы прошли много миль пешком, — пожалуй, для музеев это хорошо, если только ты неустоим и вообще совсем другой человек, — сказал он, бросая обвиняющий взгляд на Леннарта.

Мы взяли такси. Но приехали мы достаточно рано, и я предложила остановиться возле Монмартрского кладбища.

— Я не была еще ни на одном кладбище в Париже, — сказала я.

Петер покачал головой.

— Большое удовольствие! — усмехнулся он. — Ты приехала из Стокгольма в Париж, чтобы ходить на кладбища?

— Я хочу видеть могилу Дамы с камелиями³, — сказала я.

¹ Метрополитен в Париже появился в 1898 г., по другим источникам — в 1900 г.

² В действительности билеты в вагонах первого класса стоят дороже, и там свободней, так как заняты только сидячие места.

³ «Дама с камелиями» — название знаменитого романа (1848) и одноименной пьесы (1852) французского писателя и драматурга Александра Дюма-сына (1824—1895). На сюжет пьесы написана опера итальянского композитора Джузеппе Верди (1813—1901) «Травиата». Прототипом героини этих произведений считается Альфонсина Плесси (1824—1847), похороненная на Монмартрском кладбище.

Он еще раз покачал головой и сказал:

— Она ведь умерла.

— Да, как и большинство тех, кто лежит на кладбище! — ответила я и вылезла из машины.

Милая Альфонсина Плесси! На ее могиле, хотя она и умерла более ста лет тому назад, лежат свежие цветы! Их нет на могиле Стендаля¹ или мадам Рекамье², да и на могиле любой другой знаменитости, которая покоится здесь. Но ведь они и стали знамениты не по причине своей любви.

— «Ici repose Alphonsine Plessis, née le 15 janvier 1824, décédée le 3 février 1847. De profundis...»³ — прочитал Леннарт. — Боже мой! Ей было не больше двадцати трех лет, когда она умерла!

— Подумать только, как чудесно, — сказала я, — умереть такой молодой и прекрасной, вечно оплакиваемой грядущими поколениями!

Леннарт печально посмотрел на меня и сказал:

— Ей было столько же лет, сколько тебе.

Он продолжал размышлять о судьбе Дамы с камелиями, пока мы медленно плелись по крутым склонам холмов к Place du Tertre.

— Признайся, грустно думать обо всех прекрасных женщинах, которых больше нет на свете! — обратился он к Петеру.

— Да, но и теперь есть еще немало красоток, — утешил его Петер.

¹ *Стендаль* (настоящее имя — Анри Мари Бейль, 1783—1842) — один из крупнейших французских писателей. Автор романа «Красное и черное» (1831).

² *Рекамье Жанна* (1777—1849) — хозяйка знаменитого литературно-великосветского салона в Париже, где бывали писатели мадам де Сталь (Анна Луиза Жермена, 1766—1817) и Франсуа Рене де Шатобриан (1768—1848).

³ Здесь покоится Альфонсина Плесси, родилась 15 января 1824 г., умерла 3 февраля 1847 г. (*фр.*) De profundis... — Из глубин взываю... (*лат.*) — начало католической покаянной молитвы.

— Ты не понимаешь, что я имею в виду, — сказал Леннарт. — Если у тебя есть красивая роза и она увядает, то ты можешь взять другую такую же красивую розу. Красивая картина продолжает оставаться красивой картиной, а красивая скульптура есть и останется красивой скульптурой. Но когда умирает красивая женщина, то она умирает навечно, и никто не может заменить ее. Конечно, и после нее могут появляться красавицы, такие же красивые или, возможно, еще более красивые, но ни одной точно такой же, как она, не будет. И можно печалиться оттого, что так никогда и не увидел ее!

— О ком ты? О Даме с камелиями? — спросила я.

— Я говорю обо всех прекрасных женщинах, что жили на свете со дня сотворения мира, — ответил Леннарт.

Ева остановилась посреди улицы и уперла руки в боки.

— Да, тогда я только вот что вам скажу: бедная твоя жена! Еще недели не прошло с тех пор, как ты женился, а ты уже горюешь обо всех женщинах, что жили на свете со дня сотворения мира.

Тут Леннарт расхохотался так, что люди стали оборачиваться и смотреть на него. Но он сразу снова стал серьезным. Взяв меня за подбородок, он испытующе посмотрел на меня и сказал:

— За милейшим личиком скрывается череп. Неприятно думать об этом! И *зачем* понадобилось ходить на кладбище!

Но вот мы поднялись на *Butte*¹, самый высокий набалдашник Монмартра. И с террасы рядом с *Sacré Cœur* увидели под ногами город, и Леннарт позабыл все свое горе из-за бренности Красоты. Сквозь легкую дымку тумана мы разглядели вдалеке Пантеон на нашей горе Святой Женеьевы. Совсем по-другому здесь, на Монмартре, горе мучеников! Некогда Монмартр был

¹ Холм, пригорок (*фр.*).

маленьким мирным не то городком, не то селением со множеством ветряных мельниц, маленьких живописных улочек и идиллической площадью Place du Tertre, где художники и городские жители собирались после дневных трудов. Да, тогда, должно быть, Монмартр был поразителен! Да, улицы остались, площадь осталась, но теперь здесь собираются одни лишь туристы. Кое-какие отголоски крестьянской жизни здесь можно, пожалуй, уловить в полдень, прежде чем начнутся всевозможные увеселения, но не в это время дня. Сейчас вокруг нас гудел коммерческо-увеселительный Монмартр, и мелодия эта была весьма пряной, совершенно непохожей на те хрупкие звуки, к которым мы привыкли вдали, на *Rive gauche*¹.

— А ты не мог найти место подороже?! — саркастически произнес Леннарт, когда Петер втолкнул нас в низенькую дверь к «*Mère Cathérine*»².

— Нет, а куда можно пойти в таком случае? — спросил Петер.

Он нырнул через порог, словно гибкое животное в глухих зарослях джунглей, и вскоре посадил нас за отличный столик в саду.

Я горжусь своей шведской кровью, да, разумеется, горжусь. Но я не желаю выглядеть в Париже *такой уж* шведкой, что не успею войти в ресторан, как маленький старичок скрипач уже кидается прямо к столику, за которым я сижу, и начинает играть шведскую песенку «Хэрман и я» в мою честь. Да, так поступил старичок скрипач в кафе «*Mère Cathérine*». Он долго играл для нас песенку «Хэрман и я».

— Должно быть, он играет для тебя, Петер, — сказала Ева. — Потому что Кати и я так похожи на французенок, а Леннарт вообще ни на кого не похож.

¹ Левый берег Сены, Латинский квартал (фр.).

² «Матушка Катерина» (фр.).

— Хотя нас мало, мы — шведы, мы — тоже, — снова с явным удовлетворением повторил Петер.

Он вытянулся во весь свой огромный рост, и вид у него был еще более шведский, чем у хрустящего шведского хлебца.

Нам подали обед, после которого наши трапезы в отеле показались нам пищей бедняков.

Об этой ветчине, тушенной со сливками, у меня, вероятно, будет небольшой разговор со старым обжорой там, в отеле.

Затем мы перебрались на Place du Tertre и выпили кофе.

— Это необходимо, — сказал Леннарт. — Это так же неизбежно, как Эйфелева башня.

— Подумать только, если бы можно было жить чуть ярче во все времена и повсюду — во всем мире! — воскликнула я. — Ведь для всего нужно подходящее время. Самым подходящим временем для Парижа было бы прошлое столетие. Почему мне не довелось сидеть здесь июньским вечером в тысяча восемьсот восьмидесятые годы? И шуметь вместе с художниками? И почему мне не довелось пойти когда-нибудь в семнадцатом веке во дворец Карнавале и побеседовать с мадам де Севинье? Почему мне не довелось прогуляться под аркадами Place des Vosges с каким-нибудь элегантным кавалером во времена Людовика Четырнадцатого?¹

Голубые глаза Петера засверкали.

— Или с этим Виктором Гюго, когда он жил там, — сказал он. — Ну и повеселилась бы ты! — Он энергично повернулся к Еве: — Можешь себе представить, что он натворил, этот Гюго? Да, он был влюблен в девушку, которую звали Жюльетта. Но потом встречает

¹ Людовик XIV (1638—1715) — французский король с 1643 г. Его правление, отмеченное непомерной роскошью французского двора, — вершина французского абсолютизма. Легенда приписывает ему изречение «Государство — это я».

другую и начинает писать ей любовные письма. И что он делает потом? Снимает копии с писем к Жюльетте, словно бы давая ей весьма тонко понять, что между ними все кончено¹.

Ничего из того, что мы видели в Музее Карнавале или в музее Виктора Гюго на Place des Vosges, не затронуло Петера глубже этого сенсационного разоблачения в личной жизни великого писателя.

— А к тому же он был еще и женат, — продолжал Петер. — Но, думаю, жене он никаких писем не писал.

— Со стороны Виктора это нехорошо! — вставила Ева.

— Да, нехорошо! — решительно заявил Петер. — Я бы никогда не мог так поступить. — Но тут же светлая улыбка пробежала по его лицу, и он продолжал: — Хотя, если откровенно, я тоже люблю разнообразие. А сейчас я почти чуточку влюблен в тебя, Ева... да ты не тревожься, это скоро пройдет, это всегда проходит!

— Какое счастье! — откликнулась Ева. — Я тоже из тех, кто жаждет разнообразия. А сейчас я чуточку влюблена в Анри Бертрана, но это пройдет, это всегда проходит!

И они восторженно посмотрели друг на друга, очень довольные тем, что оба жаждут разнообразия.

— Хотя, по мне, от этого Анри ты можешь отказаться сразу, — посоветовал Петер.

— О, он считает мои волосы очень красивыми! — ответила Ева, любовно поглаживая свою белокурую макушку.

¹ Как известно, две женщины сопровождали Гюго всю его жизнь: жена — Адель Фуше (1803—1868) и преданная возлюбленная, актриса Жюльетта Друэ (1806—1883). Возможно, имеется в виду переписка с Жюдит Готье, которой Гюго увлекся, когда ему было 70, а ей 22 года, и многочисленные прочие увлечения писателя. Много писем посылал всю жизнь Гюго и жене Адель.

А Петер, наклонив голову набок, поглядел на нас с Леннартом и сказал:

— А вы — храбрая парочка! Хотя сейчас вы, разумеется, счастливы. Но что будет через пять лет, будете ли вы счастливы и тогда?

Леннарт, не докурив сигарету, нетерпеливо сказал:

— Не кажется ли тебе, что это чуть по-детски — ожидать, что стоит только пожениться, как сразу же станешь навечно счастливым? Почему ты требуешь, чтобы супружество было бесконечной цветущей летней лужайкой, когда жизнь вовсе не такова?

— Да, но так бывает в сказках, — возразила Ева. — «И жили они счастливо всю свою жизнь...»

— В сказках — да, — согласился Леннарт. — Но не в действительности. Я ни одного мгновения не думаю, что мы с Кати будем парить на каких-то там розовых тучках, будь то завтра или через пять лет. Но, во всяком случае, надеюсь, что мы будем вместе, пока я не умру. Думаю, мы будем принимать как должное Зло и Добро. Я по крайней мере не собираюсь, будучи счастливым, беспрерывно пробовать все подряд для разнообразия.

— Да, но это ты такой, милый Леннарт, — нежно произнесла я. — А я говорю как мадам де Севинье: «Ах, дорогие дети, как легко мне жить с вами вместе! Чутьочку дружелюбия, чутьочку общительности, чутьочку доверия... чтобы завоевать меня, большего не надо!»

Леннарт погладил меня по щеке.

— Чутьочку дружелюбия, чутьочку общительности, чутьочку доверия... — повторил он.

— Наряду с известным недостатком упрямства, — продолжала я. — Вот все, что я требую от тебя. О, жизнь наверняка станет цветущей летней лужайкой! Разве ты этого не говорил?

— Да, любимая, будем надеяться, — сказал Леннарт. — Но единственное, что я пытаюсь сейчас внушить Петеру: нечего ждать, что другой человек преподнесет тебе счастье в подарочной коробке.

— Я замужем за самым умным человеком в мире, — закричала я, — и я люблю его.

— Хотя он и горюет обо всех прекрасных женщинах, которые существовали со дня сотворения мира, — сказала Ева.

Она вытащила свою большую пудреницу, протерла зеркальце, задумчиво посмотрелась в него и сказала:

— Дама с камелиями мертва, мадам де Севинье мертва, и, откровенно говоря, мои дела тоже плохи. Надо ложиться по вечерам чуть раньше!

— Но только не сегодня вечером, — обеспокоенно сказал Петер.

Нет, этим вечером Ева не спала. Она танцевала на Монмартре так, что только искры из-под ног летели.

— А эта парочка очень мило смотрится, — заметил Леннарт, увидев, как Петер с Евой скользят в упоении, тесно прижавшись друг к другу, так увлеченные танцем, что ничего не слышат и не видят. Когда они вернулись к нашему столику, казалось, будто они очнулись от опьянения, и Ева сказала мне:

— Он так безумно хорошо танцует, что, когда я с ним, я едва могу вспомнить, как выглядит Анри.

— Разрешите пригласить!.. — поспешно сказал Петер.

— Нет, теперь я посижу и постараюсь вспомнить, как выглядит Анри, — заявила Ева. — Во всяком случае, Париж — чудесный город, — добавила она.

А куда мы поехали после ночи на Монмартре, если не на крытые рынки!

— Неизбежно, как Эйфелева башня! — прокомментировал Леннарт.

«Это большее переживание, чем Эйфелева башня», — подумала я. Я любила рынки и торговые ряды с тех пор, как малышкой каждое воскресенье ковыляла с Тетушкой на Эстермальмский рынок. Я по-прежнему

помню тот весенний день, когда рынок был полон сирени, нарциссов и ландышей, и я, опьянев от аромата цветов, сбежала от Тетушки и была поймана ровно через час с блаженно сомкнутыми веками и носиком, утопающим в большущей охапке сирени.

В моем детстве огромную роль играли запахи, и я, должно быть, бродила, принюхиваясь к цветам, как маленькая собачонка. И аромат сирени наполнил меня ликованием. Чудесно жить в мире, где так хорошо пахнет!

И подумать только, оказаться в крытых рынках Парижа! Я закричала от радости, увидев цветочный рынок Парижа в тысячекратном увеличении. Я странствовала среди моря роз, среди гор фиалок и лесов лилий и думала, что я в саду Эдема. Там были и горы клубники, горы белых кочанов капусты, горы оранжевой моркови, горы красных помидоров, и это было так красиво, что мне хотелось все съесть.

Но есть луковый суп я не захотела.

— Это необходимо? — спросила я Леннарта.

— Неизбежно, как Эйфелева башня! — ответил Леннарт. — Вообще-то я голоден.

Леннарт с Петером ели луковый суп в харчевне *Au Chien qui fume*¹. Мы с Евой сидели рядом и смотрели, как они едят. И решили сохранить как позорнейшую тайну нашей жизни тот факт, что мы никогда не ели луковый суп в крытых рынках Парижа. Ева сказала:

— Когда девушки в конторе спросят меня: «Ну а луковый суп — вкусный?» — я отвечу: «Тра-ля-ля, тра-ля-ля... я хорошо помню, как было в Лувре, тра-ля-ля».

У прилавка толпились огромные, сильные парни с волосатыми руками, кое-кто из *les forts des hells*², и они действительно выглядели так, словно могли поднять мешок картофеля на вытянутой руке.

¹ «У курящей собаки» (фр.).

² Рыночные носильщики (фр.).

— Хотя я не побоялся бы вызвать одного из них помериться силой, — заявил Петер.

— Петер по крайней мере так же силен, как любой *fort des helles*, — сказала Ева, и похоже, она думала, что *les forts des helles* так и надо, поделом им.

После лукового супа мы двинулись дальше среди сумятицы людей, автомобилей и телег по замусоренным тротуарам, где повсюду валялись солома и отходы овощей. Мы заблудились на темных улицах возле рынков.

Сад Эдема... среди роз, лилий и фиалок... да!

Но не здесь! Здесь жили несчастные, потерянные, *les misérables*¹. «Жили» слишком сильно сказано. Они, существа, лишенные облика человеческого, валялись на тротуарах и по всем углам, странные бородатые маленькие старички и тощие старые ведьмы в жалких лохмотьях. Здесь не было ничего от веселой бедности наших *clochardier* на углу улицы возле отеля. Это были существа, опустившиеся и впавшие в такую глубокую нищету, что больше напоминали животных, чем людей.

У большого города множество разных ликов. «Париж — чудесный город!» — сказала Ева, протанцевав целую ночь на Монмартре. Что если бы я спросила у этого оборванца в сточной канаве, считает ли он Париж чудесным городом?

Сомневаюсь, вряд ли он даже знает, что живет в Париже.

¹ Несчастные, жалкие, презренные, отверженные (*фр.*). Имеются в виду герои знаменитого романа Гюго «*Les Misérables*» — «Отверженные» (1862).

IX

Старые города удивительны! В городе, что зовется Париж, спуют люди, проживают там свою короткую жизнь, работают, любят, смеются и плачут. Постепенно они умирают, и по их улицам ходят уже другие люди, которые работают, и любят, и смеются, и плачут, и скоро уходят навсегда. Но разве не оставляют они все после себя частицу своего счастья и своей боли, своих страстей, своих мыслей, горя и тоски, своей ненависти и страха? И разве я, бродя по их городу, не чувствую этого? Разве сами камни мостовых не бормочут маленький тихий рассказ о тех, кто жил здесь раньше?

Хотя те, кому сейчас отпущен короткий миг жизни, шумят и грохочут изо всех сил, я, бродя по Парижу, все же слышу маленький бормочущий рассказ мостовых. В городе столько достопримечательностей! Pont Neuf, Place de la Concorde, Place de la Bastille¹, Place de l'Hôtel de Ville².

¹ Площадь Бастилии (*фр.*). Расположена в северной части Парижа, и продолжение дуги Больших Бульваров связывает ее с площадью Республики. Там возвышалась знаменитая крепость Бастилия, построенная в 70-х гг. XIV в. и служившая военным целям. Постепенно она превратилась в государственную тюрьму. 14 июля 1789 г. восставший народ Парижа взял штурмом этот символ королевского деспотизма, и в течение года крепость срыли до основания. В 1840 г. здесь воздвигнута бронзовая колонна (47 м высотой), увенчанная позолоченной фигурой крылатого гения Свободы.

² Ратушная площадь (*фр.*).

Но рассказ, который я слышу, нельзя назвать по-настоящему красивым. Как и во всех старинных городах, брусчатка мостовой повествует большей частью о крови, поте и слезах, потому что таковы люди!

Кровь, пот и слезы! В холодной камере замка Консьержери¹ я слышу шепот несчастной королевы и немного оплакиваю судьбу Марии-Антуанетты. «Боже, сжался надо мной! В глазах моих больше всего слез о вас, мои бедные дети!» Эти слова она написала в день своей смерти на странице молитвенника именно здесь, одинокая, горестно одинокая, разлученная с детьми и с человеком, которого любила... о, я не в силах думать об этом! Я прячусь за Леннартом и Евой, так как не хочу, чтобы они видели мои слезы, пролитые из-за Марии-Антуанетты.

«Скажите ему, что все на свете расстояния и все страны мира не в силах разлучить сердца любящих», — написала она однажды.

А мысли королевы летели в маленькую далекую Швецию, где жил ее возлюбленный. Дошел ли когда-нибудь до Акселя фон Ферсена ее привет? Не знаю — и из-за этого тоже плачу сейчас! И мне снова так же горько из-за этого, как в школе, когда я прочитала о печальном завершении бегства королевской семьи, и я злюсь на Людовика XVI за то, что он сунул свой длинный нос в Варенн² и был узан. Иначе все, возможно, кончилось бы благополучно и никакой камеры королевы в замке Консьержери не было бы. А мне не понадобилось бы стоять здесь и глотать слезы!

¹ Наряду с Башней Часов является самой старой (XIV в.) частью Дворца правосудия в западной части острова Сите. Служил резиденцией важного сановника эпохи Средневековья Консьержа. В эпоху Великой французской революции в Консьержери — уже государственной тюрьме — содержалась королева Мария-Антуанетта, а также Робеспьер и др.

² Речь идет об известной попытке Людовика XVI бежать в 1791 г. за границу вместе с семьей. Его арестовали в городке Варенн. Это событие было началом его пути к гильотине.

Счастливо бы кончилось? А разве не счастливый конец — умереть так, как умерла Мария-Антуанетта? А иначе, пожалуй, ее вспоминали бы как маленькую куколку, растратившую все дни своей жизни на игры и танцы, в то время как целый народ голодал и испытывал страдания. А сейчас мы прощаем ей легкомыслие и сумасбродства за величие, выказанное ею перед смертью. Нет, я больше не оплакиваю смерть королевы! Я горюю лишь из-за ее печальной любовной саги и из-за того, что у нее так жестоко отняли детей. А еще из-за того, что то самое письмо, начертанное ею ранним октябрьским утром 1793 года, так никогда и не попало к ее золовке Madame Элизabet¹.

За это я ненавижу Робеспьера больше, чем за все его остальные жестокости! Что случилось бы, если бы он позволил получить это письмо мадам Элизabet, дабы она могла рассказать несчастным королевским детям, что в последние минуты жизни матушка думала о них? Что случилось бы, если бы королева могла через все расстояния и через все страны послать последний тайный привет несчастному маленькому шведскому дворянину, томившемуся в своей стране в ожидании, страхе и беспокойстве! Нет, такая человеческая и такая естественная мысль не могла возникнуть в холодном змеином мозгу Робеспьера! Вместо этого чрезвычайно заботливо прячет он письмо под матрасы своей кровати. О, я вижу его! Он каждый вечер наверняка достает его оттуда и перечитывает, прежде чем задуть перед сном свечу. «...Не в силах разлучить сердца! Хе-хе!» — смеется он своими тонкими злобными губами и снова, довольный, засовывает письмо под матрасы. И спит на нем, и размышляет там каждую ночь целых девять месяцев. Но однажды ночью в июле 1794 года на кровати уже больше не увидишь monsieur

¹ *Мадам Элизabet* (1764—1794) — сестра короля Людовика XVI.

Робеспьера, его голова уже не покоится на мягкой подушке! Нет, потому что у *monsieur* Робеспьера уже *нет* больше головы, он расстался с ней именно тогда на *Place de la Révolution*!¹

И вот теперь письмо появляется на свет. Но адресат уже недоступен, он недостижим. *Madame* Элизабет отправилась той же дорогой, что и ее несчастная невестка. Та же гильотина, та же площадь! Осталось только письмо.

Бедная Мария-Антуанетта! Была она некогда юной, веселой, красивой и любимой, жила в роскошнейшем из замков в центре мира. В память Марии-Антуанетты хочу увидеть *Versailles*².

Королева так часто проезжала по этой дороге между Парижем и Версалем, по которой мы едем теперь. В первый раз — сияющим майским днем, юной пятнадцатилетней невестой. А потом в счастливые годы она много раз мчалась здесь на веселые празднества в Париж, на ночные маскарады, в театры. Ее обитая шелком карета так охотно и так легко неслась вад-перед. Недавно ставшая матерью, она гордо ехала по этой дороге в Париж, в *Notre Dame*, чтобы быть снова принятой в церковный приход³.

¹ Площадь Революции (*фр.*), первоначальное название — площадь Людовика XV, французского короля, прозванного лстивыми придворными Любимцем. Статуя Любимца стояла на площади. Затем площадь стала называться площадью Революции, там были гильотинированы Людовик XVI и Мария-Антуанетта. Позже площадь названа *Place de la Concorde* — площадь Согласия.

² Версаль (*фр.*) — город во Франции, пригород Парижа. В 1682—1789 гг. резиденция французских королей. Крупнейший дворцово-парковый ансамбль в стиле французского классицизма XVII—XVIII вв. Дворец *Grand Trianon* (Большой Трианон, 1687) с регулярным парком, фонтанами, скульптурами; в пейзажном парке — дворец *Petit Trianon* (Малый Трианон, 1762—1764).

³ Церковный акт, путем которого женщину после родов снова принимают в члены церковного прихода.

В последний раз она ехала здесь темным октябрьским днем 1789 года. Тогда ее карету окружали неистовые торговки рынков Парижа. Своими грубыми руками вырвали они королеву из ее сверкающего шелками мира рококо¹, и туда ей больше не суждено было возвратиться.

Силы небесные — тебе пятнадцать лет, ты новобрачная и приезжаешь в этот колоссальный, безумный в своем величии дворец! Как я радовалась дома трем моим маленьким комнатам, на Каптенсгатан!

Как она, должно быть, тосковала по родине первое время! Как ей, должно быть, было скучно! И как она не могла понять, кто такая эта красавица мадам. Дю Барри² и почему старый дедушка Людовик XV³ делает все, что она пожелает. Пятнадцатилетней девушке из добродетельной среды австрийского императорского двора, пожалуй, трудно было понять, как королевские возлюбленные могут управлять целой страной!

Мы проходим по залам, где больше нет распутных королей, и прекрасных куртизанок, и очаровательных принцесс эпохи рококо. Есть лишь скопище любопытных туристов со всех частей света.

— Сегодня в Versailles слишком много народу! — говорит Ева.

Эту реплику стены эти слышали и прежде, хотя тогда ее, вероятно, произносили по-французски. А произносили ее строптивые уста, и принадлежали они Марии-Антуанетте, тогда семнадцатилетней.

Она стоит здесь... кто знает, быть может, именно на том самом месте, где теперь стою я... и смотрит, как

¹ *Рококо* — архитектурный и декоративный стиль XVIII в., достигший полного своего развития во Франции при Людовике XVI и отличающийся изысканной сложностью форм, причудливыми орнаментами.

² *Дю Барри* (1743—1793) — фаворитка Людовика XV.

³ *Людовик XV* — дед короля Людовика XVI.

дефилируют мимо нее придворные дамы. О, как она ожесточена! Она не хочет... *не* хочет! Но та самая Дю Барри все приближается, и Мария-Антуанетта знает, что *должна* что-то сказать, что-то не мелкое этой ужасной женщине. Дедушка-король решительно заявил, что она *должна*... Два года замораживала она Дю Барри своим молчанием, но больше так нельзя. Дю Барри плакалась королю, ныла и говорила, что Мария-Антуанетта позорит ее перед всем королевским двором, ведь может же она сказать Дю Барри хотя бы одно-единственное маленькое словечко! Мария-Антуанетта, первая дама королевства, жена престолонаследника! Дю Барри самой не должно вовлекать ее в беседу, это было бы противу всякого этикета и правил приличия. Она может только ждать. И она ждала. Но теперь наконец-то!

И вот Дю Барри стоит перед семнадцатилетней королевой. Она ждет, до дрожи, столь желаемых ею слов. И она получает их:

— Сегодня в Versailles слишком много народа! — говорит Мария-Антуанетта.

И все явственно слышат, что, по ее мнению, по крайней мере одна здесь — лишняя.

Рада ли наконец Дю Барри? Надо надеяться, что это так. Потому что более обстоятельной беседы между этими дамами никогда не будет. Дю Барри остается сидеть на краю своей кровати и тихонько повторять про себя те единственные слова, которые ей удалось услышать из уст Марии-Антуанетты: «Сегодня в Versailles слишком много народа!»

И уже совсем скоро как одной, так и другой придется покинуть Versailles. Два года спустя Дю Барри будет бодрствовать у смертного одра короля. Оспа извела его старое отжившее тело, и он знает, что умрет. Дю Барри — единственная, кто есть у него в этом мире, единственная, кто заботится о нем, и он желал бы, чтобы она была рядом в его трудный час. Но он знает: на душе у него множество тяжких грехов. И не

возлюбленной, а исповеднику нужно быть теперь при короле Франции. Дю Барри выходит из королевских покоев, священнослужитель входит... Шестнадцать скоротечных минут исповедуется Людовик XV в своих грехах — придворные стоят за дверью с часами в руках...

— Как он, должно быть, торопился, — говорит Ева, когда мы приходим в королевскую опочивальню, где имела место эта исповедь в грехах.

А потом, прелестная Мария-Антуанетта, потом наступает твой час! Теперь бразды правления берешь в свои прекрасные, жаждущие наслаждений расточительные ручки ты! О, как весело во дворцах Grand Trianon и Petit Trianon, и Людовик XVI так добр, непритязателен и все тебе позволяет. Ты танцуешь все ночи напролет, а когда хочется перемен, возвращаешься в сладостную сельскую тишь в дальнем парке. Переодетая пастушкой, доишь надушенных коров в чаны из тончайшего севрского фарфора¹ и развлекаешься вместе с другими пастушками и пастушками.

Маленькая пастушка в стиле рококо играет со своим пастушком — ведь это всего лишь игра? Как случилось, что игра внезапно стала действительностью? Когда Мария-Антуанетта поняла, что у пастушка и пастушки два сердца, которые все на свете мили и все страны мира разлучить не в силах?

Возможно, не раньше, чем настали тяжелые времена. Она сидит здесь, в этом парке, октябрьским днем 1789 года.

Именно здесь застаёт ее тревожная весть, что парижская «чернь» движется маршем к Versailles. Изголовавшиеся люди идут сюда, чтобы увести королевскую семью — «хлебопека, жену хлебопека и малень-

¹ Художественные изделия фарфорового завода в Севре, близ Парижа (основан в 1756 г.). Посуда с яркой сочной росписью, скульптура в стиле классицизма (с 1770 г.).

кого сына хлебопека»¹, которые должны накормить их хлебом. И Мария-Антуанетта поднимается со скамьи и спешит в Versailles. Понимает ли она, что в последний раз видит свой Трианон?

Я устала, я хочу обратно в Париж. И наш автомобильчик мчится так быстро, во много раз быстрее, чем позолоченная карета королевы, что везла Марию-Антуанетту в темницу.

Устала я, устала, устала я, тоскую по кровати в отеле. Но мы надолго застреваем в пробке на Place de la Concorde... бывшей... Place de la... Révolution!

Я не вижу, не замечаю Луксорский обелиск. Я вижу узкий силуэт гильотины на фоне блеклого осеннего неба. Place de la Révolution в год террора — 1793!

Они все — женщины с крытых рынков — сидят в ожидании, желая увидеть, как отсекут голову ненавистой австриячке.

Они сидят там, и вяжут, и ждут, скоро ли она приедет? Да... Наконец-то, теперь уже слышен вожделенный грохот телеги палача, теперь они видят ее вдалеке возле Rue Royale². Ха, вот едет Мария-Антуанетта! Вопль вырывается из их глоток, террор жаждет крови.

— Боже, сжался надо мной. В моих глазах нет уже больше слез...

Нет, она не плачет, сидя в телеге... женщина в белом одеянии, такая прямая, такая неприступная, такая уже далекая!

Не бойся, Мария-Антуанетта! Скоро ты заснешь!
Не бойся!

¹ Так люди, что шли на Версаль, называли короля Людовика XVI, королеву Марию-Антуанетту и их сына — дофина.

² Улица Рояль (Королевская улица) (*фр.*) тянется на правом берегу Сены от площади Согласия к площади Мадлен. Широкая и прямая, она проходит посреди колоннад двух дворцов. На этой улице находится знаменитый ресторан «Максим».

Х

о чего обременительна любовь по-заграничному, — заявила Ева. — Вчера вечером сидели мы с Анри в кафе «Дюпон», а... кстати, о «Дюпоне», вам с Леннартом надо бы сходить туда как-нибудь, потому что это чудное кафе... Так вот, сидели мы там весь вечер, и он все время непрерывно повторял: «Je t'aime, je t'adore»¹, и я не знала, что мне отвечать. «Bon!»² — сказала я, но это слово прозвучало так ужасно бесцеремонно... примерно так, как сидела бы я на собрании и сказала бы: «Bon, вопрос решен, и объявляю собрание закрытым». Не могу я быть милой по-французски, — пожаловалась она.

— Будь тогда милой по-шведски, — посоветовала я. — Думаю, Петер это оценит.

— Петер... а ему, пожалуй, безразлично — милая я или нет, — сказала Ева. — Уж не внушила ли ты себе, что он болтается здесь из-за меня?

— Н-да... — проямлила я.

— Милый Петер Печатник — ха, он всего лишь устал от одиночества в Париже, — прервала меня

¹ Я тебя люблю, я тебя обожаю (*фр.*).

² Хорошо! (*фр.*)

Ева. — Но мир полон милых одиноких мальчиков, и не могу же я заботиться обо всех.

— Обычно ты делаешь все, что в твоих силах, — сказала я.

Мне нравился Петер. И я вообще не думала, что он устал от одиночества, как утверждал он сам. Болтливость, которую он напускал на себя, как только мы собирались вчетвером, совершенно покидала его, как только ты случайно оставался с ним наедине. Тогда он становился серьезным и совсем молчаливым, но вместе с тем и как-то чуть по-детски, обезоруживающе чисто-сердечным.

— Понимаешь, для моего отца никогда в жизни не существовало ни одной женщины, кроме одной-единственной — моей матери. А она обманывала его со многими, с кем только успевала. Когда же она несколько лет тому назад умерла, отец сильно горевал, чуть не умер. А я так не хочу. Я безумно люблю женщин, но не собираюсь делать ставку на одну-единственную, я поклялся себе в этом! — Но тут же, улыбнувшись, добавил: — Не обращай внимания на мою болтовню. У тебя с Леннартом все будет замечательно. Ты замечательная, Леннарт замечательный! Все будет замечательно!

Леннарт тоже считал Петера «замечательным». За те немногие дни, что мы провели вместе, они успели по-настоящему подружиться.

— Но что-то с ним не так, — сказал мне Леннарт. — Он производит впечатление человека уверенного в себе, он знает — он хороший бизнесмен, он умеет покорять людей и все, что угодно. Но мне кажется... не сомневается ли он в глубине души в себе самом? Не думаю, что он сам адекватно оценивает Петера Бьёркмана.

Мы продолжали всюду бывать вместе. Иногда Ева изменяла нам и посвящала себя Анри. Петер никогда не выказывал никакого недовольства, но однажды сказал ей:

— Какой же ты товарищ? Я ведь сказал: я чуточку влюблен в тебя, и ясно, мне хочется, чтобы ты была под рукой, если я вдруг вздумаю объясниться тебе в любви.

— Можешь пойти со мной покупать шляпу, — предложила Ева, — а когда я буду ее примерять, разрешаю тебе выступить с комментариями.

— Ну берегись! — предупредил его Леннарт.

Но Петер не слушал никаких предупреждений. И в результате мы пошли все вместе. Я, так же как и Ева, не собиралась возвращаться домой без шляпы из Парижа.

— Но шляпа должна быть как мечта, — объяснила Ева. — Когда я буду прогуливаться в ней в Стокгольме по улице Страндвеген, в толпе должен проноситься шумный шепот: «П-а-р-и-ж!»

И она, чтобы мы поняли, очень наглядно продемонстрировала нам, как это должно звучать на Страндвеген.

Но чтобы найти шляпу, которая вызовет такую реакцию, необходимо было довольно много их примерить. Леннарт сказал, что это был день примерки — и день испытания во всех смыслах¹. Но нам с Евой было весело.

Пожалуй, продавщице отделения головных уборов в «Галери Лафайет» было не так весело, как нам. Но вначале она выказывала служебное рвение и носилась взад-вперед, принося все новые и новые шляпы нашей мечты.

Примерка шляп для Евы — своего рода исследование, изучение... Выражение ее лица при этом непостижимо, и она выглядит так загадочно, словно совершает некий таинственный обряд. Вся женская сущность Евы, казалось дремавшая в глубине ее души, словно

¹ Игра слов: в шведском языке слово «grövningen» означает: «примерка, испытание». Зд.: «примерять шляпу» и «примериваться, присматриваться, испытывать человека, переживать тяжелое испытание».

пробуждается, и она мягкими неторопливыми движениями нежно водружает шляпу на голову. И шляпа там пребывает в состоянии блаженства, будто думает: «Здесь я и останусь».

Когда ту же самую шляпу примеряю я, слышно, как она форменным образом кричит: «На помощь, на помощь, меня убивают!» Несмотря на это, продавщица в сомнительном усердии пытается время от времени убедить и меня, и шляпу, что мы созданы друг для друга! Должна сказать, к нашей чести, ей редко удается обмануть нас — и меня, и шляпу. Шляпу, во всяком случае, никогда! Но иногда энергичной продавщице с помощью таинственных ухищрений удается заглушить ее жалобные крики настолько, что я при покупке шляпы их не слышу. Я получаю шляпу в картонке и радостно спешу домой, не зная, что шляпа собирает силы для мятежа.

Но вот наступает отвратительный момент, когда, по выражению Евы, остаешься наедине со шляпой. «Ненавижу тебя, — заявляет шляпа. — Ненавижу твой лоб, и твои глаза, и твои волосы! Несчастливая, что у тебя за волосы, это конская грива?» Я ожесточенно швыряю шляпу на пол. «Из всех отвратительных шляп-горлопанок, которые я видела...» — начинаю я, но тут как раз является Ева и покупает у меня эту шляпу за полцены. Она водружает ее на голову, дерзко наклонив вниз, на правый глаз, и шляпа ласково тарахтит. Как хрустальнейшая мечта модистки, Ева стоит перед зеркалом, а шляпа показывает мне язык: «Кто произнес здесь: „шляпа-горлопанка“?»

Но с моей парижской шляпой этого не должно случиться. Абсолютно не должно!

Я примеряла шляпы до тех пор, пока продавщица не стала приносить их с таким видом, будто она подумывает, не поменять ли ей профессию, пока она не слишком состарилась. Леннарт отодвинулся от меня как можно дальше, чтобы никто не заподозрил его в

каком-то сговоре со мной. Я перемерила шляпы всех размеров и фасонов, но, вероятно, не в моих силах было сделать хотя бы одну из них такой, как должно. Мне тоже хотелось вызывать на Страндвеген шумный шепот, а не восторженный вульгарный хохот.

В конце концов я перемерила почти все, что было на складе, и оглянулась вокруг, как полководец, которому после пережитого сражения остается выполнить лишь часть привычной работы по расчистке. И тут я увидела *ее*. Маленькая, невинная матросская шляпка, надетая на колышек и добрая с виду. Это было точь-в-точь то, что нужно к моему темно-синему наряду. Шляпка думала так же.

— Да, да, — сказала она, когда я нахлобучила ее на голову, — ты не красавица, но я могла вляпаться куда хуже. Ты мне нравишься... о'кей, пошли!

Ева уже давным-давно выбрала себе маленькую черненькую пилюльку-кастрюльку или цилиндрик, который с первой же минуты безумно влюбился в ее пикантный профиль и явно собирался жить и умереть ради того, чтобы этот профиль добился своего.

Ах, как мы с Евой были рады, когда возвращались из «Галери Лафайет» в своих новых шляпках!

— Это никогда не перестанет меня удивлять! — сказал Петер.

— Что никогда не перестанет тебя удивлять? — спросил Леннарт.

— Сумасшествие, с которым женщины набрасываются на столь незначительную вещь, как шляпка.

— Но это довольно мило, — поддержал нас Леннарт. Петер взглянул на Еву.

— Да, это мило, — согласился он. — Но теперь было бы не худо выпить аперитив.

И Леннарт с Петером поспешили крупными шагами, опережая нас, в «Café de la Paix».

— Это никогда не перестанет меня удивлять!.. — закричала им вслед Ева. — Сумасшествие, которое

проявляют мужчины, когда речь заходит о том, чтобы ринуться в кафе.

Мы уселись в кафе, о котором были столько наслышаны как о пупе земли. Но не прошло и нескольких минут, как мы увидели приближающихся шведов, так что было решили, что пришли вовсе не туда.

— Спокойствие! Спокойствие! — воскликнул Леннарт. — Вот они идут!

Они явились. И когда мы прислушались, то оказалось, что кругом почти за всеми столиками говорили только по-шведски. В общем гомоне лишь изредка была вкраплена французская речь. Француженок можно было узнать по обуви, состоявшей лишь из нескольких ремешков и безумно высокого каблука, да еще по какой-то легкой авантюристности взгляда.

— *Неужели* сегодня ночью я *должна* уехать домой? — жалобно спросила Ева. — Должна?

Ее сетования вовсе не были вызваны видом наших земляков, хотя могло создаться такое впечатление. Пожалуй, причина была скорее в том, что когда у тебя новая шляпка, и ты сидишь в «Café de la Paix», и светит солнце, а вокруг тебя кипит городская жизнь, то это невольно наталкивает на мысль о том, что нужно ехать домой и начинать вкалывать как каторжная в адвокатской конторе.

«Когда жизнь так и кипит вокруг, не хочется сидеть дома и штопать чулки!» — услышала я однажды восклицание, вырвавшееся из самой глубины сердца некой дамы из Финляндии. Пожалуй, те же чувства испытывала теперь Ева.

Петер долго смотрел на нее и, казалось, о чем-то размышлял.

— Надеюсь, мы, пожалуй, как-нибудь встретимся в Стокгольме, — наконец произнес он.

— Да, почему бы и нет, — согласилась Ева, — мы можем, пожалуй, встретиться — для разнообразия!

Петер кивнул.

— Именно так! — удовлетворенно сказал он. — Пожалуй, мы можем иногда встречаться — только для разнообразия!

— А что если нам пойти и купить себе для разнообразия немного духов, — предложила мне Ева. — Сколько у меня осталось денег... Ну да ладно, вернусь домой и снова получу жалованье, так что думаю жить так, словно каждый день — первый!

— Тебе не кажется, что с нами здесь две ужасно предприимчивые девушки? — спросил Леннарт Петера. — Не лучше ли нам остаться там, где мы уже сидим?

Да, Петер думал точно так же. Но мы беспощадно потащили их за собой на Rue de Rivoli. О, какая это была улица! Мы с Евой бегали с восторженными возгласами от одной витрины к другой. Здесь было все, что только может пожелать женское сердце! Магазины бижутерии с дешевыми кольцами, выглядевшими, на наш взгляд, очень изысканно, всевозможные мыслимые и немыслимые витые браслеты и жемчужные ожерелья! И магазины парфюмерии, где продавали хорошие духи по ценам гораздо более низким, чем духи известных марок. Мы вошли в такой магазин, и очаровательная дама за прилавком объяснила, что нам нужно только сказать, какого типа аромата мы хотим духи: «Amour, amour!», «Ma griffe» или «Chanel № 5», и она сможет принести нам духи, которые пахнут точно так же, а стоят ровно половину. Ева не знала, какой аромат предпочесть ей.

— Я хотела бы духи, пахнущие примерно так, как выглядит укротительница змей, — сказала мне она. — Что-то годное к употреблению лишь под эскортом полиции, чтобы не было страшно.

Дама за прилавком обильно поливала нас из всех своих флаконов, и мы с Евой добросовестно нюхали на пробу. Нюхали на пробу и Петер с Леннартом, а Петер так интенсивно обнюхивал Еву, что она восторженно воскликнула:

— Эти, кажется, то, что надо!

И мы ушли из магазина, нагруженные множеством мелких-премелких флакончиков, полных благоуханнейших ароматов, и завернули в ближайший магазин примерить кольца.

— Покупать мы не будем, — заявила Ева, — только примерять!

Там было кольцо с большим «бриллиантом», заставившее ее вздохнуть от жажды «иметь». «Бриллиант» был такой дешевый, не дороже тридцати пяти крон в переводе на шведские деньги, но все же это превышало сумму, которой она располагала.

— А не могу я вместо этого кольца подарить тебе браслет? — спросил Петер.

— Почему не кольцо с таким же успехом? — спросила Ева.

— Кольцо я никогда не подарю ни одной девушке, — ответил Петер.

— Но с моей стороны вопрос был чисто теоретический, — разъяснила Ева. — Я никогда не принимаю драгоценности от мужчин, даже если они фальшивые. Я имею в виду драгоценности!

Мы продолжали бродить под аркадами на улице Риволи. Там были также магазины элегантной мужской одежды, и я шепнула Еве, что так хотела бы купить подарок Леннарту! В одной витрине лежала чудесная голубая пижама, и я, толкнув Еву, спросила:

— Что скажешь об этой?

Но Ева, взглянув, сколько она стоит, сказала, что за такую цену в ней должен быть хотя бы еще один парень.

Вместо пижамы я купила Леннарту носовой платок с красиво вышитым на нем изречением, заверяющим, что девушки, рожденные в мае, — красивы, умны и романтичны. Всякий раз, когда он будет сморкаться, это должно придать его мыслям определенное направление.

Я родилась в мае!

— Эта улица будет принадлежать к моим самым светлым парижским воспоминаниям, — сказала Ева, когда мы покончили с покупками. — Она куда лучше блошиного рынка.

Я согласилась с ней. Блошиный рынок был для меня горьким разочарованием.

Все наши соотечественники, имеющие обыкновение бывать в Париже, подстрекают тебя к безумнейшим ожиданиям.

«Блошиный рынок, — произносят они, ханжески воздевая очи к небу. — Какие там бывают находки!» И показывают тебе пару позолоченных подсвечников, которые обычно относятся, по их словам, к XVII веку и куплены за гроши. И всегда только за гроши. Есть один дом, где нет ни единой самой мелкой вещицы шведского происхождения, все вывезено домой с парижского блошиного рынка, и все сплошь — драгоценные сокровища! Не понимаю, как люди могут так поступать! Им безразлично, что они тащат! Они заходят в маленькую лавчонку старьевщика на боковой улочке с одним из лучших портретов Рембрандта¹ современного изготовления. И стоит он обычно круглым счетом двадцать крон. И владелец портрета бежит за ними следом и умоляет их взять, пожалуйста, еще в придачу другую маленькую темную картину. И ошибки тут никогда не бывает! Эта картина — также старого мастера кисти.

Владелец лавчонки, пожалуй, рассуждает, что его лавка не Лувр и даже им не станет, пока он здоров и в состоянии содержать в должном виде все эти картины кисти Рембрандта и Ван Дейка², которые теснятся у него на полках.

¹ *Рембрант Харменс ван Рейн* (1606—1669) — великий голландский живописец, рисовальщик, офортист.

² *Ван Дейк Антонис* (1599—1641) — известный фламандский живописец.

Почему я никогда не совершаю таких находок, как все эти люди? Стоит им появиться внизу у букинистов на набережной Сены, как тотчас же там в штабелях книг старинных чудесных первоизданий для них хоть пруд пруди. А когда появляюсь я, там — «хоть пруд пруди» только один-единственный экземпляр какой-нибудь «Мадонны в спальном вагоне».

Вся надежда у меня была на блошиный рынок. И у Евы тоже.

— Я, пожалуй, куплю себе какую-нибудь красивую антикварную подвеску на цепочке, — говорила она. — Какой-нибудь маленький изумруд или что-нибудь в этом роде!

В тот раз Леннарта и Петера с нами не было. Когда мы вышли из метро у *Porte Clignancourt*¹, Ева ринулась к какому-то маленькому старичку и спросила, где блошиный рынок:

— Где здесь *marché aux puces* — отдел антикварных подвесок на цепочках?

— *Marché aux puces*, — повторил старичок и показал на несколько длинных рядов, где торговали старым платьем и дешевыми побрякушками.

Мы приближались к этим рядам, охваченные дурными предчувствиями и подозрениями. Насколько хватало глаз, стояли друг возле друга киоски, где простые брошки, дешевые часы и ожерелья теснились возле пепельниц, миниатюрных Эйфелевых башен и других безвкусных сувениров из Парижа. Никаких антикварных подвесок мы так и не увидели. Ева порылась немного среди ожерелий, чтобы посмотреть, не завалялись ли изумруды где-нибудь внизу, но напрасно.

Но вот постепенно мы все же оказались там, где продавались антикварные вещи. Но, к сожалению, было совершенно ясно, что какой-то выдающийся искатель находок побывал там до нас и, вооруженный

¹ Ворота Клиньянкур (фр.) — в северной части Парижа.

обычной мрачной уверенностью, унес все имевшее какую-либо ценность. Я попыталась счесть потрясающей находкой маленькое, жутко мягкое кресло и уже стала прикидывать, найдется ли для него место в нашем автомобильчике. Ева сказала, что если я потащу это кресло домой в Швецию, то лучше всего заблаговременно телеграфировать в дезинсекционное управление, чтобы приготовили здоровенный шприц с инсектицидом¹.

Никакой подвески на цепочке Ева не нашла. Но мы купили себе по надежному роговому гребню, который всегда пригодится.

Нет, даже не упоминайте при мне про парижский блошинный рынок. Потому что я взмахну тогда своим роговым гребнем и воскликну: «Блошинный рынок! О да! Какие там бывают находки!»

— Неужели сегодня ночью я должна ехать домой? — спросила Ева.

Мы устроили прощальный обед в ее честь в чудесном маленьком ресторанчике наверху у Одеона. Она, мрачно посмотрев на свой десерт — *fraises Melba*², — сказала:

— Не хочу ехать! Я еще не получила сообщение из дома, заполнен ли подвал вином и молодыми каплунами.

— Мы же все поедem домой, — попытался утешить ее Леннарт.

— Только не я! — возразил Петер. — Можешь поехать со мной на Ривьеру, Ева!

— Не болтай глупости, — ответила Ева. — У меня может быть удар, я утрачу всякий разум и сознание и помчусь туда вместе с тобой!

¹ Инсектицид — средство для борьбы с вредными насекомыми.

² Букв.: клубника Мельба (фр.) — фрукты и ягоды с мороженым и взбитыми сливками.

— Этого не случится, пока старина Леннарт стоит на страже! — сказал Леннарт. — Через пять часов парижский ночной самолет поднимет ввысь среди прочего багажа и *Evita mia*.

Но самолет улетал не раньше полуночи, и старина Леннарт, разумеется, не собирался стоять на страже до самой последней минуты. Петер напротив, очень любезно предложил Еве составить компанию в последние часы ее пребывания в Париже.

— *Sorry*¹, — извинилась Ева. — Анри первому пришла в голову эта идея.

Петер расхохотался.

— Ну и шустрые же эти французы! — воскликнул он. — Не то, что мы, ленивцы нордической расы.

— Да, вы немного ленивы у нас дома в Швеции! Страна деревянных старичков, — сказала Ева, пристально заглянув ему в глаза.

¹ Прошу прощения (*англ.*).

XI

ой соловей, наверное, продолжает издавать свои веселые трели, хотя я уже уехала. Он даже не знает, что на свете есть я. Но я буду вспоминать его до конца своей жизни. Патеры, блуждающие по своему саду, тоже не знают, что я есть на свете, но в моей памяти навечно запечатлелись торжественность и величие их черных одеяний под зелеными деревьями. Николь, веселая, пышная и сердитая, забудет меня из-за новых гостей, которых станет посвящать в свое понимание загадок бытия. Клошары на углу улицы будут продолжать свои беседы о жизни и засыпать на уличных камнях, не зная, да и не интересуясь, жива я или нет.

Но все это — соловей, патеры, клошары — навсегда моя собственность. Я владею ими точно так же, как владею сумерками июньской ночи над набережными Сены, сверкающими искорками воды фонтанов на Place de la Concorde, глубокой тишиной под сводами Notre Dame, маленькими средневековыми улочками вокруг церкви St.-Julien le Pauvre¹, толкотней ранними

¹ Сен Жюльен ле Повр (*фр.*) — церковь на левом берегу Сены в Латинском квартале, построена в XII в., напротив собора Парижской Богоматери.

утрами и поздними вечерами на улице Mouffetard, Маленькой Дурочкой, красавицей матерью, окруженной детьми в Люксембургском саду, любезным полицейским, размахивающим белым жезлом на Rond Point de Champs Elysées¹, оборванцами вокруг Place Maubert², цветочницами у Quai aux Fleurs³. Я владею всем этим. Это мой Париж, каким я увидела его в первый раз.

— По-моему, жалко парижан, — сказала я Леннарту.

— Почему? — спросил он.

— Они никогда не приедут в Париж в первый раз.

— Но им не надо и уезжать отсюда, — отметил Леннарт, завистливо глядя на молодую пару, которая шла перед нами по Rue de l'Estrapade.

Мы вышли попрощаться с Парижем. Хотелось в последний раз пройти по нашим улицам.

Турне великих князей, *la tournée des grands-ducs* — в Париже проводят экскурсию под таким названием, — ночное путешествие богатых туристов из одного дорогостоящего храма развлечений в другой. У нас с Леннартом тоже было свое турне, *la tournée de Lennart et Kati*⁴. Великие князья не одобрили бы его, но для нас в этих словах заключался смысл того, что мы больше всего полюбили в Париже и охотнее всего захотим вспомнить, когда уедем отсюда.

Весь день лил дождь, мягкий и тихий дождь, и недавно прекратился. Серебристо-серым сводом возвышается над Парижем небо, милое и кроткое, меланхоличное, словно прощание.

Мы идем по нашим улицам.

¹ Круглая площадь на Елисейских Полях (фр.).

² Площадь Мобер (фр.) — на левом берегу Сены в Латинском квартале.

³ Цветочная набережная (фр.) — на острове Сен-Луи.

⁴ Турне Леннарта и Кати (фр.).

Перед церковью St.-Etienne du Mont стоит Маленькая Дурочка. Одинокaя и неподвижная, чего она ждет? И она тоже кажется милой, кроткой и меланхоличной. Только когда наступает вечер и уличные фонари зажигаются далеко на Rue Mouffetard, только тогда Маленькая Дурочка оживает, становится буйной и прыгает от радости, словно веселая маленькая рыбка в воде.

— Прощай, Маленькая Дурочка! Ты никогда нас больше не увидишь! Мы никогда больше не увидим тебя!

Мы идем по нашим улицам. Прислушиваемся к их бормочущим коротеньким рассказам. У каждой улицы своя история, свой особый цвет и своя атмосфера, которые ощущаешь до самых кончиков нервов, а иначе наш поход превратился бы лишь в немое странствие среди немых домов.

Rue de la Montagne St.-Genevieve — одна из моих самых любимых улиц, неровная, холмистая и похожая на средневековую. Франсуа Вийон, вор и поэт, некогда топтал эту брусчатку. И когда мы спускаемся вниз с холма к Place Maubert и продолжаем наш путь к St.-Julien le Pauvre, я ощущаю скользящую тень поэта.

На маленьких улочках вокруг церкви средневековая атмосфера ощущается сильнее, чем в каком-нибудь другом месте Парижа. Здесь людно, как было во времена Вийона, здесь царит бедность, как, вероятно, и тогда. Несчастные оборванцы в уголках улиц и в проулках. И если бы Вийон мог видеть их, он, должно бы, узнав, кивнул им:

— Смотри, это мои голодающие братья!

Мы сидим некоторое время в маленьком саду, окружающем церковь, и смотрим на веселых детишек, играющих в пятнашки. Они вбегают в одну церковную дверь, а выбегают в другую, а я думаю: понравилось бы это святому Жюльену? Напротив нас на острове

La Cité¹ поднимает могучий, серый, словно небо, портал Notre Dame.

Я хочу туда, это входит в программу нашего турне. Еще раз мне хочется вкусить атмосферу красоты и мира, царящую внутри храма. Мы медленно идем по Pont du Double². Внизу под мостом течет Сена, тихая и терпеливая, какой бывают реки. Такая же неутомимая, как примерно две тысячи лет тому назад, когда здесь, на La Cité, начали строить первые хижины и возводить укрепления. И было положено начало тому, что станет Парижем. Такой же невозмутимый, как и в те далекие времена, когда собор Notre Dame был молод. Реки не заботятся о городах и храмах, они заботятся лишь о том, что вечно.

Мы идем по нашим улицам. Следуем по набережной вниз к Ile St.-Louis, «*la plus deserte de toutes les iles*»³. St.-Louis — действительно пустынейший из островов. Нет, он не пустынен. Но на его улицах и набережных так тихо, а тяжелые от дождя тучи так уныло нависают над красивыми старинными домами, что я чувствую легкую грусть, когда мы стоим на Quai de Bourbon⁴. Мы проходим мимо Franc-Pino, старой почтенной харчевни, и я быстро и благодарно поглаживаю этот дом. Он посвящен памяти Сесиль Рено, которая родилась здесь, а девятнадцати лет, к сожалению, была казнена вместе с матерью, отцом, сестрами и братьями за то, что майским днем 1794 года пыталась лишить жизни Робеспьера!

— Снова этот Робеспьер, о, его бы я...

— Да, да, — подхватил Леннарт, — я убежден в том, что, живи ты в то время, ты бы помогла Сесиль.

¹ Сите (фр.).

² Двойной мост (фр.).

³ Остров Сен-Луи (фр.) — рядом с островом Сите, самый пустынный из всех островов Сены.

⁴ Набережная Бурбонов (фр.). Бурбоны — королевская династия во Франции (1589—1792, 1814—1815, 1815—1830).

Я немного думала об этом, пока мы шли по Quai d'Anjou¹. Я вижу себя одетой в красный плащ, идущей к плахе... Нет, Сесиль, я, пожалуй, не осмелилась бы быть с тобой заодно!

Я расстаюсь с Сесиль у особняка де Лозена. «Какая удивительная тема для беседы», — писала мадам де Севинье в одном из своих знаменитых писем. А удивительной темой для беседы был не кто иной, как monsieur Лозен², владевший некогда этим поразительным домом. Все письмо — один-единственный восторженный крик о невероятном, о том, что *la grande mademoiselle*³, кузина короля, которой уже больше сорока лет, выходит замуж за маленького уродливого Лозена, обладающего только шармом и больше ничем в этом мире, а в довершение всего он на пять лет моложе своей невесты.

«Дамы моего ранга всегда молоды!» — высокомерно отвечала невеста на все возражения.

«Все это словно прекрасный сон... но прежде всего — великолепный материал для бесконечных дискуссий», — удовлетворенно писала мадам де Севинье об этом событии, потрясшем весь мир, в котором она жила.

Мы идем по нашим улицам!

Как сон... весь этот остров, где время остановилось.

Как сон... мягкий серый свет над проточной водой реки, над меланхолическими тополями набережной, над крышами и шпилями башен.

¹ Набережная Анжу (фр.) — на острове Сен-Луи.

² Лозен Антонен (1633—1723) — герцог, французский офицер и известный придворный; он подвизался при дворе Людовика XIV. Особняк Лозена на острове Сен-Луи построен в 1656 г. и обладает роскошным внутренним убранством. Сейчас принадлежит Парижу, но это не музей.

³ Великая мадемуазель (фр.) — кузина короля Людовика XIV, герцогиня Монпансье.

Мы обходим остров St.-Louis и идем обратно к Notre Dame, сворачиваем на Quai aux Fleurs.

Ах, Абельяр и Элоиза¹, здесь идут Леннарт с Кати и вспоминают любовную сагу, так трагически окончившуюся восемьсот лет назад. Много слез было пролито над вами с тех пор, послужит ли это вам каким-либо утешением? Именно здесь и жила она — прекрасная Элоиза!

— Я рада, что мы не Абельяр и Элоиза, — сказала я Леннарту. — Если у меня будет сын, нам не придется идти из-за этого в монастырь.

— Нет, слава Богу! — воскликнул Леннарт. — Если у тебя будет сын... Подумать только, если это будет!

Подбежав к одной из цветочниц, он купил большой пучок фиалок.

— Фиалки — маме, — сообщил он и приколот цветы к моему пальто.

Он взял меня под руку, и мы пошли дальше, такие радостные, хотя это и был наш последний день в Париже.

Мы шли по нашим улицам, проследовали по набережной Сены до самого Pont au Change², наслаждаясь роскошной цветовой гаммой цветочных киосков и не чувствуя легких капель моросящего дождя. Но средневековая башня Консьержери и тонкий шпиль Sainte-Chapelle³

¹ Абельяр Пьер (1079—1142) — французский философ, богослов и поэт. Трагическая история любви Абельяра и Элоизы, закончившаяся их уходом в монастырь, описана в автобиографии Абельяра «Истории моих бедствий».

² Мост Менял (фр.).

³ Сен-Шапель — Святая часовня (фр.), жемчужина французской готической архитектуры — находится в западной части острова Сите, среди построек Дворца правосудия. Сооружена в 1246—1248 гг. (для хранения священных реликвий, привезенных из Иерусалима), по-видимому, Пьером де Монтеро, одним из строителей собора Парижской Богоматери.

уже вырисовываются на фоне неба, где серебро сгустилось в темно-серую окраску — скоро дождь польет всерьез.

Надежнее поспешить обратно на левый берег, к *Place St.-Michel*¹, это все равно что быть уже дома, в отеле. *Rue du Chat qui Pêche*, улица Ловящей Рыбу Кошки, тоже наша, хотя это самый маленький переулок Парижа и хотя Ева утверждает, что, судя по запаху, ее лучше назвать «Улица Писающей Кошки». Еве не следовало бы проявлять такое высокомерие! Разве ей не известно, что кошкины предки обитали во времена Данте и упоминаются в его «*Paradiso*»?²

Rue de la Huchett, *Rue Saint-Severin*, *Rue de la Bûcherie*! О, все эти извилистые темные улицы — здесь каждый камень говорит на латыни! Здесь центр старинного квартала, раскинувшегося вокруг старейшего университета Европы! Здесь студенты сидели на снопах соломы посреди улицы и слушали, как их достопочтенные учителя читают лекции из открытого окна какого-нибудь расположенного поблизости дома.

Здесь мне хорошо, несмотря на то что этот квартал пользуется дурной славой. Дома здесь такие ветхие, люди, которые живут в них, возможно, такие же.

Снова над нашими головами льет дождь. Но мы знаем, где искать пристанище. *Saint-Severin*, самая чудесная маленькая церквушка, какая только есть в Париже, встречает нас ароматом курений и мягким сиянием восковых свечей. Здесь мы остаемся, пока небо пытается затопить весь *Quartier Latin* и всех, кто там есть.

Но все, кто там есть, спешат укрыться в воротах и спокойно стоят в ожидании... Они знают, что дождь

¹ Площадь Сен-Мишель (*фр.*).

² «Рай» (*ит.*). Одна из частей поэмы Данте «Божественная комедия».

кончится, а парижское небо капризно не только в апреле.

По мне, пусть льет дождь. Я нашла себе такое интересное занятие: я читаю книгу. Здесь, в церкви Saint-Severin, есть большая книга, в которой люди излагают Всевышнему свое горе и заботы! Книга эта — своего рода непосредственная переписка с Богом. Раз в неделю, во время службы, все пожелания читаются вслух, возможно, для того, чтобы Бог их лучше услышал. С трогательным доверием просят несчастные о помощи. Один кается в своих дурных поступках, другой хочет избавиться от болезни, третий надеется, что хорошо сдаст экзамен, а несчастная мать желает, чтобы Бог положил конец постоянным раздорам сына с его женой.

Пока за стенами церкви льет дождь, я читаю и читаю, усердно переворачивая большие страницы. В самом низу последней страницы написано мелким волнующим почерком: «*Seigneur, rendez-moi mon ami*» — «Господи, верни мне моего друга».

Да, Господи, сделай это — во имя всех любящих, во имя Леннарта и Кати, — верни бедной девушке ее друга! Ты один знаешь, как она страдает! О, я хотела бы тоже написать в эту книгу. Но книга Saint-Severin, возможно, предназначена только для католиков. А вообще-то я знаю, что я написала бы: «Господи, дай мне сына...» или: «Если Тебе так угодно — маленькую дочку, сделай это, о Господи... поскорее!»

Когда мы выходим из церкви, небо голубое, солнце сияет! Улицы чисто вымыты и воздух свеж. На Boulevard St.-Michel молодежь так и кишит. Молодежь, молодежь со всех стран света. Мы с Леннартом идем среди них и прощаемся с Парижем. Прощай, Париж, старый Париж! Париж — молодой!

Капли дождя сверкают на деревьях Люксембургского сада, и на еще влажной скамье сидит там студент

со своей девушкой, и они горячо, от всего сердца целуются. *The last time I saw Paris, her heart was warm and gay*¹...

У него на сердце было тепло и радостно. Старый город с молодым сердцем. Как она выразилась, эта *la grande mademoiselle*? «Дамы моего ранга всегда молоды!»

¹ В последний раз, когда я видела Париж, его сердце было теплым и веселым (англ.).

XII

Замок в прихожей щелкнул. Ева вернулась домой из конторы. Я слышала, как она поет. «Comme un p'tit coquelicot...» — пела она, и я знала, что она причесывается, стоя перед зеркалом. Потом она вошла в свою комнату. А потом заглянула ко мне.

Она остановилась на пороге, глядя на опустошение... И глаза ее медленно наполнились слезами.

— Здесь жила Кати, — тихо сказала она. — Мир ее памяти!

— О Ева! — воскликнула я, не в силах выговорить больше ни слова.

Я протянула руку и неуклюже погладила ее по щеке. От прикосновения моих пальцев на щеке осталось пять черных пятен. От хлопот с переездом всегда столько грязи!

Я могла себе представить чувства, которые испытывала Ева. Осталась только пустая комната с кучей хлама на полу и пятнами на обоях, по которым можно увидеть, где висели картины.

Мы молча стояли, и я знаю, что обе мы думали о том, как все было раньше.

Если бы был такой же день, как обычно, то мы с Евой шли бы домой из конторы вместе. Мы пригото-

вили бы вместе обед и ели бы за столом в моей комнате. Возможно, вечером у нас собрались бы друзья, и мы бы вскипятили чай и приготовили бутерброды. Возможно, мы отправились бы в кино, а потом, сидя на оттоманке в комнате Евы, болтали о фильме, который смотрели, и о многих других важных вещах. Мы бы без конца хохотали, а Ева, жестикулируя, рассказывала бы о Курре и Альберте, и о Ёране, и о Буссе, и еще о нескольких в придачу, а я бы говорила только о Леннарте.

Всему этому настал конец. Конец нашему веселому соседству в этой двухкомнатной квартирке! Только теперь эта мысль начала причинять боль. Ах, почему нельзя получить что-нибудь в этой жизни, не пожертвовав чем-то другим?

Сегодня было так весело! Я с величайшим удовольствием смотрела, как грузчики переносили мою мебель наискосок через тамбур в мой новый дом. Я с трудом перетаскала туда книги и картины, разобрала шкаф и выбросила все старье. И все время, делая это, я напевала вполголоса самой себе коротенькие веселые песенки.

Я радовалась тому часу, когда Леннарт вернется домой с работы и увидит, сколько я успела сделать. Когда настанет вечер, у нас с Леннартом будет общий дом. Всякий раз, думая об этом, я ликовала. А о Еве до сих пор не подумала!

— Завтра рано утром будет немного чудно, когда никто не дернет меня за волосы, чтобы я проснулась! — в конце концов произнесла Ева.

— Я могу прийти и вырвать у тебя всю шевелюру, — услужливо предложила я.

О, я была готова сделать все, что угодно, только бы она не расстраивалась!

Тогда Ева заплакала.

— Как ты добра, — всхлипывала она, прижавшись к моему плечу. — Но ты ведь знаешь, какая у меня чувствительная кожа на голове!

Потом она вытерла глаза.

— Хотя прекрасно будет войти в ванную, без того чтобы предварительно достучаться и выгнать оттуда тебя, — добавила она.

На полу, там, где стоял угловой шкаф, лежала старая фотография. Я подняла ее и перевернула.

— Сейчас увидишь кое-что приятное, — сказала я.

И мы вместе стали рассматривать фотографию длинноногой девчонки в курточке, которая была ей слишком велика. Девчонка идиотски улыбалась, чтобы лучше продемонстрировать стальные пластинки на передних зубах. Грустно сознаваться, но фотография была моя.

Я помню еще, как меня снимали. В воскресенье мы с Тетушкой смотрели развод караула на Страндвеген; тут появился профессиональный уличный фотограф и предложил свои услуги. А я была так безмерно восхищена своей новой красной курточкой и хотела, чтобы меня в ней сфотографировали!

Как странно повзрослеть быстро! Ведь не так много времени прошло с тех пор, как был сделан этот моментальный снимок. И не так много времени прошло с тех пор, как я, сидя в этой оконной нише, делала свои первые уроки. А совсем недавно Тетушка подарила мне на Рождество самую красивую в мире куклу и сказала, что это мама прислала ее с Небес.

Я прожила в этой комнате... сколько же... посмотрим — семнадцать лет... ну да, тогда имеешь право немного всплакнуть... только на лице появляются такие красивые черточки, когда слезы прокладывают в грязи дорожки...

Ева тоже плакала.

— Никому не показывай э-э-эту фотографию, — всхлипывала она. — Иначе все п-п-подумают, что Леннарт женился на тебе из-за денег.

Потом она исчезла в ванной, дабы, по ее словам, «вразумить самое себя и сделать себе новое лицо».

А я осталась с разрисованным полосками лицом, когда в дверь позвонил Леннарт. Ничего страшного. Леннарт так умен! Он понял, что на лице могут появиться полоски, даже если надо переехать в квартиру, расположенную напротив.

И мы пошли «к нам», и он пришел в восторг от всего, что я сделала, и похвалил меня точь-в-точь так же умеренно, как всегда. А потом засучил рукава и спросил:

— Не глупо ли, что нам так весело от всей этой затеи с мебелью и прочим?

Спросил, как всегда, с выражением лица школьника в первый день летних каникул. Я обняла его своими грязными руками, и мы долго молча прыгали, кружась посреди комнаты в молчаливом, шумном, сумасшедшем танце.

Затем я побежала за Евой.

— Ни за что, — сначала отказалась она. — Думаю, вы справитесь сами!

— Но украшать полки декоративной бумагой мы не умеем. Никто не умеет так затягивать ею полки, как ты.

Она, сопротивляясь, последовала за мной. Леннарт, обняв ее за плечи, сказал:

— Ты наша первая гостя! Добро пожаловать!

Ах, как нам было весело в тот вечер!

Мы с Леннартом расставляли мебель, вешали картины и шторы, а Ева нарезала декоративную бумагу.

— «Никто не умеет целовать так, как ты», — пел томный голос по радио.

Там исполняли песню «Старые знакомые „по переписке“».

— Никто не умеет целовать так, как ты, Кати! — запел Леннарт так громко, что наверняка слышно было во всем квартале.

— Никто не умеет укладывать ДЕКОРАТИВНУЮ бумагу на полки так, как я! — запела в кухне Ева.

Но тут раздался звонок в дверь.

— Никто не умеет открывать дверь так, как я! — запела я и в доказательство своей правоты пошла и открыла дверь.

Это была тетя Виви, мама Леннарта. Я была рада, что успела умыться.

— Я принесла вам несколько бутербродов! — сказала она и протянула мне корзинку.

Я поблагодарила ее чуточку преувеличенно. Мне так хотелось ей понравиться, что, когда мы встречались, трудно было быть по-настоящему естественной.

Она всегда относилась ко мне дружелюбно. Но в глубине души она, вероятно, не могла искренне любить ту, что отняла у нее единственного сына. Она была вдова, мать одного-единственного сына — Леннарта, а я отняла его. Да и особо желанной невесткой я, пожалуй, тоже не была. Бедная конторская служащая без влиятельных родственников или чего-то в этом роде.

Разумеется, Леннарт не раз говорил, перефразируя пословицу: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», что лучше жена, которая сама себя обеспечивает, в руках, чем десять наследниц в лесу, но я не уверена, что тетя Виви разделяла его мнение. Она всегда была ласкова со мной, да, это так! Но я знала, как она страдает оттого, что отпустила Леннарта. Она чувствовала себя одинокой и старой — это-то я понимала. «Одинокой и старой, — говорила я себе, — помни это, Кати, помни это всегда!»

— Как мило, что вы, тетя Виви, заглянули к нам! — сказала я.

Я сказала то, что думала, и поэтому была очень недовольна, что эти слова прозвучали так неестественно. Но возможно, тетя Виви была не так чутка к интонации.

Я накрыла круглый стол в гостиной, достала из корзинки все ее вкусные бутерброды, и мы поели.

Это была наша первая трапеза в нашем собственном доме.

— Будьте счастливы! — сказала тетя Виви и оглядела комнату. — Вы должны быть счастливы!

Она посмотрела, как расставлена мебель. Диван, по ее мнению, стоял не на месте. Его лучше поставить в углу между открытым очагом и окном, посоветовала она. Леннарт довольно невежливо заметил:

— Думаю, эти вопросы Кати решит сама!

— Да-да, конечно, — уступчиво согласилась тетя Виви.

Однако я поспешила сказать, что ее предложение — гораздо лучше, и это действительно было так. Если бы даже это и было иначе, думаю, я все равно сделала бы так, как ей хотелось. Я была готова подвесить диван на веревке к потолку, только бы это доставило ей хоть малейшую радость! У меня был Леннарт, я могла быть великодушна! И лучше воспользоваться случаем вовремя, ведь никто не знает, какой буду я, когда стану старой и одинокой!

Но в глубине души я была рада, что Леннарт так ответил матери. Я знала, что мой муж относится к тем людям, которые покинут отца с матерью и останутся с женой, если когда-нибудь встанет вопрос о выборе. Он был привязан к матери, и я радовалась этому. Но он никогда не должен забывать, что он мой муж, а это — наш дом!

Мы с Леннартом проводили тетю Виви до дверей, когда она собралась уходить.

— Кири-кири-ки! — сказал Леннарт и пощекотал ее под подбородком. — А теперь мы пойдем домой, примем немного снотворного и будем крепко спать ночью. И мечтать о том счастливом времени, когда нам придется нанять внучат. Кири-кири-ки!

Тетя Виви улыбнулась, но улыбка была бледной.

— Ты ведь хочешь, чтобы у тебя были маленькие хорошенькие внучата? — умоляюще спросил Леннарт.

— Разумеется, конечно хочу, — ответила тетя Виви.

— Ну тогда так, — резюмировал Леннарт. — Ты ведь понимаешь, что для тебя технически невозможно стать бабушкой без содействия с ее стороны, — сказал он и показал на меня.

Тетя Виви погладила меня и дружелюбно кивнула.

— Приходи к нам почаще, — сказала я, и это прозвучало совершенно естественно.

Я почувствовала, что в этот вечер немного расположила к себе тетю Виви. Совсем не той историей с диваном, но... все же!

— Тогда спокойной ночи, дорогие дети! — сказала тетя Виви и ушла.

Леннарт тотчас же снова ринулся в работу, а я, оставшись в тамбуре, задумалась. Почему мы с Леннартом заставляем печалиться двоих людей только ради того, чтобы быть счастливыми, — до чего странная штука жизнь!

«Никто не умеет укладывать ДЕКОРАТИВНУЮ бумагу на полки так, как я, — пела в кухне Ева. — И никто не умеет ЦЕЛОВАТЬСЯ так, как я...»

Боже мой, ее горе было, видно, такое, что быстро проходит.

В два часа ночи у нас почти все было готово.

— Совершеннейший ужас, до чего же здесь красиво! — воскликнула я.

Леннарт и Ева согласились со мной.

Мы снова успели проголодаться и пошли на кухню, где стоя съели по бутерброду с тушеной телятиной и выпили по стакану молока.

— Спокойной ночи! — попрощалась Ева. — Если вам еще понадобится декоративная бумага на полки, постучите!

И Леннарт поцеловал ее в щеку, поблагодарил и сказал: он, мол, надеется, что это был не последний бутерброд с тушеной телятиной, который она ела в нашем доме.

— О нет, — ответила Ева. — Только если ты не посыпал его мышьяком.

Я и ее проводила в тамбур.

— Ева, если бы ты только знала... — начала было я.

— Да, я знаю, — отрезала она.

И я еще некоторое время стояла, глядя на дверь, которая захлопнулась за ней. Потом побежала к Леннарту.

XIII

ов моего сердца в церкви Saint-Severin был услышан: случилось то, чего я пожелала. В тот день, когда медицинская наука подтвердила этот факт, я во весь опор ринулась из конторы домой, чтобы рассказать об этом Леннарту. Это была великая новость, и я не могла наслаждаться ею в одиночестве ни минуты, а я не знала, сколько времени потребуется, чтобы подняться на наш четвертый этаж.

Леннарт, в виде исключения, вернулся домой раньше меня и накрывал на стол в кухне.

Я кинулась на него, словно ураган, но ничего не сказала. Я только поцеловала его и заставила станцевать со мной наш молчаливый танец радости. Мы всегда так танцуем, когда случается что-нибудь веселое и надо дать выход нашим чувствам. Леннарт называет это «тихим сумасшествием», и, возможно, так оно и есть, откуда я знаю!

— Можно узнать причину такого веселья? — спросил Леннарт.

Опустив руки, я молча стояла, глядя на него.

— Надеюсь, у него будут твои глаза, — сказала я.

— У кого?.. — начал было Леннарт. — Нет, это в самом деле правда?

— Да, но это будет продолжаться так долго, так долго, самое меньшее — восемь месяцев, *как* мне дожидаться этого?

Мы снова начали танцевать, молча и увлеченно!

— Мама должна узнать эту новость, — сказал Леннарт. — Интересно, это мальчик или девочка?

Назавтра я спросила Еву:

— Как по-твоему, кто у меня будет, мальчик или девочка?

И она спокойно ответила:

— Я думаю, мальчик или девочка. У большинства людей так оно и бывает.

Вообще-то все равно, кто будет.

Но до чего ж удивительно иметь члена семьи, о котором ничего не знаешь, существо, которое начало жить своей собственной тихой жизнью, и оно уже на пути к тому, чтобы стать человеком со своими собственными, особыми чертами характера и со своей особой внешностью, но которое пока уклоняется от более близкого знакомства.

— Как мы назовем его... или ее? — спросила я Леннарта, когда мы в конце концов усадились за обеденный стол. — Нам надо иметь условное имя!

— Большинство условных имен для не рожденных еще детей, которые я слышал, ужасно дурацкие, — сказал Леннарт. — Николина и Карл-Август и прочие... Нельзя развлекаться за счет детей, даже еще не рожденных!

— Решительно нет! — воскликнула я. — Но еще хуже, когда бедных крошек называют «золотко» и дают им другие приторные прозвища. У меня от них озноб!

— Один из моих коллег в ратуше называет своего «малыш-карапуз». Надеюсь, ребенок сможет впоследствии привлечь своего папашу к суду за оскорбление его чести.

— Пока что назовем нашего ребенка условно «ребенок», — предложила я.

Так мы и сделали. И весь вечер называли ребенка «ребенком». Мы не могли говорить ни о чем другом. Я сказала Леннарту, что рада жить сейчас, а не во времена наших бабушек. Ведь тогда наверняка стеснялись признаться близким, что ждут ребенка.

По крайней мере такое впечатление создается из отвратительных описаний в романах того времени. Когда молодая жена, обычно не раньше чем на четвертом месяце, понимает, что происходит, она не идет, сияя от радости, к своему бородатому мужу и не рассказывает об этом. Нет, она втихомолку крадется в лавку, покупает розовую шерсть и начинает вязать.

Каждый день в течение нескольких месяцев она, сидя в гостиной среди фамильных портретов, вяжет. Но когда ее бородатый муж возвращается домой, она быстро прячет компрометирующее рукоделие под салфеточкой на спинке ближайшего кресла. Так как ума ему не занимать, он быстро складывает $2 + 2...$ Эти розовые, как поросята, носочки в соединении с непростительно округлившимся за последнее время животиком жены могут означать только одно. И она, пряча свое зардевшееся лицо в его бороде, шепчет:

— Карл, я ношу под сердцем твое дитя!

После чего Карл, с таким же зардевшимся лицом, совершенно охрипшим от восторга голосом заверяет ее, что он — счастливейший муж на свете. В самом ли деле? Есть ли причина для такого счастья? Разве не носит его жена свое дитя в таком странном и абсолютно порочном месте? Не следовало ли ему, вместо того чтобы радоваться, поднять тревогу, вызвать ближайшего врача и попытаться сделать что-нибудь?

Нет, я рада, что не живу во времена бабушек. Я рада, что сейчас же, без обиняков, могу сообщить Леннарту, что скоро нас будет трое!

Мне трудно было заснуть в тот вечер. Я лежала без сна в темноте и целовала воображаемую маленькую

головку, лежащую рядом на подушке, я обвивала рукой мое дитя, оберегая его: не бойся, твоя мать защищает тебя!

В двух метрах от меня спокойно и уверенно спал отец моего ребенка. Для него ребенок не был еще реальностью. Не в такой степени, как для меня.

Для меня ребенок был глубокой и чудесной реальностью.

Я поздно заснула и проснулась не раньше, чем Леннарт, уже одетый, подошел и поставил поднос с чаем мне на кровать.

— Послушай! — сказал он. — Вчера вечером я от радости забыл сказать тебе одну вещь! Угадай, кто к нам придет!

— Ах, чепуха!

— Отгадай с трех раз, если все три раза отгадаешь неправильно, я тебя поцелую!

— Его величество король, ее величество королева и дядюшка юльтомте¹, — сказала я, — ай... берегись, опрокинешь поднос!

— Петер Бьёркман, — через минуту или чуть побольше сообщил Леннарт, — я встретил его вчера на улице Арсенальсгатан.

— Как хорошо, — обрадовалась я. — Интересно, что скажет Ева?

— Где я видела эту физиономию? — спросила Ева и задумчиво остановилась перед Петером. — Где... а, подождите, уж не в полицейских ли объявлениях о розыске?

Думаю, Ева была удивлена и чуточку оскорблена тем, что Петер не давал о себе знать, хотя, должно быть, уже несколько недель был дома. Она привыкла командовать мужчинами, как ей хотелось: «Приходи и уходи, кури и отчаливай», — примерно так она рассуждала.

¹ Рождественский домовый.

Думаю, ей приходило в голову, что Петеру надо бы поспешить кинуться к ее ногам, как только он вернется в Стокгольм.

— Чем ты вообще занимался? — спросила она, садясь рядом с ним на наш цветастый диван.

— Продавал печатные станки, — ответил Петер и улыбнулся. — Ну а ты? Какие-нибудь новые Анри, и французы, и прочие?

— Нет, они не цветут так далеко на Севере, — объяснила Ева. — Но есть довольно выносливая туземная разновидность — чрезвычайно стойкая и нормальная!

— Не сомневаюсь, — заявил Петер.

— Насколько я понимаю, тебе, вероятно, меня жутко не хватало! — язвительно воскликнула Ева.

— Да, — как ни странно, согласился Петер. — Больше, чем ты того заслуживаешь. Но не расстраивайся. Это уже прошло.

— Так я этому и поверила... Ведь теперь я уже здесь! — усмехнулась Ева.

Потом Петер часто приходил к нам. Но впечатления, будто он приходит ради Евы, не было... вначале не было. Он сидел в углу дивана, болтал с Леннартом и со мной и явно прекрасно себя чувствовал. Но почему-то все-таки казалось, что он нуждается в обществе Евы, поднимающем его настроение.

Его лицо начинало сиять всякий раз, когда он слышал ее быстрые, нетерпеливые сигналы бедствия в дверной колокольчик и спешил открыть ей дверь прежде, чем кто-то из нас успевал это сделать. И мы слышали, как они поддразнивают друг друга.

— Привет, Ева, сколько у тебя сегодня шейхов?¹ Кто-нибудь новенький с тех пор, как мы виделись в последний раз?

¹ *Шейх* — у арабов старейшина, глава племени, общины. Иногда — символ богатства. Линдгрэн порой употребляет это слово в значении «богатый кавалер, ухажер».

— Еще бы! — отвечала Ева. — Он художник и будет писать мой портрет. Говорит, будто я похожа на лесную дриаду!

— Ну и ну! Мне бы никогда такого не придумать! Откуда у людей все это берется?

— Они чуточку стараются, — говорила Ева. — В отличие от некоторых!

Да, Петер действительно ничуть не старался. Ему хотелось, чтобы Ева сидела рядом с ним на нашем диване, но он никогда не делал попыток встретиться с ней наедине. Однажды я спросила его: почему?

— Объясняю, — сказал он. — Я терпеть не могу стоять в очереди. А вокруг этих лесных дриад всегда такая нудная давка.

За эту «лесную дриаду» Еве пришлось через некоторое время поплатиться. Сидя в углу дивана, она изо всех сил старалась как можно больше походить на дриаду и все распространялась об этом художнике и о том, как приятно, что он напишет ее портрет.

— Пожалуй, мы не часто будем видеться в ближайшее время? — спросил Леннарт. — Когда он начнет тебя писать?

— Завтра, — ответила Ева. — Сначала он будет изучать меня. Чтобы «уловить мою душу», так он говорит.

— Да, если он «уловит ее», ему придется выложиться, — заметил Леннарт. — Твоя душа... она порхает, как крыло маленького жаворонка.

— Так, по-твоему! — сказала Ева. — Моя душа глубока, ясна и прекрасна, как родник.

— Это утверждает тот самый художник? — спросил Петер.

— Да-а, — протянула Ева. Затем, откинув назад голову, она засмеялась изо всех сил: — Я говорю, как ты, Петер: «Откуда у людей все это берется?»

Мне было жалко беднягу художника. Ему следовало остерегаться. Если он считал Еву обычной малень-

кой фрёкен, которая проглотит все, что угодно, он основательно ошибался.

— Спокойной ночи, дриада! — сказал Петер, когда в тот вечер Ева пошла к себе.

Утром я, как обычно, позвонила ей в дверь, чтобы вместе пойти в контору. И кто же высунул голову в дверную щелку? Совсем не лесная дриада!

— Что случилось? — спросила я. — У тебя свинка?

— Зуб мудрости, — пожаловалась Ева. — Болел всю ночь.

Одна щека Евы похожа была на пышную булку, вид у нее был абсолютно смехотворный, и мне было трудно сохранять серьезность.

— Ты не пойдешь со мной в контору? — спросила я.

Ева посмотрела на меня оскорбленным взглядом.

— Если вам хочется посмеяться, купите себе несколько юмористических газет, — посоветовала она. Затем начала сетовать: — Ох! Придется выдрать этот негодный зуб! Но по-моему, чтобы попасть на прием к зубному врачу в июле, надо, вероятно, чтобы зуб заболел в марте!

Все-таки Еве удалось попасть к зубному врачу, который сделал свое дело основательно. Вернувшись домой, я заглянула к ней и нашла совершенно отчаявшуюся, пораженную немотой Еву. Нацарапав несколько слов на клочке бумаги, она сунула ее мне под нос. «Он так оглушил меня наркозом, что я не могу говорить», — написала она.

Я страшно испугалась, я никогда не слышала о таком глубоко проникающем действии наркоза. Необходимы были срочные хорошие советы. Мне пришлось позвонить зубному врачу и получить инструкции, что делать. «Как фамилия зубного врача?» — написала я на клочке бумаги. Тут Ева упала на оттоманку и жалобно застонала от хохота. Затем, отняв у меня руч-

ку, написала: «Я не глухая, а только оглушена наркозом».

Да, да, иногда даже мой мозг дает осечку!

Ева кокетка, это несомненно. Но одновременно она поразительно естественна. Ей и в голову не приходило скрывать от кого-то свою опухшую физиономию. Она явилась к нам, как обычно, вечером и спокойно позволила высмеять себя Петеру и Леннарту.

— Лесная дриада, — сказал Леннарт. — Разве не сегодня вечером должны были писать твой портрет?

— Произошли изменения, — ответила Ева. Ее немота прошла, а свою булкообразную физиономию она носила, словно розу в волосах.

Петер помог мне принести чайные чашки, и, когда мы остались на кухне одни, он сказал:

— Кати, я начинаю бояться! Сегодня вечером она со своей опухшей щекой нравится мне почти больше, чем всегда. Подумать только, неужели я влюбляюсь всерьез!

Тогда-то я и спросила его, почему он никогда не пытался встретиться с ней наедине, и он сказал, что не желает стоять в очереди среди толпы других мужчин.

— Ну да, ты ведь тоже из тех, кто все время жаждет разнообразия, — сказала я.

— Да, — сознался Петер. — Но с Евой все так удивительно! С ней ведь всегда *испытываешь* ощущение разнообразия!

Я не передала Еве слова Петера. Я думала о «Песни Песней», где сказано: «Не тревожь любовь, прежде чем она сама того не захочет!»

Существуют небольшие промежутки времени, отдельные часы, которые вспоминаешь! Часы абсолютной законченности, абсолютного совершенства, когда ничего больше не требуешь, ничего не желаешь. Стоишь, держа

кубок жизни в руках, и не смеешь шевельнуться, чтобы не расплескать ни единой драгоценной капли. Иногда этими летними вечерами я испытывала такие чувства... Небо мрачнело за нашим окном, но по-настоящему темно не становилось. Мы сидели в сумерках, и я слышала, как болтают и смеются Леннарт с Петером и Евой. Шутка на легких крыльях так и летала между ними, а я сидела молча, боясь шевельнуться...

О Леннарт! Из какого дальнего райского уголка прилетает в наше окно ночной ветер? И неужели это и вправду мой дом? Мой дом... мой Леннарт... а как я люблю Еву и Петера... и мои чайные чашки... и мою белую вазу, ты так красива, красива, красива, ты скоро треснешь, ведь такое краткое время отпущено для той, что так совершенна...

А где-то в самой глубине моей души живет удивительная уверенность... ребенок?

— Кати, ты сегодня вечером чем-то огорчена? — спрашивает Леннарт.

— Огорчена! **ОГОРЧЕНА!** Я могла бы заплакать оттого, что я так счастлива!

XIV

естественно, случались и не такие розово-алые часы. Случались и часы, когда я уставала. Собственно говоря, я не понимала, почему мне приходилось теперь работать гораздо больше, чем раньше. У нас с Евой тоже было маленькое хозяйство на двоих. Почему же хозяйство мое с Леннартом было куда более обременительным? Ведь Леннарт помогал мне, сколько мог. Он накрывал на стол, и вытирал посуду, и застилал свою кровать. А иногда пылесосил квартиру, выражение его лица было как у маленького мальчика, получившего в подарок новую игрушечную машину для развлечения. Создавалось впечатление, что пыль для него — дело второстепенное, гораздо важнее было выяснить, с какого точно расстояния может поглотить пылесос определенный клочок бумаги. Кроме того, Леннарт частенько считал уборку излишней. «Здесь ведь так красиво! — говорил он. — Пойдем погуляем лучше в Юргордене».

И я охотно швыряла тогда все, что было под рукой. Я постановила для себя, что Леннарт всегда будет для меня на первом плане, а хлопоты по хозяйству — на втором. Ведь лето так коротко, а вечера так красивы! Темными дорогами бродили мы вдоль залива

Юргордсбруннсвикен и смотрели, как августовская луна, словно большой сочный апельсин, поднимается над дубовыми рощами Юргордена. И я говорила себе, что эти странствия с Леннартом я буду вспоминать до девяноста лет. Мне ни в коем случае, когда настанет осень моих дней, не придется сказать: «Все лето напролет я занималась уборкой. Это было первое лето нашей жизни, а потом мы так состарились, а потом настал конец!»

Но тем не менее иной раз приходилось делать уборку. Я ненавижу пепельницы, полные окурков, клочья пыли под мебелью, полуувядшие цветы и крошки под столом. Я так люблю свой дом! Каждый день, приходя из конторы, я, стоя в дверях гостиной, молюсь. Это лучше всего делать именно здесь. Мои глаза блуждают по комнате — книжная полка под окном, красивый старинный шкаф из дома Леннарта, наш круглый белый стол, акварели над цветастым диваном, светлые шторы...

Мне все нравится, и я не желаю обманывать себя в этот миг наслаждения, совершенно пренебрегая уборкой.

Было и еще кое-что. Прежде мне нужно было содержать в порядке лишь мои собственные платья. Теперь же внезапно в мешке для грязного белья оказывалось множество грязных рубашек. Приготовление же еды для двоих, когда эти двое были Леннарт и я, было что-то совсем другое, чем для меня и Евы. Теперь мне одной приходилось выдумывать меню к обеду, бегать на рынок Хёторсхаллен¹ во время перерывов на ленч и желательно готовить обед, когда Леннарт приходил домой на час позднее меня. Иногда мне в голову приходило, что еда и ее приготовление — тоже нудное занятие, и почему ученые не могут придумать вместо

¹ Сенной рынок в центре Стокгольма, возле торговой улицы Дротнингсгата.

нее какие-нибудь пилюли? Но ученые, разумеется, были мужчины, и им не надо было каждое утро разрешать сложную проблему, что готовить: голубцы или овощной суп? Ведь в том, что надо каждый день в течение всей жизни обедать, таилось что-то чрезвычайно неприятное. Иногда я не могла отделаться от мыслей обо всех этих голубцах и рыбных котлетах, и я видела, как они длинным бесконечным рядом тянутся на моем жизненном пути. Я считала, что, возможно, привычка есть регулярно каждый день — глупая, и однажды сделала попытку спросить Леннарта:

— Послушай-ка, а будет у нас сегодня обед?

— Что у нас будет на о... — начало было Леннарт.

— Нет! — оборвала я его. — Меня интересует, *будет ли* у нас сегодня какой-нибудь обед?

— А почему его у нас не будет? — спросил Леннарт, беспокойно вытаращив глаза.

И я объяснила ему, что у меня теперь совершенно новая теория в рамках науки о питании, которая сводится к тому, чтобы в полной тишине поглощать обед только три раза в неделю.

Леннарт сказал, что у него тоже есть своя теория и что моя ошибочна. И тогда я неохотно отправилась в кухню и приготовила маленький горький капустный пудинг.

Но ни один капустный пудинг в мире не мог уничтожить радостное сияние моего юного замужества. Неважно, что я иногда уставала. Я была так счастлива, и всякий раз, когда я слышала, что Леннарт вставляет ключ в замок, я замирала от радости. Подумать только, что такой маленький звук может так развеселить!

Всегда слышишь, что первый год замужества — самый трудный, именно тогда муж с женой ссорятся и дерутся больше всего.

— Ха-ха, к нам это не относится, — сказала я Леннарту. — Но мы ведь и на редкость разумны! Я вообще

не понимаю, как люди выдумывают причину, чтобы враждовать? А ты понимаешь?

Нет, Леннарт тоже не понимал! Этот разговор состоялся в пятницу ноябрьским вечером, и некоторых Бог наказывает сразу же. На завтра у нас с Леннартом была первая ссора.

Ночью Леннарт кашлял, он был простужен, плохо выглядел, и я хотела оставить его в постели. Но он отказался. Я сказала, что подогрею ему воду с лимоном. Но он отказался. Тогда я сказала, что самое лучшее питье — это молоко, и я сейчас же поставлю на плиту кастрюльку с молоком. Но он отказался. Я всего лишь час, короткий час говорила о том, как полезно теплое молоко, и тогда Леннарт нетерпеливо сказал:

— Не надоедай! Я не хочу теплого молока и не хочу воды с лимоном или какого-нибудь другого дьявольского питья, я хочу только кашлять в мире и покое.

— О-о-о-о-о-о-о-о-о-о!

Я жутко рассердилась. «Не надоедай!» Не надо большего, чтобы почувствовать себя вечной домомучительницей, ярмом мужчины, который несет этот крест со времен Адама. О, как я разозлилась!

— Ну что ж, все ясно: хочешь заболеть воспалением легких — пусть будет воспаление легких, — сказала я. — Меня уже ничто не касается... даже если пенсии вдов повысят!

Леннарт, сидя у кухонного стола, ждал, что я накрою на стол к утреннему чаю. Он, конечно, понял, что я рассердилась, так как, чтобы отвлечь меня, спросил:

— А тебе не кажется, что чашка настоящего горячего чая поможет от кашля?

— Выпей чашку настоящей горячей синильной кислоты, — ответила я. — Это куда более эффективно!

И я ринулась в контору, не попрощавшись и не сказав больше ни слова. Как только я спустилась вниз,

я уже раскаялась. Мой бедный любимый, он сидел наверху и кашлял и переживал из-за своей норовистой старой карги-жены! Зачем я сказала про эту синильную кислоту? Что на меня нашло, почему я так нелепо разозлилась? У меня было огромное желание кинуться обратно на четвертый этаж и попросить у него прощения, но было уже много времени. Мне пришлось медленно бежать, чтобы не опоздать в контору.

У меня была безумная куча дел до полудня, но я все же нашла время позвонить Леннарту.

— Любимый, прости меня, — поспешно извинилась я. — Я вовсе не думала то, что сказала, прости, прости, прости! Когда ты вернешься домой?

Сначала я услышала приступ грохочущего кашля на другом конце провода, но потом он сказал:

— Раньше четырех мне, пожалуй, отсюда не выбраться, но, если у тебя есть готовая синильная кислота, мы можем осушить чашку вместе.

Я была чуточку разочарована, что ему не освободиться раньше четырех. У нас бывал такой приятный часок после полудня в субботу, когда мы пили кофе!

— Тогда не позднее четырех! Поспешి домой, будь добр!

Он слабо закашлял в ответ.

Наша контора закрывается по субботам¹ в два часа, и, прежде чем часы пробили два, я была уже за дверью. Еве нужно было в другую сторону, и она не составила мне компанию. Улица Кунсгатан казалась мрачной в эту пасмурную погоду, у людей был кислый и загнанный вид. Но я простила их — у них, конечно, не было Леннарта, не было и маленького, чисто убранного дома на Каптенсгатан, и они не будут пить там послеполуденный субботний кофе в четыре часа дня. Парочка вкусных пирожных в придачу к синильной кислоте Леннарту после моих подлостей не помешает.

¹ В 1950-х гг. в Швеции в субботу часть дня еще работали.

Я перешла улицу наискось, чтобы забежать в кондитерскую «Ого». И тут я услышала веселое восклицание:

— Не может быть, это же Кати!

Предо мной на тротуаре стоял Ян. Человек из моего прошлого, за которого я в своем безграничном тупоумии собиралась выйти замуж.

— Как мило! — сказал Ян. — Давай зайдем в «Ого» и поболтаем о прежних временах!

Вообще-то говоря, по-настоящему хорошим человеком меня не назовешь! Ведь я, не раздумывая, бросила Яна почти в ту самую минуту, когда впервые увидела Леннарта. Ян был тогда опечален. А теперь, встретив его на Кунсгатан, я вдруг почувствовала, что очень хотела бы и сейчас видеть Яна чуточку опечаленным. Не *очень* опечаленным, а лишь совсем-совсем немного грустным из-за того, что эта удивительная женщина выскользнула у него из рук!

Я попыталась выглядеть удивительной и таинственной, пока размышляла — пить мне с ним кофе или нет? Я была в шляпе, которая шла мне больше всех остальных, и это решило дело. Кроме того, Леннарт не должен был прийти домой раньше четырех часов.

Будь у Яна хоть капля совести, он попытался бы после чашки кофе казаться хоть чуточку унылым. Он должен был низким грустным голосом продеklamировать мне: «Носишь ль имя другого и носишь ль другого кольцо?» — или как там. Но к сожалению, так редко можно заставить мужчин вести себя как подобает. Он радостно показал мне новехонькое кольцо. Значит, он помолвлен!

— Малышка Лундгрэн из моей конторы, — сказал он. — К Новому году мы поженимся.

— Ну, как приятно! — воскликнула я.

Да я и считала так. Я вдруг и думать забыла, что Яну нужно из-за меня грустить. Мы были лучшими друзьями, болтали, и нам было по-настоящему весело!

Мы даже пришли к обоюдному согласию: Бог ниспослал нам счастье — вовремя одуматься и понять, что мы друг другу не подходим. Расставаясь, мы дружески похлопали друг друга по плечу.

— Старая добрая Кати! — сказал Ян.

Да, он мог бы соблюсти меру. Такой уж старой и доброй я все-таки не была.

У меня уже не оставалось времени. Была половина четвертого. Я бежала по улицам, держа картонку с пирожными в руках. О мой любимый Леннарт, как я рада, что я замужем за тобой, а не за Яном! Прав же, ты должен это узнать, как только придешь домой!

Леннарт *был* уже дома.

— Боже мой! — воскликнула я. — Когда ты пришел?

— В час, — ответил Леннарт. — Чтобы приготовить тебе кофе. Где ты была?

— В «Ого» пила кофе с Яном, — правдиво призналась я. — Не думала, что ты придешь раньше четырех.

Леннарт поднялся из-за стола, который красиво накрыл к моему приходу. Там стояли наши прекрасные кобальтовые кофейные чашки, а рядом с моей — одинокая розовая роза.

Он холодно посмотрел на меня и сказал:

— Понимаю, ты думала, меня не будет дома до четырех часов. И пользуешься случаем!..

— О-о-о-о-о-о-о-о!

Я так жутко рассердилась! Что он имеет в виду? Разве я не вольный человек, который имеет право встречаться, с кем захочет? Как я могла знать, что Леннарт сидит дома и ждет меня?

— Что ты имеешь в виду, говоря, что я пользуюсь случаем? — закричала я. — Тебе не стыдно?

Леннарт не ответил. Лицо его было замкнутым и ожесточенным, это был Леннарт, которого я никогда

прежде не видела. Не произнося ни слова, он прошел мимо меня в тамбур и начал надевать шляпу и пальто.

Я ринулась за ним.

— Куда ты идешь?! — закричала я. — Будь любим-
зен остаться дома, чтобы я могла поколотить тебя!

Дверь за ним захлопнулась, а я стояла, дрожа всем телом и по-прежнему держа картонку с пирожными в руках. Это было гнусно! Гнусно с его стороны... только промолчать и уйти! Типично по-мужски! Мы — женщины — остаемся и приводим в порядок квартиру, даже если речь идет о криках, гневных словах и слезах.

Сначала я разозлилась, затем я злилась и печалилась. А потом только печалилась. На столе рядом с розой я нашла маленькую карточку. Там было написано: «Моей любимой надоедливой Кати!» И тогда я больше не печалилась, а смертельно отчаивалась.

Приходи домой, Леннарт, приходи домой! О, где он, что он делает? Бродит ли по туманным ноябрьским улицам, и мерзнет, и кашляет, вместо того чтобы быть дома, где бы его окружила заботами любящая жена?

Я убрала кофейные чашки. Проходили часы. Леннарта все не было. Я позвонила тете Виви и неестественно весело спросила, не у нее ли Леннарт. Его там не было...

Нет, как могло такое случиться! Конечно, он погиб! Меня охватила безумная паника, я ходила взад-вперед, и плакала, и кусала носовой платок. Он погиб! Его переехала машина. Я читала, что люди особенно легко попадают в автомобильные катастрофы, когда чем-то взволнованы! О, я сама теперь не смогла бы перейти пустыню Гоби, чтобы меня не переехали! Сосчитаю до пятисот; если он и тогда не придет домой, позвоню в полицию. Или, подумать только, а если его *не переехала* машина? Подумать только, подумать только, а что если он нанес себе какое-нибудь увечье? Мы никогда прежде не были врагами, кто знает, как бурно может

реагировать Леннарт! Может, он из рода «jene Asra, welche sterben, wenn sie lieben»¹.

О-о-о-о-о! Я, наверное, никогда не узнаю, где он был, может, он прыгнул в воду возле какой-то темной набережной и его никогда не найдут! Потому что он, вероятно, не так предусмотрителен, как некий старик Ларссон, который оставил после себя записку: «Повесился в деревянном сарае». Я засмеялась мерзким истерическим смехом при мысли об этом, а потом заплакала и стала кусать носовой платок.

И тут я услышала, как поворачивается ключ в замочной скважине, и почувствовала такое безумное облегчение, что почти разозлилась снова.

Леннарт вошел в квартиру. По-прежнему с непроницаемо замкнутым лицом. Он холодно смотрел мимо меня, как будто меня не было. Ну ладно! Дуйся на здоровье! Если уж веселиться, так веселиться!

В молчании накрыла я на стол, в молчании съели мы наш запоздалый обед. Я съела очень мало свиной колбасы. Я хотела, чтобы Леннарт понял, что никогда нельзя знать, надолго ли сможешь удержать на свете свою жену, ведь она может и исчахнуть! Это запросто!

Посуду я мыла в одиночестве. Леннарт не помогал мне, как обычно раньше, и это было прекрасно! Прекрасно то, что с тобой так плохо обращаются и не оказывают помощи в убийственной домашней работе! А кроме того, еще и ругают за то, что ты один-единственный раз повеселилась с добрым старым другом!

¹ «Я из рода Азров,
тех, кто гибнет, если любит».

Пер. с нем. В. Левика.

Это последние две строки из стихотворения великого немецкого поэта Генриха Гейне (1797—1856) «Азр» (1846) из сборника «Романсеро» (1853). Источником стихотворения послужила книга Стендаля «О любви» (1822). Корни сюжета восходят к арабскому поэту Ибн Аби-Адглату (ум. в 1375 г.). Азр — невольник Мохаммед из Йемена.

Добрый старым другом? Ну да, ну да, тебя любили, нашлись такие, что чуть не впали в чахотку с горя, когда их покинули, чтобы выйти замуж за одного... за жестокого вола, который только мучит и тиранит тебя! О, как болит сердце... Пожалуй, надо пойти к врачу... Ты ведь никогда не была особенно сильной!

Мои слезы закапали в воду с посудой.

Тут я почувствовала, как пара рук обняла меня.

— Кати, я так несчастлив! — сказал Леннарт. — Ты тоже?

Я бросилась ему на шею и заплакала так, что только брызги полетели.

— *Несчастлива*, еще спрашиваешь! *Несчастлива*! Я думала, ты умер!

Мы долго стояли совсем молча, обняв друг друга.

— Любимая! Подогрей синильную кислоту, — сказал Леннарт.

XV

дждажды перед самым Рождеством ко мне пришел Петер и попросил:

— Кати, помоги мне! Что мне делать? Ты можешь понять, что эта Ева так жутко запала мне в душу?..

— Да, пожалуй, я могу это понять, — сказала я.

— Но ты не знаешь, *как* это плохо, — продолжал Петер. — Я бы безо всякого тут же женился на ней... Слышала ты когда-нибудь о таком сумасшествии?

— О да, иногда, кажется, я слышала о чем-то подобном, — ответила я.

Он сидел на столике для мытья посуды, подавленный, глубоко задумавшийся человек с грустными глазами.

— С какой стороны ни посмотришь — это катастрофа, — сказал он. — Естественно, я ей не нужен, и, во-первых, я этого не переживу. А во-вторых, подумать только, если она, вопреки всяким ожиданиям, захочет выйти за меня замуж...

— Да, что тогда? — спросила я.

— Она девушка совершенно такого типа, какого я смертельно боюсь, — сказал Петер. — Точь-в-точь такая бабочка, что порхает от одного к другому. И у меня, возможно, получится так же, как у моего отца... да ведь это катастрофа, я и говорю.

Он стукнул себя по лбу, и вид у него был как у совершенно отчаявшегося человека.

— Это грозит мне смертью! — заявил он. — Я должен спросить ее...

— Подожди еще немножко! — сказала я. — Только еще немножко!

Я подумала про себя, что если у Евы есть хоть капля разума, ей надо выйти замуж за Петера, который в самом деле хороший человек. Он станет добрейшим и милейшим супругом. Его преданность была несомненной вопреки всему тому, что он говорил, будто не желает делать ставку на одну-единственную женщину. Но именно это он и делал, когда всерьез привязывался к кому-либо. Разнообразие и порхание туда-сюда он ненавидел больше всего на свете и у себя самого, и у предполагаемой будущей жены. Многочисленные победы Евы вовсе не усиливали его интерес к ней, а совсем наоборот — отпугивали его и заставляли до последнего бороться с влечением к ней.

И когда он теперь, сидя на моем столике для мытья посуды, говорил: «Это грозит мне смертью! Я должен спросить ее...» — то, по всей вероятности, этому предшествовала жестокая борьба с самим собой.

Я хотела, чтобы он немножко подождал. Я хотела выиграть время, чтобы подготовить почву, капнуть время от времени несколько мелких словечек в ухо Еве. Я не знала, подействуют ли они, но в любом случае Ева как раз в этот момент была абсолютно не расположена связывать себя какими-либо узами.

— У меня большие способности к дружбе, — сказала она мне однажды. — Но явно никаких способностей к любви, к такой истинной любви, которая продолжается больше двух недель.

Но разве нельзя выйти замуж из чувства сильной и крепкой дружбы? Я не из тех, кто мог бы судить об этом, поскольку я с самой первой минуты была так безумно влюблена в Леннарта. Но предположите, что

вскоре я узнала: человек, в которого я влюблена, совершенно не подходит мне. Мы совершенно разные, и нам вместе не ужиться. Вышла бы я все-таки за него замуж только потому, что влюблена? Нет, надеюсь, такую глупость я бы не сделала, хотя никогда ведь точно не знаешь! Но если вернуться к этому, разве нельзя было встретить кого-то, кто заставил бы тебя сказать себе: «Это именно тот человек, с которым я могла бы ужиться!» Разве тогда не нужно было осмелиться на замужество, даже если ты не влюблена!

О, я столько думала об этом! Я советовалась с Леннартом, и он сказал: во всяком случае, абсолютно необходимо, чтобы мужчина был по-настоящему, серьезно влюблен.

— Но ведь ясно, и это потрясающе приятно, если и *она* чуточку влюблена, — добавил он и требовательно дернул меня за кончик уха.

— Вот что, ты так думаешь! — засмеялась я. — Да, да, я ведь тысячу раз *говорила*: «Я люблю тебя!» Но у разных людей это, пожалуй, бывает по-разному. По-твоему, у Петера с Евой получится что-нибудь?

— По-моему, да, — ответил Леннарт. — Он, по крайней мере, достаточно ослеплен.

Так это, несомненно, и было. Очень влюбленный и совершенно несчастный мальчик сидел на моем столике для мытья посуды и ждал звонка Евы в нашу дверь.

— Ты не думаешь, что у нее удивительно милый ротик? — чуть застенчиво спросил он меня.

— Да, думаю, — согласилась я. — Она в целом довольно приятно выглядит.

— *Довольно* приятно? Нет, ты послушай, ты!.. — отозвался возмущенный за Еву Петер.

Тут как раз мы услышали сигнал Евы, и он быстро сказал:

— Ни слова об этом! Да, да, раз ты так говоришь, я немножко подожду. Но недолго — это грозит мне смертью.

В тот вечер Ева была необычайно возбуждена. Она пела, и болтала, и смеялась, и жестикулировала вовсю, а Петер сидел все время в углу дивана и не спускал с нее мрачных глаз.

В конце концов она прервала свой подробный рассказ на полуслове и раздраженно спросила:

— Что это с Петером? Что это?.. Чего ты уставился? У меня пятно сажи на носу или что-нибудь еще?

Петер вздохнул и собрался было ответить, но Леннарт опередил его:

— Он, вероятно, считает, что ты слишком много шумишь!

— Хо-хо-хо, слышали бы вы меня вчера вечером... а может, вы и слышали... — сказала Ева. — Курре, еще пара ребят и Агнета с Барбру... чуть не снесли этот дом. Хультгрэн, ну та злючка, что живет в квартире подо мной... она, по крайней мере, нас слышала. Сегодня я встретила ее на лестнице, и она спросила: «Вы что, не слышали, как я стучала ночью вам в потолок?» — «Да, — ответила я, — но это не произвело на нас никакого впечатления, потому что мы тоже шумели вовсю». Но, ясное дело, если Петер хочет, чтобы я была тихоней, пожалуйста, буду тихоней!

— Да нет, черт возьми!.. — энергично заявил Петер.

Однако Ева молчала целых две минуты, и в комнате стало на удивление тихо.

— Похоже, будто керосинку погасили... — констатировал Леннарт.

Весь вечер мы обсуждали всевозможные вопросы, и по какому-то непостижимому поводу Ева коснулась вопроса, возможна ли дружба между людьми разного пола.

— Я так злюсь, когда говорят, что нельзя хорошенько дружить с парнем, — возмущалась Ева. — Возьмите меня с Леннартом или меня с Петером! Леннарту и мне даже в голову не пришло бы ничего, кроме дружбы...

— Посмели бы вы только!.. — вставила я.

— Я люблю Леннарта как брата, — продолжала Ева.

— А меня ты не любишь как брата? — неуклюже спросил Петер.

— Ну да, милый Петер, конечно же! Ты для меня такой по-настоящему надежный друг, и я всегда знаю, что ты у меня есть!

Вид у этого «надежного друга» стал после этих слов еще печальнее, чем раньше. Ева подошла, села на валик дивана рядом с ним и ободряюще погладила его по голове.

— Скажу тебе по секрету одну вещь, — продолжала она. — Я люблю тебя почти больше, чем Леннарта. Потому что Леннарт так строг ко мне!

Но даже от этих слов Петер, казалось, веселее не стал.

У нас у всех было столько дел все эти недели перед Рождеством, что мы встречались не так часто, как раньше. Но когда мы с Евой шли в контору и обратно, я выбирала подходящий момент замолвить мимоходом несколько слов за Петера:

— Верно, что он потрясающе приятный?

— Ну да, я тоже так считаю...

— И добрый?

— Конечно же он добрый.

— А какой мужественный и широкоплечий, право же, он выглядит чрезвычайно хорошо, верно?

— Да, я тоже так думаю.

— Должно быть, и денег у него куры не клюют, — сказала я, потому что пошла уже на все.

— Да, эти богатенькие господа даже не знают, как им хорошо, — сказала Ева. — А у меня едва хватит денег, чтобы съездить домой на Рождество.

— Интересно, на ком он когда-нибудь женится? — сказала я. — Хороший муж достанется той девушке, это точно!

— Да, нашел бы он кого-то подходящего, — равнодушно сказала Ева.

Это звучало не очень обнадеживающе для Петера. И ему следовало, вероятно, послушаться моего совета и подождать чуточку больше.

Но однажды вечером Ева позвонила мне и сказала, чтобы я зашла к ней одна.

Она сидела на оттоманке со слезами на глазах.

— Кати, помоги мне, — сказала она. — Петер...

— Что с Петером?! — воскликнула я.

— Он любит меня... по-настоящему, всерьез, понимаешь?

— Неужели это так печально? — спросила я.

— Печально?! — закричала она. — Ты, верно, можешь понять, что это печально! Теперь мы ведь не сможем больше встречаться!

— Да, пожалуй, не сможете, — мрачно согласилась я, понимая, что тут уж ничего не поделаешь!

— О, мне так жаль моего милого Петера, — сказала Ева и заплакала. — Почему так должно случиться?

— А ты не поняла этого уже давным-давно? — спросила я.

— Совершенно не поняла, — заявила Ева. — Он питал ко мне небольшую слабость в Париже, но это быстро прошло.

— Да, это прошло, но явно пошло не в ту сторону, — объяснила я.

На следующий день Петер был приглашен на обед. И Ева, разумеется, тоже. Но Петер позвонил и отказался.

— Все произошло, как я и ожидал, — объяснил он. — И ни на какой обед я не приду, ты ведь все понимаешь? Спасибо, Кати, у вас так уютно!.. Может, когда-нибудь я мало-помалу соберусь и снова приду, но не теперь, ты ведь все понимаешь?

Его голос звучал так грустно и все было так печально! Больше мы Петера не видели. Накануне сочельни-

ка он прислал нам корзину белых гиацинтов с карточкой: «Доброго Рождества желает вам Петер, совсем грустный поросенок».

Да, и вот настало Рождество. Ева уехала в родительский дом в Омоле, а тетя Виви в Сильянсборг, и мы с Леннартом праздновали Рождество одни.

— Только ты и я! — произнес Леннарт. — Когда-нибудь в будущем будет веселее, когда толпа ребятишек засверкает вокруг елки. Но именно теперь я рад, что мы вдвоем — только ты и я!

— Только ты и я! — повторила я, Кати!

Я проснулась в сочельник в ожидании, которого не знала с тех пор, как была ребенком. Я тихонько подкралась и зажгла огонь в открытом очаге и свечи в большом деревянном трехсвечнике на столе.

Повсюду у меня стояли белые гиацинты, и зимние ледяные ландыши¹, и нарциссы — одни лишь белые цветы. Вся комната благоухала, а белое сияние цветов светило мне из темных углов, куда не проникал свет очага. Не я одна была преисполнена ожиданием. Вся комната была комнатой ожидания, в этот ранний утренний час в ней царила тишина, словно все здесь затаило дыхание.

Вскипятив воду для чая, я разбудила Леннарта, и он, сидя у огня, сонный, со взъерошенными волосами, пил чай. Не знаю, правильно ли он понял, как все вместе чудесно, хотя я изо всех сил пыталась ему это объяснить.

У Леннарта при всем его уме, интеллигентности и том, что он превосходил меня во всех отношениях, были мелкие черты ребячливости, которые мне очень нравились. Во всем, что касается рождественских подарков, он был сущим ребенком.

¹ Их цветение намеренно замедляется (корень хранится в холодильнике), и расцветают эти ландыши только к Рождеству.

— Знаешь, что ты получишь в подарок? — уже за месяц до Рождества начал спрашивать он. — Ты получишь...

— Не хочу это знать, не хочу знать, не хочу знать! — кричала я.

Но его так и подмывало говорить об этом, и мне было трудно заставить его замолчать.

И вот он, сидя у огня и помешивая ложечкой в чашке с чаем, начал снова болтать о рождественских подарках.

— Не надо бояться, я все равно ничего не скажу, — успокаивал он меня.

Он долго сидел молча и задумчиво пил чай, а потом сказал:

— Если бы тебе, например, подарили авторучку, какую бы ты предпочла — черную или красную?

— Красную, — не задумываясь ответила я, ведь так уж много хитроумия не требовалось, чтобы вычислить — именно такую он и купил. И тогда Леннарт так обрадовался, и вид у него был такой довольный, словно он хранил в душе чрезвычайно приятную тайну.

Леннарт хотел получить в подарок кофту. «Связанную маленькими хлопотливыми ручками моей жены», — говорил он.

— Какую кофту? — спрашивала я. — Кардиган?

— Кофту, которая спереди застегивается, а потом можешь называть ее «кардиган» или как угодно. Но по-шведски это называется «кофта».

Я тотчас же пошла и купила пряжу. Когда Леннарт в следующий раз завел разговор о кофте, он говорил о своем «кофтигане», только чтобы подразнить меня. В другой раз он спросил:

— Ну как, ты, верно, прилежно вяжешь мой hichory?¹

А за несколько дней до сочельника он язвительно спросил:

¹ Вид американского орешника (англ.).

— Как по-твоему, ты успеешь приготовить мою майолику?¹

Она была готова!

Никто лучше Леннарта и меня не знает, что майолика — кофта, которая застегивается спереди. Может быть, когда-нибудь ко мне прибегут мои дети и спросят: «Мама, где моя майолика?» И вопрос этот будет верным признаком того, что это в самом деле мои дети. Это такая же непреложная истина, как то, что в каждой семье есть свои специальные чепуховые словечки, свой собственный шифр, мелкие дурацкие шутки, непонятные никому из посторонних.

У нас — только у меня с Леннартом — был чудный миг вручения рождественских подарков. И мы читали свои остроумные стишки² друг другу и, сидя перед огнем, восхищались всеми нашими рождественскими подарками, а я пробовала, как пишет моя красная, краснющая авторучка. А Леннарт рассматривал оригинальный галстук, который я ему купила, и тихо читал сочиненный для меня стишок:

Сочельника у нас в этом году не будет больше. Грустно!
Он был уже всего лишь пару дней назад.

Однако принесли мне радость не одни лишь вещи,
но и чувства.

Использую на Рождество подарков чудных ряд.

Не думаю, что стишки Леннарта были очень удачные. Но «майолика» доставила ему удовольствие.

¹ *Майолика* — изделие из художественной керамики.

² Стишки обычно читаются при вручении рождественских подарков.

XVI

ва изменилась! — сказал однажды вечером Леннарт, когда мы, отдыхая, болтали. — Что с ней?

— Не знаю, — ответила я. — В конторе мы едва осмеливаемся оказаться рядом с ней. А сегодня она плакала, когда адвокат показал ей письмо, в котором она назвала клиента «метрдотель» вместо «шталмейстер»¹.

— Раньше она бы нахихикалась вволю, — сказал Леннарт. — Нет, с ней что-то неладно!

— Она читает стихи, — сказала я, — и это самое ужасное! Стихи о страхе, о пустоте и ничтожности жизни — и все в этом роде. Подумай только, я говорю это о *Еве*!

— Ей надо пойти к врачу, — посоветовал Леннарт. — Возможно, это малокровие.

Я не думала, что у Евы малокровие, но больно было видеть такую печальную, изменившуюся Еву. Она не так часто, как прежде, заходила к нам, и когда я

¹ В шведском языке — похожие слова «hovmästaren» и «hovstallmästaren». Ева пропустила «stall», и значение слова изменилось.

спросила ее почему, она ответила: «Вы так невыносимо счастливы!»

По вечерам она большей частью сидела у себя дома — одна. Все эти мальчики, обычно бегавшие за ней, больше не показывались.

Однажды вечером я зашла к ней. Она сидела в темноте и о чем-то размышляла. Думаю, она плакала.

— Ева, что с тобой? — спросила я.

— Я переживаю кризис, — призналась она.

Но больше мне ничего из нее выжать не удалось.

— Начинаю думать, что у нее какая-то тайная любовная история, о которой я не знаю, — сказала я после этого Леннарту. — Возможно, она наконец серьезно влюбилась в кого-то, кто ей недоступен. А что если это ее шеф, адвокат?

— Это на нее похоже, — угрюмо заметил Леннарт. — У нее необычайная способность запутываться во всем.

Но однажды в серый холодный февральский день, когда мы с Евой возвращались домой из конторы по Биргерярлсгатан¹, мы увидели в нескольких шагах впереди нас Петера. Он шел не один. Рядом с ним в полурастаявшем грязном снегу семенило на гигантски высоких каблуках какое-то неприятное платиново-белокурое существо.

Ева резко остановилась и крепко вцепилась мне в руку. Мы молча стояли в ожидании, пока эта парочка не скрылась из виду.

— Нет, я не влюблена в него, — сказала мне в тот же вечер Ева. — По крайней мере я так не думаю. Но я пыталась все это время влюбиться в него и плакала, когда не удавалось. Потому что, видишь ли, он мне нравится. Мне никто так не нравился. А с тех пор как он перестал приходить, стало пусто и скучно! Мне так ужасно его не хватает.

¹ Улица Биргера Ярла в центре Стокгольма. Биргер Ярл правил Швецией с 1250 по 1266 гг.

— По описанию можно было бы сделать вывод, что ты немного влюблена, — констатировала я.

— Если бы!.. — воскликнула Ева. — Или, вернее говоря... да, теперь ведь у него другая, так что, пожалуй, хорошо так, как оно есть. — Она тяжело вздохнула: — Ходишь тут, смотришь на тебя с Леннартом и думаешь, что так, возможно, было бы и со мной, не будь я такая дура... О, лучше бы вообще не родиться! Помолчав немного, она добавила: — Но если бы эта белокуро-платиновая сорока оказалась здесь, я бы ее укусила.

Зима... и жизнь... продолжались. Февральский мрак тяжело навис над Стокгольмом и надо мной. Я начала уже страстно тосковать по весне. По весне, солнцу, цветам и обновленной фигуре. Моя теперешняя казалась такой неуклюжей.

Я оставила работу и в час расставания почувствовала настоящую грусть. Я работала в этой конторе четыре года, и нам было так весело!

— О, как будет пусто без тебя, — вздохнула Агнета.

— Я буду навещать вас иногда, — пообещала я.

— Это совсем другое, — сказала Барбру. — Нет, ты для нас потеряна, Кати!

Я в самом деле чувствовала себя немного потерянной, в последний раз уходя из конторы.

Но я неудержимо наслаждалась первые дни оттого, что не надо было бежать сломя голову из дому незадолго до девяти часов утра. У меня появилась привычка смотреть на часы... в это время я должна была быть на площади Стуреплан... теперь я сидела бы за машинкой! А тут я расхаживала, чувствуя себя женщиной, купающейся в роскоши. Это было чудесно!

Да, конечно! Но часы тянулись так медленно... Весь день был одним сплошным ожиданием минуты, когда вернется домой Леннарт. Время от времени я поглядывала на часы, а если он когда-нибудь хоть чуточку

опаздывал, я чувствовала себя обманутой. Я пыталась быть разумной, но мне это не удавалось. Я утешала себя тем, что все будет иначе, когда родится ребенок. Тогда каждый час будет полон содержания.

Я начала сильно уставать и, похоже, была не в силах что-нибудь делать.

— Нам нужна помощница по дому, — сказал Леннарт. — Все равно она потребуется потом, и чем раньше ты наймешь ее, тем лучше!

Я попыталась, но никого не нашла.

— Помощницу по дому не отыскать, — пожаловалась я Леннарту.

— Ничего, дадим объявление, — сказал он и написал экспромтом предложение о работе, которое тут же прочитал: — «Требуется помощница по дому, два-три часа ежедневно, сейчас или позднее, мужчина или женщина...»

— Живые или мертвые, — добавила я. — Нет, спасибо, только не мужчина!

Звонили многие, и все мне очень не нравились. Потому что я практически не могла слова вставить. Разговор все время вели они. Велика ли плата? Велика ли квартира? Надеюсь, нет детей? Последний вопрос раздражал меня больше всего! Какое дело той, что будет убирать квартиру, есть дети или нет? А одна спросила: «Надеюсь, собаки у вас нет?» Она, мол, не любит детей и собак, от них такой шум.

— Так у вас нет собаки? — повторила она.

— Нет, но есть дверь, которая скрипит! — ответила я.

В конце концов, когда я уже разозлилась по-настоящему, раздался звонок, и тонкий ворчливый голосок произнес:

— Меня зовут фрёкен Карлссон, я ищу место!

— Думаю, фрёкен Карлссон, у нас вам не подойдет! — предупредила я. — Плата маленькая, обращение скверное, я ручаюсь, и дверь у нас скрипит, и

у нас появится ребенок, который, вероятно, будет целыми днями кричать.

— У вас будет ребенок? — спросила фрёкен Карлссон.

— Да, представьте себе! — яростно воскликнула я. — Если бы не это, я бы убирала сама!

В трубке раздался тонкий старушечий смешок.

— Да, ну тогда я приду, — заявила фрёкен Карлссон.

Она так и сделала, и понравилась мне с самого начала. У нее был удивительный хитроватый юмор, проявлявшийся самым неожиданным образом.

— А кроме того, она убирает квартиру, как архангел! — восхищенно заявила я Леннарту.

— Учти, — заметил Леннарт, — архангелы обычно справляются с ключьями пыли!

Фрёкен Карлссон приходила каждый день на два часа. Она успевала сделать почти все. Я только шила платица для новорожденного, и действительно, было уже пора.

Однажды днем я, переваливаясь, спустилась вниз с лестницы и пошла на прогулку. Я тяжело шагала по снежной слякоти Эстермальма, чувствуя себя на двадцать лет старше. Иногда меня безумно тянуло обратно в контору. Как-то в полдень я зашла в нашу ближайшую молочную. Там на стене висел календарь, возвещавший, что сегодня 26 февраля. Этой даты я никогда не забуду. Всю свою жизнь я не забуду этой даты.

Продавщица за прилавком, внимательно изучавшая меня, понимающе глядя, сказала:

— Думаю, скоро уже срок?..

— Да, надеюсь, — ответила я.

Никаких покупателей в этот момент в магазине не было, а она была чрезвычайно болтлива.

— Да, фру Сундман, надеюсь, у вас все будет хорошо, — сказала она. — Хотя ведь в первый раз всегда бывает хуже всего.

— Вероятно, это так, — согласилась я и почувствовала, что во мне что-то дрогнуло.

— Да, в первый раз хуже всего, — заверила она, желая убедиться в том, что я ей поверила.

Затем она пустила в ход небольшой веселый рассказ о родильных горячках, и кесаревом сечении, и прочих прелестях, случившихся только в кругу ее ближайших знакомых. Я попыталась защищаться, но ничего не вышло. Я тяжело прислонилась к прилавку, сердце так беспокойно колотилось у меня в груди!

— Но у вас, фру Сундман, у вас все будет хорошо, — сказала она, окинув меня взглядом, явно выдававшим ее мысли о том, что, возможно, выкарабкаться для меня существует один шанс из тысячи.

Но потом она кое-что еще прибавила. Кое-что кошмарное!

— В прошлом году моя сестра родила мальчика, — сказала она. — Сестра и ее муж так переживают за него! Они думают, что с ним, с его головой, не все в порядке.

Тут я, схватив бутылку молока, кинулась бежать.

На улице большими мокрыми хлопьями падал снег. Я подняла лицо, и он падал мне на глаза, горевшие от слез и страха: ведь мне не родить здорового ребенка!

Никогда мои четыре этажа не были так тяжелы для меня. Малютка, появляйся скорей на свет, я не в силах дольше носить тебя! Появляйся скорее, чтобы я увидела: ты нормальное, хорошо сложенное малое дитя! Я схватилась за перила с такой силой, что косточки побелели. Подумать только... подумать... нет, нет, только не мое дитя, сжался... только не мое дитя!

Мои руки дрожали так, что я едва могла сунуть ключ в скважину английского замка.

На диване в общей комнате лежала маленькая рубашка — мягкая белая мужская рубашечка с вышитой полоской на воротничке. Я села на диван и стала ее разглядывать. Ткань такая приятная, она не должна раздражать твою нежную кожу. Я сделала такие тонкие,

маленькие швы. Я связала тебе и маленькую шапочку, и теплую маленькую кофточку, которую надену на тебя, когда мы выйдем погулять на солнышко. Но подумать только... подумать... нет, смилостивись! Да, но *подумай*! Будет ли смысл выходить тогда с тобой на солнце? Будет ли какой-то смысл в том, чтобы дарить тебе солнце, и любовь, и заботу, и уход, и подобающую тебе пищу, так чтобы твое личико лоснилось от здоровья, а ручки и ножки стали пухлыми и округлыми? Всего этого требует лишь твоя бессодержательная, пустая жизнь... не лучше ли для тебя не жить вовсе, если ты все же не сможешь воспринимать хоть частицу красоты и любви, окружающей тебя?

Теперь я это знала. Я знала *это*... У меня не будет нормального ребенка, никогда... никакого... Пустыми глазами обвиняюще смотрело на меня бедное, достойное жалости маленькое существо, которое не просило, чтобы ему дали возможность появиться на свет. Бедняжка, во всяком случае, я — твоя мать, у тебя есть мать, которая любит тебя, хотя ты этого не можешь понять, ничего понять не можешь вообще! О, тебе придется всю свою жизнь провести в вечной пустоте!

Возможно, существует другой мир, где такие, как ты, пробуждаются, озаренные светом и сиянием, и там они — маленькие розовые нормальные дети с веселыми глазками и смеющимся ротиком! Мы пойдем туда вместе, ты и я, я последую за тобой, не бойся... это не тяжело. Я заключу тебя в свои объятия, мы спустимся прямо вниз, в Юргордбрунвикен, а потом — мы уже там, там, мой любимый!

О король, если места хватает
на полянах твоих для игр и затей,
где цветенье свой мед разливает
и манит на травы детей,
то к тебе приведут дороги
всех, кто хилы, бедны, убоги,

всех, кого ты из нищеты и грязи поднял,
всех, кого обогрел и понял, —
всех, кто ждал у твоих ворот¹.

Я тихонько прочитала эти строки про себя и горько заплакала. О король, мое дитя тоже, мое дитя тоже ждет тебя у твоих ворот. Позволь поиграть ему на твоих полянах Блаженства. Тебя молит об этом отчаявшаяся мать!

26 февраля! Я никогда не забуду этот день! Как я была одинока и несчастна, как тосковала по Леннарту, как терзалась!

Во всем доме стояла тишина, лишь откуда-то доносилось легкое бречание, кто-то играл на пианино. Если бы не это бречание, я бы решила, что, кроме меня, на всей планете больше никого нет.

Снег все падал и падал. Стоя у окна, я моргала ресницами, пытаюсь смахнуть слезы, я выбегала в кухню, я заходила в «детскую», где уже стояла маленькая белая кровать... Нет, нет, смилостивись надо мною... я не в силах видеть эту кровать теперь... и почему, почему, *почему* не приходит домой Леннарт?

Он пришел, и я, словно огромный тяжелый жернов, повисла у него на шее и, вся в слезах, призналась, что не рожу ему нормального ребенка!

Он огорченно покачал головой и сказал:

— С малышом все будет в порядке. Гораздо хуже с его бедной матерью... нет, дорогая моя Кати, не плачь!

Но что бы он ни говорил, ничто не помогало. Он утешал меня. Он ругал меня. Он всячески уговаривал

¹ Из стихотворения знаменитого шведского лирика, лауреата Нобелевской премии (1931, посмертно) Карлфельдта Эрика Акселя (1864—1931) «Отец» (из сборника «Песни Фридолина», 1898). Пер. М. Яснова. В стихотворении рассказывается об отце, который стоит возле поляны, где играют мертвые дети, и пытается различить смех своего умершего ребенка.

меня, но я раз и навсегда решила, что нормального ребенка у меня не будет...

Однако постепенно ко мне вернулся разум. В мою душу прокрался колеблющийся луч надежды, и я почувствовала, что спазм в груди начинает отпускать. Завтра, возможно, я буду над этим смеяться.

— Если у кого-то и будут по-настоящему здоровые дети, так это у тебя, — сказал Леннарт. — Целая орава крепких, как маленькие летние яблоки, детишек.

— Кроме этого, ни одного у меня не будет! — сказала я, упрямо сжимая губы.

— Да ты что! — воскликнул Леннарт. — Раньше ты говорила, что их у тебя будет четверо!

— Я передумала, — злобно возразила я. — Нет, конечно, я не хочу четверых детей! Согласно статистике, каждый четвертый новорожденный — китаец, и я не думаю, что братья и сестры будут добры к нему.

Леннарт засмеялся и сказал:

— А кроме одного, ты больше других несчастных детей сегодня не выдумала?

— Нет, хватит того, что есть, — сказала я.

Потому что я не посмела сказать Леннарту, что меня уже давно мучит навязчивая идея, в которой продавщица магазина была совершенно не виновата. Я думала, у меня будут близнецы, а еще вероятней, тройняшки. Невозможно стать такой огромной, как я, и родить только одного ребенка. Медицинская наука может ошибаться. Я долго носилась с гложущей меня мыслью, что вернусь домой после родов с тремя ревушими малютками. Ой, вот беда, где найти им всем место! Но по сравнению с ужасными фантазиями, мучившими меня весь этот длинный страшный день, перспектива стать матерью тройняшек была просто радующей. И я решила ни одной минуты больше не горевать. Теперь я хотела только радоваться, и хорошо пообедать вместе с Леннартом, и верить, что все прекрасно в этом лучшем из миров.

Но только мы кончили обедать, Леннарт вдруг сказал:

— Послушай-ка, послезавтра мне надо съездить в Мальмё!¹

Ох, не следовало бы ему об этом говорить! Только не сейчас, не раньше, чем мои чувствительные нервы успокоятся! Увидев, в каком я ужасе, Леннарт, утешая меня, сказал:

— Любимая, я ведь успею вернуться домой задолго до того, как с тобой что-нибудь случится!

Где ему знать об этом! Ребенок может родиться преждевременно, об этом ведь приходится иногда слышать! И еще, пожалуй, думалось, что в час испытания мне придется быть одной.

— Поезжай! — с горечью сказала я. — Я пришлю тебе телеграмму!

— Какую еще телеграмму? — спросил Леннарт.

— Родила тройню, скольких утопить? — ответила я и, плача, встала из-за стола.

— Все женщины такие, когда им предстоит родить ребенка? — спросил позднее Леннарт.

Мы сидели у огня, и я наконец успокоилась. О, Леннарт был так добр ко мне! Он сварил мне кофе и, болтая, уничтожил все мои горести, и мы радовались нашему здоровому великолепному ребенку, который скоро родится.

В дверь позвонили. Я открыла, и кто предстал предо мною, кто, как не Петер! С хлопьями снега на пальто и с самыми печальными в мире глазами!

— Я проходил мимо и не смог не заглянуть к вам! — объяснил он.

— О Петер, Петер, Петер! Как нам тебя не хватало! — повторяла я, прыгая вокруг него с грацией молодого слона.

¹ Крупный город на юге Швеции, в провинции Сконе, административный центр лена Мальмёхус.

— Вы, вероятно, одни? — спросил Петер.

— Да, не беспокойся, — ответила я и потянула его к огню, где Леннарт принял его словно брата, по которому давно тосковал.

Хорошо, что Петер снова сидел в своем обычном углу на диване. Но вид у него был встревоженный и какой-то неприкаянный. Он похудел. О Ева, если бы ты не была такой бессердечной!

Я вспомнила о той платиновой блондинке, с которой мы его встретили, и мне захотелось побольше узнать о ней.

— С какой красивой дамой ты обедал в «Riche», — лукаво сказала я.

Петер удивился и стал, видимо, напрягать память.

— А, она! — воскликнул он. — Это не дама, это владелица типографии из Гётеборга¹. Если бы вы знали, какой печатный станок я продал во время этого обеда!

Выпив кофе, он попытался шутить, как в былые времена, но не получалось. Не было ему весело!

— А вы не думаете, что мне вас тоже не хватало? — сказал он. — Я так тосковал по этому углу дивана, что чуть не сошел с ума. А как вообще-то *она* поживает?

— Спасибо! — ответила я, но не успела больше вымолвить ни слова.

Мы услышали сигнал бедствия, звонили словно бы на пожар... Ошибки быть не могло, так звонил в нашу дверь только один-единственный человек.

Петер приподнялся и глубоко вздохнул.

— Сиди, я открою! — сказал Леннарт.

— Нельзя ли кандидату в самоубийцы ненадолго обрести здесь приют? — услышали мы голос Евы в тамбуре.

¹ Крупный город на юго-западе Швеции, административный центр лена Гётеборг-Бохус.

— О да, вполне возможно, — ответил Леннарт. — Мы еще не до конца разочаровались в жизни.

Ева вошла и увидела Петера. Он поднялся и посмотрел на нее взглядом, который мог заставить человека плакать кровавыми слезами. Ева побежала к нему, но остановилась на расстоянии двух шагов... Лицо ее было совсем белым как мел. Никто не произнес ни единого слова.

— Мы с Леннартом ненадолго выйдем, — предупредила я. — У меня был тяжелый день, и мне нужно подышать воздухом.

Они меня не слышали. Они ничего не слышали и не видели.

Мы оделись и тихо и молча выскользнули из квартиры. Снегопад прекратился, и вокруг все было чисто и бело. Так хорошо пахло снегом. Машины, припаркованные вдоль тротуара, были покрыты большими белыми пушистыми капюшонами снега.

— Ходим тут, а ничего поделать не можем. Ничего, кроме как только желать, желать, желать... — сказала я. — О Леннарт, я так желаю, чтобы эти двое... у меня просто душа болит...

— Думаешь, я не желаю того же, — поддержал меня Леннарт.

Мы все ходили, ходили и ходили. В конце концов я больше не выдержала.

— Как, вы уже вернулись? — спросил Петер.

— А ты надеялся, что мы обойдем вокруг всего озера Меларен?.. — вопросом на вопрос ответил Леннарт.

Но Ева прервала его, сорвавшись с колен Петера, она воскликнула:

— Кати, он мне так жутко нравится, должно быть, я влюбилась, тебе не кажется? Скажи, что ты тоже так думаешь!

Петер смотрел на нее, смертельно серьезный.

— Мне нет дела, влюблена ты в меня или нет, — произнес он, — мне нет дела до того, чем ты занимаешься, мне вообще ни до чего нет дела, но я тебя никогда больше не отпущу.

И он обнял Еву, и вид у него был такой счастливый, что просто за душу хватало.

Ева, склонив голову к лацкану его куртки, с облегчением вздохнула:

— Мне кажется, что я как будто долго отсутствовала и только сейчас вернулась домой. Точь-в-точь так бывает, когда я долго живу в Стокгольме, а потом возвращаюсь в Омель.

— Но предупреждаю, — заявил Петер чуть позднее вечером, — я застрелю каждого парня, который только приблизится к тебе.

— Пожалуй, тебе лучше приобрести пулемет, ра-та-та-та! — посоветовала Ева.

Но тут лицо Петера стало таким печальным, что Ева, быстро посерьезнев, сказала:

— Петер Бьёркман, обещаю тебе, пулемет не понадобится! — и нежно погладила его по щеке. — Обойдешься и маленьким игрушечным пугачом, — добавила она.

Мы сидели вокруг огня и были такими добрыми друзьями, и жизнь нам улыбалась. Свет огня падал на белокурые волосы Евы, ее глаза блестели, и она казалась такой милой и счастливой. Петер время от времени бил себя по лбу и восклицал:

— Я не верю! Нет, не верю!..

Ты ошибаешься, Петер, ты ошибаешься! Надо верить, что есть на свете любовь, и что придет весна, и что маленькие дети будут здоровые и крепкие, как летние яблоки, и что Леннарт прав, когда говорит: смысл жизни в том, чтобы быть счастливым!

26 февраля был беспокойный и напряженный день. Думаю, моему ребенку тоже так показалось.

Я проснулась посреди ночи, ребенок разбудил меня. Я лежала некоторое время в темноте и весело насвистывала. В конце концов проснулся и Леннарт.

— А что *теперь*? — беспокойно спросил он. — Ты что, по-прежнему все так же сходишь с ума?

— Я насвистываю, потому что радуюсь, — сказала я. — Я только радуюсь и ни капельки не боюсь. А теперь — отправимся в путь. Ты ведь собирался ехать в Мальмё?

И прежде чем вызвать машину, мы протанцевали вместе наш молчаливый танец радости.

— Возвращайся скорей ко мне домой, Кати! — сказал Леннарт, и беспокойство прозвучало в его голосе.

XVII

ой сын лежит у меня на руке — такая слабая, крошечная тяжесть, ее почти никак не ощущаешь. И все же вес ее гораздо больше, чем вес земли, и небес, и звезд, и Солнечной системы.

Если мне сегодня суждено умереть, у меня останется воспоминание от этой сладостной крошечной тяжести, воспоминание, чтобы взять его с собой в рай... Я прожила жизнь не напрасно!

Мой сын лежит у меня на руке. У него такие маленькие-премаленькие ручки. Одна из них обхватила мой указательный палец, и я не смею шевельнуться. Возможно, он тогда отпустит мой палец, а это будет невыносимо. Эта крохотная ручка с пятью крохотными пальчиками и пятью крохотными ноготками — неземное, небесное чудо!

Я ведь знала, что у детей есть руки, но, разумеется, не понимала по-настоящему, что у моего ребенка тоже будут такие. Ведь я смотрю на этот маленький розовый лепесток — ручку моего сына — и не перестаю удивляться.

Он лежит с закрытыми глазками, прижавшись носиком к моей груди, его головка покрыта черным пушком, и я слышу его дыхание. Он — чудо!

Его отец уже был здесь и тоже считает его чудом. Да малыш и *должен* быть чудом, раз мы оба так считаем.

Недавно он, мой сын, немного поплакал. Его плач напоминает жалкий писк котенка, и я с этим чувством нежности к нему почти не в силах слышать этот плач, так мне больно! Как ты беззащитен, мой маленький котенок, мой птенчик, как мне защитить тебя? Мои руки крепче обвивают тебя. Они ждали тебя, мои руки, они с самого начала были предназначены именно для того, чтобы быть твоим гнездом, мой птенчик!

Ты — мой, я теперь тебе нужна! В этот миг ты абсолютно мой. Но скоро ты начнешь расти. С каждым днем ты будешь все больше отдаляться от меня. Никогда не будешь ты так близок мне, как теперь. Быть может, когда-нибудь я с болью в душе буду вспоминать этот час.

«Как жалобный звук струн скрипки, как зов птицы-пигалицы¹ на вересковой пустоши, несется по всему миру, населенному людьми, их тоска по другим людям. Наиболее смиренно и глубоко тоскуют родители о детях, которых законы жизни призвали к отношениям с другими людьми» — так написано в одной из моих книг.

Сейчас у тебя есть только я, но, разумеется, законы жизни призовут и тебя к отношениям с другими людьми. И тогда я, быть может, превращусь в такую птицу-пигалицу с вересковой пустоши, тщетно взывающую к своему птенцу. Птенцам необходимо расти, становиться большими, я знаю, так должно быть.

Но именно сейчас ты у меня есть. Ты мой, мой, мой — с твоей покрытой пушком головкой, с твоими нежными маленькими пальчиками, и твоим жалобным плачем, и твоим ротиком, жаждущим материнского молока. Ты нуждаешься во мне, так как ты всего лишь маленький бедный мальчуган, который только что явился на эту

¹ Чибис.

землю и не может обойтись без матери. Ты даже не знаешь, куда явился, быть может, поэтому твой плач звучит так потерянно. Ты боишься начать жить, ты ведь не знаешь, что тебя ожидает? Хочешь, я расскажу тебе?

Здесь на земле столько необыкновенного, подожди немного, и ты увидишь! Здесь яблони в цвету, и маленькие тихие озера, и большие бескрайние моря, и звезды, и ночь, и прозрачно-голубые весенние вечера, и леса, разве это не прекрасно, что есть леса? А порой иней на деревьях. Иногда светит месяц. Летом, когда просыпаешься, трава покрыта росой, и тогда ты можешь ходить босиком своими маленькими ножками. Ты можешь ехать по узкой одинокой лыжне прямо в лес... естественно, когда наступает зима! Тебе понравится солнце, оно греет и светит! А когда купаешься, вода в море прохладная и сладостная.

В мире есть сказки и песни, есть книги и люди, некоторые из них станут твоими друзьями! Есть цветы, и нужны они только для того, чтобы быть красивыми. Разве это не удивительно и не весело?

А по всей земле разбросаны леса, и озера, и горы, и реки, и города, которые ты никогда не видел, но, быть может, когда-нибудь увидишь!

Поэтому говорю тебе, сын мой, что земля — прекрасное место для того, чтобы жить на ней, а жизнь — дар, и никогда не верь тем, кто пытается сказать что-то другое! Правда, жизнь бывает порой тяжелой, я не стану скрывать это от тебя. На твою долю выпадут горести, ты будешь плакать. Быть может, наступят такие часы, когда тебе не захочется больше жить.

О, ты никогда не поймешь, каково мне знать об этом! Я отдала бы свою душу за тебя, но не могу отвести от тебя ни одну из бед, что тебя ожидают! И все-таки говорю тебе, дитя мое, *земля — дом человека, и дом удивительный!* Пусть жизнь будет к тебе настолько справедливой, чтобы ты понял это. Да защитит тебя Бог, мой сын!

Примечания

Предисловие Л. Брауде «Кати путешествует» впервые печатается в настоящем издании. Мелкие фрагменты о книгах «Кати в Америке», «Кати в Италии» и «Кати в Париже» содержались в статье Л. Брауде «Астрид Линдгрен детям и юношеству» (М.: Детская литература, 1969. С. 103—134).

«Кати в Америке» («Kati i Amerika»). Повесть. Впервые на шведском языке: Stockholm. Albert Bonniers Förlag, 1950.

Перевод осуществлен по первому шведскому изданию.

«Кати на улице Каптенсгатан» («Kati på Kaptensgatan»). Повесть. Впервые на шведском языке: Albert Bonniers Förlag, 1952.

В 1971 г. книга опубликована также издательством Rabén-Schögren под названием «Кати в Италии» («Kati i Italien»).

Перевод осуществлен по изданию 1971 г.

«Кати в Париже» («Kati i Paris»). Повесть. Впервые на шведском языке: Albert Bonniers Förlag, 1953.

В 1972 г. книга опубликована также издательством Rabén-Schögren.

Перевод осуществлен по изданию 1953 г.

Составила Людмила Брауде

Содержание

КАТИ ПУТЕШЕСТВУЕТ. <i>Л. Брауде</i>	5
Кати в Америке	13
Кати в Италии	163
Кати в Париже	323
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>Л. Брауде</i>	489

Литературно-художественное издание

АСТРИД ЛИНДГРЕН
Собрание сочинений в 10 томах
ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАТИ

Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Татьяна Виноградова
Верстка Алексея Положенцева
Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 12.08.2002. Формат издания 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 31. Изд. № 134. Заказ № 1071.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство «Азбука» представляет

Серия «ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ»

Очень хочется верить в то, что книги будут сопровождать наших детей всегда. Когда они были маленькими, мы читали им Чуковского и Маршака, позже они, уже сами, зачитывались историями о Карлсоне, Винни-Пухе, Алисе, Томе Сойере. И вот дети выросли. Им тринадцать, четырнадцать... И сейчас им нужны книги, которые помогут вовремя повзрослеть, представить свое место в новом, «взрослом» мире. Увлекательные книги, написанные мудрыми взрослыми, не забывшими, что они когда-то были детьми и подростками.

**Джон Апдайк
КЕНТАВР**

Джона Апдайка в Америке нередко называют самым талантливым и плодовитым писателем своего поколения. Он работает много и увлеченно во всех жанрах: пишет романы, рассказы, пьесы и даже стихи (чаще всего иронические). Апдайк — прозаик, удостоенный многих престижных и литературных премий, среди них Высшая премия Национального объединения литературных критиков, Пулитцеровская и Американская книжная премии.

«Кентавр» — лучший, наиболее известный роман писателя. В нем много автобиографического, хотя он озадачивает своей необычностью, ибо здесь сплелись воедино древнегреческие мифы и действительность. Отождествляя своего героя с кентавром, писатель словно бы поднимает его будничные проблемы на уровень вечных тем.

КНИГА — ПОЧТОЙ: (812) 268-90-93; СПб, 192236, а/я 300

Серия «ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ»

Очень хочется верить в то, что книги будут сопровождать наших детей всегда. Когда они были маленькими, мы читали им Чуковского и Маршака, позже они, уже сами, зачитывались историями о Карлсоне, Винни-Пухе, Алисе, Томе Сойере. И вот дети выросли. Им тринадцать, четырнадцать... И сейчас им нужны книги, которые помогут вовремя повзрослеть, представить свое место в новом, «взрослом» мире. Увлекательные книги, написанные мудрыми взрослыми, не забывшими, что они когда-то были детьми и подростками.

Харпер Ли УБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА...

Роман Харпер Ли «Убить пересмешника...» имел оглушительный успех, был переведен на десятки языков мира и продолжает издаваться. «Убить пересмешника...» — это книга, которую, прочитав в юности, читаешь и перечитываешь всю жизнь. И это не удивительно, ведь приключения девочки по прозвищу Глазастик и ее старшего брата Джима и драматические события, которые им приходится пережить в маленьком южном американском городке в 1935 году, помогают лучше разобраться в собственной жизни, где бы и когда бы вы ни жили. И еще эта книга учит мужеству, которое не имеет ничего общего с весьма популярным ныне образом человека с пистолетом в руке. Мужество, как считает отец Джима и Глазастика, состоит в том, чтобы, зная, что скорее всего потерпишь поражение, все равно браться за дело и доводить его до конца.

Серия «ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ»

Очень хочется верить в то, что книги будут сопровождать наших детей всегда. Когда они были маленькими, мы читали им Чуковского и Маршака, позже они, уже сами, зачитывались историями о Карлсоне, Винни-Пухе, Алисе, Томе Сойере. И вот дети выросли. Им тринадцать, четырнадцать... И сейчас им нужны книги, которые помогут вовремя повзрослеть, представить свое место в новом, «взрослом» мире. Увлекательные книги, написанные мудрыми взрослыми, не забывшими, что они когда-то были детьми и подростками.

Джером Сэлинджер НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ

Холден Колфилд, герой романа «Над пропастью во ржи», в свои 16 лет уже не ребенок и еще не взрослый, свободен и от опеки, и от ответственности. По родному Нью-Йорку он бродит как по пустыне; совсем близко от дома — отчаянно бездомный. Мельчайшее проявление фальши или эгоизма, привычной пошлости или подлости вызывает у него бурную, болезненную реакцию. С другой стороны, тот же благородный этический максимализм делает героя совершенно неприспособленным к действительной жизни.

С момента первой публикации прошло более 50 лет, но история Холдена Колфилда, рассказанная им самим, и по сей день тревожит сердца читателей, заставляя задуматься о собственной жизни.

Серия «ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ»

Очень хочется верить в то, что книги будут сопровождать наших детей всегда. Когда они были маленькими, мы читали им Чуковского и Маршака, позже они, уже сами, зачитывались историями о Карлсоне, Винни-Пухе, Алисе, Томе Сойере. И вот дети выросли. Им тринадцать, четырнадцать... И сейчас им нужны книги, которые помогут вовремя повзрослеть, представить свое место в новом, «взрослом» мире. Увлекательные книги, написанные мудрыми взрослыми, не забывшими, что они когда-то были детьми и подростками.

Рэй Брэдбери ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

В творчестве и литературной судьбе Рэя Брэдбери немало парадоксального. Он прославился своими фантастическими произведениями, но по праву считается классиком «большой литературы». Он одним из первых воспел технический прогресс, но в жизни всем средствам передвижения предпочитает велосипед. К его книгам мы обращаемся в юности, но неизменно возвращаемся в зрелые годы. Писателю чудесным образом удалось, по его собственному определению, остаться человеком «с ребенком внутри». И потому, читая его книги, мы подчас возвращаемся в удивительный мир детства, подобно тому как маленькие герои повести «Вино из одуванчиков» заново переживают холодной зимой дни прошедшего лета.

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»
ОБРАЩАТЬСЯ**

Санкт-Петербург: *издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56,
факс 327-01-60*

*ООО «Русич-Сан»
тел. (812) 589-29-75*

Москва: *ООО «Азбука-М»
тел. (095) 911-99-74
ООО «ИКТФ Книжный клуб
36,6»
тел. (095) 265-81-93*

Екатеринбург: *ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75*

Новосибирск: *ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28*

Саратов: *ООО «Читающий Саратов плюс»
тел. (8452) 50-88-44*

Хабаровск: *ООО «МИРС»
тел. (4212) 22-74-58, 22-73-30*

Челябинск: *ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52*

INTERNET-МАГАЗИН

*Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
<http://www.ozon.ru/>*

КНИГА — ПОЧТОЙ

*ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300
тел.: (812) 268-90-93; e-mail: postbook@areal.com.ru*

ISBN 5-352-00134-2

9 785352 001349